А. В. БОЛОТОВЪ

СВЯТЫЕ И ГРѢШНЫЕ

ВОСПОМИНАНІЯ БЫВШАГО ЧЕЛОВѢКА

«ФРАНКО-РУССКАЯ ПЕЧАТЬ»

ПАРИЖЪ

А. В. БОЛОТОВЪ

СВЯТЫЕ И ГРѢШНЫЕ

ВОСПОМИНАНІЯ БЫВШАГО ЧЕЛОВѢКА

«ФРАНКО-РУССКАЯ ПЕЧАТЬ»
ПАРИЖЪ

Тип. «Франко-Русская Печать», 216, Bd Raspail, Paris

Знайте же, что ничего нѣтъ выше, и сильнѣе, и здоровѣе, и полезнѣе впредь для жизни, какъ хорошее какое-нибудь воспоминаніе, и особенно вынесенное еще изъ дѣтства, изъ родительскаго дома... И даже, если одно только хорошее воспоминаніе при насъ останется въ нашемъ сердцѣ, то и то можетъ послужить когда-нибудь намъ во спасеніе.

Достоевскій.

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Приступая къ изданію моихъ воспоминаній, этой лебединой пѣсни моей, увы, уже прожитой жизни, этихъ строкъ, навѣянныхъ грустью о миломъ, безвозвратно прошедшемъ времени и о моей безцѣнной и вѣрной подругѣ, нынѣ покойной, женѣ, этомъ чудномъ воплощеніи добраго стараго времени, тонкаго воспитанія, скромности и безпредѣльной преданности жизненному и нравственному долгу; о погибшихъ, дорогихъ друзьяхъ, а, главное, о безслѣдно исчезнувшемъ, канувшемъ въ Лету, дворянскомъ бытѣ, въ этихъ богатыхъ помѣстьяхъ и скромныхъ, но уютныхъ усадебкахъ, гдѣ въ деревенской тиши, на просторѣ необъятныхъ степей, привольныхъ и хлѣбородныхъ полей и дремучихъ лѣсовъ постепенно созидался и выковывался тотъ могучій русскій духъ, который превратилъ Царство Московское въ Великую Россійскую Имперію.

Я считаю эти строки лишь канвой, по которой со временемъ, если удастся, я постараюсь понемногу возстановить полную картину русской былой жизни и нарисовать болѣе выпуклые и яркіе портреты добрыхъ друзей и различныхъ русскихъ дѣятелей, и поэтому, да не посѣтуютъ на меня читатели за краткость изложенія, я хотѣлъ пока подѣлиться возможно большими и разнообразными впечатлѣніями и дать, хоть

вкратцѣ, но наглядную картину русскихъ красотъ и русской шири.

Въ то же время я заранѣе предупреждаю, что считаю всякое замалчиваніе, или смягченіе фактовъ, или характеристики государственныхъ и политическихъ дѣятелей теперь совершенно недопустимыми.

Мы своими страданіями пріобрѣли право откровенно излагать свое мнѣніе и, только правдиво отмѣчая и хорошее и дурное, мы сохраняемъ право и на дальнѣйшее наше участіе въ русской жизни.

Можетъ - быть, я въ нѣкоторыхъ отзывахъ, или сужденіяхъ ошибаюсь, но, повторяю, я писалъ то, что знаю, что чувствую и то, что думаю, не кривя душой.

Бухарестъ
1923.
Августъ.

ГЛАВА I.

Бѣженское вступленіе и дѣтство.

Вступленіе. — Дѣтство. — Родные. — Приготовительные классы Правовѣдѣнья. — Орловское имѣніе и поѣздка туда. — Доходы Иверской иконы. — Пужское имѣніе. — Сельское духовенство. — Крестьянскіе нравы. — Цѣны на землю. — Заключеніе.

Я бѣженецъ, потерявшій все: и семью, кромѣ жены, и родныхъ, и имущество, и родовой уголъ, потерявшій родину и даже надежу ее вновь увидѣть. Я жалкій обломокъ русской государственности, русскаго богатства и былой русской мощи, слоняюсь съ мѣста на мѣсто: сперва Константинополь, волшебный съ Босфора, съ величественной, но изуродованной Софіей, съ попраннымъ христіанствомъ, грязный и вонючій внутри; очаровательные Принцевы острова съ восхитительной панорамой Константинополя по вечерамъ; мирная, благоустроенная, своеобразная и знойная Мальта съ замѣчательной гаванью, замысловато - оригинальными лодочками, чистенькой и несомнѣнно - интересной Валеттой съ великолѣпнымъ соборомъ, гдѣ поразительные, фламандскіе ковры съ изо-

---

Примѣчаніе : Первыя четыре главы, IX и XI (Валаамъ) написаны въ 1921 г., а остальныя въ 1923 г.

браженіями жизни Христа. Мальта со старинными, интересными дворцами Мальтійскихъ рыцарей и весьма странными черными нарядами мѣстныхъ женщинъ; Мальта наводненная, за немногими исключеніями, русской безшабашностью, безпорядливостью, неряшливостью и безудержностью. Сказочно поэтичная Сицилія съ бѣлоснѣжной и дымящейся красавицей Этной и столь же поэтичная и привѣтливо гостепріимная Италія съ богатой природой и бѣднымъ, грязноватымъ населеніемъ. Вѣчный городъ съ причудливыми и освѣжающими фонтанами, старинными, полутемными закоулками, грандіознымъ Св. Петромъ и таинственнымъ Ватиканомъ, и насмѣшливо глядящимъ на него съ высоты Яникула Гарибальди; вѣчный городъ съ великолѣпными и богатѣйшими дворцами, развалинами великана Коллизея, мутнымъ, грязнымъ и непригляднымъ Тибромъ съ погребенными въ немъ злодѣйствами и преступленіями, чуднымъ, обворожительнымъ, вѣчно-зеленымъ Пинчіо и множествомъ интереснѣйшихъ церквей и музеевъ; словомъ со всей увлекающей Васъ и неподдѣльной красотой исторической древности и съ придавленнымъ объединенной Италіей, но все - таки замѣтнымъ и отовсюду выглядывающимъ и о себѣ напоминающимъ, папствомъ. Затѣмъ прелестное, тихое, уютное, чарующее Белладжіо съ роскошной и разнообразной растительностью, красивыми и затѣйливыми виллами и то голубымъ, то зеленовато-бирюзовымъ Комскимъ озеромъ, окаймленнымъ сѣро-лиловатыми горами. Промелькнула порядливо скучная Швейцарія съ уродливыми женщинами, образцовой чистотой и благоустройствомъ; разоренная и оголодалая Австрія, вздыхающая о быломъ величіи и тайкомъ мечтающая о возстановленіи таковаго; бур-

лящая и чѣмъ то недовольная Юго - Славія; разбогатѣвшая и одурманенная успѣхами Румынія съ прелестнымъ, обворожительно - любезнымъ и тактичнымъ королемъ, очень красивой и популярной королевой и безтолковымъ правительствомъ. Промелькнула затѣмъ нравственно поднявшаяся и разоренная Франція. И всюду мелькаютъ, гдѣ безпечно веселыя рожи неунывающихъ россіянъ, а гдѣ грустно - подавленныя лица немногихъ вдумчивыхъ и пришибленныхъ судьбой и несчастіями родины мыслящихъ русскихъ людей. Кой гдѣ замѣтны сытыя рожи, не говорящихъ по украински, украинцевъ о чемъ то ратующихъ и въ мутной водѣ бушующаго русскаго моря для себя что - то улавливающихъ. И повсюду торжествующіе, повсюду и всѣмъ спекулирующіе, вездѣ развязные русскіе инородцы, главные дѣятели русской революціи, вредные микробы разъѣдавшіе русское могучее, но лѣнивое тѣло, микробы, превратившіеся во всесильныхъ банковскихъ и печатнаго слова пауковъ, временные правители европейской распродажи, государственнаго и частнаго аукціона, распродажи мнѣній, чести и чувствъ...

Да... А тамъ въ далекомъ прошломъ, на далекомъ, но миломъ и родномъ сѣверѣ, вспоминается уютный домъ зажиточной старой дворянской семьи, вспоминается хорошее, славное, но грустное лицо больного, паралечнаго отца, вспоминается благородная фигура въ бѣломъ чепцѣ съ лиловыми лентами, въ старомодныхъ нарядахъ, почтенной, умной, образованной, привѣтливой, разсчетливо-скуповатой, но всѣми глубоко уважаемой старушки - бабушки; вспоминается милое сморщенное личико добродушной ворчуньи, нами любимой Олящечки сперва гувернантки отца и его сестры, а потомъ бабушкиной неразлучной, преданной спут-

ницы. И вѣчно старушки спорили и расходились по своимъ угламъ, недовольныя другъ другомъ, забавно жалуясь, мило и безъ злобы. Вспоминается полный дядюшка и отцовскій другъ Николенька, съ выпученными, сердитыми глазами и французской бородкой, участникъ Севастопольской обороны, тверской помѣщикъ и старый либералъ; морякъ, весьма начитанный, добрѣйшій и сердечный человѣкъ, словоохотливый и смѣшливый, но страшный спорщикъ и порядочный обжора. Вспоминается милѣйшій оригиналъ въ вышедшихъ изъ моды, довольно засаленныхъ нарядахъ, рванной, гаденькой шинели дядюшка князинька Николай Евграфовичъ, бывшій губернскій предводитель, богомольный, набожный и богословски начитанный человѣкъ, неряшливо и скуповато жившій, но тайкомъ многимъ помогавшій. Вспоминается богобоязненная старуха Фекла, бабушкина ключница, «баба Фока», какъ мы съ сестрой ее въ дѣтствѣ называли, отлично намъ на ночь разсказывавшая сказки, большая мастерица на всякія соленья и варенья. Фекла восторгалась проповѣдями сельскаго священника, обладавшаго очень зычнымъ голосомъ и бывало придя изъ церкви приговаривала: «Ужъ такъ хорошо, такъ хорошо батюшка говорилъ».—«А про что онъ говорилъ?» — «Ну, ужъ этого не знаю, а очень хорошо». Вспоминается, наконецъ, моя милая, курносая вострушка сестренка, любимица всей семьи, скромная, веселая, всегда оживленная, всѣмъ довольная, постоянная и почти единственная подруга моего дѣтства, участница всѣхъ игръ.

Замужество не пришлось: беззаботно странствовала по заграницамъ, а теперь ни за что, ни про что подъ старость лѣтъ угодившая въ Московскую тюрьму; съ

мягкой постели на соломенный тюфякъ на полу, послѣ домашняго любанскаго сладкоѣденія, тарелка большевистскихъ щей и ломоть чернаго, гадкаго хлѣба. Вспоминается удивительно религіозная, строгая постница, немного шумливая и быстро раздражавшаяся, но всегда общительная и добрѣйшая мать, воспитанная въ роскоши, въ Московской богатой, барской семьѣ и скончавшаяся въ Петербургской больницѣ, испробовавъ передъ смертію сидѣнья на Гороховой. А гдѣ любимица молодежи, остроумная и оживленная кузина Муничка? Гдѣ вся Тульская богатая помѣщичья родня, семейно - родственная, хлѣбосольно - гостепріимная? Что они изъ предводителей и гусаръ попали въ сапожники и столяры? Гдѣ всѣ они русскіе хорошіе люди, да живы - ли, цѣлы - ли они?

Все это дорогое, но далекое преданіе, невозвратное, доброе, старое, беззаботное время, безпечное дѣтство! А теперь подкралась незамѣтно старость, одолѣли всякія болѣсти и будущее мрачно: никакой радости не ожидается и, увы, и не предвидится.

Не знаю интересна ли жизнь лишняго человѣка, жизнь самая обыкновенная, «буржуйная», какъ теперь говорятъ, съ шаблоннымъ воспитаніемъ и образованіемъ того счастливаго времени, когда не очень задумывались надъ будущимъ, когда все представлялось такъ просто, когда все давалось такъ легко. Сперва на рукахъ няньки Анны Ефимовны, хорошей, честной, но обидчивой и капризной старухи. Потомъ нѣмки, разныя толстыя Розаліи, да сухопарыя Вильгельмины, потомъ молодыя, вздорныя или старыя претенціозно - скучныя француженки и всѣ бездарныя.

Потомъ медики и богословы студенты, затѣмъ приготовительные классы Правовѣдѣнія съ чуднымъ са-

домъ и театрально - величественнымъ главнымъ воспитателемъ Егоромъ Феодоровичемъ Вегнеръ, допотопнымъ гоголевскаго типа, но хорошимъ математикомъ Волковымъ. Бывало онъ 11-лѣтнимъ мальчикамъ, если кто изъ нихъ вралъ, отвѣчая урокъ, говорилъ: «голова золотая, а ротъ г....» и добродушно, но больно хлопалъ линейкой по пальцамъ. Скучный и жесткій латинистъ Нейманъ, рыжій французъ Миллью и совершенно допотопный, недопустимый въ привелигированномъ заведеніи преподаватель русскаго и нѣмецкаго языковъ Василій Мартыновичъ Гоббе, чистенькій и аккуратный, но несомнѣнно выжившій изъ ума человѣкъ. Стоило только кому нибудь изъ шалуновъ при входѣ Гоббе въ классъ обратиться къ нему съ вопросомъ, какъ этотъ напомаженный и чуть ли не раздушенный старичекъ летѣлъ прямо въ уголъ и говорилъ громко, необыкновенно растягивая слова: «но избаа - ви на - съ отъ лука - ава - го» и постоявъ спиной къ ученикамъ съ минуту въ углу, садился на кафедру, тщательно обчистивъ стулъ платкомъ и расправлялъ свои бачки. И только тогда допускалъ обращеніе съ вопросами. «Не ко-о-вырять въ но-су, ло-опатки по-одарю» раздавалось съ кафедры и это повторялось ежедневно. Въ слѣдующихъ классахъ русскій языкъ преподавалъ Устьрѣцкій, скучный и сухой преподаватель, хотя отлично знавшій свой предметъ, но не умѣвшій заинтересовать своихъ учениковъ. Когда плѣшивый, съ черной бородой, Устьрѣцкій сходилъ съ кафедры, какъ то легко становилось на душѣ, такимъ холодомъ, такой черствостью и скукой вѣяло отъ этого несимпатичнаго человѣка. Законъ Божій преподавался Діакономъ Гефсиманскимъ, скромнымъ и рѣдкой доброты человѣкомъ. Я не помню, поставилъ ли онъ когда

нибудь ученикамъ дурной баллъ. Воспитателями были: выжившій изъ ума, любившій наушничество, но не злой Гоббе, Миллью, котораго почему то не любили и звали рыжей собакой и, можетъ быть, порядочный, но бурсацки грубый Алехинъ. При всѣхъ стремленіяхъ къ величественнымъ, театральнымъ эффектамъ и любви ко всякимъ фокусамъ, надо признать, что Вегнеръ былъ хотя плохой преподаватель исторіи, но очень хорошій, заботливый, во все вникавшій и умный воспитатель. Его не любили и боялись, но это былъ единственный человѣкъ, на которомъ при мнѣ держались приготовительные классы, Правовѣдѣнія, знавшій ввѣренныхъ ему мальчугановъ и зорко за ними слѣдившій. Милаго, симпатичнаго и сердечнаго доктора Василія Васильевича Витте, смѣнилъ, украшенный всѣми иностранными орденами и браслетами на рукахъ, почтенный лейбъ - медикъ Бубновъ. Не могу судить насколько онъ понималъ въ медицинѣ, но человѣкъ съ большой тоской относившійся къ своимъ обязанностямъ и всегда отъ всѣхъ болѣзней прописывавшій одно и тоже лѣкарство. Онъ производилъ впечатлѣніе человѣка, сдѣлавшаго свою карьеру и совершенно неинтересовавшагося медициной. Изъ дядекъ особеннаго вниманія заслуживалъ мрачнаго вида Николаевскій солдатъ Дивчуна, добродушный, грубовато - ворчливый, честный, заботливый, прекрасный старикъ, типъ, уже отошедшій въ вѣчность и теперь никѣмъ и ничѣмъ незамѣнимый. Бывало ложимся спать, а мой товарищъ и тогда уже задорный Булацель, что - то разглагольствовалъ. «Ну, Павелъ Федоровичъ, ложись - ка спать». «Ты сто, Дивчуна», вопрошалъ съ присвистомъ Булацель. «Не сто, а двѣсти,

отвѣчалъ старикъ, нечего, нечего, ложись - ка, батюшка».

Но не буду забѣгать впередъ, вспомню сначала свое дѣтство и жизнь не то что богатой, но зажиточной и обезпеченной дворянской семьи. Зима — въ Петербургѣ у Таврическаго сада въ старинномъ, деревянномъ помѣщичьемъ домѣ, гдѣ еще отецъ мой родился, съ садикомъ, бесѣдкой, мезониномъ и проч. Лѣто — въ Любани, подъ крылышкомъ у милой баловницы бабушки, прекрасной хозяйки, всѣмъ интересовавшейся и за всѣмъ слѣдившей старушки, съ благородной осанкой, плавной походкой и слѣдами прежней красоты.

Утромъ, бывало, прибѣжишь къ бабушкѣ въ кабинетъ, когда она , передъ своимъ стариннымъ краснаго дерева туалетомъ причесывалась и попивала чай со сливками изъ лиловой чашки. «Ты что, за кошачей порціей пришелъ», говорила, посмѣиваясь, старушка и мнѣ наливались на блюдечко густые съ пѣнками сливки и я, накрошивъ хлѣба, съ удовольствіемъ это проглатывалъ. И эти визиты съ перерывами продолжались чуть-ли не до 30-лѣтняго возраста. Только потомъ главную роль играли не сливки, а бесѣды съ бабушкой, разсказы ея про старину, про свою молодость, счастливое замужество, затѣмъ про дѣдушкину болѣзнь и смерть въ Марсели. Еще за нѣсколько дней до ея кончины я долго бесѣдовалъ съ милой бабушкой, слушалъ ея разсужденія про загробную жизнь, слушалъ ея, проникнутыя горячей любовью къ намъ, внукамъ, наставленія, дышавшія благородствомъ и фамильной честью.

На восьмомъ году отъ рожденія попалъ я на лѣто въ Орловскую губернію, гдѣ отецъ получилъ наслѣд-

ство отъ грозной тетушки, старой дѣвы и ханжи, Ольги Павловны Болотовой, которой боялись даже епархіальные архіереи. Имѣніе носило неблагозвучное названіе «Гнилое Болото» и досталось отцу Ольги Павловны въ приданое за женой Маріей Федоровной, рожденной Ошаниной, а Ошанинымъ отъ Протопоповыхъ, такъ что въ роду Болотовыхъ имѣніе это находилось уже около ста лѣтъ. Оно было расположено на большой дорогѣ изъ Орла въ Кромы и рядомъ съ усадьбой построена была грозной Ольгой Павловной прелестная церковь во Имя Преображенія Господня, но настолько близко отъ господскаго дома, что все церковное пѣніе, а въ особенности похоронное со всѣми завываніями и причитаніями родственниковъ слышно было въ комнатахъ. Передъ домомъ небольшой цвѣтникъ съ липовой аллеей, ведшей направо къ церкви. За большой дорогой протекала небольшая рѣчка. За домомъ просторный дворъ со службами, людскими, флигелемъ для управляющаго (называемый конторой), а за дворомъ большой фруктовый садъ съ чудной, вѣковой, широкой и густой, липовой аллеей, оканчивавшейся площадкой, гдѣ по угламъ красовались развѣсистые клены и дубы. Эта площадка была въ жару любимымъ мѣстомъ отдыха всей семьи: мы, дѣти, играли, мать работала и тамъ-же распивали дневной чай съ разными домашними печеніями и великолѣпными дынями изъ своихъ парниковъ. Домъ во дворъ выходилъ покоемъ, а между крыльевъ дома была еще площадка съ дикими каштанами, отдѣлявшаяся отъ двора кустами акацій.

Въ верстѣ отъ усадьбы была очень поэтичная, березовая роща съ мѣловой горой, а еще въ верстѣ отъ нея чудная дубовая роща съ пчельникомъ и милымъ

80-лѣтнимъ старикомъ пчеловодомъ. Бывало, запрягалась тройка съ вороной кобылой Звѣздочкой въ корень и мы катили всей семьей въ дубовую рощу напиться чаю со свѣжимъ сотовымъ медомъ. Звѣздочка мнѣ памятна потому, что была куплена отцемъ за 29 рублей, таковы тогда были цѣны. Въ церкви своего духовенства не было, а пріѣзжало изъ села Щиръ за семь верстъ, гдѣ было три священника.

Крестьянское населеніе, мнѣ помнится, было ужасное — пьяница на пьяницѣ, разбойникъ на разбойникѣ. Каждый праздникъ, отцу, никогда не изучавшему и не занимавшемуся медициной, приходилось ѣздить на бѣговыхъ дрожкахъ по раскинутымъ по обѣ стороны усадьбы деревнямъ обмывать раны, залѣчивать пробитыя головы, прикладывая арнику къ окровавленнымъ мѣстамъ.

Среди сосѣдей выдѣлялся почтенный, кажется богатый и очень милый старикъ Петръ Алексѣевичъ Василевскій, къ которому раза два въ лѣто и насъ, дѣтей, возили. У него былъ чудный садъ и оранжереи, изъ которыхъ насъ угощали великолѣпными и крупными персиками. Другіе сосѣди или не жили при насъ въ деревнѣ, или ни въ какихъ отношеніяхъ не представляли интереса. Помню, изъ Орла пріѣзжала къ намъ гостить или какъ тогда говорили «гащивать» почтенная старушка фонъ - Брокгаузенъ, какъ ее звали, не помню, но, кромѣ нѣмецкой фамиліи, у нея ничего нѣмецкаго не было. Это была добродушная и милая, всегда оживленная старушка, которую не только мы съ сестрой, но всѣ любили. Она была живая, интересная Орловская хроника и прекрасная разсказчица.

Въ горячую рабочую пору устраивались въ усадьбѣ столы для крестьянъ, кажется въ праздники, на-

зывалась «помочь», и передъ обѣдомъ моя мать должна была сама потчевать всѣхъ водкой, при чемъ не только всѣ пили, но у меня въ памяти осталось, что бабы даже годовалымъ младенцамъ вливали глотокъ водки;

Орловское имѣніе получили мы въ 1874 году, когда еще живо было въ памяти крѣпостное право, когда помѣщики даже для мелкаго мѣстнаго чиновничества представляли изъ себя грозу, когда становой не рѣшался переступать порогъ господскаго дома. Ему въ передней давали водки и закусить, а обѣдать отправляли къ управляющему. Перваго становогo, котораго я увидалъ за помѣщичьимъ столомъ, это въ Тверской губерніи у дядюшки Николая Петровича и помнится это меня крайне удивило, но это было уже гораздо позднѣе (въ 1884 году). Вокругъ усадьбы красовались конопляники: густые, высокіе, темнозеленые, представлявщіе для меня какую - то особую прелесть, далѣе шли большіе заливные луга, а по берегамъ рѣченки торчали ракиты. А какую живописную картину представлялъ сѣнокосъ: всѣ мужики въ бѣлыхъ домотканныхъ рубахахъ, а бабы въ красныхъ или клѣтчатыхъ паневахъ. По большой дорогѣ тащились безконечные обозы, большей частью на волахъ, а вдали виднѣлись постоялые дворы, «дворники», какъ по мѣстному они назывались.

Самая поѣздка въ Орловскую губернію для меня являлась большимъ событіемъ; это было первое большое путешествіе, сдѣланное мною по желѣзной дорогѣ. Тогда было просто и хотя отецъ никакого касательства къ Николаевской желѣзной дорогѣ не имѣлъ, кромѣ дружественныхъ и добрыхъ сосѣдскихъ отношеній съ бывшимъ министромъ Путей Сообщенія Павломъ Петровичемъ Мельниковымъ, но намъ почему

то безплатно былъ предоставленъ маленкій салонъ-вагонъ, довезшій насъ до самого Орла.

Вообще тогда мелкое желѣзнодорожное начальство обижалось, когда добрые знакомые брали билеты и считали это чуть не за личное оскорбленіе. Не даромъ оберъ - кондуктора курьерскихъ поѣздовъ въ особенности и контролеры наживали состоянія и пріобрѣтали каменные дома въ Петербургѣ и Москвѣ. Со временемъ это немного оформилось, но мнѣ осталась въ памяти моя поѣздка въ 1908 году изъ Петербурга въ Пермь, когда до Вятки насъ было въ вагонѣ 13 человѣкъ и изъ нихъ одинъ только я былъ платнымъ пассажиромъ.

Дорогой отецъ разсказывалъ, какъ они прежде тащились по шоссе въ дормезѣ къ дѣдушкѣ въ то же Гнилое Болото, какія бывали съ нимъ приключенія, разсказывалъ про старуху мѣщанку Пожарскую, содержавшую въ концѣ сороковыхъ годовъ почтовую станцію въ Торжкѣ и дѣлавшую знаменитыя «пожарскія» (по ея имени) котлеты.

До Москвы ѣхали около сутокъ, а тамъ повезли насъ, конечно, сперва къ Иверской, показали Кремль, Царь - пушку, Царь - колоколъ, Ивана Великаго, Успенскій Соборъ, проѣхали черезъ Спасскія ворота, а завтракать повезли къ Тѣстову. Бѣлоснѣжные половые никогда не слыханный мною органъ, все это мнѣ казалось сномъ, все это вмѣстѣ съ Кремлемъ приводили меня въ восторгъ. И долго потомъ, бывая въ Кремлѣ, испытывалъ я благоговѣйное чувство. Да и къ Тѣстову всегда по дѣтскимъ воспоминаніямъ я питалъ нѣкоторую слабость и когда бы ни бывалъ въ Москвѣ, завтракать въ первый день направлялся туда.

По поводу Иверской мнѣ вспоминается одинъ любопытный разсказъ моего хорошаго знакомаго горнаго инженера П. П. Б., воспитывавшагося до горнаго института въ 70 годахъ въ Московскомъ Константиновскомъ межевомъ институтѣ и проводившаго лѣто близъ Николо - Перервинскаго монастыря, которому и принадлежитъ часовня со знаменитой чудотворной иконой. Само собой понятно, что доходы отъ этой часовни громадны и вотъ во время Севастопольской кампанiи Императоръ Николай I, испытывая большую нужду въ деньгахъ на веденiе войны, обратился къ Архимандриту этого монастыря съ просьбой ссудить ему капиталы монастыря на нужды войны, подъ его собственноручную росписку и тогда Императору было доставлено двѣнадцать миллiоновъ рублей. Проходитъ годъ, Императоръ скончался, вступаетъ на престолъ Александръ II и года черезъ два или три Архимандритъ представляется молодому Государю и напоминаетъ о долгѣ отца, представляя Высочайшую росписку. Александръ II внимательно разсмотрѣлъ эту росписку и возвратилъ Архимандриту, говоря: «храните ее, это историческiй документъ», но денегъ, разумѣется, не отдалъ. Моему знакомому разсказывалъ это старичекъ монахъ, казначей Николо - Перервинскаго монастыря и добавилъ: «ну, съ тѣхъ поръ мы монастырскихъ денегъ въ банкахъ не хранимъ, чтобы скрыть отъ начальства наши капиталы». Вѣроятно впослѣдствiи Святѣйшiй Синодъ наложилъ свою тяжелую и несправедливую руку на эту часовню, т. к. доходы Иверской часовни по подсчету свѣдущихъ людей въ началѣ 900 годовъ были огромны.

Но возвращаюсь къ поѣздкѣ и Москвѣ, промелькнувшей какъ сказочное видѣнiе. Ни одна поѣздка

впослѣдствіи не доставляла мнѣ столько радости и впечатлѣній, какъ эта первая поѣздка, а за Москвой живописные виды, да и у матери всѣ воспоминанія о дѣтствѣ и юности связаны были съ Москвой и подмосковнымъ имѣніемъ «Воскресенскимъ», жалованнымъ ея прадѣду Петру Гавриловичу Хитрово Екатериной II, и намъ хотѣлось, хоть изъ окна вагона увидѣть тѣ мѣста, которыя по разсказамъ матери намъ были уже знакомы. Въ Тулѣ, какъ и слѣдуетъ быть, купили тульскихъ пряниковъ и поздно ночью пріѣхали въ Орелъ, гдѣ ночевали въ гостинницѣ Тотина.

Въ Орлѣ ждали лошади — помѣстительная коляска тройкой. Меня посадили на козлы, и какъ я радовался, воображая, что могу править лошадьми. На полдорогѣ, обсаженной невиданными мной до того времени ракитами, въ Богдановкѣ перепряжка и подъ вечеръ, всего отъ Орла было 50 верстъ, пріѣхали въ родовую усадьбу. Суровый старикъ, управляющій Волковъ, гроза крестьянъ, встрѣтилъ на подъѣздѣ также дворовые въ довольно живописныхъ мѣстныхъ нарядахъ, а за ними виднѣлась бѣлая, курчавая голова въ золотыхъ очкахъ милаго «дѣдуси», какъ мы называли родного дядю отца Михаила Павловича Болотова, балагура и весельчака.

Въ домѣ пахло ладаномъ и старинными вещами. Первая, разумѣется, столовая, неуютная, угловая комната, затѣмъ столь же неуютная гостинная съ прекрасной мебелью корельской березы, потомъ спальня съ богатой божницей, а тамъ еще какія то комнаты. Наша дѣтская выходила во дворикъ и намъ сразу понравилась. Самая уютная и симпатичная комната была направо изъ передней, это кабинетъ прадѣдушки, обставленный громадными краснаго де-

рева шкапами со старинной библіотекой и многочисленными рукописями моего прадѣда Андрея Тимофѣевича Болотова, бытописателя деревенской жизни временъ Екатерины. Изъ кабинета былъ маленькій балкончикъ на дворикъ.

Прожили мы въ этомъ имѣніи два лѣта, но такъ какъ оно досталось отцу пополамъ съ его дядюшкой Михаиломъ Павловичемъ, вѣчно нуждавшемся въ деньгахъ, не любившемъ, какъ и дѣдъ мой, деревни вообще, а тѣмъ болѣе имѣнія своей грозной сестры Ольги Павловны — Гнилое Болото — Преображенское тожъ, было продано. Къ тому же крестьяне, по злобѣ на управляющаго, сожгли гумно со множествомъ пеньки, которое, какъ тогда водилось, не было застраховано. Изъ Орловской довольно многочисленной дворни мнѣ остался въ памяти кучеръ Григорій, пьяница и врунъ, любившій разсказывать всякіе ужасы, какъ лошади понесли и какъ онъ спасалъ свою госпожу: «И... Боже мой, какъ» приговаривалъ онъ.

Имѣніе было продано еще и потому, что отцу повезло, такъ какъ бабушка Софія Евграфовна, рожденная княжна Мышецкая, по своей матери богатаго псковскаго рода Крекшиныхъ, получила отъ своей тетушки Екатерины Ивановны Ивановой, рожденной Крекшиной, прекрасное имѣніе Букино Лужскаго уѣзда Петербургской губерніи въ 14 верстахъ отъ станціи Бѣлой, теперь Струи - Бѣлая Варшавской желѣзной дороги. И отцу, служившему въ Петербургѣ, больше улыбалась поѣздка въ Букино, чѣмъ въ отдаленное отъ Петербурга Орловское имѣніе.

Барскій на высокомъ фундаментѣ домъ, построенный изъ чуднаго лѣса и напоминавшій по расположенію комнатъ Орловскій, высокія свѣтлыя комнаты,

балконъ съ бѣлыми колоннами. Передъ домомъ маленькій, образцово - содержащійся полукруглый садъ съ прелестной подстриженной липовой аллеей, окаймлявшей весь садъ. На красивыхъ газонахъ куртины съ жасминомъ и рѣдкими на сѣверѣ кустарниками. Передъ балкономъ, конечно, клумба съ цвѣтами, а за ней старый круглый павильонъ. Въ домѣ старыя англійскія гравюры, старинная англійская и японская посуда и отличный граненный хрусталь. Старикъ Ивановъ былъ морякъ, совершавшій чуть ли не кругосвѣтныя плаванія и много вывезшій изъ дальнихъ странъ. Въ столовой клавикорды, въ гостинной же безобразная и громоздкая мебель краснаго дерева. Особенно меня поразилъ каретный сарай съ двумя или тремя старинными громадной величины дормезами, мною еще не виданными, для какихъ то допотопныхъ лошадей, дормезы, въ которыхъ дѣйствительно тысячи верстъ можно было съ удобствами не только ѣхать, но и жить.

Первый разъ въ это Букино попалъ я въ концѣ августа 1875 года съ отцомъ, прямо на похороны никогда не виданной мною старушки. Бабушка уже была тамъ. Скучныя похороны за 12 верстъ въ приходской церкви села Вилени, по скверной, грязной, проселочной дорогѣ, надоѣдливые, безцеремонные, но привѣтливо - шумные сосѣди, еще болѣе скучный поминальный обѣдъ, съ кутьей и вѣчной памятью подвыпившаго и горланившаго духовенства, какія то приживалки и никому не нужныя безцвѣтныя старушенки, все это до сихъ поръ мною не виданное и не слыханное, не то пугало меня, не то ошеломило меня. Помню, — послѣ широкихъ и довольно гладкихъ дорогъ Орловской губерніи, меня очень удивили лужскія дороги,

то съ сыпучими песками, то съ ужасными гатями. Окрестности имѣнія были довольно живописны, преобладали сосновые лѣса, мѣстность холмистая; быстрая, красивая рѣка Курія, впадавшая въ Плюссу, а Плюсса въ Лугу.

Въ Букинѣ мы прожили весело и беззаботно пять лѣтъ съ начала мая до Октября. Кромѣ первыхъ скучныхъ сосѣдей, остальные премилые и симпатичные люди. Ближайшими была семья Девіенъ, нанимавшіе усадьбу въ верстѣ отъ насъ, потомъ въ двѣнадцати верстахъ были Тираны въ Гривцовѣ, благоустроенной барской усадьбѣ. Еще болѣе шикарной была усадьба другихъ Тиранъ «Плюсса», но съ тѣми познакомились позже и къ сожалѣнію тѣ были дальше отъ насъ, я говорю потому къ сожалѣнію, что тамъ было много нашихъ сверстниковъ. Мои самыя сильныя впечатлѣнія въ Орловскомъ и Лужскомъ имѣніяхъ относятся къ духовенству.

Послѣ Любани, гдѣ духовенство по внѣшнему виду приближалось къ столичному, Орловское внушало не то страхъ, не то какое то непріятное чувство, кромѣ Ивана Ивановича Говорова, толстаго и довольно благообразнаго священника. Я помню — по воскресеніямъ послѣ обѣдни полагалось ихъ приглашать обѣдать. И родители мои, въ особенности отецъ, никогда не отличавшійся чванствомъ и любившій и даже друживший въ Петербургѣ съ нашимъ приходскимъ, Смольнаго Собора, духовенствомъ, видимо очень страдалъ отъ этихъ духовныхъ посѣщеній. Въ лужскомъ имѣніи было еще хуже: довольно молодой, но уже обремененный, какъ полагается сельскому попу, многочисленнымъ семействомъ священникъ, былъ горчайшій пьяница. И хотя по скверной дорогѣ за 12 верстъ

не часто ѣздили къ обѣднѣ, но все же попадали на грустныя, если не сказать безобразныя сцены.

По поводу духовенства остался у меня въ памяти разсказъ одной довольно острой на язычекъ кузины объ ихъ сельскомъ дьячкѣ. Дьячекъ (разумѣется съ косичкой), когда пѣлъ: «подай Господи» искалъ въ головѣ насѣкомыхъ, а напѣвая: «Тебѣ Господи» прищелкивалъ ихъ ногтями. « Si non e vero » во всякомъ случаѣ близко къ истинѣ. Точно также дядюшка Николай Евграфовичъ говаривалъ, что прежде въ концѣ 50 годовъ за большимъ выходомъ поминалась вся Царская семья, оканчивавшаяся въ тѣ времена Королевой Нидерландской Анной Павловной и вотъ сельскій священникъ въ Порховскомъ уѣздѣ спутавшись и забывъ кого то прибавилъ: «и всѣхъ нѣмцевъ да помянетъ Господь» и т. д.

Сестра моя, стоя въ сельской церкви, слышитъ какъ старый священникъ, причащая младенцевъ, спрашиваетъ матерей, какъ имя. Одна отвѣтила: «Далматъ», «кто такое дурацкое имя далъ?», а баба въ отвѣтъ: «да Вы же батюшка, крестили.»

Если вспоминать тому подобныя происшествія, то можно цѣлую книгу написать, но вспоминая отрицательное, позволяю себѣ отмѣтить и положительное. Въ Любани былъ благочиннымъ священникъ села Померанья въ пяти верстахъ отъ Любани, отецъ протоіерей Петръ Ивановичъ Граціановъ. Такъ читать Евангеліе, какъ онъ читалъ своимъ пріятнымъ баритономъ, въ особенности длинное Евангеліе отъ Матфея за обѣдней въ Великій четвергъ, я никогда больше не слышалъ: чудная дикція, такія удивительныя модуляціи голоса, столько чувства. Да и вообще все богослуженіе его было прекрасное.

Возвращаясь къ Букину вспоминаю, что тамъ у меня было больше общенія съ крестьянами и я болѣе сознательно относился къ окружавшей меня обстановкѣ и мнѣ помнится, что, старики, по крайней мѣрѣ, большинство вспоминало крѣпостное право скорѣе съ сожалѣніемъ, ибо барыня была добрая, заботливая, хорошая. Но 70-лѣтній старикъ кучеръ Владиміръ изъ сосѣдней деревни Дуброва чертыхался и прибавлялъ: «Прости ему Господи, звѣрь былъ нашъ баринъ Карповъ». Оказывается въ молодости Владиміръ выдержалъ наказаніе въ тысячу розогъ, и кажется, за простую провинность. Здоровый, но мрачный былъ старикъ, ибо это безчеловѣчное и жестокое наказаніе оставило слѣдъ на всю его долгую жизнь. Про крѣпостное право я вообще съ раннихъ лѣтъ слышалъ много разсказовъ отъ моего отца, яраго противника крѣпостного права и старыхъ судовъ, которые онъ еще немного засталъ и бывшаго потому горячимъ поклонникомъ великихъ реформъ Царя Освободителя.

Насколько я тогда понималъ, нравы въ деревнѣ среди молодежи были довольно легкіе, но послѣ свадьбы супружеская вѣрность соблюдалась, какъ разъ наоборотъ въ Орловской и Тульской губерніи, гдѣ дѣвки себя соблюдали, но зато послѣ свадьбы грѣшили. По этому поводу приведу разсказъ, относящійся къ 90-мъ годамъ, моего Любанскаго сосѣда Ф. К. П., очень нравственнаго и правдиваго человѣка. Одна дѣвка изъ сосѣдней деревни обратилась къ нему съ просьбой научить ее, какъ ей взыскать съ обидчика на воспитаніе ребенка. Тогда Ф. К. задаетъ ей вопросъ, чѣмъ же она можетъ доказать, что ребенокъ именно отъ этого парня. «Да помилуйте, баринъ, всѣ это могутъ доказать, вѣдь насъ въ сараѣ шесть паръ было»...

Не могу кстати не разсказать слѣдующій характерный случай изъ зырянскихъ нравовъ. Дѣло происходило на границѣ Вологодской и Пермской губерніи. Пріѣзжаетъ горный инженеръ на практику или на развѣдки и живетъ долгое время въ одной зырянской деревнѣ и напрактиковалъ съ одной крестьянской дѣвкой изъ бѣдной семьи. Проходитъ годъ. Сидитъ его жена въ уѣздномъ городѣ на своемъ балконѣ и является къ ней молодой крестьянинъ съ женой и старики родители, въ рукахъ разные деревенскіе подарки, полотенца, мѣха, живность и проч. Инженера дома не было. «Въ чемъ дѣло», спрашиваетъ его жена, «что вамъ нужно?» Старики объясняютъ, что имъ нужно такого-то (называютъ фамилію ея мужа), что всѣ они люди бѣдные, невѣста дочка безприданница, а инженеръ у нихъ жилъ и сдѣлалъ ихъ дѣвкѣ мальчика, а такъ какъ у зырянъ мальчики очень цѣнятся, то, благодаря этому за ихъ дочкой посватался самый богатый деревенскій женихъ и вотъ, и родители, и сами молодые сочли своимъ долгомъ чуть не за сто слишкомъ верстъ пріѣхать въ городъ, чтобы поблагодарить ихъ благодѣтеля, создавшаго счастье ихъ дочери. Представьте себѣ эту картину и радость жены инженера отъ подобныхъ чистосердечныхъ благодарностей.

Но возвращаюсь къ Букину, гдѣ мы прожили, какъ я говорилъ, пять лѣтъ. Хозяйничала моя мать, очень волнуясь и увлекаясь, заимствуя у крестьянъ всѣ ихъ выраженія, воображая себя хорошей хозяйкой. Каковой она была въ дѣйствительности не знаю, но думаю, какъ и всѣ въ то блаженное время, распоряжалась, не мудрствуя лукаво и позволяя крестьянамъ себя обманывать во всемъ.

Изъ-за болѣзни отца и превратнаго тогда стремле-

нія къ столичной жизни, будто для воспитанія насъ, младенцевъ, Букино съ 2.000 десятинъ строевого и дровяного лѣса, изъ коихъ 600 десятинъ было на самой Варшавской желѣзной дорогѣ, съ чудными пожнями было продано въ 1881 году за 60.000 рублей и это считалось блестящей тогда продажей. А Орловское имѣніе съ заливными лугами и двумя рощами за 50 съ чѣмъ-то тысячъ, да кромѣ того выкупныя. Такъ то таяло и уходило родовое добро. Но самой курьезной продажей можно назвать продажу Смоленскаго имѣнія, приданнаго моей матери: 1.000 десятинъ земли въ 15 верстахъ отъ Смоленска были проданы въ 1866 году за 10 тысячъ рублей, правда усадьбы тамъ не было.

Какъ росли цѣны на земли, нагляднымъ примѣромъ служитъ Любань, которую мой дѣдъ купилъ въ 1845 году при началѣ постройки Николаевской желѣзной дороги отъ двухъ владѣльцевъ за 5.000 рублей и почти безъ усадьбы. Въ началѣ же 1900 годовъ мы съ дядей продавали участки земли въ той же Любани по - саженно до 6 рублей за сажень.

На сколько же земля въ Николаевское время дешево цѣнилась видно изъ того, что дѣду моему, тогда подполковнику и еще молодому профессору Академіи Генеральнаго Штаба, предлагали въ 1833 году прирѣзать къ его Тамбовскому, кажется въ Кирсановскомъ уѣздѣ, имѣнію 1.000 десятинъ земли въ Саратовской губерніи или дать очередную награду, Станислава на шею. И по совѣту своего тестя, князя Мышецкаго, считавшагося разумнымъ человѣкомъ, дѣдъ предпочелъ Станислава.

Въ семидесятыхъ годахъ бабушка моя, сторонница земельной собственности, хотѣла округлить свои скром

ныя, по количеству земли, любанскія владѣнія пріобрѣтеніемъ сосѣдняго имѣнія Неклюдовыхъ въ 3.000 десятинъ земли за 16.000 рублей. Неклюдова (мать жены ген. ад. Кознакова) просила 18 тысячъ. Изъ-за двухъ тысячъ или вѣрнѣе изъ-за дамскаго упрямства дѣло разошлось. Затѣмъ имѣніе нѣсколько разъ переходило изъ рукъ въ руки. Въ 80 годахъ принадлежало довольно извѣстному хозяину Кизерицкому, устроившему тамъ образцовый скотный дворъ. Въ началѣ 900 годовъ имѣніе уже безъ лѣса, было продано за двѣсти съ чѣмъ то тысячъ нѣкоему Котляревскому, да въ разное время лѣсу было продано на 300 тысячъ рублей. Вотъ картина роста земельныхъ цѣнъ, примѣнимая ко всѣмъ губерніямъ и мѣстамъ.

Еще болѣе разительный примѣръ приведу изъ Пермской губерніи. Нѣкто Пастуховъ въ концѣ 80 годовъ продалъ свое огромное Николо - Павдинское имѣніе Верхотурскаго уѣзда графу Николаю Павловичу Игнатьеву за 400 съ чѣмъ то тысячъ рублей, 300 тысячъ десятинъ земли. Графъ, провладѣвъ этимъ имѣніемъ пять лѣтъ и будучи безспорно умнымъ человѣкомъ все - таки перепродалъ его Астраханскому рыбопромышленнику Воробьеву за милліонъ рублей, а зять этого Воробьева въ 1909 году продавалъ это имѣніе иностранцамъ за 15 милліоновъ. Въ имѣніи были платиновые и золотые пріиски, желѣзо и, кажется, мѣдь, сосновый мачтовый лѣсъ и была устроена на протяженіи 40 верстъ своя узкоколейка. За какую сумму въ концѣ концовъ имѣніе это было продано не знаю, т. к. еще за время войны потерялъ связь съ Пермской губерніей.

Какъ безтолково расточали родовыя земли, могу упомянуть про одну характерную продажу, имѣвшую

мѣсто въ серединѣ 90 годовъ. Въ 15 верстахъ отъ Любани было имѣнье Замостье, десятинъ 600 лѣса, да сто или полторасто пахоти, старинный домъ съ прекрасной краснаго дерева мебелью. Усадьба была не роскошная, но приличная, дворянская усадьба въ полномъ порядкѣ и принадлежала старику Волкову, умершему въ концѣ 80 годовъ 97 лѣтнимъ суровымъ старикомъ. Сынъ его, старый генералъ-адъютантъ и Андреевскій кавалеръ, повидимому не любилъ своего отца, обращавшагося съ нимъ какъ съ мальчишкой и потому имѣніе это по воспоминаніямъ было непріятно генералъ-адъютанту Волкову и онъ черезъ своего стараго слугу продалъ его за 9.000 рублей, да еще въ разсрочку на пять лѣтъ. Да, много курьезнаго, много смѣшного, иногда грустнаго, подчасъ непонятнаго или даже глупаго, было въ то старое доброе время, но жива была Россія и русское знамя гордо развѣвалось, а русское слово мощно раздавалось по всему свѣту. Русь православная ворчала, Русь православная кряхтѣла, мужички жаловались на малоземелье, но сыты были; но главное было мирное житье, которое мы тогда не цѣнили, всѣ жаждали чего - то большаго, чего - то лучшаго, а лучшее пришло и стало хуже на Руси, стало холодно и голодно. Господа же разбрелись по бѣлу свѣту, а кто и разстрѣлянъ, немногіе за дѣло, а другіе только за то, что господами были и жили припѣваючи.

Брашовъ, Трансильванія, 1921 годъ.

ГЛАВА II.

Родные и помѣщичій бытъ.

Любань. — Сосѣди. — Оляшечка. — Млево и дядюшка Николай Петровичъ. — Помѣщичій бытъ. — Старое барство и типы.

Но еще до Орловской губерніи болѣе раннія мои воспоминанія относились къ Любани и родному гнѣздышку моей безцѣнной и умной бабушки (какъ въ дѣтствѣ ее мы называли «бабуля»), гдѣ ежегодно проводили мы дѣтьми лѣто до восьмилѣтняго возраста, а затѣмъ съ 1888 года съ небольшими перерывами до 1906 года включительно и даже въ теченіе восьми лѣтъ (съ осени 1897 года до 1905 г.) зиму жили тамъ.

Самый радостный, самый беззаботный (даже когда я былъ женатъ) и счастливый періодъ моей жизни относится къ Любани. И хотя я никогда не былъ поклонникомъ ея ужасной и продолжительной осени съ сѣверной слякотью, пронизывающей сыростью и подчасъ даже туманами, но всегда не только съ горячей симпатіей вспоминаю наше житье - бытье и сердечное отношеніе любанцевъ и милыхъ сосѣдей, но и съ глубокимъ сожалѣніемъ, что это чудное, беззаботное время и тихое житіе миновало. Каждый кустикъ, каждое деревцо у насъ въ саду мнѣ дорого, каждое мѣсто въ лѣсу и дороги въ окрестностяхъ все это связано съ милыми, чистыми, хорошими воспоминаніями, доб-

рыми друзьями и рѣдкими душевными людьми. Каждый образъ въ церкви мнѣ памятенъ съ дѣтства и сама церковь даже изъ окна вагона у меня вызывала слезы о дѣтствѣ, молодости и безцѣльно прожитой жизни. Безцѣльно, ибо все рухнуло или унесено революціонной волной, а всѣ труды пропали даромъ. Даже Любянская Невская дорога съ ея лавками, трактирами, пьянчужками у меня вызываетъ не злобу и досаду, а воспоминанія о дѣтствѣ, службѣ и общественныхъ трудахъ.

Нашъ удачно расположенный, красивый, вѣроятно теперь уничтоженный или вырубленный садъ, былое созданіе моей бабушки, поддерживался отцомъ, и ихъ чудные дорогіе благородные образы всегда вставали передо мной, когда я сиживалъ въ саду. И сколько думъ, сколько мечтаній, сколько надеждъ въ немъ создавалось и зрѣло. Бабушкинъ очень скромный и своеобразный со многими переходами и закоулочками домъ, каждая вещица въ немъ все это рождало цѣлый рой воспоминаній и навѣвало старыя, семейныя, хорошія, дружныя картинки.

А вечернія прогулки по въѣздной, березовой аллеѣ? Въ клеверномъ полѣ покрикивалъ коростель, вдали на большой дорогѣ какіе нибудь дачники напѣваютъ русскую пѣсню, а тамъ мелькаютъ желѣзнодорожные огоньки, слышатся поѣздные свистки, мирная обыкновенная лѣтняя картина, изрѣдка нарушавшаяся пьянымъ горлодеромъ или криками запоздавшихъ на станціи и подвыпившихъ мужичковъ. И надъ всѣмъ царитъ золоченый куполъ нашей прелестной церкви, созданіе любанскаго благодѣтеля Павла Петровича Мельникова (б. Мин. п. сообщ.); да и все хорошее въ Любани было дѣломъ его рукъ.

А тамъ за желѣзной дорогой маленькая, чистенькая дачка съ давнихъ лѣтъ привязавшагося къ Любани сперва изъ за охоты, а потомъ уже просто по привычкѣ милаго, умнаго и сердечнаго Сергѣя Николаевича Шубинскаго, редактора интереснаго журнала «Историческій Вѣстникъ». Бывало придетъ Сергѣй Николаевичъ въ своей генеральской тужуркѣ и сидитъ у насъ на балконѣ, разсказывая самые интереснѣйшіе эпизоды и такъ живо, такъ образно, такъ остроумно и вѣрно было все подмѣчено. И столько людей онъ зналъ и перевидалъ за свою долгую и честную жизнь, что бесѣда съ нимъ была одно наслажденіе. И во все онъ вникалъ и всѣмъ интересовался и кому только въ Любани не помогалъ? Именно теперь мнѣ особенно памятны слова С. Н. Шубинскаго сказанныя въ 1905 году лѣтомъ «что жъ съ помощью штыковъ этотъ режимъ продержится еще лѣтъ десять не болѣе».

Изъ сосѣдей, а ихъ тамъ было очень много, но большинство вѣроятно, здравствуетъ и потому я ихъ не коснусь, мнѣ особенно дорогъ по воспоминаніямъ и по чрезвычайной сердечности его отношеній къ намъ, почтенный старикъ, бывшій Гофъ - Маклеръ Петербургской биржи Александръ Александровичъ Шретеръ, личность рѣдкая по высокимъ нравственнымъ качествамъ, благородству мыслей и хотя петербургскій нѣмецъ по крови и рожденію, но горячо любившій Россію, русскую деревню и сельское хозяйство. Если бы такихъ горячихъ піонеровъ деревенской жизни было бы больше, вѣроятно лучше жилось бы въ деревнѣ и крестьяне отъ такихъ примѣровъ несомнѣнно облагораживались бы и развивались бы дѣйствительно и въ положительную сторону болѣе чѣмъ отъ нашихъ жалкихъ школъ и за немногими исклю-

ченіями, правда изголодавшихся, но бездарныхъ и зловредныхъ сельскихъ учителей.

Что создалъ А. А. Шретеръ на болотѣ, гдѣ самъ же прежде стрѣлялъ утокъ, какіе у него были урожаи, какой скотный дворъ, какіе сѣнные сараи и людскія, прямо загляденье. И какъ все было обдумано, красиво и чисто. А какія дороги! Что за плоды у него въ саду вызрѣвали! Никто, пока самъ не съѣздитъ и не убѣдится, вѣрить не хотѣлъ. Да, долженъ еще прибавить, что этотъ убѣжденный лютеранинъ хлопоталъ о постройкѣ новой приходской церкви, видя какъ ближайшіе къ нему крестьяне отдалены отъ Божьяго Храма. И хлопоталъ не только собирая средства, но жертвуя самъ и матеріалъ и деньги. Миръ твоему праху честнѣйшій и прекраснѣйшій человѣкъ и добрый другъ.

Возвращаясь къ раннему дѣтству въ Любани у меня воскресаетъ въ памяти главная наша съ сестрой любимица, уже упомянутая мною баба Фока, умѣвшая отлично намъ на ночь разсказывать всякія сказки и присказки и нѣтъ, нѣтъ доставлять намъ всякія лакомства. Смерть «бабы Фоки» было въ дѣтствѣ наше первое горе. Чего то въ Любани съ ея смертью не доставало и, конечно, уже никто не могъ замѣнить этой простой, славной и честной старухи.

Другой любимицей, а затѣмъ, когда мы подросли, нашимъ безцѣннымъ другомъ была Оляшечка, бывшая гувернантка отцовской больной сестры и вѣчная бабушкина сожительница, пережившая ее на десять лѣтъ и скончавшаяся на 93 году жизни. И до самой смерти милая Оляшечка сохранила не только память, но и зрѣніе, не только для чтенія, но даже и для рукодѣлія. Въ дѣтствѣ мы величали эту маленькую, чи-

стенькую старушку Ольга Ивановна, а потомъ по просту «Оляшечка», а сестра моя еще прибавляла «Оляшечка mon ange''. Она была первая наша наставница французскаго языка и въ награду за хорошій урокъ угощала насъ гоголь - моголемъ, который мы, дѣти, ужасно любили и самый процессъ его приготовленія насъ очень занималъ. Оляшечка любила вспоминать про свое воспитаніе въ Смольномъ институтѣ, очень скромно каждый разъ добавляя, «разумѣется не на дворянской половинѣ», вспоминала про посѣщенія Императрицы Маріи Феодоровны (вдовы Павла I) и хотя всѣ ея безыскусственные разсказы мы знали наизусть, но всегда закидывали ее вопросами, а когда я сдѣлался взрослымъ, то сердилъ добрѣйшую старушку невиннымъ съ виду, но каверзнымъ вопросомъ:,, Ольга Ивановна это въ какомъ году было?» Старушка сердилась и нервно подергивая плечами, недовольная отвѣчала: «въ какомъ бы то ни было». И это повторялось чуть ли не ежедневно. И, Господи, какъ мы школьничали и что ни продѣлывали съ безобидной Оляшечкой. Даже больной отецъ всегда съ ней здоровался, протягивая указательный палецъ и когда онъ по привычкѣ уже съ тускнѣющимъ сознаніемъ за два часа до смерти протянулъ ей тотъ же палецъ, старушка вѣрить не хотѣла «что Вольдемаръ умираетъ, вѣдь онъ со мной поздоровался какъ обыкновенно».

Мы любили слушать ея разсказы про жизнь богатыхъ псковскихъ помѣщиковъ Рокотовыхъ, Философовыхъ, Чихачевыхъ и передъ нами такъ и вставалъ, конечно въ мягкихъ тонахъ, помѣщичій бытъ тридцатыхъ годовъ. Насколько типична была Ольга Ивановна рисуетъ маленькій фактъ. Она хорошо знала и

свободно говорила по французски и какъ то разъ моя сестра при ней упомянула слово «lavabo». Это что такое? Ну удивленіе «какъ вы этого не знаете, да помилуйте». Старушка всегда сидѣла или за пасьянсомъ или отдыхала отъ работы, скрестивши по наполеоновски руки на груди, и выслушавъ объясненіе, возмущенная заявила «въ наше время при насъ о такихъ вещахъ не говорили».

Разсказъ, какъ Императрица Марія Феодоровна пріѣзжала въ Институтъ, здоровалась съ подругой Оляшечки, подброшенной Императрицѣ въ день занятія Парижа и потому получившей фамилію «Парижской» «bonjour Marie Paris» потрепавъ при этомъ дѣвочку по щекѣ, мы слыхали тысячу разъ, такъ же какъ и повѣствованіе о выдачѣ замужъ этой самой «Marie Paris» за богатаго табачнаго фабриканта Жукова. Но намъ даже, взрослымъ этотъ милый старческій лепетъ, какъ журчащій ручеекъ, былъ дорогъ и пріятенъ. И мы знали, что старушкѣ отрадно вспоминать свою юность и перенестись на мгновеніе въ то доброе время, когда не существовало желѣзныхъ дорогъ и всѣхъ этихъ ужасныхъ нововведеній. При жизни отца въ концѣ 90 годовъ автомобили еще были очень рѣдки, но отецъ, чтобы поддразнить Оляшечку говаривалъ: «Вотъ я куплю автомобиль и мы съ Вами покатимъ въ Петербургъ». «Никогда я на такую гадость не сяду» — былъ всегдашній отвѣтъ добрѣйшей Ольги Ивановны.

За чаемъ или обѣдомъ старушка, безпрестанно облизывая свои губы разсказывала какія нибудь любанскія новости. «Оляшечка, Оляшечка, это кто Вамъ разсказалъ?» допытывались мы съ сестрой, заранѣе зная откуда у нея эти новости. «Кто бы то ни было», было отвѣтомъ Ольги Ивановны. «Навѣрное la Ga-

zette de Lubane» продолжаемъ мы допытывать подразумѣвая подъ этимъ названіемъ одну бѣдную женщину часто навѣщавшую Оляшечку и дѣйствительно порядочную сплетницу. «Никакой Gazette я не знаю». «Какъ Вы не знаете Catherine Paul» продолжаемъ мы изумляться, переводя по французски имя этой женщины, дабы прислуга не понимала про кого мы говоримъ. «Я не знаю про кого вы говорите» недовольно пожимая плечами, отвѣчала старушка. Затѣмъ въ дальнѣйшемъ разговорѣ упоминается О. Ив. еще какая - нибудь Любанская фамилія «A la Creme Aigre» (Сметанинъ, одинъ изъ нашихъ арендаторовъ) восклицаемъ мы и такъ фамиліи всѣхъ Любанскихъ жителей переводили мы на французскій языкъ «Pere Sibeline» «M-lle La Roue» и т. д., что ужасно раздражало незлобивую старушку. Такого кроткаго и добрѣйшаго существа я болѣе въ жизни не встрѣчалъ. Помню уже молодымъ человѣкомъ какъ - то я очень присталъ къ ней, когда она послѣ обѣда лежала на своей пышной постели и старушка къ удивленію взаправду разсердилась и назвала меня дуракомъ. Такъ надо было видѣть потомъ ея смущеніе, что у ней вырвалось такое слово и боязнь, что я на нее обижусь.

Раза два или три въ день, по крайней мѣрѣ, Оляшечка изъ за пустяковъ спорила съ бабушкой и даже раздражаясь уходила въ свою комнату, говоря, что « у Софіи Евграфовны le caractère est devenu impossible», но глубоко уважала и любила бабушку и какова была ее растерянность, когда бабушка скончалась, а она ея сверстница — нѣтъ; у нея былъ испуганный и недоумѣвающій видъ, точно хотѣла сказать «а я то какъ же». Но и бабушка послѣ ухода Оляшечки изъ комнаты тоже всегда прибавляла «que» Ольга Ивановна

«a beaucoup baissée» и совершенно потеряла память. Въ тѣ времена все болѣе непріятное говорили по французски, находя, что на немъ все мягче и деликатнѣе выходитъ.

За обѣдомъ или ужиномъ старушка находила, вѣроятно, неприличнымъ брать по два раза того же блюда, такъ она прибѣгала къ маленькой хитрости и обращаясь къ моей сестрѣ, которая въ Любани хозяйничала, просила положить ей еще, а то она что то себѣ пересолила и это повторялось чуть ли не ежедневно.

Вотъ кто нибудь изъ семьи ѣдетъ въ Петербургъ, чаще всего ѣздилъ братъ отца, дядя Павелъ Алексѣевичъ, старый холостякъ и вообще мрачно настроенный человѣкъ, большой критиканъ, но очень аккуратно исполнявшій всякія порученія. Мнѣ думается онъ для того такъ часто ѣздилъ въ Петербургъ, чтобы подъ предлогомъ дѣла провѣтриться отъ деревенскаго сидѣнья. «Ольга Ивановна, у Васъ какія порученія, навѣрное опять канату?» насмѣшливо спрашивалъ онъ. Канатъ и въ довольно большомъ количествѣ пріобрѣтался старушкой для ушей, такъ какъ вату, по ея словамъ, было очень вредно класть въ уши. «Да, Поль, пожалуйста, также репейнаго масла, Pastilles Vichy три коробки» «Citron» и баночку кольдъкрему. Да иногда, впрочемъ въ позднѣйшее время, прибавлялась коробка печеній «Capitaine», которыя она очень любила жевать между обильными любанскими «repas». Другихъ порученій и не запомню, да ихъ и никогда не бывало. Все это скажутъ мнѣ пустяки, вздоръ. Да, пустяки, но дорогіе, близкіе сердцу, родные, да и вся жизнь вѣдь соткана изъ мелочей и пустяковъ и потомъ подъ старость лѣтъ, ка-

кимъ то тепломъ вѣетъ отъ этихъ, увы, далекихъ, давно прошедшихъ, милыхъ пустяковъ.

И нарядъ Оляшечки былъ очень типичный: лѣто и зиму надѣвался на платье черный шелковый кафтанчикъ, который только въ очень жаркіе дни снимался, а на головѣ постоянно красовалась бѣлая кисейная косынка, прикрывавшая прическу съ крендельками на ушахъ.

Кончивъ Смольный въ 1829 году пансіонеркой Великаго Князя Михаила Павловича, чѣмъ всегда очень гордилась, она поступила къ Рокотовымъ въ Псковскую губернію, а отъ нихъ попала къ старшей сестрѣ моей бабушки Александрѣ Евграфовнѣ Карамышевой, а затѣмъ перешла къ бабушкѣ и оставалась въ нашей семьѣ свыше 60 лѣтъ до самой своей смерти, т. е. до 1905 года, какъ истинный, рѣдкій, незамѣнимый другъ, какъ необходимый членъ семьи, участникъ семейныхъ радостей и утѣшительница въ минуты скорби и печали.

Одно у нея было завѣтное желаніе, быть похороненной около Любанской церкви рядомъ съ ея несчастной воспитанницей, больной сестрой моего отца, увы и это желаніе не пришлось исполнить, такъ какъ Николаевская желѣзная дорога тогда почти всѣмъ отказывала въ погребеніи въ церковной оградѣ, а сношенія съ Петербургомъ изъ за забастовки было затруднено. (Любанская церковь принадлежитъ желѣзной дорогѣ). Даже угасаніе ея и переходъ въ лучшій міръ совершился въ наше отсутствіе: сестра была заграницей, а мы съ женой изъ за той же желѣзнодорожной забастовки застряли въ Петербургѣ и успѣли пріѣхать только на похороны, обожавшей насъ всѣхъ и нами обожаемой, милой Оляшечки, достойной предста-

вительницы старыхъ, но добрыхъ традицій и стараго утонченнаго воспитанія 20-30 годовъ.

Да не только эти добрыя Оляшечки, никогда никого въ жизни не обижавшія и никому не отказавшія въ посильной помощи, милыя старушки, сохранившія и стыдливость и душевную чистоту до послѣднихъ дней, эти добрые оригиналы дядюшки Николаи Евграфовичи на грязныхъ диванахъ, окруженные ливретками, Бинушками да Кокушками, эти «бабы Фоки» старыя, преданныя барскія слуги, дрожавшія надъ господской копѣйкой болѣе чѣмъ надъ своей, эти милыя, умныя, начитанныя бабушки, тихія и наблюдательныя тетушки Анны Александровны, чистенькія, по старомодному нарядныя, не только они отошли въ вѣчность, но исчезъ безслѣдно домашній старый уютъ дворянскихъ усадебъ, та не бросающаяся, не видная съ перваго разу роскошь, постепенно нароставшая зажиточность, богатство вещей, мебели, посуды и бѣлья. Эти бѣлоснѣжныя, громадныя домотканныя скатерти и салфетки, узорчатыя покрывала и полотенца, этотъ исчезнувшій старинный заграничный, чудный англійскій и нашъ поскочинскій фаянсъ; какъ теперь помню изображеніе разныхъ крыловскихъ басенъ на кувшинахъ для кваса и молока, эти милыя дѣдушкины и бабушкины чашки англійскаго фаянса или фарфоровыя темносинія съ золотыми ободками или чашечки «vieux saxe». Эти столовые старинные сервизы съ громаднѣйшими блюдами и умѣсистыми мисками.

А это чудное, старинное серебро, эти сахарницы, молочники, чайники, кофейники, корзиночки для печеній съ мелкими чеканными узориками и цвѣточками, всѣ эти великолѣпные серебрянные и фарфоровые

«surtout de table». Вся эта чудная сервировка, которую мы тогда не цѣнили и не представляли себѣ, что можетъ быть иначе, что доживемъ до времени, когда это все забудется, забудутся и грошевыя цѣны на всѣ эти милые предметы домашняго обихода, и всякія очаровательныя бездѣлушки остатки прежней роскоши начала еще 19 вѣка.

А всѣ эти миніатюры на слоновой кости и портреты бабушекъ съ фижмами и вычурными прическами и дѣдушекъ во французскихъ кафтанахъ и пышныхъ парикахъ, которые такъ сурово на васъ посматривали изъ своихъ почернѣлыхъ, а когда то позолоченныхъ рамъ и, какъ будто не одобряли вашихъ современныхъ привычекъ и нарядовъ. Вѣдь по этимъ портретамъ дѣдушекъ и бабушекъ можно было прослѣдить всю исторію цѣлой семьи.

Пріѣдешь къ роднымъ или друзьямъ въ старинную усадьбу, отводятъ Вамъ уютную, чистую комнату съ манящими Васъ къ себѣ кушетками и козетками, вольтеровскими и иными креслами, да съ разными этажерочками, комодиками съ потайными ящичками и зеркальцами.

Ложишься на пышную постель, на тончайшія полотнянныя простыни, подъ пуховое или домашнее стеганное одѣяло, на полдюжины подушекъ разной величины, утопаешь въ перинахъ или нѣжишься на пру жинныхъ и волосянныхъ матрацахъ. А прабабушка съ шаловливой мушкой на лицѣ лукаво улыбается и навѣваетъ на Васъ чудныя грезы. И утомленія отъ гадкой, ухабистой или грязной дороги не чувствуешь и прижавшись къ пышной подушкѣ засыпаешь съ пріятной истомой въ тѣлѣ. А въ комнатѣ ни одного комарика, ни одной мухи. Въ окнѣ днемъ сѣтка, а

ночью темная занавѣска и тишина вокругъ полнѣйшая.

Я помню какое наслажденіе я испыталъ, попавъ впервые подъ гостепріимную кровлю Млевскаго дома дядюшки Николая Петровича, гдѣ стараго покроя прислуга на цыпочкахъ ходила, пока господа почиваютъ-

Помню какъ, избалованный бабушкиными любанскими сливочками и печеніями, я съ жадностью глоталъ густыя, розоватыя млевскія сливки, поѣдалъ пушистый, теперь уже невѣроятной бѣлизны домашній хлѣбъ. Какъ за обѣдомъ я упитывался млевскими грибными пирогами, гдѣ корочка хрустѣла, пирожками съ укропцемъ, налимьими печенками или щучиной, потрошками, да воздушными пирогами, а весной карасиками въ сметанѣ. А вносятъ блюдо — сметана такъ и шипитъ, или муссомъ изъ черносмородиннаго молоденькаго, свѣженькаго листа. Кажется съ этимъ муссомъ сама весна къ Вамъ въ ротъ врывается. И все это запивалось домашними сухарными или лимонными квасами, сливянками и всякими запеканками.

А въ Подольской губерніи у сосѣдей малороссійскіе душистые борщи съ разсыпчатой кашей, да молочные поросята или ягнята, изъ погреба же появлялась покрытая мхомъ бутылка стараго венгерскаго «венгжина», какъ они называли или стараго меду, его пьешь и не пьянѣешь, голова свѣжая, а вставать трудновато...

А позднѣе, когда приходилось гащивать въ благоустроенномъ и богатѣйшемъ Выбитѣ у князя Б. А. Васильчикова, гдѣ мнѣ съ дѣтства во многомъ избалованному, приходилось чуть ли не на каждомъ шагу изумляться и поражаться барскимъ хорошимъ при-

чудамъ, широтѣ княжескаго хлѣбосольства, благородству и обдуманности помѣщичьихъ благотворительныхъ начинаній и разныхъ охотничьихъ затѣй. Какъ во Млевѣ у дядюшки Николая Петровича Харламова, такъ и въ болѣе широкихъ размѣрахъ въ Выбитѣ все дѣлалось своевременно, безъ шуму и суеты, точно невидимая рука все приносила и уносила. Явства смѣнялись явствами, изысканность барской кухни доходила въ Выбитѣ до апогея и тогда, когда уже мысли мѣшались, глаза невольно закрывались отъ сладкой истомы послѣ вкуснаго, тонкаго и сытнаго домашняго обѣда, на балконъ выносился подносъ, уставленный произведеніями собственной оранжереи, подавался въ обворожительныхъ чашечкахъ ароматный кофе и пузатенькая бутылка старинной наливки или долго сохранявшагося дессертнаго французскаго вина, или запыленная бутылка стараго арманьяку дополняли оконченный обѣдъ. Попивая изъ тоненькой рюмочки коньячекъ или вдыхая ароматное вино и, поглядывая на зеленѣвшую даль, какъ то въ полудремотѣ поддерживались послѣобѣденные разговоры.

И кажется до того сытъ, что противно думать объ ѣдѣ, во Млевѣ же гостепріимный и обжорливый хозяинъ и дядюшка, поджавъ по турецки ноги на балконномъ диванѣ, покуривая хорошую крученную папиросу и закрывая какъ котъ глаза, отъ пріятной послѣобѣденной сытости, бывало спрашивалъ: «Ну, Сашенька, вотъ я къ тебѣ пріѣду въ гости, ты будешь женатъ, какимъ же ты меня, братецъ, обѣдомъ накормишь и что дашь на закусочку?» И вотъ начинаешь сочинять, а у него отъ удовольствія уже улыбка расползается и изрѣдка даже причмокиваетъ, когда названное блюдо ему особенно нравится. «Постой», по-

правляетъ онъ, «вотъ на второе лучше было бы это» и водитъ указательнымъ пальцемъ по переносицѣ.

Да, скажутъ мнѣ, безполезные люди жили на счетъ низшей братіи, на счетъ забитаго крестьянина. Не правда, грубѣйшая, чистѣйшая ложь и выдумки, Вотъ теперь низшая братія на чужой счетъ, на ворованное живетъ и крестьянинъ на разграбленное помѣщичье добро.

А тогда люди жили на родовое и умѣли жить и другимъ жить и наживаться давали. Цѣльные типы стараго барства, настоящаго не по имени только, а по духу, по мыслямъ, по благородному и добрѣйшему сердцу; и никого не обижали. И всякій крестьянинъ къ нимъ шелъ и откровенно излагалъ свои нужды и получалъ полное удовлетвореніе. Уваженіемъ пользовались не изъ за денегъ, а господа были настоящіе.

И какъ бабушку Софію Евграфовну, хотя и — 30 лѣтъ скончавшуюся, но старая Любань до сихъ поръ помнитъ и добромъ вспоминаетъ, такъ и дядющекъ Николая Петровича или Николая Евграфовича мужички навѣрное помнятъ и, не смотря на всякія свободы, да революціи, молятся за нихъ, да какъ еще молятся.

И многіе мнѣ извѣстные и въ Новгородской, Псковской и другихъ губерніяхъ, которыхъ изъ за ихъ скромности, что здравствуютъ еще, не хочу называть, господа были не по названію, а по духу, по жизни по поступкамъ. Слово съ дѣломъ не расходилось и барскому слову вѣрили, крѣпко оно было. Пусть смѣются, что я теперь въ XX вѣкѣ, да еще во время революціи и россійскаго разгрома помѣщичій бытъ и помѣщичьи типы воспѣваю. Да помѣщики, господа, «баре», какъ теперь презрительно называютъ, но хо-

рошіе, цѣльные типы, душа была русская, широкая, благородная.

И дядюшка Николай Петровичъ не только покушать любилъ и пасьянсы раскладывать, да Севастополь вспоминать, нѣтъ это былъ баринъ, либералъ въ хорошемъ смыслѣ слова (русскомъ, не кадетскомъ), сидѣвшій въ 1858 году въ Петропавловской крѣпости съ братьями Бакуниными за то, что осмѣлились требовать освобожденія крестьянъ съ землею.

И мужъ его сестры, другъ и сосѣдъ ближайшій, Леонидъ Алексѣевичъ Широбоковъ, богатый Тверской помѣщикъ и образцовый сельскій хозяинъ, за тоже съ нимъ сидѣлъ въ Петропавловкѣ и всетаки былъ и остался бариномъ съ головы до пятъ. А умеръ Леонидъ Алексѣевичъ, такъ его гробъ мужички на рукахъ нѣсколько верстъ до церкви несли, не смотря на то, что въ то время былъ сѣнокосъ. И съ Николаемъ Петровичемъ и его сверстниками и друзьями можно было обо всемъ поговорить и многому научиться. Теперь вѣдь только Маркса и подобныхъ ему пророковъ читаютъ или грязные романы Вербицкой, да Арцыбашева,а тогда не только Вольтера, Монтескье и Руссо, но и Джона Стюарта Миля и Конта, Бюффона, Бокля, Ренана, Шопенгауера и Канта въ старинныхъ усадьбахъ можно было найти и даже замѣтки милаго дядюшки карандашикомъ на поляхъ книгъ я находилъ.

Что касается дядюшки Николая Евграфовича, то онъ былъ Губернскимъ Предводителемъ въ Новгородѣ во время открытія тамъ памятника тысячелѣтія Россіи, т.е. въ самую, такъ сказать выдающуюся эпоху Новгородской жизни и съ великимъ достоинствомъ для дворянства исполнялъ эту почетную обя-

занность. Между прочимъ, произошелъ такой казусъ. Государь Императоръ Александръ II съ Августѣйшей Супругой и Дѣтьми останавливался въ такъ называемыхъ Митрополичьихъ покояхъ, гдѣ теперь проживаетъ Новгородскій Архіерей, а парадный обѣдъ, который Государь Императоръ дѣлалъ по этому случаю, былъ назначенъ въ Дворянскомъ домѣ, гдѣ самая большая зала въ городѣ и на этотъ обѣдъ были приглашены Губернскіе и Уѣздные предводители дворянства, а съѣхавшіеся изъ отдаленныхъ уѣздовъ губерніи господа дворяне были забыты. И только рано утромъ въ день торжества узнаетъ про это князь Николай Евграфовичъ и отправляется къ князю Василію Андреевичу Долгорукову, шефу жандармовъ, который на празднествѣ вѣдалъ оберъ-гофмаршальской частью и настаиваетъ на приглашеніи всѣхъ прибывшихъ дворянъ. Тогда Долгоруковъ, довольно резонно объясняетъ, что за нѣсколько часовъ до обѣда лишнихъ двѣсти человѣкъ это во всѣхъ отношеніяхъ невозможно. Но князь, будучи по натурѣ очень скромнымъ человѣкомъ и сравнительно молодымъ (ему тогда было 44 года) говоритъ, что онъ отъ князя Долгорукова не уйдетъ, покуда не добьется благопріятнаго отвѣта иначе ни онъ, ни кто изъ уѣздныхъ предводителей на Высочайшемъ обѣдѣ не будутъ, ибо онъ считаетъ это недопустимымъ, чтобы хозяева дома (т.е. дворяне) не были удостоены приглашенія къ Высочайшему столу. Ну, конечно, передъ подобной настойчивостью не устоялъ разумный царедворецъ, каковымъ былъ благороднѣйшій Василій Андреевичъ Долгоруковъ и всѣ дворяне были приглашены. Слушая этотъ разсказъ отъ самаго дядюшки Николая Евграфовича, у меня невольно

вырвался вопросъ: «ну и что же?» «А то», отвѣчалъ онъ, «что не только были приглашены, но на всѣхъ всего хватило.» Этотъ маленькій фактъ показываетъ большое, въ особенности по тому времени, гражданское мужество Николая Евграфовича, а далеко не всякій предводитель рѣшился бы такъ отстаивать интересы дворянъ.

А коснитесь богословскихъ вопросовъ, то и бабушка и только что упомянутый мной братецъ ея, любого богослова за поясъ заткнули бы, ибо все выдающееся по этой части имъ обычно хорошо было извѣстно. А Блаженный Августинъ и Фома Кемпійскій это были настольныя и любимыя бабушкины книги со всѣми толкованіями ихъ сочиненій. Изъ нашихъ русскихъ предпочтеніе, разумѣется, отдавалось Алексѣю Степановичу Хомякову.

Заговорите о поэзіи, то бабушка интересовалась всѣми, даже новѣйшими поэтами и все выдающееся можно было найти на ея довольно обширномъ столѣ, но любимымъ былъ Пушкинъ, про котораго я отъ нея много разсказовъ слышалъ, ибо она его прекрасно помнила и часто встрѣчала его въ обществѣ. Она знала не только множество его маленькихъ стихотвореній, но и цѣлыя главы изъ «Евгенія Онѣгина», въ 80 лѣтъ, наизусть говорила. Отъ нея же узналъ отвѣтъ Митрополита Филарета на стихи Пушкина «Даръ напрасный, даръ случайный»: «Не напрасный, не случайный, жизнь отъ Бога намъ дана.» Но кромѣ Пушкина и Баратынскаго и Тютчева, и Вяземскаго, и Хомякова многія стихотворенія отлично помнила. «Вы нынѣшніе, нутка?».

Паденіе барства началось еще въ 80 годахъ. Я помню, какъ братъ отца возмущался, когда предста-

витель одной изъ богатѣйшихъ фамилій, владѣлецъ многихъ великолѣпныхъ дворцовъ пошелъ въ началѣ 90 годовъ въ адьютанты къ одному изъ Великихъ Князей, хотя по своимъ колоссальнымъ средствамъ могъ имѣть собственный дворъ. Помню я и старыхъ Великихъ Князей Николая Николаевича Старшаго и Михаила Николаевича. Первый какъ то случайно въ училище къ намъ попалъ. Онъ по спѣшному дѣлу пріѣхалъ къ принцу Ольденбургскому, своему близкому родственнику, а тотъ попросилъ его обойти училище. У насъ въ классѣ какъ разъ была лекція Русскаго права. И Иванъ Ефимовичъ Андреевскій своимъ пѣвучимъ голосомъ прославлялъ законодательство первыхъ русскихъ князей, какъ вдругъ въ сопровожденіи Принца входитъ Великій Князь Николай Николаевичъ и своимъ громкимъ голосомъ и ясной дикціей привѣтливо съ нами поздоровался. Обласкавъ старика профессора, напомнилъ ему что лѣтъ 25 тому назадъ былъ въ училищѣ также на его лекціи и еще что то прибавилъ любезное, намъ какую то прибаутку отпустилъ, а самъ смотритъ яснымъ соколомъ. Такъ не только мы, по молодости лѣтъ, очарованы были, но и старикъ Андреевскій просіялъ. И во всѣхъ классахъ Великій князь обворожилъ молодежь. Тоже Михаилъ Николаевичъ, котораго мнѣ позже приходилось встрѣчать и про котораго много слышалъ отъ покойной Екатерины Ильинишны Татищевой. Да, орлы были, выправка и порода видна была, да какая - Николаевская.! И въ воспитаніи, и въ обхожденіи, и въ обворожительной простотѣ сильно отличались отъ слѣдующихъ поколѣній. И ругань у нихъ мягко выходила, и на ихъ россійскіе эпитеты старики не обижались, ибо они знали людей,

любили сослуживцевъ и всячески расположенiе и вниманiе показывали.

А потомъ въ Москвѣ на дворянскихъ балахъ приходилось мнѣ бывать. Ждутъ Генералъ-Губернатора десять минутъ, ждутъ полъ-часа, все нѣтъ. А Губернскiй предводитель, да Уѣздные предводители дворянства и старѣйшiе дворяне ожидаютъ внизу. И вотъ, наконецъ, съ опозданiемъ чуть не на полъ часа является съ землистымъ цвѣтомъ лица, оловянно помутившимся взоромъ, непривѣтливый съ надменнымъ видомъ Великiй Князь Сергѣй Александровичъ, такъ холодомъ и вѣяло отъ всей его крайне несимпатичной фигуры и только спасала его обворожительная, красивая и любезная Великая Княгиня.

Мнѣ припоминается по этому поводу знаменитый отвѣтъ графа Константина Ивановича Палена, одного изъ немногихъ благороднѣйшихъ и честнѣйшихъ государственныхъ людей, почившему Государю Николаю II послѣ Ходынской катастрофы. Какъ извѣстно графъ Паленъ былъ назначенъ Предсѣдателемъ Верховной Слѣдственной Комиссiи по выясненiю причинъ этой печальной и ужасной катастрофы. «Нельзя назначать безотвѣтственныхъ лицъ на отвѣтственныя должности». Мудрый отвѣтъ правдиваго, прямого человѣка, не зараженнаго лукавствомъ царедворцевъ.

Если я заговорилъ о достойныхъ представителяхъ барства, - не могу не упомянуть объ одномъ характерномъ типѣ, котораго лично раза два видѣлъ и бесѣдовалъ, но много про него слышалъ отъ своихъ друзей, его хорошо знавшихъ. Это сравнительно недавно скончавшiйся Пензенскiй Губернскiй Предводитель дворянства Димитрiй Ксенофонтовичъ Гев-

личъ. Были тогда въ Москвѣ съѣзды Губернскихъ Предводителей дворянства. Бывалъ, конечно, на нихъ всегда нашъ милѣйшій и любимый новогородцами Князь Павелъ Павловичъ Голицынъ и этотъ разсказъ я слышалъ отъ него. Многіе Губернскіе Предводители жаловались и выражали неудовольствіе, что трудно имъ съ Губернаторами живется и получаютъ иногда отъ Губернаторовъ непріятныя бумажки. Димитрій Ксенофонтовичъ, уже почтенный старикъ, своимъ тихимъ ровнымъ голосомъ говоритъ: «Удивляюсь, господа, про какія Вы непріятныя бумажки говорите? У меня этого никогда не бывало, а сколько при мнѣ въ Пензѣ Губернаторовъ смѣнилось.» «А какъ же?» съ удивленіемъ вопрошаютъ его коллеги. «Очень просто. Мнѣ сперва изъ канцеляріи Губернатора или Губернскаго Правленія присылаютъ бумагу на просмотръ, удовлетворюсь ли я такой редакціей или нѣтъ и только, если она предварительно мною одобрена, то идетъ на подпись Губернатору.»

Да, всѣ эти положительные, высоконравственные типы къ сожалѣнію отошли въ вѣчность, теперь или изломанные, издерганные судьбой неврастеники или герои наживы. Конечно были другія времена, другія возможности. Напримѣръ братъ отца считалъ себя несчастнымъ, если въ ноябрѣ у него не была отложена сумма необходимая для прожитья на весь слѣдующій годъ. Да развѣ теперь это мыслимо? Но именно теперь въ наше ужасное время общей нервности, недоѣданія или безумныхъ жизненныхъ тратъ и невѣроятныхъ условій жизни отрадно и пріятно вспомнить про милую простоту, сытую будничность моего дѣтства и моей юности. И я хоть чѣмъ нибудь могу отплатить моимъ дорогимъ жизненнымъ руководителямъ, моимъ близ-

кимъ, за ту благость, за то благородство, которыя они по каплѣ, но постоянно и неуклонно вливали въ мою юную душу своимъ примѣромъ, своимъ высоконравственнымъ идеаломъ и чѣмъ я, по легкомыслію, какъ и всѣ дѣти, не умѣлъ можетъ быть достаточно воспользоваться, ни къ сожалѣнію своевременно не запечатлѣлъ ихъ разсказы изъ прежней жизни русскаго барства, сошедшаго теперь на нѣтъ и почти смытаго войной и лавиной ужасной и безобразной по своей жестокости русской революціи и еще болѣе ужаснаго и безсмысленнаго русскаго раззоренія.

Брашовъ, Трансильванія.
1921.

ГЛАВА III

Правовѣдѣніе.

«Уфъ, за эхидны взгляды ступайте въ карцеръ, уфъ, на 24 часа», говоритъ высокій, строгаго вида въ золотыхъ очкахъ съ рыжесѣдоватыми бакенбардами Эмилій Федоровичъ Шнейдеръ, гроза училища, котораго всѣ воспитанники боялись ужасно, но кажется единственнаго изъ воспитателей, котораго дѣйствительно уважали. Шнейдеру взглядъ одного моего товарища показался непочтительнымъ и насмѣшливымъ и вотъ за это онъ немедленно отправилъ его въ карцеръ.

Онъ также преподавалъ у насъ физику и космографію и хотя очень плохо изъяснялся по русски, но съ увлеченіемъ и съ большимъ знаніемъ преподавалъ эти предметы и былъ очень требователенъ къ ученикамъ. И вдругъ я, списывая у своего сосѣда письменную работу, попадаюсь и, конечно, за это получаю тройку и сильный разносъ. Зная нравъ Шнейдера, мнѣ пророчили провалъ на экзаменѣ, оставленіе на второй годъ и всякія невеселыя перспективы. Очень опечаленный прихожу домой, дѣлюсь съ больнымъ и обожавшимъ меня отцомъ своимъ горемъ, еще получаю дружескій отцовскій разносъ и хожу нѣсколько дней подавленный своей бѣдой. Поразмысливъ, какъ горю

помочь, отецъ съѣздилъ къ Директору Училища Ивану Самойловичу Алопеусу, при немъ бывщему Инспекторомъ, и по совѣту Алопеуса, взяли мнѣ очень хорошаго репетитора Тимофея Ивановича Конюченко, бывшаго тогда Правителемъ Канцеляріи Училища Правовѣдѣнія добродушнаго, очень гостепріимнаго хохла и при этомъ хорошаго физика и математика. Благодаря ему я подготовился къ экзамену очень хорошо, и, вѣря въ справедливость грознаго Шнейдера, не падалъ духомъ. Но вотъ и страшный день, волнуясь подхожу къ столу, беру билетъ и съ облегченіемъ вздыхаю, билетъ, слава Богу, знакомый. «Ну, уфъ, очень хорошо. Ну, еще вопросъ. У Васъ тамъ зимой уфъ, грѣхъ буль?» Но смотритъ уже добрѣе. Ну еще билетъ. Душа у меня падаетъ, я тяжело вздыхаю, но беру. Смотрю судьба мнѣ опять улыбнулась, билетъ знакомый. Взглядъ Шнейдера становится мягче и веселѣй. Ну еще два вопроса. Уже одобрительно поддакиваетъ и по обыкновенію мотаетъ вверхъ и внизъ головой. «Ну, Вы отвѣчаете на 11 балловъ, но я поставлю Вамъ только 8, ну, тамъ на будущій годъ, увидимъ». Я радостный ухожу, главное выдержалъ и могу порадовать болѣе меня волновавшагося отца. И я не былъ въ претензіи за 8, сознавая, что послѣ того что Шнейдеръ меня поймалъ на списываніи онъ имѣлъ право не вполнѣ мнѣ довѣрять. На другой годъ изъ Космографіи и Физики имѣлъ девятку и разстались мы съ Шнейдеромъ друзьями.

Не смотря на строгость, не смотря на требовательность, не смотря на ломанный русскій языкъ человѣка родившагося, въ окрестностяхъ Царскаго Села и тридцать лѣтъ прослужившаго въ училищѣ, Шнейдера можно было уважать за прямоту, честность,

благородство, умъ и доброе сердце. Къ нему чуть ли не единственному можно было обратиться въ минуты жизни трудныя за совѣтомъ и за помощью. Съ нимъ считалось и начальство и онъ ни съ кѣмъ не стѣснялся въ прямотѣ своихъ сужденій. Многимъ даже изъ моихъ товарищей онъ давалъ деньги въ долгъ, но требовалъ возвращенія въ срокъ. И къ своимъ воспитанникамъ, т. е. того класса, гдѣ онъ былъ воспитателемъ онъ до конца жизни относился даже съ нѣжностью. Въ 1893 году мнѣ пришлось быть на похоронахъ одного стараго правовѣда, конца шестидесятыхъ годовъ, такъ Шнейдеръ не только былъ на панихидахъ, но пришелъ также на похороны и провожалъ тѣло до могилы.

Другимъ очень симпатичнымъ и даже популярнымъ воспитателемъ былъ Георгій Федоровичъ Герцогъ, или какъ мы всѣ его, конечно за глаза, величали Гедрешка. У него было много наблюдательности и юмора и человѣкъ онъ былъ добродушный и мягкій и въ то же время весьма неглупый, но на него не всегда можно было положиться, и бывало милый Гедрешка въ угоду начальству лукавилъ иногда, а Шнейдеръ или какъ мы его называли Шандоръ всегда и во всемъ твердо велъ свою линію. Гедрешка очень любилъ вспоминать старину и разсказывалъ очень картинно, постоянно вынимая свою очень простенькую табакерку и понюхивая табачекъ, а его слушатели всегда къ нему любили приставать, прося щепотку табаку.

Моимъ воспитателемъ былъ Александръ Осиповичъ Карловъ, очень добродушный и милый старикъ, обрусѣвшій нѣмецъ, у котораго оставшіеся на лѣто воспитанники жили на дачѣ, это называлась казенная дача, конечно онъ за это отъ училища получалъ.

Я два лѣта провелъ на этой дачѣ въ Озеркахъ, изъ-за того, что нѣкоторые преподаватели меня не въ мѣру любили и требовали осеннихъ повтореній моихъ весеннихъ отвѣтовъ. И я съ большимъ удовольствіемъ вспоминаю эти два лѣта, вспоминаю милую, сердечную и добрѣйшую Марію Михайловну Карлову, жену Александра Осиповича, хотя очень просто, но сытно и вкусно насъ угощавшую. Карловъ былъ очень вспыльчивъ и тогда немного заикался и повторялъ — дръ — дръ, за что его такъ и прозвали. Не знаю почему, но многіе его не любили, но несомнѣнно онъ былъ хорошій и честный старикъ. Ко мнѣ онъ относился очень хорошо, во-первыхъ потому, что по географіи, которую онъ преподавалъ въ четвертомъ классѣ (т. е. въ старшемъ гимназическомъ), я считался лучшимъ ученикомъ, а во-вторыхъ онъ меня какъ-то больше зналъ въ особенности, благодаря лѣтнему у него житью.

Спасибо ему, на экзаменѣ греческаго языка, по которому весь годъ отвѣчалъ по шпаргалкѣ, милый старикъ меня спасъ. Экзаменъ былъ переводный изъ четвертаго въ третій классъ, т. е. окончаніе гимназическаго курса и я можно сказать ни въ зубъ, ибо разъ и въ пятомъ и въ четвертомъ классахъ ничего не зналъ, то разумѣется, въ два или три дня подготовиться не могъ. Вотъ передъ экзаменомъ подхожу я со смиреннымъ видомъ къ Карлову и говорю: «Двѣ ночи на пролетъ сидѣлъ, все перепуталось въ головѣ, что и зналъ то забылъ, ради Бога, помогите». И вотъ видите, д-ръ, д-ръ... не надо по ночамъ заниматься и дыръ, дыръ... д-ръ сколько разъ я Вамъ это говорилъ. Ну хорошо, я ужъ устрою». Классный воспитатель по должности присутствовалъ на всѣхъ экзаменахъ. Подходитъ моя

очередь, Карловъ наклоняется и на ухо что-то говоритъ Герману Васильевичу Бюригу, преподавателю греческаго языка, хотя мрачнаго вида, но доброму человѣку и Бюригъ уходитъ изъ класса. Остаются Карловъ и Слефохтъ (ассистентъ и тоже воспитатель). Послѣднiй мнѣ даетъ какое-то мѣсто прочесть, спросилъ для проформы значенiе одного слова и отпустилъ меня съ миромъ. Злые языки говорили у насъ, что самъ Слефохтъ зналъ немного болѣе меня. Во всякомъ случаѣ были милостивы и разумны, ибо изъ-за второстепеннаго предмета не оставлять-же воспитанника на второй годъ.

Вообще, какъ вспоминаю, не могу понять, для чего въ теченiи пяти лѣтъ насъ мучили греческимъ языкомъ, очень труднымъ, а при трехъ урокахъ въ недѣлю даже добросовѣстнымъ ученикамъ трудно было чему нибудь научиться. Гомера читать можно и въ переводѣ, а красотъ его по гречески никто изъ насъ не понималъ.

Чтобы закончить воспитательную сторону привеллигерованнаго учебнаго заведенiя, скажу, что составъ воспитателей былъ довольно курьезенъ: уже упомянутый мною Слефохтъ, ограниченный человѣкъ и недобрый, онъ размягчился только подъ конецъ своей жизни и тоже плохо владѣлъ русскимъ языкомъ. Вотъ одинъ изъ комическихъ случаевъ: одинъ изъ его учениковъ (т. е. его класса) назвалъ учителя географiи Голубева старымъ ловеласомъ, тотъ обидѣлся и пожаловался классному воспитателю. Вотъ Олефохтъ приходитъ для нравоученiя и говоритъ: «Господа, одинъ изъ Васъ, я не хочу его называть, назвалъ Василiя Ивановича старымъ водолазомъ. Ну-то Замитнинъ вставайте, когда съ Вами говорятъ».

Весьма симпатичный человѣкъ былъ Александръ Ивановичъ Бруннеръ съ громадной бородой, очень равнодушно относившійся къ своимъ обязанностямъ и ко всему, что вокругъ него происходило. Я не помню что бы онъ на кого-нибудь разсердился, но зато врядъ ли онъ и могъ имѣть вліяніе на питомцевъ. Онъ былъ старый холостякъ, хозяйства своего не имѣлъ и всегда, вѣроятно по скупости, питался въ училищѣ, съ большимъ аппетитомъ поѣдая нашу довольно однообразную пищу. «Голубецъ, Голубецъ, дай мнѣ еще чаю, у меня булка осталась», обращается онъ бывало къ нашему буфетчику. А черезъ нѣсколько минутъ: «Голубецъ, Голубецъ, дай мнѣ еще булочку у меня чай остался». и такъ по нѣсколько разъ. — И всѣхъ онъ величалъ «Голубецъ» и преподавателей и воспитателей и воспитанниковъ — всѣ у него были «Голубецъ».

Тоже довольно симпатичнымъ и порядочнымъ человѣкомъ былъ англичанинъ Аткинсонъ, но слишкомъ безучастный. У него, какъ и подобаетъ представителю его націи, была слабость къ боксу и когда воспитанники боксировались онъ приходилъ въ восхищеніе и какъ бы стряхивалъ съ себя свою апатію и сонливость и всячески подбодрялъ боксеровъ.

Но самыми отрицательными типами изъ воспитателей были при мнѣ Гольманъ и Даллозъ. Первый, правда, не долго въ училищѣ прослужившій (года два), обрусѣлый и грубый нѣмецъ, любившій выпить и разъ явился на ночное дежурство совершенно пьяный и кажется за это-то и былъ уволенъ. Другой разъ Попечитель Училища — Принцъ Ольденбургскій, тогда командовавшій Гвардейскимъ Корпусомъ, засталъ его на ночномъ дежурствѣ спящимъ и отправилъ его на гауптвахту. Но самое главное было то, что

желая передъ начальствомъ проявить свое рвеніе и доказать, что внимательно слѣдитъ за поведеніемъ воспитанниковъ онъ шпіонилъ и даже дядекъ (нашихъ солдатъ) заставлялъ подсматривать за воспитанниками даже Университетскихъ Классовъ, за что на старшемъ курсѣ, покрывъ его одѣялами, довольно жестоко отколотили.

Другимъ отрицательнымъ типомъ былъ французъ Даллозъ, тоже прибѣгавшій и къ подсматриванію и шпіонству, человѣкъ каверзный, мелочный и довольно злобный и мы чѣмъ могли ему мстили за низменныя свойства его мелкой и гадкой душонки. Одинъ изъ моихъ товарищей, впослѣдствіи Членъ Государственной Думы, маленькаго роста съ однимъ глазомъ, прямой и смѣлый по натурѣ человѣкъ и прекрасный всѣми любимый товарищъ, почти всегда этому Даллозу говорилъ «ты» и обращался по русски. «Pourquoi vous me tutoyez». «Я тебѣ, поганый французъ изъ презрѣнья ты говорю». Правда, это было въ старшихъ классахъ и ему сходило это съ рукъ или вѣрнѣе самъ Даллозъ боялся на него жаловаться. Не знаю кому принадлежала честь приглашенія этихъ двухъ воспитателей (они оба поступили при мнѣ), но долженъ сознаться, что выборъ былъ крайне неудаченъ, ибо оба кромѣ презрѣнія со стороны воспитанниковъ ничего не заслуживали.

Но самымъ жалкимъ, я не скажу отрицательнымъ, а именно жалкимъ типомъ изъ нашихъ воспитателей былъ Францъ Сергѣевичъ Антоновичъ, человѣкъ уже въ лѣтахъ, но молодившійся и красившій волосы въ черный съ темнозеленымъ отливомъ цвѣтъ. Онъ не съумѣлъ себя поставить. Начальство это знало и онъ, боясь потерять свое мѣсто, за ними ухаживалъ, спуская намъ всякія шалости и тѣмъ еще болѣе ронялъ

свое достоинство. По утрамъ на его дежурствѣ никто во время не хотѣлъ вставать, и онъ сперва напускалъ на себя строгій видъ, а потомъ подходилъ къ главнымъ зачинщикамъ и застрѣльщикамъ всякихъ скандаловъ, растиралъ имъ спину, подавалъ бѣлье и такъ далѣе, словомъ всячески способствовалъ вставанію этихъ лѣнтяевъ, къ числу которыхъ и я многогрѣшный принадлежалъ. Уже послѣдней мѣрой убѣжденія было обращеніе по французски и вполголоса: «Mais levez vous, je vous ai tout preparé». Прямо иногда жалко становилось, какъ издѣвались надъ бѣднымъ старикомъ, но увы, молодежь безжалостна и кому даже жалко было, тотъ это стыдился показать.

Вотъ Антоновичъ ходитъ по залу и съ кѣмъ-нибудь изъ воспитанниковъ разговариваетъ и между прочимъ упоминаетъ: «когда я служилъ у графа Щ...», кто нибудь изъ шалуновъ подскакиваетъ и услышавъ эти слова добавляетъ «и чистилъ тамъ сапоги...» — несчастный Антоновичъ дѣлаетъ видъ, что не слышитъ и продолжаетъ разговоръ. Иной разъ были другія окончанія: «и красилъ волосы въ зеленый цвѣтъ...» Человѣкъ онъ былъ несомнѣнно ограниченный, весьма ненаходчивый и очень забитый судьбой, но онъ не былъ способенъ на подлость, на извращеніе фактовъ и прочее, какъ пресловутый Даллозъ.

Другой типъ, надъ которымъ жестоко издѣвались, но того любили, это былъ фельдшеръ Ильинъ, съ длинными рыжеватыми бакенбардами, за которыя всѣ считали своимъ долгомъ его дергать. У Ильина какъ и у многихъ ограниченныхъ людей была слабость острить и конечно весьма неудачно. Но старикъ онъ былъ добрый и благожелательный и всѣ въ лицо его называли «Педрилло» (передѣланное имя Петръ).

Когда я былъ въ четвертомъ классѣ, училище понесло крупную утрату въ лицѣ скончавшагося отъ воспаленія легкихъ Инспектора воспитанниковъ Эдуарда Францевича Шульца. Это былъ суровый на видъ и неприветливый, но благородный и честный человѣкъ, любившій училище, отлично изучившій каждаго питомца и относившійся къ намъ, какъ рѣдкій, добрый, внимательный отецъ. И днемъ, и ночью онъ обходилъ училище и вникалъ во все, насколько былъ въ силахъ и въ правѣ. Его кончина, это было дѣйствительно горе для всѣхъ насъ и днемъ и ночью добровольно дежурившихъ у его гроба, а похороны его были замѣчательны по благоговѣйной торжественности, съ которой проводили его тѣло до могилы, какъ бывшіе, такъ и настоящіе питомцы училища. Особенно его оцѣнили съ назначеніемъ его преемника, человѣка неискренняго, потакавшаго слабостямъ старшихъ воспитанниковъ и имѣвшаго своихъ любимцевъ. Главное, что онъ былъ человѣкъ посторонній, не знавшій училища, совершенно не понимавшій или не хотѣвшій понять его духа. При немъ и пошло ябедничество, наушничество и шпіонство.

Переходя къ преподаванію, смѣю утверждать, что самымъ любимымъ и, думаю, популярнымъ преподавателемъ при мнѣ былъ на младшемъ курсѣ преподаватель русской словесности Василій Семеновичъ Анненковъ, который дѣйствительно съумѣлъ насъ заинтересовать и внушить любовь къ чтенію и русской литературѣ и самъ онъ мастерски и весьма охотно читалъ, въ особенности Гоголя. Къ сожалѣнію онъ рано погибъ отъ скоротечной чахотки и мы съ большимъ сожалѣніемъ провожали гробъ этого милаго и скромнаго человѣка. Замѣстителемъ его былъ скучный и

бездарный Шалыгинъ, на его урокахъ царила скука, слава Богу, что мнѣ мало у него пришлось учиться, а то потухла бы во мнѣ и въ моихъ товарищахъ любовь къ русскимъ авторамъ и ихъ произведеніямъ, которую съумѣлъ въ насъ разжечь покойный Анненковъ. Отецъ, тоже правовѣдъ, очень любившій и интересовавшійся училищемъ восторгался своимъ профессоромъ, знаменитымъ въ свое время Николаемъ Алексѣевичемъ Вышнеградскимъ (братомъ министра); не знаю, можетъ быть, тотъ былъ еще лучше, но я до сихъ поръ вспоминаю съ глубокой благодарностью милаго Василія Семеновича Анненкова.

Курьезнымъ и мало симпатичнымъ типомъ изъ нашихъ преподавателей былъ преподаватель геометріи Инженеръ Генералъ-Лейтенантъ Валеріанъ Яковлевичъ Ильяшевичъ. Неважный преподаватель съ большими странностями и очень нервный человѣкъ: онъ какъ то странно говорилъ замогильнымъ голосомъ съ сильнымъ малороссійско - польскимъ акцентомъ (тогда украинскаго еще не было) и при этомъ картавилъ. Мнѣ особенно въ памяти осталась его рѣчь на послѣднемъ урокѣ геометріи, когда мы стали съ нимъ прощаться. Онъ поручалъ нашему вниманію своего сына Яшу, который на нѣсколько лѣтъ былъ насъ моложе, что бы мы, какъ старшіе, ему по службѣ, помогали и поддерживали. На насъ эта рѣчь, по заискивающему и низкопоклонному тону произвела тогда очень непріятное впечатлѣніе. Какъ то еще въ шестомъ классѣ, приходилъ онъ къ намъ на урокъ, было тринадцатое число и мы ему говоримъ: «Ваше Превосходительство, спрашивать не надо, не хорошее число». — «А я Вамъ докажу наоборотъ». Вызвалъ меня и другого лѣнтяя Богдановича и поставилъ по

восьми, чтобы доказать, что это предразсудокъ и тринадцатое число хорошее, хотя мы ничего не знали.

Другимъ курьезнымъ типомъ, у котораго я, слава Богу, учился только одинъ годъ, былъ учитель нѣмецкаго языка Грюнбергъ, какъ его звали не помню. Въ парикѣ, въ синихъ очкахъ, увѣряли, что одинъ глазъ у него былъ вставной, высокій, сухой и злой старикъ, страшно боявшійся сквозняковъ. И вотъ желая отдѣлаться отъ него, мы бывало сдѣлаемъ полосы мѣломъ по окну и издали казалось что стекло разбито. «А разбито стекло — я не могу давать урока» и уходилъ, по дорогѣ пожаловавшись Инспектору классовъ Лудольфу Борисовичу Дорнъ, суетливому и мало симпатичному полусумасшедшему человѣку. Онъ и кончилъ потомъ плачевно, повѣсившись въ припадкѣ умопомѣшательства. «Господа, что это вы разбили стекло. Господинъ Грюнбергъ жаловался». Мѣлъ былъ уже давно стертъ и мы съ удивленіемъ говорили: «какое стекло, никакого разбитаго стекла нѣтъ». Дорнъ видитъ, что все въ порядкѣ, пожимаетъ плечами, а Грюнбергъ тѣмъ временемъ уже ушелъ и мы отдѣлались отъ урока и слѣдовательно отъ троекъ, которыя при двѣнадцати - бальной системѣ такъ и летѣли.

Кажется онъ держался той же системы, какъ кто-то изъ профессоровъ при моемъ отцѣ, который говорилъ: «На двѣнадцать знаетъ Богъ, на одиннадцать знаю я, а на десять — лучшіе изъ учениковъ». Хотя Грюнбергъ былъ безжалостный и безсердечный человѣкъ и скучный и неважный преподаватель, но мы его всячески и жестоко обманывали. Когда бывали заданы стихи, то за доской приклеивалась шпаргалка и скосивъ глаза мы отвѣчали хорошо, а онъ, вслѣдствіе плохого зрѣнія насъ очень рѣдко ловилъ. Другой способъ

увиливанія отъ его уроковъ было ложиться подъ каφедру, куда ухитрялись иногда заползать вдвоемъ и тамъ, въ пыли и въ духотѣ просиживать часъ, иногда и болѣе, а дежурный воспитанникъ насъ отмѣчалъ отсутствующими.

Вообще преподаваніе на младшемъ курсѣ, т. е. въ гимназическихъ классахъ очень хромало. Чья это была вина и зналъ ли про это Попечитель училища — не берусь судить, думаю, что не зналъ. Директоръ былъ при мнѣ милѣйшій, симпатичный, нами любимый и несомнѣнно любившій насъ и училище Иванъ Самойловичъ Алопеусъ, но онъ не обладалъ ни твердымъ характеромъ, ни административно - воспитательными наклонностями и думаю больше всего боялся Принца. Но справедливость требуетъ сказать, что штатскій Алопеусъ былъ замѣненъ рядомъ военныхъ генераловъ, при которыхъ дѣло пошло гораздо хуже.

Мнѣ кажется, что уже при мнѣ, это привелигированное учебное заведеніе, потеряло свой «raison d'etre», а никто въ этомъ тогда не рѣшался сознаться и поднять объ этомъ вопросъ. Весь духъ училища, уже въ 80 годахъ, не соотвѣтствовалъ времени и это сословное дѣленіе съ юныхъ лѣтъ, вообще было вредно и совершенно не нужно. Училище несомнѣнно принесло громадную пользу Россіи первыя тридцать лѣтъ своего существованія, т. е. во времена дореформеннаго суда,когда въ судахъ царствовала взятка и слова «надо ждать» (надожь-дать), тогда молодые правовѣды облагородили насколько было возможно эти допотопныя учрежденія и очистили эти авгіевы конюшни.

Я не отрицаю, что оно сыграло крупную роль при введеніи судебныхъ учрежденій, но съ новыми судами появились свѣжія силы и гласный судъ уже по устрой-

ству своему не могъ быть мѣстомъ произвола и вымогательства, какъ старые суды.

Съ 80 же годовъ слѣдовало уничтожить всѣ привелегіи по образованію, уничтожить сословность, оставивъ лишь соединеніе Университетскихъ классовъ съ гимназическими и тогда не было бы мѣста тѣмъ нареканіямъ и зависти, которыя подчасъ возбуждали молодые правовѣды при поступленіи на службу.

Изъ преподавателей младшаго курса кромѣ упомянутаго Анненкова могу съ благодарностью вспомянуть преподавателя исторіи Александра Васильевича Добрякова и французской словесности Альфонса Егоровича Гоппе, оба имѣли даръ привлечь слушателей къ своему предмету. Добряковъ очень увлекался разсказывая своимъ тоненькимъ голоскомъ исторію. Конечно вся исторія (русская въ особенности) преподавалась въ духѣ благонамѣренномъ и не было безпристрастнаго освѣщенія фактовъ, но думаю въ гимназическихъ классахъ этого и требовать нельзя.

А преподаватели латинскаго языка Слефохтъ и латинской словесности Вертъ, первый просился прямо въ водевиль, но всѣхъ комическихъ исторій съ нимъ бывшихъ я теперь уже не запомню, а второй это какой то злой истуканъ. Даже Бастенъ, авторъ извѣстной тогда французской хрестоматіи, изъ-за множества уроковъ превратился въ какую-то машину, напримѣръ, въ 6 классѣ каждый изъ учениковъ изучилъ одну страницу Телемака и въ теченіе всего года отвѣчалъ Бастену тоже самое. И ему было безразлично. Вопросовъ онъ не задавалъ, лишь бы исполнить скучную обязанность, а на оцѣнку знаній былъ очень щедръ. Берлингъ, преподаватель нѣмецкаго языка въ 5 и 4 классахъ, дѣлилъ учениковъ на двѣ категоріи, желающихъ имѣть

полный баллъ или довольствующихся 8. Отъ послѣднихъ онъ только требовалъ, чтобы перо и тетради были на пюпитрѣ и смотрѣли на него, тогда можно было ничего не знать.

Преподаватель географіи въ младшихъ классахъ В. И. Голубевъ больше разсказывалъ веселые анекдоты и случаи изъ жизни. Къ прекраснымъ разсказчикамъ по таланту приближавшимся къ Ивану Федоровичу Горбунову отношу училищнаго священника Протоіерея Алексѣя Ивановича Парвова, окончившаго свою блестящую карьеру Предсѣдателемъ училищнаго совѣта при Св. Синодѣ. Парвовъ имѣлъ очень благодарную для разсказчика наружность, очень подвижное, жирное лицо съ маленькой рѣденькой бородкой. Онъ отлично изображалъ въ лицахъ, какъ мы стоимъ въ церкви, какъ переговариваемся, оборачиваемся на публику и дѣлаемъ замѣчанія, мы покатывались со смѣху, а урокъ тѣмъ временемъ проходилъ. Но врядъ ли слѣдовало духовному отцу превращаться въ актера и играть для райка. При этомъ это былъ очень неискренній человѣкъ и, выпытывая у молодежи на исповѣди какіе нибудь секреты, сообщалъ по начальству и были случаи сбавленія балловъ изъ поведенія за откровенности на исповѣди. Вотъ какъ съ юныхъ лѣтъ могли отвращать отъ церкви.

Изъ разсказовъ отца вспоминается высоконравственный обликъ ихъ мудраго, но строгаго наставника почтеннаго отца Михаила Богословскаго, скончавшагося въ Москвѣ Протопресвитеромъ Архангельскаго или Успенскаго Собора и завѣщавшаго себя отпѣвать въ училищѣ. Такъ ему дорого было училище, гдѣ онъ прослужилъ лѣтъ тридцать и это отпѣваніе какъ разъ при мнѣ происходило. И всѣ старики правовѣды пер-

выхъ выпусковъ во главѣ съ почтеннымъ Николаемъ Ивановичемъ Стояновскимъ явились отдать последній долгъ своему законоучителю.

Когда я былъ въ 5 классѣ Парвова замѣнилъ очень скромный, почтенный и уважаемый отецъ Протоіерей Василій Герасимовичъ Пѣвцовъ. Я не считалъ его даровитымъ преподавателемъ, но это былъ простой, сердечный и хорошій человѣкъ, къ которому всѣ относились съ уваженіемъ.

На сколько въ общемъ преподаваніе на младшемъ курсѣ, т. е. въ гимназическихъ классахъ было слабо поставлено, на столько высоко оно стояло на старшемъ курсѣ, гдѣ главной гордостью училища и грозой правовѣдовъ былъ Николай Степановичъ Таганцевъ. Дѣйствительно на его лекціяхъ не соскучишься и не заснешь и не было случая, что-бы кто-нибудь и когда-нибудь не слушалъ этого интереснаго и талантливаго профессора. И если онъ былъ къ намъ строгъ, то по справедливости можно сказать, что онъ имѣлъ право быть строгимъ: столько души, столько любви онъ вкладывалъ въ уголовное право. Я до сихъ поръ помню его блестящія лекціи, его наглядные примѣры, его всегда остроумныя сравненія, его убѣдительную рѣчь. Словомъ вся его лекція это былъ фейерверкъ таланта и ума. Онъ увлекался самъ и увлекалъ слушателей, ибо въ его рѣчи помимо солидныхъ знаній, было всегда много огня.

Другой крупной величиной моего времени былъ Семеонъ Викентьевичъ Пахманъ, извѣстный цивилистъ и уже старый профессоръ. Но у него зависѣло отъ настроенія, а можетъ быть по старости лѣтъ и отъ здоровья. Иногда онъ увлекался и тогда его рѣчь блестѣла остроуміемъ и красотой и плавностью изложе-

нія, но увы, случалось рѣдко, а то огонь въ немъ потухалъ и недѣлями это былъ скучнѣйшій профессоръ.

Третьимъ талантливымъ чтецомъ былъ Иванъ Ефимовичъ Андреевскій, тогда ректоръ университета и очень популярный среди студентовъ. Читалъ онъ красиво, но скорѣе декламировалъ на манеръ французскихъ артистовъ, чѣмъ читалъ. И русское его право было интереснѣе и ему болѣе удавалось, чѣмъ энциклопедія права. Европейски извѣстный Мартенсъ, участникъ всѣхъ тогдашнихъ международныхъ конгрессовъ, былъ очень скучный лекторъ и мы всегда изумлялись его славѣ. Кромѣ того у него была слабость повторять «такъ сказать» и одинъ мой товарищъ имѣлъ терпѣніе, какъ то сосчитать, что во время лекціи, т. е. часа, онъ болѣе ста разъ это произнесъ. При этомъ онъ такъ монотонно говорилъ, что надо было дѣлать большіяусилія, чтобы не заснуть. А человѣкъ онъ былъ обидчивый и тому, кто у него заснулъ, онъ бы на экзаменѣ жестоко припомнилъ. Очень хорошимъ профессоромъ былъ Гольмстенъ, читавшій гражданское судопроизводство. Къ сожалѣнію я не засталъ Анатолія Федоровича Кони, читавшаго теорію и практику уголовнаго судопроизводства. Въ талантливости, содержательности и интересности лекцій онъ спорилъ съ Таганцевымъ.

Курьезнымъ профессоромъ былъ Александръ Петровичъ Загорскій 85-лѣтній старикъ, читавшій въ училищѣ чуть ли не 50 лѣтъ судебную медицину. Вѣроятно въ молодости это былъ талантливый профессоръ, но при мнѣ и экзамены и лекціи его были сплошнымъ анекдотомъ. Его смѣнилъ Анрепъ, впослѣдствіи членъ Государственной Думы и тогда судебная меди-

цина преобразилась и, какъ и слѣдовало быть, сдѣлалась интереснымъ предметомъ.

Съ удовольствіемъ вспоминаю наши выпускные акты, (хотя на своемъ мнѣ не пришлось быть) отличавшіеся особой торжественностью. Окончившіе курсъ воспитанники входили подъ звуки Преображенскаго марша въ залъ во главѣ со своимъ воспитателемъ и подходили къ актовому столу, за которымъ возсѣдалъ совѣтъ училища во главѣ съ Августѣйшимъ Попечителемъ Принцемъ Ольденбургскимъ. Читался сперва Высочайшій приказъ объ опредѣленіи такихъ то лицъ на службу туда то, затѣмъ раздавались медали и переводныя награды и въ концѣ акта, окончившіе курсъ правовѣды читали рѣчи на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ (не было обязательнымъ предметомъ) и латинскомъ языкахъ. Передъ этимъ, конечно, въ церкви совершался благодарственный молебенъ.

Съ особой любовью вспоминаю нашу церковь съ оригинальнымъ и прелестнымъ хрустальнымъ иконостасомъ и хотя частенько, въ особенности за всенощными, мнѣ приходилось поневольно въ ней бывать, но столько думъ было передумано и столько хорошихъ мыслей вызывала въ молодые годы молитва, что дурное забыто, а осталось только хорошее, свѣтлое воспоминаніе о давно прошедшихъ дняхъ невозвратной юности.

Старика Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго я зналъ еще съ приготовительныхъ классовъ. Любовь его къ основанному имъ училищу и доброта всѣмъ извѣстны, и съ дѣтскихъ лѣтъ мы были проникнуты обожаніемъ къ этой чудной, рѣдкой и милой личности, обожаніемъ, передававшимся среди правовѣдовъ

изъ поколѣнія въ поколѣніе. Но справедливость требуетъ сказать, что по старости лѣтъ онъ многаго не замѣчалъ, и были лица, которыя злоупотребляли его добротой. Такъ напримѣръ кормили при немъ очень неважно. Но у старика былъ ореолъ чести, благородства и безпримѣрной доброты, поэтому ни у кого и въ помыслахъ не было за что нибудь осудить Незабвеннаго Основателя училища. Его хорошія стороны, его геніальная, если можно такъ выразиться доброта, затмѣвали его небольшія слабости.

Съ появленіемъ Принца Александра Петровича Ольденбургскаго, очень шумливаго и подчасъ довольно рѣзкаго попечителя, училище сильно подтянулось. Долженъ съ благодарностью отмѣтить, что онъ обращалъ особое вниманіе на физическое воспитаніе. Приказалъ по утрамъ до уроковъ выводить на короткую прогулку, завелъ души и обливаніе холодной водой, разныя садовыя игры и сразу обратилъ вниманіе на столъ, который при немъ сталъ несравненно лучше. Также подтянулъ и значительно улучшилъ лазаретъ. Все начальство его чрезвычайно боялось, но мы ликовали. Говорятъ потомъ Принцъ Александръ Петровичъ сталъ очень мудрить съ училищемъ, но при мнѣ онъ проявлялъ много заботъ къ любимому дѣтищу своего отца, держался хорошихъ традицій и никакой шагистики и фронтовыхъ ученій, слава Богу, не производилъ. Онъ не стремился популярничать, какъ нѣкоторые другіе Высокія лица, а дѣлалъ по совѣсти свое дѣло и несомнѣнно любилъ училище Правовѣдѣнія.

Духъ единенія и добрыя товарищескія отношенія царили на старшемъ курсѣ, гдѣ всѣ университетскіе классы были вмѣстѣ, раздѣляя между собой и радости

и горе. Картина училища была-бы не полна, если бы я не сказалъ нѣсколько словъ о швейцарѣ, игравшемъ у насъ большую роль. Сперва былъ старикъ Голубевъ, чуть ли не съ основанія училища и потому весьма преклоннаго возраста, котораго мальчуганы побаивались. Послѣ короткаго перерыва его замѣнилъ Михайло Бурыма, личность въ нѣкоторомъ родѣ историческая, т. к. онъ былъ послѣднимъ тамбуръ-мажоромъ Преображенскаго полка. Михайло громаднаго роста, былъ очень добродушный хохолъ и почти всегда веселый и мы его очень полюбили. Швейцаръ игралъ большую роль потому, что отъ него зависѣло отмѣтить воспитанника опоздавшимъ изъ отпуска или нѣтъ, и конечно за благодарность Михайло всегда скрывалъ и большею частью удачно наши прегрѣшенія. И на старшемъ курсѣ случались эскапады въ Аркадію ужинать и милый Бурыма намъ покровительствовалъ. Онъ оставался въ училищѣ чуть - ли не до революціи. Изъ дядекъ у меня остался въ памяти николаевскій солдатъ, курчавый старикъ Никитинъ, угрюмаго вида, къ которому мы приставали, узнавъ, что у него родился сынъ, когда ему было 72 года, а жена молодая. «Да это не твой», старикъ сердился и говорилъ, «ну, вотъ выдумали, сынъ такой же курчавый какъ и я».

Большую роль на старшемъ курсѣ играла курилка, т. е. курительная комната, такъ какъ воспитанникамъ университетскихъ классовъ позволяли курить, что довольно строго преслѣдовалось на младшемъ курсѣ училища. Это былъ и нашъ театръ, и нашъ парламентъ, и наше верховное судилище, и мѣсто нашихъ заговоровъ, конечно, весьма невинныхъ по сравненію съ современными. Здѣсь зрѣли училищные таланты, здѣсь въ свободное время бренчала балалайка или слыша-

лась гитара, здѣсь же раздавался мягкій баритонъ покойнаго Лоскутова и пѣніе другихъ товарищей - артистовъ. Здѣсь - же чествовали товарищей достигшихъ совершеннолѣтія или еще болѣе зрѣлыхъ для училища лѣтъ. Теперь прямо показалось бы невѣроятнымъ, какъ въ этой очень небольшой комнатѣ, не имѣвшей, я думаю, 2 сажень въ длину, мы могли устраивать спектакли. Конечно, пьесы были одноактныя и незамысловатыя по обстановкѣ, но веселились мы отъ души. Душою этихъ спектаклей при мнѣ былъ милѣйшій Николай Ивановичъ Зарубинъ, большой театралъ, всегда веселый, общительный человѣкъ, обладавшій при этомъ очень спокойнымъ и ровнымъ характеромъ и всегда съ охотой и даже рвеніемъ занимался устройствомъ увеселеній, обладая для этого и знаніемъ, и нѣкоторымъ опытомъ, и порядочной театральной библіотекой.

Заканчивая воспоминанія объ училищѣ, скажу, что о товарищахъ сохранилъ наилучшія воспоминанія и за 11-лѣтнее пребываніе у меня ни съ кѣмъ изъ нихъ мало мальски серьезныхъ недоразумѣній и размолвокъ не было. Со многими я потомъ потерялъ связь изъ за дальности разстоянія и поэтому особенно былъ обрадованъ, когда на нашъ 25-лѣтній юбилей *) съѣхались почти всѣ здравствующіе товарищи, двое пріѣхали изъ Царства Польскаго нарочно по этому случаю. Тогда всѣ они произвели на меня отрадное впечатлѣніе, судьба повидимому имъ благопріятствовала и у всѣхъ былъ довольный своею жизнью видъ. Теперь уже четыре года ничего о нихъ не знаю, и душа о нихъ болитъ ужасно. Двое, я знаю, разстрѣляны большевиками —

*) Прим. т. е. моего выпуска.

баронъ Медемъ, б. Петербургскій Губернаторъ и Павелъ Феодоровичъ Булацель, крупный дѣятель Союза Русскаго Народа. Многіе вѣроятно голодаютъ или влачатъ жалкое существованіе. Да много дѣльныхъ, честныхъ, хорошихъ и даже прекрасныхъ людей погубила революція и погубила совершенно зря. Много полезныхъ силъ унесено потокомъ русской неслыханной и небывалой бури. Миръ праху этихъ страдальцевъ за нашу родину. Да пусть будутъ даже жертвы, лишь бы она дорогая, воскресла для новой жизни и новой славы.

Брашовъ
1921.

ГЛАВА IV.

Театръ.

Балетъ. — Императорскій квартетъ. — Дѣтскія впечатлѣнія. — Ив. Ал. Мельниковъ. — О. И. Стравинскій. — Баритоны Тартаковъ и Яковлевъ. — Итальянская опера. — Бозіо. — Тамберликъ. — Мазини. — Маркони Сильва — Падилла — Таманьо. — Фигнеръ. — Ванъ-Зандтъ. — Арнольдсонъ. — Баронатъ. — Батистини. — Сандерсонъ. — Фелія Литвинъ. — Александринка. — Московскій Малый театръ. — Графъ Ризооръ. — Волки и Овцы. — Труппа театра Корша. — Рощинъ-Инсаровъ. — М. Г. Савина. — Вл. Н. Давыдовъ. — Поэтъ А. Н. Апухтинъ. — Спектакли у Приселковыхъ. — Иванъ Фед. Горбуновъ. — Н. В. Плевицкая. — Шаляпинъ въ Борисѣ Годуновѣ. — Юбилейный спектакль «Жизнь за Царя».

Съ раннихъ лѣтъ развивалась у меня любовь къ театру, въ особенности къ оперѣ. Потомъ, когда я приблизился къ зрѣлому возрасту и у меня болѣе развился вкусъ, моимъ самымъ любимымъ искусствомъ сдѣлался, разумѣется, балетъ. Да, такого роскошнаго балета, какимъ былъ нашъ Императорскій балетъ, второго не найти въ Европѣ, и только профаны не восторгались нашимъ балетомъ и его главными украшеніями балеринами Анной Павловой, Кшесинской, Карсавиной, богатствомъ кордебалета и роскошью постановокъ, напр. «Спящая Красавица»: сколько лѣтъ уже прошло, но до сихъ поръ помню все: и

изящество, и разнообразіе неистощимой фантазіи талантливаго Петипа, сумѣвшаго придать мелодичной поэтической музыкѣ Чайковскаго такія восхитительныя и живописныя картины. А «Лебединое озеро» — особенно колоритно, вѣдь это была цѣлая поэма, а прелестный «Щелкунчикъ»?

Да, если вспоминать нашъ балетъ, то искреннему восхищенію конца не будетъ.

Вообще, начиная съ царствованія Александра III, русское искусство значительно шагнуло впередъ. Вспомните послѣдніе годы передъ Великой войной; и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ и въ Монте - Карло, кто служилъ главной приманкой для избалованной публики? Все русскіе артисты; въ балетѣ мною уже названные, да Кякштъ, да Нижинскій, въ оперѣ Шаляпинъ, Липковская, Кузнецова, Смирновъ, Баклановъ, Собиновъ и знаменитый такъ называемый Императорскій квартетъ, Чупрынниковъ, братья Кедровы и Сафоновъ. Мнѣ случилось быть, кажется, въ 1914 г. въ Монте - Карло на ихъ концертѣ. Вѣдь надо было видѣть, что дѣлалось съ публикой. За мной сидѣла почтенная, лѣтъ 60, француженка, такъ она прямо неистовствовала, крича бисъ, точно также холодные и невозмутимые англичане, какъ бы разбуженные отъ долгаго сна, прямо преобразились, я помню ихъ радостныя лица и до сихъ поръ слышу ихъ громовые аплодисменты, а ихъ довольно трудно было чѣмъ нибудь удивить. Конечно, этотъ квартетъ дошелъ до поразительнаго совершенства. Ихъ и шуточныя и разныя пѣсни, исполнявшіяся съ закрытыми ртами и чисто русскія народныя пѣсни — исполнялись восхитительно. Но въ большинствѣ случаевъ замѣчательно то, что мы восторгались своими артистами только

тогда, когда Европа ихъ начинала восхвалять, а пока Парижъ или Лондонъ не похвалятъ, мы какъ бы ихъ не замѣчали и часто относились даже съ пренебреженіемъ, и, наоборотъ, восхищались въ Петербургѣ многими очень сомнительнаго таланта, заѣзжими артистами.

Но позволю себѣ вернуться къ дѣтству и къ первымъ моимъ театральнымъ восторгамъ и впечатлѣніямъ. Первое, что я видѣлъ это балетъ «Трильби» съ Евг. Соколовой въ главной роли, конечно это было въ покойномъ Большомъ Театрѣ. Балетъ мнѣ очень понравился, но меня пугалъ занавѣсъ, гдѣ было изображено мифологическое существо съ большой головой, называемое, кажется, «Макрокефалъ». Въ тотъ же годъ, чуть ли не на масляницѣ, повезли въ Александринку, видѣлъ «Злобу дня» Потѣхина съ Савиной, Сазоновымъ, Нильскимъ, Леонидовымъ и Жаумовой въ главныхъ роляхъ. Пьеса мнѣ не понравилась, да и надо сознаться, неудачно была выбрана, совсѣмъ не по дѣтскимъ вкусамъ. Только черезъ годъ, кажется, уже правовѣдникомъ съ бѣлыми воротничками, попалъ въ Маріинскій театръ, гдѣ все привлекало мое вниманіе, и зала, и Царскія ложи, и фойэ. Давали «Жизнь за Царя» съ Меньшиковой, Лавровской, Васильевымъ I и Орловымъ въ главныхъ роляхъ. И увертюра, и первое дѣйствіе, начиная съ этого чуднаго хора «Въ бурю въ грозу», привели меня въ восторгъ. Мазурку тогда танцовалъ въ первой парѣ старикъ Пишо, уже не помню съ кѣмъ, а во второй парѣ тогда еще не старый Кшесинскій - отецъ съ Радиной. И опера, и мазурка произвели на меня и сестру большое впечатлѣніе и долго еще въ лицахъ стараясь подражать Пишо, воспроизводилъ передъ старухой няней и, ка-

жется, передъ бабушкой мазурку. Но особенное впечатлѣніе оставила вторая мною видѣнная опера, благодаря игрѣ несравненнаго Ивана Александровича Мельникова. Это была «Русалка». Я много разъ и позднѣе видалъ его въ этой роли и не знаю, кому отдать въ роли мельника пальму первенства — ему или Шаляпину, котораго я въ этой же «Русалкѣ» видѣлъ въ Народномъ Домѣ уже въ 1916 году. Я до сихъ поръ помню мягкій, бархатный голосъ Мельникова, удивительнаго тембра и въ особенности, какъ онъ исполнялъ «О поле, поле». Это былъ дѣйствительно Русланъ, олицетвореніе русскаго богатыря. И съ уходомъ со сцены Мельникова, какъ въ Русланѣ, такъ и во многихъ другихъ русскихъ операхъ онъ остался незамѣненъ. (Рогнѣда, Нижегородцы, Князь Игорь и нѣкоторыя оперы Римскаго - Корсакова). Я перевидалъ Мельникова во всѣхъ роляхъ и, бывало, экономилъ гроши, чтобы пойти въ театръ, да и удовольствія эти стоили дешево. Ближе 8 ряда правовѣдамъ не позволялось ходить, а въ приготовительныхъ классахъ иначе, какъ въ ложу нельзя было и думать. Ну, билетъ 8 ряда стоилъ 2 рубля, да извозчикъ отъ Таврическаго сада къ Маріинскому театру 40 копѣекъ, да назадъ, значитъ 3 рубля все удовольствіе, а воспоминаній оставалось на нѣсколько лѣтъ. Увлеченіе мое Мельниковымъ продолжалось по крайней мѣрѣ десять лѣтъ; потомъ, когда я подросъ перевидалъ больше артистовъ и артистокъ, сердце иногда колебалось, но въ дѣтскіе годы оно безраздѣльно принадлежало Ивану Александровичу.

И какова была моя радость и смущеніе, когда на какомъ то благотворительномъ концертѣ въ залѣ Городского Кредитнаго Общества, моя мать меня, 13-

лѣтняго правовѣда представила Ивану Александровичу Мельникову, сказавъ, что «у моего сына къ вамъ обожаніе, у него цѣлый альбомъ вашихъ карточекъ». Онъ улыбнулся своей милой и широкой улыбкой, обласкалъ меня, похвалилъ за любовь къ музыкѣ и прибавилъ, что и самъ въ мои годы увлекался многими артистами. Потомъ нѣсколько дней я ходилъ какъ въ чаду и только бредилъ Мельниковымъ, и какъ онъ исполнялъ «Кубокъ янтарный», и «Пью за здравіе Мэри» и т. д. На томъ же концертѣ я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ Григоріемъ Андреевичемъ Лишинымъ, нашимъ бывшимъ правовѣдомъ, талантливымъ композиторомъ, къ сожалѣнію, очень рано погибшимъ. Онъ такъ и не дождался, чтобы его опера «Графъ Нулинъ» и «Домикъ въ Коломнѣ» попали на сцену. Это Лишинъ пустилъ въ ходъ новый тогда жанръ искусства, мелодекламацію.

Другимъ моимъ большимъ любимцемъ съ дѣтства и несомнѣнно большимъ артистомъ былъ Федоръ Ивановичъ Стравинскій, идеальный Фарлафъ и Еремка (Вражья Сила). По моему, Еремка Стравинскаго типичнѣе, злостнѣе и тоньше Шаляпинскаго, даже гримировка Стравинскаго была удачнѣе. Но при всей моей любви къ Мельникову я принужденъ поставить Шаляпина въ «Борисѣ Годуновѣ» выше Мельникова.

Кстати, о «Борисѣ Годуновѣ», — какъ критиковали, какъ смѣялись надъ этой оперой въ то время, т. е. въ концѣ 70-хъ годовъ и затѣмъ нѣсколько лѣтъ,вѣдь она совсѣмъ сошла со сцены. Третьимъ симпатичнымъ артистомъ былъ Федоръ Федоровичъ Комиссаржевскій, отецъ извѣстной впослѣдствіи драматической артистки, впрочемъ кончавшій уже свою карьеру. Помню, что это былъ очень элегантный артистъ, обладавшій не-

большимъ, но пріятнымъ теноромъ. Особенно онъ былъ хорошъ во Фра - Дьяволо, которая была возобновлена для Фигнера. Вообще, Фра - Дьяволо тогда очень хорошо исполнялась: Стравинскій — Лордъ, разбойники — Васильевъ и Палечекъ, Декарсъ — дочь трактирщика и Бичурина — лэди.

Знаменитаго баса Осипа Афанасьевича Петрова видѣлъ на склонѣ его артистической карьеры только разъ и въ маленькой роли въ оперѣ «Тѣнь воеводы», кажется, черезъ три представленія сошедшей съ репертуара.

Отдавая должную дань Стравинскому смѣло скажу я, что у него не было неудачныхъ ролей; изъ всякой роли онъ дѣлалъ шедевръ, напр. Варлаама въ «Борисѣ Годуновѣ» или Гудочника въ «Князѣ Игорѣ». Послѣ него эти роли пропадали. Соперничалъ съ нимъ въ нѣкоторыхъ роляхъ Палечекъ, тогда уже кончавшій свою карьеру. Помимо Мефистофеля Палечекъ мнѣ особенно памятенъ въ маленькой роли іезуита Ронгони въ томъ же «Борисѣ Годуновѣ». Благодаря ему эта маленькая роль дѣлалась замѣтной. Въ нѣкоторыхъ операхъ Стравинскій состязался съ Мельниковымъ, какъ напр., въ «Виндзоорскихъ кумушкахъ» и дуэтъ у нихъ выходилъ безподобно.

Въ то время начинали свою карьеру Лодій (впрочемъ, скоро сошедшій со сцены) и баритонъ Тартаковъ, вѣроятно понынѣ здравствующій, но уже безголосый. Позднѣе это былъ «la cocluche des dames». Но тогда затмевали его Мельниковъ и Прянишниковъ, которые во многихъ роляхъ чередовались, хотя надо сознаться, что по наружности ни добродушный Мельниковъ, ни маленькаго роста и съ бородой Прянишниковъ не подходили ни къ Демону, ни къ Евгенію Онѣ-

гину. Послѣдній нашелъ себѣ идеальнаго исполнителя въ лицѣ Яковлева, который также былъ очень хорошъ и въ Демонѣ. Яковлевъ имѣлъ достаточно мужества во время остановиться и какъ только сталъ терять голосъ, бросилъ сцену, не то, что Тартаковъ, который пользуясь своимъ положеніемъ режиссера еще во время войны появлялся въ главныхъ роляхъ, скорѣе выразительно чавкая, чѣмъ распѣвая аріи. На войнѣ мнѣ пришлось имѣть дѣло съ очень энергичнымъ начальникомъ автомобильнаго отряда, оказавшимъ большія услуги Красному Кресту. Этотъ начальникъ былъ въ формѣ поручика въ запасѣ, кажется, инженерныхъ войскъ, фамиліи его я не разслышалъ, но лицо удивительно знакомое. Я ему это высказалъ и хотѣлъ припомнить, гдѣ мы съ нимъ встрѣчались. Тогда онъ говоритъ: «Вы меня вѣроятно видѣли въ Маріинскомъ театрѣ, я Яковлевъ». «А что же пѣніе?» спрашиваю его, — «Даже къ роялю не подхожу». Также поступила и бывшая артистка Маріинскаго театра Надежда Александровна Фриде, которая, бросивъ сцену, никогда больше не пробовала пѣть. Многіе должны бы были слѣдовать ихъ доброму примѣру и не злоупотреблять терпѣніемъ публики.

Въ Демонѣ я слышалъ и Корсова, и Хохлова, но къ обоимъ я остался равнодушенъ, хотя, говорятъ, самъ Рубинштейнъ считалъ Корсова лучшимъ Демономъ. По игрѣ лучшій Демонъ изъ мною видѣнныхъ, былъ несомнѣнно Яковлевъ, а по пѣнію, конечно, несравненный Батистини; такъ исполнять «Не плачь, дитя, не плачь напрасно» и «На воздушномъ океанѣ» никто не исполнялъ, но къ Батистини я еще вернусь, когда буду говорить объ итальянской оперѣ. Въ женскомъ персоналѣ въ русской оперѣ тогда первенствовала

Меньшикова, обладательница большого голоса, контральто, были Бичурина и Крутикова и начинала свою карьеру красивая и эффектная, но нѣсколько холодная Славина. Я, кажется, попалъ на дебютъ Славиной въ Аидѣ и никакъ не могъ по младости лѣтъ уразумѣть, почему Радамесъ любитъ некрасивую Аиду (Меньшикову), а не Амнерисъ. Впрочемъ, и послѣ, долгое время не могъ этого понять, ибо и въ итальянской оперѣ Аиду изображала толстая Марія Дюранъ, а красивая Амелія Сталь была Амнерисъ. И только въ Монте-Карло, увидавъ въ роли Аиды Кузнецову, я понялъ, что можно любить Аиду и одобрилъ вкусъ Радамеса.

Мой отецъ былъ большой любитель музыки, самъ немного пѣлъ, обладалъ очень тонкимъ слухомъ и несомнѣнно хорошо разбирался въ пѣніи, но такъ какъ въ его время русская опера была въ большомъ загонѣ, а итальянская процвѣтала, онъ былъ большимъ поклонникомъ послѣдней и старался меня пріохотить къ итальянщинѣ; но, отдавая должную дань итальянскимъ артистамъ, ихъ голосамъ, музыкальности и тонкому искусству, какъ музыку, я всегда предпочиталъ и предпочитаю нашу русскую, родную и всегда наслаждался русскими операми, и въ особенности Римскимъ - Корсаковымъ. Вѣдь Трубадура, Лучію, Травіату можно только слушать съ большими артистами, а всѣ эти глупые или избитые сюжеты нашему русскому сердцу ничего не говорятъ. А возьмите «Жизнь за Царя», «Русланъ», «Евгеній Онѣгинъ», «Князь Игорь» или «Сказаніе о невидимомъ градѣ Китежѣ» — это же прелесть. Послѣднюю я сколько разъ ни слыхалъ, всегда наслаждался; правда, она нашла отличнаго исполнителя въ лицѣ Ершова, ко-

торый съ удивительнымъ драматизмомъ передавалъ очень трудную роль Гришки. Въ особенности теперь, когда теряешь всякую надежду попасть въ Россію, каждый даже обрывокъ русской пѣсни и дорогъ, и пріятенъ. И вотъ именно теперь, какъ отрадно бывать въ заграничныхъ русскихъ церквахъ, напримѣръ, въ Ниццѣ, гдѣ прекрасное богослуженіе и наши богатые, чудные, русскіе церковные напѣвы Бортнянскаго, Турчанинова уносятъ васъ въ Россію и напоминаютъ хорошія, увы, давно прошедшія времена. А когда поминаютъ Патріарха Московскаго и всей Россіи, сердце екаетъ, и думаешь, «ага, есть она и будетъ наша Матушка Великая Россія!» Но я увлекся въ сторону и вернусь къ дѣтству и итальянской оперѣ. Съ раннихъ лѣтъ мнѣ извѣстны были имена Бозіо, Фіорети, Лаблашъ, Маріо, Гризи, Граціани, Кальцолари, Тамберлика. На могилу Бозіо меня возилъ отецъ. Она похоронена въ Петербургѣ на католическомъ Выборгскомъ кладбищѣ и на памятникѣ вырѣзаны стихи Альфреда де Мюссе, и я запомнилъ только послѣдній стихъ:

Mais dans le choeur des anges celestes
Il manquait sans doute une voix!

Она жила на Невскомъ, на углу Садовой, и по странной случайности, умирая отъ чахотки, слышала, какъ шарманка во дворѣ играла «Травіату», ея коронную роль. Всѣ перечисленные артисты по разсказамъ отца были мнѣ извѣстны и вдругъ въ 80-хъ годахъ пріѣзжаетъ въ Петербургъ старенькій и накрашенный Тамберликъ. А отецъ съ нимъ съ молодыхъ лѣтъ былъ знакомъ и даже пріятелями почему то были, и вотъ пріѣзжаетъ отецъ въ будній день въ училище и требуетъ отъ директора, милаго Алопеуса, что бы онъ ме-

ня съ нимъ отпустилъ на дневной концертъ Тамберлика. Добрѣйшій Алопеусъ покачалъ головой «ну что же съ вами дѣлать, везите его», да кажется и самъ поѣхалъ. Пріѣзжаемъ въ Дворянское собраніе, зала полна, но видъ необычный, все старомодные наряды и все больше старички, вѣроятно давно уже нигдѣ не бывавшіе. По старымъ воспоминаніямъ отецъ восторгался, но мнѣ этого накрашеннаго добродушнаго старичка Тамберлика было жалко. Правда, ut diez онъ сохранилъ, несмотря на свой преклонный возрастъ и «Crucifix» вмѣстѣ съ Корсовымъ у него вышелъ очень хорошо, но когда онъ запѣлъ «Скажите ей», плохо выговаривая русскія слова, было только смѣшно. Отецъ, несмотря на свой параличъ, да и люди, гораздо старше отца, помнившіе Тамберлика во времена его славы, аккуратно бывали на всѣхъ концертахъ

Первую итальянскую оперу, которую я слышалъ и, конечно, еще въ покойномъ Большомъ Петербургскомъ театрѣ, была Фаворитка съ знаменитымъ Мазини, тогда начинавшимъ свою карьеру, и въ первый годъ публика была къ нему скорѣе холодна. Старики меломаны сравнивали съ Маріо, Тамберликомъ и даже критиковали. Правда, онъ тогда отвратительно игралъ, былъ очень неловокъ и иногда вызывалъ даже улыбку, но безподобный, совершенно чарующій голосъ покорилъ всѣхъ, и ни одинъ теноръ, а я ихъ много слышалъ, никакого сравненія по тембру съ нимъ не выдерживалъ. Такого тембра, я думаю больше не было и не будетъ. Что онъ выдѣлывалъ, напримѣръ, въ La donna e mobile, вѣдь послѣ Мазини, эту, вообще затасканную вещь, даже слушать было непріятно. Но Мазини, когда у насъ пѣлъ въ казенномъ Итальянскомъ театрѣ былъ не одинъ. Былъ Маркони большой

артистъ и обладатель превосходнаго голоса, былъ Сильва, который сводилъ съ ума дамъ, но все таки Мазини былъ внѣ конкурса. Съ нимъ вмѣстѣ въ Фавориткѣ слышалъ знаменитую Скальки - Лолли, которую уже гораздо позднѣе въ частной оперѣ въ Панаевскомъ театрѣ мнѣ удалось слышать въ Розинѣ. При этомъ позволяю себѣ объяснить, что Розина въ Севильскомъ Цирюльникѣ, написана для контр-альто, но такъ какъ контръ - альто съ такой колоратурой встрѣчаются очень рѣдко, то Россини передѣлалъ эту партію для сопрано. Со Скальки - Лолли въ Панаевскомъ пѣлъ опять таки Мазини, а Фигаро уже почти безголосый, но все таки большой артистъ Падилла. Такого Донъ - Жуана, какимъ былъ Падилла и такъ исполнять знаменитую серенаду, какъ онъ, я больше не видалъ и не слыхалъ. Даже Батистини въ этой роли былъ слѣбѣе, слишкомъ онъ былъ грузенъ для Донъ - Жуана. Сильва, кажется, единственный изъ итальянскихъ теноровъ, отлично игравшій. Я его помню въ Неронѣ, гдѣ онъ былъ очень хорошъ съ своей бѣлокурой рыжеватой бородой, а въ Гугенотахъ четвертое дѣйствіе съ нимъ и Маріей Дюранъ это было полное наслажденіе и я понималъ его поклонницъ, которыя прямо неистовствовали. Великолѣпнымъ Марселемъ былъ Уэтамъ, а Котоньи и Девойодъ, тоже отлично игравшій, дополняли блестящее исполненіе въ роли Невера. Для Сильвы же была спеціально поставлена опера Массенэ «Король Лагорскій» съ очень роскошной обстановкой. Правда, успѣхъ Сильвы въ Лагорскомъ раздѣлялъ нашъ балетъ и не только танцами, но и очаровательными фигурками и красивыми головками. Третье дѣйствіе въ родѣ магометовскаго рая, на сценѣ все прелестные пастухи и пастушки въ очень легко-

мысленныхъ костюмахъ, такъ что поклонники не пѣнія, а красоты, плакали горько, когда эту оперу перестали давать. Мержвинскій, котораго видѣлъ въ Вильгельмѣ Теллѣ, не произвелъ на меня большого впечатлѣнія. Гораздо позднѣе въ концѣ 90-хъ годовъ въ Акваріумѣ, гдѣ тогда пріютилась Итальянская опера, слышалъ я знаменитаго Таманьо. Такого поразительнаго по силѣ голоса мнѣ уже больше никогда не приходилось слышать. Когда онъ въ Отелло началъ еще за сценой свою первую арію, мы съ женой переглянулись. Намъ казалось просто невѣроятнымъ, чтобы изъ одного человѣка исходили такіе мощные звуки, это было нѣчто феноменальное. Таманьо я также слышалъ въ Пророкѣ и Трубадурѣ. Увѣряли, когда Таманьо въ залѣ Консерваторіи пѣлъ въ Пророкѣ свою знаменитую арію, такъ даже на улицѣ раздавались звуки его высокихъ нотъ. Послѣдній хорошій итальянскій теноръ, котораго мнѣ удалось слышать, это Мартинелли, въ театрѣ Монте - Карло въ годъ войны, онъ долженъ былъ уѣхать въ Америку. Мартинелли хорошо игралъ и голосъ у него, хотя чрезвычайно мягкій, но по силѣ подходилъ къ тенору di forza. Къ Фигнеру я всегда былъ очень холоденъ, но признаю, что онъ былъ очень хорошій артистъ, хотя тембръ у него былъ непріятенъ и онъ форсировалъ голосъ. Фигнеру особенно удавались Дубровскій и Опричникъ, и во всѣхъ итальянскихъ операхъ онъ былъ очень элегантенъ, выдѣляясь своими манерами среди другихъ русскихъ теноровъ. Что касается роли Ленскаго, то въ ней я предпочиталъ, конечно, Собинова, и по наружности, и по мягкости своего хотя небольшого, но прелестнаго голоса, онъ очень подходилъ къ типу Ленскаго. Чтобы закончить Итальянскую оперу кон-

ца 70 годовъ и начала 80 годовъ слѣдуетъ отмѣтить Уэтама, обладавшаго превосходнымъ мягкимъ голосомъ — басомъ, затѣмъ баловня петербургской публики милаго Котоньи, долгое время своимъ чуднымъ баритономъ и артистическимъ исполненіемъ украшавшаго казенную итальянскую оперу. Затѣмъ у него появился соперникъ въ лицѣ Девойода, которому особенно удавались дикія роли, какъ Амонасро (Аида), Нелюско (Африканка) и кромѣ того Девойодъ былъ очень хорошъ въ Риголетто. Изъ женскаго персонала въ казенной итальянской оперѣ, а затѣмъ позднѣе и въ частной, блистала Марія Дюранъ, сильное драматическое сопрано, но отлично исполнявшая Маргариту въ Фаустѣ. Нѣкоторыя оперы мнѣ съ тѣхъ поръ непріятно даже слушать, ибо такого ансамбля, какъ на казенной сценѣ, болѣе не было. Напр., Фаустъ Мазини или Маркони, Дюранъ или Марчелла Зембрахъ Маргарита, Котоньи или Девойодъ Валентинъ, а Уэтамъ или Буйи (баритонъ) Мефистофель и Амелія Сталь — Зибель. Точно также Риголетто. Въ Гугенотахъ прелестной королевой была Репетто, а позднѣе Баронатъ, впрочемъ недолго очаровывавшая своимъ серебристымъ голосомъ и удивительной колоратурой петербургскихъ меломановъ. Въ концѣ 80-хъ годовъ мелькнула и заворожила публику Ванъ - Зандъ, но репертуаръ у нея былъ маленькій. Ея коронныя роли были Миньона и Лакмэ. Послѣ Ванъ - Зандъ долгое время прельщала петербуржцевъ и голосомъ, и наружностью Зигридъ Арнольдсонъ, которая была очаровательна въ роли Татьяны. Одновременно съ Баронатъ появился на Петербургскомъ горизонтѣ въ театрѣ Акваріумъ Батистини, несомнѣнно король всѣхъ слышанныхъ мной баритоновъ. Даже старики меломаны, поклон-

ники Граціани, отдавали въ концѣ концовъ пальму первенства Батистини. Затѣмъ Батистини былъ приглашенъ на гастроли въ Маріинскій театръ и пѣлъ въ русской оперѣ тѣ же итальянскія оперы, и даже въ чисто русскихъ, какъ Онѣгинъ и Демонъ пѣлъ, разумѣется, по итальянски. Но шедевромъ исполненія Батистини я считаю прологъ изъ Паяцовъ, и еще въ февралѣ этого же 1921 г. мнѣ пришлось слышать старика Батистини, значительно утерявшаго, конечно, свѣжесть своего дивнаго, чарующаго голоса, въ Прологѣ изъ Паяцъ, въ Ниццѣ, въ спектаклѣ въ пользу русскихъ бѣженцевъ, и все таки онъ былъ великолѣпенъ. Что значитъ хорошая школа и высокое искусство.

Да, говоря о спектаклѣ въ пользу русскихъ бѣженцевъ, Батистини не только участвовалъ безплатно, но прибавилъ, что лучшіе годы своей жизни онъ провелъ въ Россіи и русскіе его такъ баловали, что ему особенно пріятно, хотя чѣмъ нибудь имъ теперь отплатить. Отъ спектакля русскихъ бѣженцевъ позволю себѣ вернуться къ русской оперѣ, гдѣ одно время процвѣтала гастрольная система и въ началѣ 90 годовъ была приглашена американка Сандерсонъ, хорошая пѣвица съ очень красивой наружностью. Для нея была поставлена опера «Эсклармонда» Массенэ. По роскошной обстановкѣ, красотѣ декорацій, эта опера затмила собой все, и даже весьма избалованная и вѣчно недовольная петербургская публика ахала и удивлялась. Въ первомъ дѣйствіи, когда Сандерсонъ появилась въ костюмѣ византійской императрицы, это была просто картина, а голосъ ея особенно красиво звучалъ въ знаменитой cadenz'ѣ кажется того же перваго дѣйствія. Дѣйствительно, Сандерсонъ была очень красива и эффектна на сценѣ, но когда черезъ нѣсколько лѣтъ

я увидѣлъ ее вблизи въ благотворительномъ концертѣ, я сильно разочаровался въ своемъ идеалѣ, ибо злое время взяло свое.

Другой выдающейся гастролершей была Фелія Литвинъ, которя на себѣ выносила весь Вагнеровскій репертуаръ, но мнѣ кажется, что ея коронная роль была Юдифь, гдѣ и по наружности своей крупной фигурой она очень подходила. Я неоднократно слышалъ ее въ этой роли, такого сильнаго и громаднаго сопрано, я, по крайней мѣрѣ, второго не слыхалъ. Въ Гугенотахъ, въ финалѣ второго акта она покрывала своимъ голосомъ оркестръ и хоръ Маріинскаго театра, а въ Юдифи она была особенно эффектна въ аріи «Я алмазъ и жемчугъ на главу возложу». Вмѣстѣ съ Литвинъ въ Юдифи въ роли Олоферна я видѣлъ Корсова, затѣмъ француза Дельмаса, оба были очень хороши, но безподобнымъ Олоферномъ былъ Шаляпинъ; каждая поза, каждый жестъ, это вполнѣ законченная картина; въ очень трудной сценѣ опьяненія онъ былъ великолѣпенъ; Олофернъ и Мефистофель — это его коньки, хотя и въ Грозномъ (Псковитянка) и Донъ Базиліо (Севильскій Цирюльникъ) онъ очень хорошъ, но въ Олофернѣ онъ равнаго себѣ не имѣлъ и не имѣетъ.

Къ Александринкѣ я все время своего отрочества и юности былъ болѣе или менѣе равнодушенъ. Признавая большой и очаровательный талантъ Маріи Гавриловны Савиной, долженъ все таки сказать, что въ большинствѣ случаевъ ансамбль отсутствовалъ и кромѣ того въ 80-хъ годахъ тамъ царилъ В. А. Крыловъ, чрезмѣрно угощавшій публику своими, хотя и веселыми, но пустенькими пьесами, спеціально написанными для Савиной: «Дикарка», «Лакомый Кусочекъ», «Шалость» и проч. Даже Островскій былъ вытѣсненъ

Крыловымъ. Я еще раза два видѣлъ въ дѣтствѣ въ Александринкѣ оперетку «Птички Пѣвчія» съ Кронебергъ и Сазоновымъ, и кажется, съ ними же цыганскія пѣсни въ лицахъ. Моими отроческими любимцами въ Александринкѣ былъ Арди, Левкѣева и Стрѣльская. Первый былъ великолѣпенъ въ роляхъ приказчиковъ, купчиковъ и водевиляхъ. Сазоновъ и Варламовъ тогда были еще молодыми, а Вл. Н. Давыдовъ появился уже позднѣе.

Съ дѣтскихъ лѣтъ слышалъ я восторженные разсказы отца про Щепкина, Живокини, Самарина, Шумскаго, Федотову и Медвѣдеву. И помню, какъ я волновался, когда впервые попалъ въ Малый театръ, которымъ такъ гордилась Москва. Довольно маленькій, гаденькій и грязный театръ. Шла пьеса «Гусь Лапчатый», передѣланная изъ повѣсти Салова, пьеса была неважная. Но играла уже почтенная старуха Медвѣдева, Никулина, Рыбаковъ и Рѣшимовъ, другихъ не помню. Да, это была игра, это было исполненіе. А вскорѣ въ томъ же Маломъ Театрѣ я видѣлъ «Графа Ризооръ» Сарду, котораго ранѣе видѣлъ въ Петербургѣ на сценѣ Панаевскаго театра и въ хорошемъ исполненіи. Но въ Москвѣ въ главныхъ роляхъ были Ермолова, Южинъ, а Герцога Альбу игралъ Рыбаковъ. Такъ прямо затаивъ дыханіе слѣдилъ за игрой этихъ несравненныхъ артистовъ. Маленькую роль звонаря исполнялъ Музиль. И когда этотъ талантливый комикъ передавалъ драматическій разсказъ какъ солдаты уводили его жену, столько трагизма было въ его голосѣ, что прямо морозъ по кожѣ шелъ и слезы навертывались. Передо мной сидѣлъ «наша слава» Петръ Ильичъ Чайковскій и я прѣкрасно помню, что послѣ каждаго дѣйствія онъ утиралъ слезы.

Говорятъ, онъ собирался оперу писать на этотъ эффектный и благодарный сюжетъ. Но самое сильное впечатлѣніе въ маломъ театрѣ у меня осталось отъ пьесы Островскаго «Волки и Овцы», которую я и въ Петербургѣ видалъ съ Савиной, Жулевой, Левкѣевой, Сазоновымъ, Варламовымъ и Давыдовымъ въ главныхъ роляхъ.

Какъ видите артисты отличные, но москвичи далеко оставили за собой петербургскихъ товарищей: Федотова (Мурзовецкая) Лешковская (Глафира), Садовская (Анфиса) и наконецъ Ермолова (вдова). А партнерами Садовскій — Мурзавецкій, который былъ безподобенъ въ этой роли: никакого шаржа, все выдержано, всякое слово, всякій жестъ, всякая улыбка, это было совершенство. «Donnez quelque chose ну разумѣется, не двугривенный» это было класическое исполненіе и такого я болѣе никогда не видѣлъ. Ленскій — Лыняевъ, Музиль — Чугуновъ, Макшеевъ — Дворецкій и Южинъ — Беркутовъ. Такого наслажденія отъ драматическаго театра я никогда не испытывалъ и такого ансамбля мнѣ болѣе никогда не приходилось видѣть. Проклиналъ антракты и съ нетерпѣніемъ ожидалъ слѣдующаго дѣйствія. Въ юности мнѣ самому неоднократно случалось участвовать въ любительскихъ спектакляхъ, въ особенности въ училищѣ, гдѣ я исполнялъ комическія роли, а потомъ перешелъ на драматическія и многія меня уговаривали идти на сцену. Но лѣто, проведенное мною въ Озеркахъ въ 1887 году и знакомство мое съ артистами театра Корша, все очень милыми и вполнѣ интеллигентными людьми, тогда тамъ подвизавшимися, отбило у меня всякую охоту къ сценѣ. Первенствовалъ нашъ высокодаровитый Владимиръ Николаевичъ Давыдовъ, кото-

рый тогда находился въ самомъ расцвѣтѣ своего большого таланта. За нимъ шелъ элегантный, красивый и талантливый Рощинъ-Инсаровъ, отецъ нашей тоже очень талантливой драматической артистки, Екатерины Николаевны Рощиной-Инсаровой. Самъ изъ хорошей дворянской семьи, человѣкъ очень воспитанный, онъ кромѣ Южина во многихъ роляхъ не имѣлъ себѣ равнаго. Особенно онъ мнѣ памятенъ въ Ольгѣ Ранцевой, затѣмъ Цѣпи, Послѣдняя Жертва. Правда и партнершей ему была пріѣзжавшая на гастроли Марія Николаевна Ермолова, но съ той я не рѣшился познакомиться. Какъ я, мальчишка, пойду надоѣдать украшенію нашей первой сцены? Я вообще избѣгалъ знакомства съ знаменитостями. И живши три года въ одномъ домѣ съ Маріей Гавриловной Савиной, съ которой моя сестра была знакома и очень уговаривала къ ней пойти, но я на отрѣзъ отказался. Затѣмъ меня судьба свела съ Маріей Гавриловной и, въ вагонѣ покойной старо-русской узкоколейки, былъ ей представленъ нынѣ тоже покойной милѣйшей, глубоко уважаемой мною Екатериной Ильинишной Татищевой, о которой я буду говорить ниже. Еще раза два былъ у Маріи Гавриловны по дѣлу въ Петербургѣ и, наконецъ, лѣтомъ въ 1915 году встрѣтился съ ней въ Ессентукахъ, въ довольно гадкой, хотя лучшей гостинницѣ Киселева. Бѣдная Марія Гавриловна, хотя и бодрилась, но чувствовала себя плохо. Если у ней не было предчувствія скорой кончины, то видимо она болѣла душой за Россію, сознавая, что дѣла идутъ плохо и своей русской душой и русскимъ умомъ, страдала за несчастную родину, вѣроятно предчувствуя надвигающіяся напасти. Объ этихъ бесѣдахъ, тогда ежедневныхъ, съ Маріей Гавриловной я вспоминаю всегда съ горячей

симпатіей. А черезъ два мѣсяца неумолимая смерть унесла царицу Александринки въ могилу и мѣсто ея такъ и оказалось незамѣнимымъ. У нея былъ свой репертуаръ, свои излюбленныя роли и хотя она любила роли свѣтскихъ львицъ, но я предпочиталъ ее въ репертуарѣ Островскаго. Послѣдній разъ, что мнѣ пришлось ее видѣть на сценѣ это былъ «Торговый Домъ» Сургучева. Она играла старуху купчиху и играла великолѣпно. Но позволю себѣ вернуться къ лѣту въ Озеркахъ.

Кромѣ названныхъ мною Давыдова и Рощина подвизались Свѣтловъ (очень талантливый исполнитель фатовъ и характерныхъ ролей), комикъ Вязовскій, милая комическая старуха Бороздина, а премьерша была Глафира Ивановна Мартынова, которой особенно удавались ingenue и роли капризныхъ дамъ. Я очень подружился съ Рощинымъ-Инсаровымъ и потомъ, пріѣзжая въ Москву, первый мой визитъ бывалъ въ театръ Корша и къ нему въ уборную. Онъ всегда очень радостно меня привѣтствовалъ, угощалъ дьявольскимъ напиткомъ «Турка». И когда я, непривычный къ этимъ крѣпкимъ напиткамъ, по совѣту Николая Петровича Рощина, разомъ хватилъ большущій стаканъ этого «Турка», я думалъ, что у меня глаза выскочатъ. Но именно знакомство съ этими милыми и воспитанными людьми, знакомство съ закулисной стороной театральной жизни, у меня отбило всякую охоту думать о театрѣ. Мнѣ казалось, лучше самая скромная роль обыкновеннаго человѣка, чѣмъ даже первое положеніе на сценѣ. Столько интригъ, столько мелкихъ дрязгъ, столько зависти, и такая, за очень рѣдкими исключеніями, необезпеченность и подчасъ трагичность положенія, что надо очень любить искусство,

имѣть громадное влеченіе къ сценѣ, чтобы пренебречь всѣми этими закулисными непріятностями и сдѣлаться актеромъ.

Съ Владиміромъ Николаевичемъ Давыдовымъ или лично или черезъ пріятелей поддерживалъ долгіе годы связь, а потомъ и судьба, меня съ нимъ неоднократно сталкивала. Особенно онъ мнѣ памятенъ по режиссерству одного къ сожалѣнію не состоявшагося спектакля у гостепріимныхъ Приселковыхъ. Была уже генеральная репетиція, все было разучено, и вдругъ въ виду кончины одной совершенно безполезной великой княгини, спектакль отмѣнили. Покойная Вѣра Николаевна Приселкова, рожденная княжна Масальская, была городничихой, городничаго долженъ былъ играть нынѣ тоже покойный кн. Д. П. Гагаринъ и игралъ очень хорошо. Госпожа Гартонгъ, несмотря на иностранный акцентъ, была прелестная Марія Антоновна, а А .А. Левашеву (тогда кавалергарду) очень удавался Хлестаковъ. Я игралъ Землянику, Добчинскій и Бобчинскій нашли превосходныхъ исполнителей въ лицѣ милѣйшаго Д. М. Жеребцова понынѣ здравствующаго, и покойнаго Коссинскаго.

Но на репетиціяхъ любители, какъ и всегда, блистали неаккуратностью, и иногда даже отсутствовали. И вотъ всѣ недостающія роли исполнялись Влад. Ник. Давыдовымъ, который намъ представлялъ цѣлую серію Гоголевскихъ типовъ, преображаясь то въ слесаршу, то въ унтеръ-офицершу, то въ Ростаковскаго, то въ судью, то въ Бобчинскаго, то въ Осипа и мн. др. Все вниманіе было, конечно, сосредоточено тогда на немъ и на его тонкой игрѣ и выразительной мимикѣ. Когда же онъ бывалъ въ особо хорошемъ расположеніи духа, онъ изображалъ намъ Росси въ Отелло, въ

сценѣ послѣдняго дѣйствія, подмѣчая слабыя стороны трагика, но въ общемъ очень вѣрно его имитируя. Иногда на репетицію являлся Алексѣй Николаевичъ Апухтинъ и послѣ репетиціи, за ужиномъ у хлѣбосольныхъ и милыхъ хозяевъ, шутки, анекдоты, всякіе разсказы такъ и сыпались изъ устъ двухъ талантливыхъ толстяковъ, остроумнаго оригинала Апухтина и большого комика Давыдова. Это было какъ бы состязаніе двухъ крупныхъ талантовъ. Апухтина я зналъ еще по сельско - хозяйственному клубу и часто видывалъ его хандрящимъ, больнымъ старикомъ, но когда онъ былъ въ ударѣ, былъ интереснымъ прелестнымъ разсказчикомъ. Къ сожалѣнію, за давностью, я почти всѣ его разсказы забылъ ,у меня остался въ памяти только одинъ: Въ Москвѣ жилъ очень остроумный и веселый человѣкъ и большой жуиръ, нѣкто Веловзоръ, никогда, нигдѣ не служившій. Вотъ онъ хочетъ перейти улицу, а, въ ожиданіи какой то процессіи, или проѣзда, простыхъ смертныхъ не пускали, и городовой его остановилъ. «А что, братецъ», обращается Веловзоръ къ городовому, «что, если я распахнусь» (дѣло было зимой) «и ты увидишь двѣ звѣзды?» — «Виноватъ ваше превосходительство, пожалуйте.» Въ клубѣ бывало сидитъ бѣдный Апухтинъ и скучаетъ, не играя въ карты, а онъ былъ большой любитель картишекъ. « Алексѣй Николаевичъ, отчего вы не играете?» Онъ сдѣлаетъ, бывало, жалобное лицо и чуть не плачущимъ тономъ отвѣчаетъ: «У меня болитъ палецъ». На указательномъ пальцѣ была крошечная царапина, но изнѣженный и мнительный поэтъ уже ни за что не рѣшался въ такомъ случаѣ взять карты въ руки. Если я заговорилъ о талантливыхъ разсказчикахъ, то считаю не только пріятнымъ долгомъ, но и священной

обязанностью вспомнить нашу тогдашнюю, гордость общаго любимца, пріятеля и знакомаго Ивана Федоровича Горбунова, котораго мнѣ приходилось встрѣчать во многихъ домахъ и мѣстахъ и слышать его чудные разсказы, а подчасъ и импровизаціи, полныя юмора, наблюдательности, таланта и художественности. Кто его слышалъ и видѣлъ на сценѣ, тотъ не могъ даже себѣ и понятіе составить о настоящемъ талантѣ Ивана Федоровича, его неподражаемости и неистощимости. Его надо было слышать въ дружеской компаніи, за стаканомъ вина: художественные перлы, тонко подмѣченные образы и типы такъ и сыпались изъ устъ этого неутомимаго и блестящаго разсказчика и знатока народнаго быта. У него не было слабыхъ разсказовъ, менѣе интересныхъ, все было превосходно, характерно и вѣрно схвачено: и память, и значеніе нашей Родины и русской жизни, изученіе всѣхъ тонкостей и красотъ нашего богатѣйшаго языка — были изумительные. Въ чтеніи и въ другой передачѣ его разсказы пропадали, ибо у него всегда бывали импровизаціи, измышленія, и затѣмъ никто не могъ состязаться съ нимъ въ богатѣйшей мимикѣ, въ подвижности его толстой физіономіи, и какъ онъ со своими крупными чертами лица изображалъ не только старушку, но купеческую дѣвицу или свѣтскую даму. Но вы видѣли эти лица, они предъ вами проходили какъ живыя, въ его безподобномъ изображеніи, неподражаемомъ и тонкомъ исполненіи. Его, напр., разсказъ, какъ въ Москвѣ проводятъ масляницу, и какъ потомъ встрѣчаютъ великій постъ — это было нѣчто поразительное и высокохудожественное. Начавъ съ того, что уже самый великопостный звонъ колоколовъ онъ передавалъ великолѣпно. А потомъ вы видѣли этотъ домикъ въ

Замоскворѣчьи, квартальнаго, Титъ-Титыча, старушку-богомолку и т. д. А другой его разсказъ про поклоненіе мощамъ въ Кіевскихъ пещерахъ. У меня до сихъ поръ такъ и встаютъ передъ глазами типы нищихъ, стоявшихъ по ступенькамъ при входѣ въ пещеры въ изображеніи Горбунова. Я какъ теперь вижу жирное подвижное лицо Ивана Федоровича съ хитрой усмѣшечкой. Но вотъ лицо мѣняется, передъ вами совершенно старуха нищая, кривая на одинъ глазъ, затѣмъ другое заплывшее лицо, вѣчнаго бродяги, потомъ появляется гаденькій старикашка и т. д. Но лицо моментально мѣняется, элегантная дама не хочетъ снять перчатокъ, немного картавитъ, французитъ и боится темноты. Вотъ слышится безстрастный голосъ монаха проводника, называющаго тѣхъ святыхъ, кои покоятся въ пещерахъ «преподобный Стефанъ», отставной военный густымъ басомъ вопрошаетъ «Баторій», идутъ дальше, «Святой Илья» тотъ же басъ опять гудитъ «Муромецъ?» и т. д. У слушателей прямо колики дѣлались отъ смѣха; въ одномъ обществѣ я помню старика академика Владимира Павловича Безобразова, такъ онъ долго послѣ этого разсказа не могъ успокоиться, такъ и заливался. А Горбуновъ съ самымъ серьезнымъ и невозмутимымъ лицомъ продолжаетъ, раскрывая передъ слушателями все новые и новые перлы своего неисчерпаемаго художественнаго таланта и своей необыкновенной памяти. Этотъ его жанръ съ нимъ такъ и умеръ. Всѣ его послѣдователи и подражатели никакого сравненія не могли выдержать съ Иваномъ Федоровичемъ. Горбуновъ представлялъ изъ себя въ мірѣ искусства цѣлую эпоху и счастливы тѣ, кто слышалъ этого русскаго самородка, этого незамѣнимаго въ любой компаніи человѣка. Бывало, за завт-

ракомъ входитъ Горбуновъ въ ресторанъ Кюба на Морской: «А, Иванъ Федоровичъ, идите къ намъ, Иванъ Федоровичъ, сюда. А, дорогой, ко мнѣ». Непремѣнно лобзанія, водочка, а затѣмъ вмѣсто часа компанія сидитъ два, и три, и четыре часа въ ресторанѣ. Такая его общительность, его широкая, добродушная натура, его и погубила, и преждевременно сошелъ въ могилу громадный самобытный русскій талантъ. Если я заговорилъ о нашихъ самородкахъ, позволю себѣ кстати напомнить Надежду Васильевну Плевицкую. Насколько Горбуновъ своимъ словомъ, своей удивительной мимикой прославлялъ русскую жизнь и запечатлѣвалъ русскаго человѣка, со всѣми его слабостями, причудами и разными своеобразными черточками, настолько Плевицкая пустила въ ходъ русскую пѣсню и заставила русское общество не только эту пѣсню слушать, но и полюбить. Помню одинъ изъ первыхъ большихъ концертовъ Плевицкой въ Петербургѣ въ залѣ Дворянскаго собранія. Вся эта нарядная публика, выросшая на французской шансонеткѣ и итальянщинѣ и говорившая даже по русски съ англійскимъ акцентомъ, затаивъ дыханіе слушала Плевицкую и провожала ее громовыми апплодисментами. Потомъ многіе говорили — мода, ничего особеннаго. Нѣтъ! это былъ талантъ - самородокъ и большой талантъ. Не имѣя голоса, не учившись пѣть, передавать вещи такъ, что они получали совсѣмъ иной видъ — ихъ прежде можетъ быть и знали, да не замѣчали: «Чайка», «Стенька Разинъ», «По старой Калужской дорогѣ» и др. А во время войны ея пѣсни патріотическія, всегда слезы вызывали, не у однихъ нервныхъ дамъ. И увѣренъ сойдетъ со сцены Плевицкая, опять умретъ ея жанръ, опять заглохнетъ эта «свадебная, Курской губ.» и

др. пѣсни. Да кому ихъ теперь пѣть, да кому ихъ теперь распѣвать въ разныхъ уголкахъ необъятной Россіи? Надолго замретъ родное искусство, не бездарнымъ или жестокимъ руководителямъ русской революціи и нашего разгрома его подымать. Но дѣлаетъ честь большинству русскихъ артистокъ и артистовъ, не пожелавшимъ услаждать большевиковъ и такъ или иначе способствовать или участвовать въ разгромѣ русской мысли, родного слова и дарованія.

И только Федоръ Ивановичъ Шаляпинъ распѣваетъ въ Москвѣ передъ вредными коршунами, четвертый годъ пьющими русскую кровь. А вспоминается мнѣ спектакль въ Маріинскомъ театрѣ, 6 января 1912 года. Не помню почему, но спектакль былъ очень торжественный. Присутствовала вся Императорская фамилія. Шелъ «Борисъ Годуновъ» безъ сокращеній. И вотъ, послѣ второго дѣйствія, когда Шаляпина вызывали и въ публикѣ былъ замѣтенъ подъемъ и, кажется, требовали народный гимнъ, Шаляпинъ заставилъ весь хоръ стать на колѣни и царь Московскій, стоя на колѣняхъ передъ Самодержцемъ Всероссійскимъ пѣлъ народный гимнъ. Картина была и трогательная и прекрасная, а въ залѣ слышался грохотъ отъ аплодисментовъ. Забылъ ли это Федоръ Ивановичъ, когда же онъ былъ искреннимъ, тогда или теперь? Это характерный фактъ русской измѣнчивости, порывистости и непослѣдовательности. Кстати, о парадныхъ спектакляхъ. Я помню отлично, какъ въ ноябрѣ 1886 года праздновали пятидесятилѣтіе «Жизни за Царя». Присутствовала, конечно, вся Императорская фамилія съ Царемъ - богатыремъ, олицетвореніемъ русскихъ былинъ и могучихъ русскихъ богатырей, передъ которымъ вся Европа преклонялась и трепетала. И никог-

да Россія, такъ высоко не стояла въ политическомъ отношеніи, какъ при Александрѣ III, и ни съ какой стороны никакія опасности не угрожали русскому царству. Опера была обставлена лучшими силами, насколько позволяли силы Маріинской оперы. Корякинъ былъ великолѣпнымъ Сусанинымъ, Ваню отлично исполняла Бичурина. Даже Васильевъ 3 въ этотъ вечеръ былъ въ ударѣ и въ третьемъ дѣйствіи легко взялъ верхнее до. Слабѣе всѣхъ была жеманная Павловская. Даже въ маленькихъ роляхъ были первыя силы. Михайловъ запѣвало, Стравинскій — начальникъ польскаго отряда и т. д. Въ балетѣ Кшесинскій, Гердтъ, Петипа. Настроеніе въ театрѣ было праздничное. Визави царской ложи, привлекая всеобщее вниманіе сидѣла маленькая старушка, уже преклоннаго возраста Людмила Ивановна Шестакова, младшая сестра геніальнаго Глинки. И эту старушку потребовалъ къ себѣ Царь - богатырь и Онъ, обожавшій нашу родную музыку, поощрявшій русскіе таланты, обласкалъ и, кажется, одарилъ Людмилу Ивановну, не только какъ представительницу автора чудной оперы, но какъ цѣльную русскую женщину, всю жизнь положившую на служеніе русскому искусству собираніемъ и изданіемъ сочиненій своего рано погибшаго брата. На этой славной страницѣ исторіи русскаго театра и закончу свои театральныя воспоминанія.

Сердечное спасибо тѣмъ славнымъ артистамъ, пробуждавшимъ въ мои юные годы хорошія чувства, заставившія меня полюбить родную музыку и родное искусство. И теперь, когда приходится изрѣдка бывать въ театрѣ, я съ благоговѣніемъ вспоминаю счастливые годы юности и имена мнѣ вѣчно дорогія:

Мельникова, Стравинскаго, Долиной, Медею Фигнеръ, Мазини, Батистини, Савиной, Садовскаго и другихъ чародѣевъ искусства, которые своимъ голосомъ или своей игрой буквально завораживали зрителей и навсегда покоряли ихъ сердца.

Брашовъ 1921 г.

ГЛАВА V.

Молодость и служба.

Начало службы. — Судейство. — Л. И. Навроцкій. — Угримовы. — Плевако. — Харьковъ. — Государственная Канцелярія. — Женитьба. — Служба въ Новгородѣ и Любани. — Губернское земское собраніе въ мартѣ 1917-го года. — Мировой судья Богдановъ. — Земскіе начальники. — Винная монополія. — Ал. Ник. Спицынъ. и старые земцы. — Марьино князей Голицыныхъ. — Дача Сперанскаго. — Грузино. — Е. И. Татищева. — В. И. Мятлева. — Я. К. Свентицкая. — Французскіе моряки. — Александръ III въ Харьковѣ. — Кончина Императора Александра III. — Новое царствованіе. — Вѣра въ Россію.

Послѣ окончанія Правовѣдѣнія были годы невольнаго бездѣйствія, называемаго службой по Министерству Юстиціи, сперва въ Департаментѣ, а потомъ въ Канцеляріи Министерства. Я называю невольнымъ, ибо правовѣды должны были три года торчать въ Мин. Ю., а бездѣйствіемъ потому, что опредѣленныхъ занятій и отвѣтственности за нихъ не было. Хочешь — приходи, пиши что-то, хочешь — заходи пить чай, поболтать и т. д. Ну, и жалованье было правовѣдское, отъ 14-18 рублей въ мѣсяцъ, смотря кто какимъ разрядомъ кончилъ курсъ. Во всякомъ случаѣ, служба

давала только знаніе людей и знакомила съ мелкими чиновничьими интригами.

Изъ сослуживцевъ по канцеляріи по уму, образованію и глубокой порядочности выдѣлялся Юрій Вячеславовичъ Шидловскій; другіе были средняго уровня и представляли многочисленный типъ никчемныхъ петербургскихъ чиновниковъ, дальше бумаги ничего не знавшихъ и не видавшихъ.

По желанію отца, бывшаго прежде петербургскимъ мировымъ судьей, я на добавочныхъ выборахъ баллотировался въ добавочные мировые судьи Петербурга и былъ выбранъ, не имѣя еще полныхъ 25 лѣтъ. Съ іюля 1891-го года я вступилъ въ должность, сохранивъ объ этой непродолжительной службѣ (два съ небольшимъ года) самыя сѣрыя воспоминанія. Было много недоброжелательства, мало товарищескаго единенія и среда была чрезвычайно разношерстная. Прекрасными товарищами были Федоръ Александровичъ Рыжовъ и Александръ Оскаровичъ Оттъ. Михаилъ Павловичъ Глѣбовъ, будучи, несомнѣнно, крупной нравственной величиной, всегда держался въ сторонѣ и уклонялся большей частью отъ всѣхъ товарищескихъ общеній и обѣдовъ.

Время судейства и обязательное лѣтнее пребываніе въ Петербургѣ направило мои юныя мысли въ сторону лѣтнихъ садовъ, кафе - шантановъ и прочихъ удовольствій, словомъ, отдалъ дань петербургскому увеселительному болоту. Но и болото это примѣчательное. Въ Ливадіи царила Цукки, а въ Аркадіи подвизалась французская опера и оперетка подъ дирекціей нынѣ весьма извѣстнаго, по театру въ Монте-Карло, Рауля Гюнсбурга. Въ опереткѣ смѣшилъ публику, уже старый, но талантливый Ру и очаровывали Симонъ

Жираръ, Монбазонъ, Тео, Угальдъ, позднѣе Декроза. Симонъ Жираръ съ такимъ entrain и такимъ талантомъ исполняла свои номера, что каждый мускулъ, каждая черточка ея выразительнаго лица, каждый пальчикъ у нея веселился и увлекалъ публику, но особенно она была хороша въ опереткѣ «Le Grand Mogol». Теноръ былъ Шевалье, исполнявшій и оперныя партіи и Париса. Хотя цыгане тогда процвѣтали, но къ нимъ я былъ равнодушенъ.

Слава Богу, перемѣна состава Городской Думы и уходъ умнаго и выдающагося городского головы, каковымъ, несомнѣнно, былъ Владимиръ Ивановичъ Лихачевъ, отозвался на выборахъ мировыхъ судей и, такъ какъ я считался ставленникомъ Лихачева, то вмѣстѣ съ его родственникомъ В. К. Абаза и многими молодыми судьями, я былъ забаллотированъ. Я говорю «Слава Богу», ибо матеріальное обезпеченіе судей было хорошее, положеніе довольно независимое и, навѣрное, я бы продолжалъ оставаться и гнить въ этой однообразной, скучной и полной мелкихъ будничныхъ дрязгъ дѣятельности петербургскаго столичнаго мирового судьи.

Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ ничего-недѣланія, я принялъ предложеніе новаго прокурора Харьковской судебной палаты Владимира Васильевича Давыдова и поѣхалъ въ Харьковъ секретаремъ прокурора палаты, поддавшись уговорамъ симпатичнѣйшаго Леонида Ивановича Навроцкаго, бывшаго тогда предсѣдателемъ Владимирскаго окружнаго суда.

Навроцкій, довольно некрасивый и оригинальный по наружности, былъ не только очень умнымъ человѣкомъ, но выдающимся по уму судебнымъ дѣятелемъ, и, въ то же время, весьма образованнымъ, живымъ

и очень интереснымъ собесѣдникомъ, и я, несмотря на значительную разницу лѣтъ, былъ съ нимъ въ очень добрыхъ и пріятельскихъ отношеніяхъ. Будучи мировымъ судьей и не имѣя возможности, какъ добавочный судья, пользоваться лѣтнимъ отпускомъ, я имѣлъ отпускъ зимой, употребляя его для поѣздокъ въ Москву, гдѣ всегда очень веселился и гдѣ у меня были и родные, и друзья.

Въ Москвѣ постоянно жила одна изъ подругъ дѣтства моей матери, московская благотворительница и покровительница молодежи, Марія Павловна Угримова. Со времени посѣщенія мною ея дома прошло уже тридцать лѣтъ, да уже лѣтъ двадцать, какъ она скончалась, но я до сихъ поръ благоговѣю передъ памятью этой удивительной по добротѣ, отзывчивости и уму женщины. Мужъ ея, богатый волынскій помѣщикъ, большой любитель музыки, имѣлъ много товарищей и друзей по Московскому университету. Въ домѣ у нихъ собирался весь тогдашній умственный и музыкальный цвѣтъ Москвы. Достаточно упомянуть академика Ивана Ивановича Янжула, астронома Бредихина, профессора Стороженко, Сергѣя Андреевича Муромцева, тогда профессора, впослѣдствіи Предсѣдателя первой Государственной Думы. Изъ музыкальнаго міра бывали: Николай Григорьевичъ Рубинштейнъ, Карлъ Юльевичъ Давыдовъ и прочіе. Изъ молодыхъ профессоровъ довольно часто посѣщалъ Угримовыхъ, тогда весьма скромный, Павелъ Николаевичъ Милюковъ. Сестра М. П. Угримовой была замужемъ за братомъ моей матери и потому у Угримовыхъ на меня смотрѣли, какъ на родственника.

Сыновья Маріи Павловны теперь оба профессора, одинъ въ Московскомъ техническомъ училищѣ, дру-

гой профессоръ сельскаго хозяйства и президентъ Московскаго сельско - хозяйственнаго общества. Послѣдняго имѣлъ радость недавно встрѣтить въ Берлинѣ, онъ оказался въ числѣ восемнадцати профессоровъ, изгнанныхъ большевиками изъ Москвы.

И вотъ именно въ домѣ Угримовыхъ я познакомился съ университетскимъ товарищемъ И. А. Угримова Л. И. Навроцкимъ, который усиленно привлекалъ меня въ судебное вѣдомство.

Ѣдучи въ Харьковъ, иду въ Москвѣ на Курскомъ вокзалѣ въ вагонъ, а носильщикъ мнѣ говоритъ: «Я вещи положилъ въ купэ, гдѣ Федоръ Никифоровичъ». Я совершенно не помнилъ, кто это Федоръ Никифоровичъ. Вхожу въ вагонъ, сидитъ въ купэ мужчина лѣтъ пятидесяти съ широкимъ, калмыцкаго типа лицомъ и съ бородой съ просѣдью. Я приподнялъ шляпу, онъ называетъ себя: «Плевако». Такого интереснаго собесѣдника мнѣ никогда болѣе въ жизни не приходилось встрѣчать, рѣчь у него такъ и лилась, и все одно изъ другого вытекало. Онъ ѣхалъ въ Бѣлгородъ и до четырехъ часовъ утра я такъ и не спалъ, впиваясь въ его разсказы. Потомъ къ намъ присоединился фарфоровый король Матвѣй Сидоровичъ Кузнецовъ. Сперва Плевако разсказывалъ исторію своего имѣнія въ Богородскомъ уѣздѣ Московской губерніи, такъ онъ, такъ описалъ положеніе усадьбы съ мельчайшими подробностями, что мнѣ все такъ ясно представлялось, точно я въ этомъ имѣніи неоднократно бывалъ.

Затѣмъ перешелъ на свою дѣятельность церковнаго старосты Успенскаго Собора и на отношенія свои по должности съ Митрополитами Леонтіемъ (тогда уже покойнымъ) и Сергіемъ, нарисовавъ очень выпукло портреты обоихъ владыкъ. Леонтія въ Москвѣ

почему - то не взлюбили: разъ подъ дождемъ онъ шелъ въ крестномъ ходѣ подъ зонтикомъ, что строгимъ москвичамъ не понравилось, а потомъ еще что - то въ этомъ родѣ; затѣмъ служилъ недостаточно истово, какъ Митрополитъ Іоанникій, и былъ большой балагуръ и любитель покушать и выпить. И Митрополитъ Сергій, угощая Плевако обѣдомъ, говорилъ: «ужъ извините, трапеза Митрополита Сергія, а вотъ вина Митрополита Леонтія». А у покойнаго были великолѣпныя токайскія, которыя достались его преемнику.

Отъ святителей Федоръ Никифоровичъ перешелъ къ адвокатурѣ, сталъ вспоминать семидесятые годы, пріѣздъ въ Москву послѣ войны нѣмецкой депутаціи во главѣ съ фельдмаршаломъ Мольтке. Плевако, какъ старожилу, было поручено показать гостямъ Москву и накормить по-московски. Всѣ нескончаемыя московскія яства: и падовые пироги, и щи суточныя, и паровыя телячьи котлеты, и севрюжку жареную, и гурьевскую кашу маленькій и худенькій Мольтке выдержалъ, отвѣдавъ всего, а товарищи его послѣ закусокъ и перваго блюда и водки, настоенной на смородинныхъ почкахъ, уже еле дышали. А Плевако въ одинъ день ихъ и къ Тѣстову свозилъ, и въ Эрмитажъ, и чуть ли не въ Стрѣльну. Говорилъ Плевако немного пришепетывая, но такъ образно, такъ красочно, такъ интересно, что соскучиться съ нимъ было невозможно. Но что болѣе всего меня тогда поражало, это его громадная популярность. Выходимъ въ Серпуховѣ въ буфетъ, лакеи зовутъ: «Федоръ Никифоровичъ, пожалуйте сюда». Въ Тулѣ и Орлѣ то - же самое, словомъ всюду и всѣ величали его по имени и отчеству.

Самый Харьковъ, какъ городъ, произвелъ на меня отрицательное впечатлѣніе: много пыли, воды почти

не было и постоянный вѣтеръ, особенно при холодной и безснѣжной осени. Но въ окрестностяхъ мнѣ остался въ памяти Хорошевскій монастырь на горѣ, на опушкѣ чуднаго лиственнаго лѣса; это было прелестное дачное мѣсто, недалеко отъ Харькова по желѣзной дорогѣ, а подъ самымъ городомъ мнѣ памятна Григоровка, гдѣ радушные хозяева одинаково привѣтливо встрѣчали и стараго и малаго.

Достопримѣчательностей въ Харьковѣ при мнѣ было двѣ: Архіепископъ Амвросій (Ключаревъ), извѣстный и очень талантливый проповѣдникъ, но какъ человѣка его въ Харьковѣ не любили, и знаменитый окулистъ профессоръ Гиршманъ, хотя еврей, но всегда славившійся, какъ безсребренникъ и филантропъ. Но эти знаменитости меня тогда мало интересовали, а въ памяти у меня осталась гостинница и ресторанъ Проспера, которые содержалъ французъ Луи Бона; и кормилъ онъ изумительно. Къ тому же и прокуроръ Палаты, и другіе мои пріятели любили этимъ заниматься, и частенько я отдавалъ дань этому удивительному мастеру своего дѣла; напримѣръ, такую дичь, какую жарилъ Бона, подававшій ее при этомъ въ глиняныхъ кастрюляхъ, мнѣ не пришлось болѣе нигдѣ ѣсть.

О харьковскомъ обществѣ у меня осталось самое безцвѣтное воспоминаніе, кромѣ очень гостепріимнаго богатаго еврейскаго дома І. А. Рубинштейна, женатаго на очень красивой особѣ, по происхожденію шведкѣ. Надо сказать, что Рубинштейнъ ничего общаго не имѣлъ съ псевдо - знаменитымъ Митькой Рубинштейнъ. Домъ І. А. очень охотно посѣщался судебнымъ вѣдомствомъ, такъ какъ самъ Рубинштейнъ былъ когда - то кандидатомъ на судебныя должности.

Большими симпатіями пользовался въ Харьковѣ

князь Петръ Димитріевичъ Святополкъ - Мирскій, тогда генералъ - маіоръ въ запасѣ и харьковскій уѣздный предводитель дворянства. Лица, хорошо его знавшія, пророчили ему блестящую карьеру, что впослѣдствіи и оправдалось, такъ какъ онъ былъ генералъ-адъютантомъ и Виленскимъ генералъ - губернаторомъ и даже полгода министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Несмотря на очень милое и сердечное отношеніе ко мнѣ Вл. Вас. Давыдова, служба моя въ Харьковѣ была непродолжительна. Во-первыхъ, больной параличный отецъ очень тяготился разлукой со мной и звалъ меня въ Любань и Петербургъ, а во-вторыхъ товарищамъ прокурора Палаты было чрезвычайно не по нутру мое привилегированное положеніе и они всячески старались меня дискредитировать въ глазахъ милѣйшаго Владимира Васильевича.

И воспользовавшись первой его продолжительной отлучкой изъ Харькова, я въ началѣ 1894-го года вернулся на родной сѣверъ, гдѣ сразу былъ причисленъ къ Государственной Канцеляріи и имѣлъ удовольствіе присутствовать на очень интересныхъ соединенныхъ засѣданіяхъ Департаментовъ Государственнаго Совѣта, то подъ предсѣдательствомъ Сольскаго, то грознаго Островскаго. Я говорю грознаго, ибо товарищей министровъ, являвшихся иногда въ Государственный Совѣтъ за министровъ, онъ неоднократно осаживалъ, какъ мальчишекъ.

И я помню, какъ поныне здравствующаго, тогда товарища министра онъ осадилъ, когда тотъ осмѣлился сказать, что его министерство, въ этомъ дѣлѣ заинтересованное, не можетъ согласиться съ такимъ рѣшеніемъ Государственнаго Совѣта. «Когда Государственный Совѣтъ вамъ предписываетъ», рѣзко сказалъ Ост-

ровскій, «ваше Министерство должно подчиниться, а вашего мнѣнія теперь не спрашиваютъ». А Министерство было всесильное!..

Были и курьезы, какъ напримѣръ, постоянно молчавшій и дремавшій Св. князь Имеретинскій, потомъ Варшавскій генералъ - губернаторъ, разразился однажды по какому - то вопросу филиппикой, Сольскій, тогда еще не графъ, спокойно выслушалъ, а затѣмъ отвѣтилъ: «Позвольте доложить Вашей Свѣтлости, что этотъ вопросъ былъ разсмотрѣнъ въ прошлый четвергъ». Князь сконфузился и опять задремалъ.

Засѣданія пріобрѣтали особый интересъ, когда появлялся въ Совѣтѣ всесильный тогда Витте. Говорилъ онъ некрасиво и довольно рѣзко, за то весьма логично и убѣдительно. Но кромѣ генераловъ Обручева и Роопа, никто и не осмѣливался ему возразить. Вообще Витте производилъ въ засѣданіяхъ впечатлѣніе человѣка, который своимъ умомъ давилъ окружающихъ. Хотя занятій въ Канцеляріи не было очень много, но о службѣ въ Государственной Канцеляріи и о сослуживцахъ я сохранилъ очень хорошее воспоминаніе.

Случайная поѣздка къ моему пріятелю Владимиру Алексѣевичу Толстому, большому весельчаку и бонъвивану, въ его гостепріимное и симпатичное Бухвостово на озерѣ Селигерѣ, въ Осташковскомъ уѣздѣ Тверской губерніи, за сто тридцать верстъ (тогда) отъ Николаевской желѣзной дороги, совершенно измѣнила мою жизнь. На Селигерѣ, въ этой, въ то время, ужасной глуши, но гдѣ жилось безпечно и весело, я нашелъ не только свое счастье, но своего Ангела - Хранителя, познакомившись тамъ съ моей будущей женой и, че-

резъ двѣ недѣли послѣ знакомства, я былъ объявленъ женихомъ Стефаниды Сергѣевны Толстой.

Въ ноябрѣ была свадьба, а затѣмъ, послѣ короткой поѣздки черезъ Москву въ Одессу къ ея хлѣбосольному дѣду (точнѣе grand oncl'ю) Григорію Григорьевичу Маразли, одесскому благотворителю и бывшему городскому головѣ, мы поселились въ Любани, откуда въ концѣ 1905-го года переѣхали въ Пермь. Правда, въ зиму 1896-97 года мы нѣсколько мѣсяцевъ провели въ Петербургѣ, но уже съ начала февраля 1897 года началась моя служба въ Новгородѣ, сперва кандидатомъ на должность земскаго начальника, потомъ членомъ Новгородской уѣздной земской управы, затѣмъ земскимъ начальникомъ въ Любани и, наконецъ, новгородскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства.

И сама служба въ Новгородѣ и Любани, и земскія собранія, и ближайшіе сослуживцы, и милые новгородцы сразу пріобрѣли мои горячія симпатіи. И я пришелся ко двору, и земская дѣятельность мнѣ была по душѣ, а жизнь въ милой Любани очень полюбилась моей домосѣдкѣ женѣ.

И въ семейномъ, и въ служебномъ, и общественномъ отношеніяхъ это, несомнѣнно, лучшіе и счастливѣйшіе годы моей жизни. Главной причиной этого счастья была Господня воля, приведшая меня на Селигеръ, гдѣ и произошло знакомство мое съ женой. Такое счастье, какое мнѣ выпало въ образѣ моей чудной, нынѣ, увы, покойной жены, это рѣдко кому дается. Съ такимъ воспитаннымъ, удивительно кроткимъ, разумнымъ и ровнымъ человѣкомъ, полнымъ самозабвенія, каковымъ постоянно была моя жена, — жизнь была легка, — это было почти безоблачное счастье. Единственное облако, это то, что, черезъ два

года послѣ свадьбы, она заболѣла бронхитомъ и, не обративъ вниманія, лѣчилась кое-какъ, послѣдствіемъ чего сдѣлалась бронхіальная астма, мучившая ее всю жизнь, а съ годами усилившаяся, превратившись въ болѣзнь сердца, которая преждевременно и свела ее въ могилу.

Изъ моихъ новгородскихъ сослуживцевъ самымъ близкимъ мнѣ сдѣлался добрѣйшій князь Павелъ Павловичъ Голицынъ, тогда уѣздный предводитель, впослѣдствіи Новгородскій губернскій предводитель дворянства. Дружескія отношенія съ нимъ продолжались до самой его кончины, т. е. до апрѣля 1914-го года и мы съ женой часто пользовались гостепріимствомъ въ его знаменитомъ Марьинѣ, о которомъ я буду говорить ниже.

Затѣмъ нашимъ общимъ пріятелемъ и другомъ былъ прекраснѣйшій, высоко - порядочный человѣкъ, добросовѣстный служака и отличный товарищъ, уѣздный членъ Новгородскаго Окружного Суда Павелъ Ниловичъ Путиловъ, или «каково», какъ мы всѣ его звали, по всегдашней его привычкѣ часто и особенно сочно, немного растягивая, выговаривать это слово.

Составъ земскихъ начальниковъ Новгородскаго уѣзда можно было считать выдающимся: старикъ Пыхачевъ, бывшій морякъ, старый земецъ и мировой судья, благороднѣйшій и честнѣйшій человѣкъ, котораго я и смѣнилъ въ Любани. Общій любимецъ Федоръ Ипполитовичъ Щербатскій, затѣмъ профессоръ Петербургскаго университета, выдающійся ученый санскритологъ, нынѣ академикъ Академіи наукъ; добродушнѣйшій Димитрій Димитріевичъ Томановскій, тоже питомецъ Петербургскаго университета, прекраснѣйшій товарищъ и милѣйшій человѣкъ и

Александръ Николаевичъ Спицынъ, впослѣдствіи предсѣдатель Новгородской уѣздной земской управы, весьма уважаемый и достойный земскій дѣятель. Накогенецъ Иванъ Францевичъ Кошко, бывшій офицеръ генеральнаго штаба, нѣсколько увлекающійся, но энергичный земскій начальникъ, затѣмъ Пензенскій, а потомъ и Пермскій губернаторъ. Все это были люди матерьяльно обезпеченные и служившіе не за страхъ, а за совѣсть.

Самымъ яркимъ, но и печальнымъ событіемъ моей новгородской, точнѣе предводительской службы была немало популярная Японская война. Къ тому же неудачно, по несправедливости, произведенная мобилизація не по годамъ, а по уѣздамъ, еще болѣе усиливала непопулярность этой мало понятной войны, причины которой, съ разными, притомъ, добавленіями, были всѣмъ извѣстны.

Дурное впечатлѣніе отъ неудачнаго начала войны и особенно отъ гибели талантливаго, отважнаго, незамѣнимаго Адмирала Макарова, немного сгладилось, по крайней мѣрѣ, въ Новгородѣ, благодаря пріѣзду Государя въ іюнѣ мѣсяцѣ 1904 года, для прощанія съ Выборгскимъ и другими полками 22-ой пѣхотной дивизіи.

Я какъ теперь помню, залитую солнцемъ и народомъ площадь передъ дворянскимъ собраніемъ, колѣнопреклоненные полки и среди нихъ, верхомъ на лошади, Государь съ образомъ въ рукахъ. Его проникновенное слово, сказанное громкимъ, яснымъ голосомъ, раздавалось по всей площади и произвело потрясающее впечатлѣніе; я видѣлъ старыхъ либераловъ земцевъ, плакавшихъ послѣ этой рѣчи, такое сильное впечатлѣніе произвело Царское слово. А затѣмъ,

когда Государь поѣхалъ на вокзалъ, солдаты и офицеры побѣжали за коляской, не только до вокзала, но, даже, когда Императорскій поѣздъ тронулся, они всѣ съ криками «ура» бѣжали чуть ли не съ версту за поѣздомъ, такъ какъ поѣздъ шелъ очень тихо.

Японская война, раскрывшая всѣ наши язвы того времени, и была несомнѣнно, началомъ всѣхъ послѣдующихъ россійскихъ бѣдствій.

Черезъ годъ моей службы въ Новгородѣ, я былъ выбранъ губернскимъ гласнымъ, каковымъ оставался до самой революціи. Послѣднее губернское земское собраніе, на которомъ мнѣ пришлось участвовать, было въ концѣ марта 1917-го года, въ день похоронъ въ Петербургѣ первыхъ жертвъ русской революціи. Настроеніе было скорѣе растерянное, чѣмъ приподнятое, но прошло собраніе благополучно.

Во время перерыва земскаго собранія, у памятника Тысячелѣтія Россіи, происходилъ митингъ, открывшійся рѣчью революціоннаго губернатора (губернскаго комиссара) А. А. Булатова, нашего новгородскаго дворянина и губернскаго гласнаго, умнаго, довольно энергичнаго и всегда лѣваго по убѣжденіямъ человѣка. Взобравшись на ломовую подводу, онъ былъ безъ шапки и, по обыкновенію, въ поддевкѣ, говорилъ рѣчь, въ общемъ, умѣренную и тактичную. Затѣмъ говорили «товарищи», захлебываясь отъ злобы по адресу прежняго правительства, а затѣмъ пошли «гнусности», иначе я не могу назвать рѣчей бывшихъ предводителей дворянства, говорившихъ въ угоду толпѣ, прославляя революцію, преклоняясь предъ свободами и обливая грязью прошлое, къ которому принадлежали. Такой либеральный и въ то же время порядочный человѣкъ, какъ послѣдній нашъ предводитель

дворянства Михаилъ Николаевичъ Буткевичъ (нынѣ покойный) чуть не заплакалъ, слыша, какъ бывшіе консерваторы быстро перекрасились въ угоду низменнымъ вкусамъ толпы. Вотъ эта - то россійская мягкотѣлость и безпринципность и были главнѣйшими недостатками прежняго режима и онѣ же погубили революцію. Волевыхъ людей не оказалось, кромѣ Ленина, поэтому онъ, какъ сильный человѣкъ, и одолѣлъ всѣхъ. Большевистскія идеи были лишь придаткомъ, главное сильный характеръ и настойчивость Ленина, остальные люди были способны плакать и пассовать, и вся Россія спасовала и сошла на нѣтъ...

Но позволю себѣ опять вернуться къ судейству и отмѣтить очень характерную фигуру стараго судьи, милѣйшаго Сергѣя Ивановича Богданова, добродушнаго, порядочнаго человѣка и добраго и пріятнаго товарища. Онъ обладалъ весьма внушительной фигурой съ военной выправкой и густымъ басомъ, чѣмъ подчасъ наводилъ страхъ на свидѣтелей и съ большимъ спокойствіемъ говорилъ иногда въ засѣданіяхъ очень смѣшныя вещи (онъ предсѣдательствовалъ въ уголовныхъ засѣданіяхъ). Рядомъ съ нимъ, еще до меня, сиживалъ мировой судья Протасьевъ, который обыкновенно засыпалъ въ засѣданіяхъ. И Богдановъ, объявляя приговоръ, хлопалъ его своей тяжелой рукой по колѣнкѣ. Прошло такъ нѣсколько лѣтъ, Протасьевъ успѣлъ умереть и вмѣсто него, рядомъ съ Богдановымъ сидѣлъ уже другой судья, а Богдановъ, по старой привычкѣ, все хлопалъ и хлопалъ его по колѣнкѣ, чѣмъ немало удивлялъ этого судью.

Разбирается какъ - то въ мировомъ съѣздѣ скандалъ на улицѣ съ мордобитіемъ; свидѣтель подробно разсказываетъ и добавляетъ: «а потомъ, господа судьи,

пошли чёрныя слова». И вдругъ Богдановъ своимъ громовымъ голосомъ вопрошаетъ свидѣтеля: «и Вы видѣли всю эту прекрасную исторію?» Разумѣется въ залѣ хохотъ. А какъ -то въ камерѣ одна замужняя женщина подаетъ ему прошеніе на мужа за оскорбленіе словами, побои и т. д. Богдановъ читаетъ и гремитъ при хохотѣ всей публики: «на мужа, до первой ночи, а тамъ помиритесь, — ступайте».

Помню мое отчаяніе во время перваго разбора, какъ мнѣ было трудно и какъ я плохо разбирался въ дѣлахъ и казалось, что никогда не научусь, собираясь даже уходить изъ судей, но предсѣдатель уговорилъ, сказавъ что я скоро справлюсь и, дѣйствительно, я быстро научился этому искусству, хотя готовился къ каждому разбору.

Судейская дѣятельность мнѣ потому была не по душѣ, что имѣешь дѣло съ поддонками общества, порядочные адвокаты появлялись у судей очень рѣдко и дѣла весьма однообразныя: о мордобитіи, выселеніи, взысканія по книжкамъ мелочныхъ лавокъ и мелкія кражи.

Несравненно интереснѣе судейская дѣятельность въ провинціи, гдѣ лучше знаешь населеніе, и строгіе приговоры имѣли подчасъ воспитательное значеніе; да, наконецъ, и гражданскія дѣла среди крестьянства бывали, хотя и запутанныя, но иногда чрезвычайно интересны. Будучи съ 1893-го года до самой революціи почетнымъ мировымъ судьей, съ перерывомъ, конечно, во время службы земскимъ начальникомъ, я поражался темнотѣ нашего крестьянина и, еще осенью 1916-го года, я могъ это наблюдать, принимая участіе въ засѣданіяхъ уѣзднаго съѣзда въ Любани. И это въ полутора часахъ ѣзды отъ столицы, а что же ожидать въ глу-

ши Вологодской, Олонецкой или другихъ губерніяхъ? Немудрено, что въ Пермской еще бывали язычники и я видѣлъ какъ въ 1908-мъ году въ Перми, при торжественной присягѣ новобранцамъ, ихъ полковой командиръ приводилъ къ присягѣ, вынувъ шпагу и положивъ на нее немного соли и кусочекъ хлѣба, а они говорили «клянусь».

И этому непросвѣщенному, грубому и темному народу ввели еще казенную продажу водки. Земскимъ начальникомъ я, насколько было возможно боролся и съ тайными шинками, и съ казенными винными лавками, встрѣчая всегда противодѣйствіе со стороны акцизныхъ чиновниковъ. Помнится большое село Пельгора, въ одиннадцати верстахъ отъ Любани, по своему почину составило приговоръ съ просьбой о закрытіи казенной винной лавки. Въ приговорѣ была подробно объяснена причина, что за трехлѣтнее существованіе этой лавки въ селѣ вдвое увеличилось число безлошадныхъ, и былъ приложенъ списокъ таковыхъ въ 1900 году и количество безлошадныхъ крестьянъ въ 1896 году. Все было пропито и боялись, что черезъ нѣсколько лѣтъ такое быстрое уменьшеніе лошадей отзовется на крестьянскомъ хозяйствѣ. Приговоръ былъ представленъ Новгородскому губернатору благороднѣйшему графу О. Л. Медемъ, но зловредный управляющій акцизными сборами убѣдилъ графа, что это невозможно, тамъ волость и т. д. Вѣдь всѣ акцизные были заинтересованы въ доходахъ монополіи, а кто-же себѣ врагъ? Нѣтъ, Царскій Орелъ, при неразвитости крестьянина, ставить на бутылку съ водкой было громадной ошибкой; неоднократно при объѣздѣ деревень приходилось слышать:

«Спасибо Царю, водка дюже хороша». Или: «Царь

позволилъ, значитъ можно». А прежде крестьяне стыдились своего пьянства, и тѣ же акцизные преслѣдовали тайные шинки, помогая въ этомъ полиціи.

Въ Новгородскомъ уѣздѣ въ 1901 году, при ста восьмидесяти тысячахъ населенія, платили податей двѣсти тысячъ рублей, а пропивали въ годъ милліонъ.

Разъ я заговорилъ о Новгородскомъ уѣздѣ, позволю себѣ коснуться земскихъ собраній, которыя постоянно посѣщалъ съ большимъ удовольствіемъ, чрезвычайно увлекаясь симпатичнымъ земскимъ дѣломъ, но предпочитая всегда уѣздныя собранія губернскимъ, ибо на первыхъ не было политики и словопренія, а было живое, близкое всѣмъ намъ дѣло и участвовали лица, всю жизнь положившія на служеніе дорогому земскому дѣлу, напримѣръ, въ Старорусскомъ земствѣ предсѣдателемъ въ теченіе двадцати пяти лѣтъ былъ Владиславъ Владиславовичъ Карцевъ, а наше уѣздное Новгородское имѣло своимъ предсѣдателемъ честнѣйшаго Александра Николаевича Спицына, котораго всѣ почему-то величали «барономъ». Кто-то разъ пустилъ, такъ и пошло. Это былъ человѣкъ буквально влюбленный въ земское дѣло, дрожавшій надъ каждой земской копейкой и постоянно летавшій по уѣзду, для изученія дѣла и ознакомленія съ нуждами населенія. Для всѣхъ земскихъ служащихъ, разумѣется, добросовѣстныхъ, это былъ отецъ родной. Съ момента избранія его предсѣдате лемъ уѣздной управы, для него другихъ интересовъ какъ земскія учрежденія и служащіе, не было. Если онъ преждевременно сошелъ въ могилу, то, несомнѣнно отъ того, что онъ сгорѣлъ отъ любви къ земству, и всякая несправедливость его возмущала. Хотя онъ былъ предсѣдателемъ управы неполныхъ три трехлѣ-

тія, но сдѣлалъ за это время очень много и по медицинѣ, и народному образованію, и агрономіи. Мы его (товарищи и друзья земцы) оплакивали горько, но надо сознаться, что онъ во-время и чрезвычайно умно покинулъ этотъ міръ, скончавшись на Рождествѣ 1916-го года. Многіе изъ насъ ему завидовали, жилъ честно и хорошо, а умеръ прямо на заказъ. Какова бы была его судьба, человѣка деревенскаго и горячаго, при большевикахъ и комиссарахъ?

Да, вообще, Новгородскій уѣздъ могъ похвастаться подборомъ лицъ; я не касаюсь живыхъ, имъ похвалы могутъ быть непріятны, но, напримѣръ, князь Павелъ Павловичъ Голицынъ, при всей своей медлительности и нѣкоторой лѣни, это былъ человѣкъ, не понимавшій другой жизни внѣ земскихъ и дворян скихъ интересовъ. Не было случая за его долгую, весьма уважаемую и почтенную дѣятельность уѣзднаго и губернскаго предводителя дворянства, чтобы онъ пропустилъ земское собраніе, а всегда съ полнымъ безпристрастіемъ относился ко всѣмъ вопросамъ, внося зачастую необходимое умиротвореніе.

А Александръ Григорьевичъ Лутовиновъ, нетерпимый, правда, къ новымъ вѣяніямъ, но прекрасно знавшій и любившій земское дѣло. Онъ былъ олицетвореннымъ справочникомъ всѣхъ земскихъ постановленій и спорить съ нимъ въ знаніи дѣла было невозможно.

Затѣмъ, обожавшій земство, почтеннѣйшій Матвѣй Александровичъ Костливцевъ, сохранившій свѣжесть памяти и юношескую горячность въ спорахъ чуть-ли не до восьмидесяти лѣтъ.

А Никаноръ Петровичъ Пыхачевъ, также какъ и Костливцевъ, честнѣйшій либералъ шестидесятыхъ

годовъ, человѣкъ кристальной чистоты и добросовѣстности.

Позднѣе появился Александръ Александровичъ Шретеръ, про котораго я уже упоминалъ во второй главѣ, онъ своею мягкостью, свѣтлымъ и здравымъ умомъ, знаніемъ и обожаніемъ сельскаго хозяйства привлекалъ къ себѣ сердца всѣхъ гласныхъ. Среди этихъ лицъ можно было себя чувствовать нравственно обновленнымъ, они возбуждали благоговѣйное чувство. Вѣдь я называю одинъ уѣздъ, а такихъ уѣздовъ въ земской Россіи было по крайней мѣрѣ триста и рѣдкій уѣздъ, который бы не похвастался такими «земскими столпами».

А потомъ на поверхность выплыла случайная мелкота. Я не спорю, можетъ быть между ними были люди и умные, руководители же не имѣли ни тѣхъ знаній, ни той любви къ земству и Россіи, такъ какъ, кромѣ пустословія и словоизверженія ничѣмъ ее не доказали, даже умереть съ честью никто изъ нихъ не съумѣлъ.

Но я отвлекся въ сторону и, прежде чѣмъ закончить описаніе жизни въ Любани и службы въ Новгородѣ, позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о миломъ Марьинѣ, гдѣ мы съ женой у радушныхъ и гостепріимныхъ хозяевъ проводили столько отрадныхъ часовъ и дней.

Марьино одна изъ замѣчательныхъ русскихъ усадебъ, находится на рѣкѣ Тоснѣ, на границѣ Новгородскаго съ Царскосельскимъ уѣздомъ въ двѣнадцати верстахъ по шоссе отъ станціи Ушаки Николаевской желѣзной дороги. Оно принадлежало когда-то графамъ Строгановымъ и досталось въ приданое одной изъ Строгановыхъ, вышедшей замужъ за дѣда князя Павла Павловича Голицына. Къ сожалѣнію средства

Голицына не позволяли поддерживать это имѣніе съ той царственной роскошью, которую оно требовало, и слѣды которой еще сохранялись въ началѣ этого двадцатаго вѣка, въ великолѣпномъ господскомъ домѣ, точной копіи Павловскаго дворца, по крайней мѣрѣ по наружной архитектурѣ.

Изъ историческихъ вещей и портретовъ особый интересъ и цѣнность представлялъ портретъ Карла XII, работы Купецкаго, о покупкѣ котораго въ Королевскую галлерею въ Стокгольмѣ шли переговоры еще при жизни Короля Оскара II. Что сдѣлалось потомъ съ портретомъ, не знаю, такъ какъ послѣдній разъ я былъ въ Марьинѣ на именинахъ привѣтливаго и гостепріимнаго хозяина въ 1910 году, а съ тѣхъ поръ мнѣ въ Марьинѣ не пришлось болѣе побывать. Точно также там великолѣпный портретъ во весь хростъ Императрицы Елизаветы Алексѣевны и хранилась чрезвычайно интимная переписка этой Императрицы съ графиней Строгановой. Въ такъ называемой библіотекѣ было нѣсколько очень цѣнныхъ небольшихъ картинъ старой французской школы, а въ особомъ шкафу хранился мундиръ, шляпа ,шпага и маршальскій жезлъ Даву, взятый графомъ Строгановымъ въ 1812 году въ плѣнъ вмѣстѣ съ обозомъ, не помню уже въ какой битвѣ.

Въ прелестной и роскошной, красной гостиной, изображеніе которой было помѣщено на обложкѣ журнала «Столица и Усадьба», кромѣ старинной прекрасной, золоченой мебели была чудная канделябра Маріи Антуанетты изъ Тріанона.

Вообще все Марьино сохранило всю неподдѣльную прелесть и очарованіе старины, и тѣни милаго, далекаго прошлаго витали въ уютныхъ уголкахъ старинныхъ

комнатъ и такъ казалось, что вотъ-вотъ изъ-за двери выплыветъ одна изъ бабушекъ, или появится въ большихъ жабо нарядный Строгановъ или Голицынъ, или выпорхнетъ граціозное, юное созданіе, въ костюмѣ двадцатыхъ годовъ прошлаго вѣка..

Марьино особенно процвѣтало въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія, когда имъ владѣла, извѣстная въ свое время, La Princesse Moustache Голицына. И тогда въ Марьинѣ бывалъ Михаилъ Ивановичъ Глинка, исполняя тамъ впервые отрывки изъ «Руслана и Людмилы».

Всѣхъ комнатъ въ домѣ было около ста. Для гостей же было отведено по крайней мѣрѣ, двадцать. Марьино славилось своими розами, до которыхъ князь Павелъ Павловичъ Голицынъ былъ большой любитель и знатокъ, и въ концѣ девяностыхъ годовъ прошлаго вѣка, розы были однимъ изъ источниковъ дохода этого богатѣйшаго, но нѣсколько запущеннаго, барскаго имѣнія. Точно также тамъ были очень большія оранжереи съ персиками и виноградомъ.

Къ усадьбѣ примыкала церковь очень оригинальной готической архитектуры.

Мѣстоположеніе усадьбы не было примѣчательно; скорѣе, пожалуй, низменно и сыровато, а марьинскіе лѣса изобиловали грибами, и марьинскій бѣлый грибъ особенно славился на Питерскомъ грибномъ рынкѣ; грибы и были главнымъ источникомъ дохода крестьянъ марьинской волости.

Замѣчательной въ домѣ была крыша, такого толстаго желѣза, что когда въ зиму 1900 года случился пожаръ, ни одинъ топоръ не могъ прорубить этого стараго строгановскаго желѣза.

Конечно, въ Марьинѣ главная прелесть заключа-

лась въ мнѣ вѣчно дорогомъ медлительномъ и типичномъ князѣ Павлѣ Павловичѣ Голицынѣ съ его особыми причудами и оригинальными привычками, но главную приманку въ немъ составляло его доброе сердце и его отзывчивость ко всѣмъ мѣстнымъ, и новгородскимъ, и крестьянскимъ интересамъ.

Голицынъ это былъ типъ добраго, стараго барства, теперь, увы, навсегда исчезнувшаго.

Кстати, разъ я заговорилъ объ историческихъ новгородскихъ усадьбахъ, позволю себѣ упомянуть про такъ называемую дачу Сперанскаго въ восьми верстахъ отъ Новгорода по шоссе, на притокѣ Волхова. Дача когда-то принадлежала и была построена Фельдмаршаломъ графомъ Минихъ, а въ началѣ 19-го вѣка ею владѣлъ Сперанскій, въ концѣ же восьмидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка она находилась во владѣніи нѣкоей Злобиной, продавшей съ дома мѣдную крышу и изъ двухъ или трехъ комнатъ паркетъ съ перламутровыми инкрустаціями. Паркетъ поразительной работы и цѣнности былъ купленъ за крупную сумму извѣстнымъ петербургскимъ антикваромъ Линевичемъ. Когда я попалъ на эту дачу, ни одна вещь не напоминала уже прежнихъ знаменитыхъ владѣльцевъ. Домъ былъ, конечно, каменный и двухъэтажный, но небольшой, комнатъ пятнадцать, и на лѣто отдавался въ въ наемъ.

Въ другой новгородской, но печальной извѣстности, усадьбѣ грознаго Аракчеева Грузинѣ, въ тринадцати верстахъ отъ станціи Чудова, Николаевской желѣзной дороги мнѣ неоднократно приходилось бывать по должности земскаго начальника. Въ нижнихъ комнатахъ дворца сохранилось много вещей, напоминавшихъ Императора Александра I, во первыхъ красный

штофный диванъ, на которомъ Императоръ ночевалъ; точно также были цѣлы всѣ вещи въ той комнатѣ, гдѣ онъ останавливался.

Затѣмъ знаменитые бронзовые часы, заказанные Аракчеевымъ въ Парижѣ послѣ кончины этого императора. Въ день и часъ смерти Александра I часы играли «Коль славенъ», или другую печальную музыку, точно уже не знаю, ибо музыкальный механизмъ былъ испорченъ.

Между первымъ и вторымъ этажами дворца находились карцера для офицеровъ, въ которые можно было попадать только по внутренней, секретной лѣстницѣ и комнаты тамъ были такъ низки, что стоять было невозможно, что-то аршина полтора высоты, а мебели никакой не полагалось. Въ Грузинѣ былъ довольно обширный липовый паркъ, конечно, съ прямыми аллеями; въ паркѣ находился павильонъ любви, гдѣ временщикъ устраивалъ афинскіе вечера съ крѣпостными одалисками.

Все Грузино носило отпечатокъ мрачности характера своего суроваго и жестокаго владѣльца и на меня наводило уныніе. Въ Грузинскомъ соборѣ была замѣчательная икона Богоматери съ лицомъ аракчеевской любовницы Настасьи Минкиной, точно также какъ въ Ватиканѣ въ покояхъ папы Александра VI Борджіа на стѣнѣ изображеніе Богоматери съ лицомъ папской возлюбленной Юліи Фарнезе. Кромѣ того въ соборѣ сохранялось евангеліе, гдѣ на поляхъ Аракчеевъ своими каракулями написалъ свою послѣднюю волю. Настоятель собора, во вниманіе къ просьбѣ Аракчеева, имѣлъ право служить съ дикиріемъ и трикиріемъ и это право сохранялось до послѣдняго времени.

По преданіямъ, Апостолъ Андрей Первозванный

въ своей проповѣди доходилъ до Грузина, гдѣ водрузилъ свой крестъ, откуда и происходитъ названіе Грузино, передѣланное Друзино. Въ Грузинѣ былъ даже бронзовый памятникъ Апостолу Андрею Первозванному, а также и памятникъ Императору Александру I. Грузино потому хорошо сохранилось, что, по завѣщанію Аракчеева, перешло въ казну для устройства тамъ кадетскаго корпуса, затѣмъ, по совершенно непонятнымъ причинамъ, переведеннаго въ Нижній-Новгородъ, никогда ничего общаго съ Аракчеевымъ не имѣвшаго. При мнѣ во дворцѣ наверху помѣщалось офицерское собраніе Петровскаго пѣхотнаго полка, нижнія же комнаты сохранялись въ неприкосновенномъ видѣ.

Хотя Аракчеева и принято постоянно ругать, да и несомнѣнно, что при жизни онъ былъ тупой звѣрь, но, надо сознаться, что теперь населеніе о немъ вспоминаетъ скорѣе съ благодарностью; во первыхъ всѣ крестьяне бывшихъ военныхъ поселеній владѣютъ очень крупными аракчеевскими капиталами, а во-вторыхъ въ въ Грузинѣ ежегодно, кажется, пять бѣднѣйшихъ невѣстъ получали приданое изъ особаго аракчеевскаго капитала, а, кромѣ того, и грузинскіе, и бронницкіе, и новоселицкіе крестьяне (село Бронница въ 25 верстахъ отъ Новгорода по Московскому шоссе, на рѣкѣ Мстѣ, а Новоселица въ трехъ верстахъ отъ Бронницы, на той же рѣкѣ), благодаря Аракчееву, имѣютъ великолѣпные заливные луга, на которыхъ своевременно, по приказу графа, былъ вырубленъ весь кустарникъ.

Отъ служебныхъ воспоминаній этого періода моей жизни, перейду къ воспоминаніямъ частной жизни и позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о двухъ сестрахъ, весьма извѣстныхъ въ петербургскомъ обществѣ,

особенно въ послѣднюю четверть прошлаго вѣка, съ которыми связаны мои личныя и самыя теплыя воспоминанія, начиная съ 1890-го года до самой революціи: я говорю объ Екатеринѣ Ильинишнѣ Татищевой и Варварѣ Ильинишнѣ Мятлевой, рожденныхъ Бибиковыхъ.

Еще до судейства, да и позднѣе, я неоднократно принималъ участіе въ любительскихъ спектакляхъ, какъ въ Старой Руссѣ лѣтомъ, такъ и зимой въ Петербургѣ, устраиваемыхъ обыкновенно энергичной Екатериной Ильинишной. И начало знакомства съ ними относится къ одному спектаклю въ Старой Руссѣ, гдѣ я еще имѣлъ удовольствіе познакомиться съ очаровательной Яниной Карловной Свентицкой, добрѣйшей, веселой и вѣчно оживленной женщиной, милой, гостепріимной хозяйкой и талантливой артисткой-любительницей. Это была моя почти постоянная партнерша по спектаклямъ. Къ сожалѣнію, неумолимая смерть похитила у семьи эту чудную жену и мать въ расцвѣтѣ лѣтъ. Когда она здоровая и жизнерадостная, послѣ одного спектакля въ пользу семей портъ-артурцевъ, покидала въ концѣ 1904 го года Новгородъ, гдѣ прежде долго жила и любила этотъ уютный и скромный городокъ, она плакала навзрыдъ, предчувствуя свою близкую кончину. И дѣйствительно, весной 1905-го года ея родные и друзья имѣли совершенно неожиданное горе встрѣчать ея гробъ на Варшавскомъ вокзалѣ, такъ какъ она скончалась въ Вѣнѣ, отъ хотя продолжительной, но непонятной болѣзни.

Возвращаясь къ сестрамъ Бибиковымъ, могу сказать, что долгіе годы и я, а позднѣе и жена моя имѣли счастье пользоваться дружескимъ расположеніемъ

этихъ умныхъ, милыхъ, сердечныхъ, на рѣдкость воспитанныхъ и изящныхъ женщинъ. Сперва онѣ жили врозь, но затѣмъ, когда младшая изъ нихъ Варвара Ильинишна стала одинока, онѣ поселились вмѣстѣ. Такихъ нѣжныхъ и дружныхъ сестеръ я никогда не встрѣчалъ въ петербургскомъ обществѣ, да къ тому же это былъ домъ, куда всегда можно было прійти на огонекъ, ибо выѣзжали они очень рѣдко и въ мирной, интересной и сердечной бесѣдѣ очень пріятно провести вечерокъ, а подчасъ и подѣлиться своими заботами и думами, тѣмъ болѣе, что у Варвары Ильинишны было особое умѣніе войти въ положеніе каждаго собесѣдника и въ его душевныя сомнѣнія и переживанія.

И кого только у нихъ бывало не встрѣчаешь, отъ Великихъ Князей до самыхъ скромныхъ провинціальныхъ актеровъ и со всѣми всегда привѣтливы, любезны и ровны.

Съ отъѣздомъ сына, благороднѣйшаго, рыцарски честнаго, изумительно воспитаннаго и деликатнаго Ильи Леонидовича Татищева съ Государемъ въ Тобольскъ, угасъ у Екатерины Ильинишны Татищевой, уже почтенной по возрасту старухи, послѣдній интересъ къ жизни и въ августѣ 1917-го года, всѣми оплакиваемая, сошла въ могилу блестящая и элегантная представительница петербургскаго высшаго общества. А бѣдная Варвара Ильинишна одиноко и грустно доживаетъ свою полную превратностей судьбы, жизнь въ голодномъ, заброшенномъ и запустѣломъ Петербургѣ.

Покончивъ со своими служебными и личными воспоминаніями того времени, вернусь опять къ своей безпечной молодости, дабы отмѣтить нѣкоторыя внѣш-

нія событія, хотя и не связанныя съ моей службой, но только бывшія во время моей службы, какъ напримѣръ, приходъ въ Кронштадтъ первой французской эскадры подъ начальствомъ адмирала Жерве.

Я былъ участникомъ раута въ Городской Думѣ,въ честь французскихъ моряковъ и былъ свидѣтелемъ того энтузіазма, царившаго на улицахъ Петербурга, при проѣздѣ французовъ, энтузіазма, котораго я даже не сравню съ тѣмъ, нѣсколько дѣланнымъ энтузіазмомъ, бывшимъ въ Петербургѣ передъ войной.

Долженъ сказать, что всѣ мы, участники городского раута, любовались городскимъ головой Лихачевымъ, блестящимъ ораторомъ, обладавшимъ и удивительнымъ голосомъ, и великолѣпной дикціей и безукоризненно владѣвшимъ французскимъ языкомъ. Это былъ, въ полномъ смыслѣ слова, идеальный и представительный лордъ-мэръ русской столицы и всѣ послѣдующіе городскіе головы никакого сравненія съ нимъ не выдерживали.

Видѣлъ я и блестящую иллюминацію, и пріемъ французовъ въ Петергофѣ, ѣздилъ со многими судьями на французскую эскадру, а послѣ раута возили мы моряковъ въ зоологическій садъ. На мою долю выпало везти какого- то очень милаго лейтенанта и помню, дорогой онъ жаловался, что его, человѣка вовсе не привычнаго, съ ранняго утра заставили пить...

Во время моей службы въ Харьковѣ, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1894-го года, было освященіе храма въ Боркахъ, на мѣстѣ крушенія Императорскаго поѣзда и Государь Императоръ Александръ III съ Августѣйшимъ Семействомъ пріѣзжалъ по этому случаю туда. Конечно, были неизбѣжныя депутаціи съ образами и рѣчами. Предсѣдателемъ земской управы былъ нѣкто Конд-

ратьевъ, очень конфузливый человѣкъ. Начавъ рѣчь довольно громко словами «Ваше Императорское Величество», онъ остановился, опять повторилъ, вѣроятно забылъ, смѣшался и сказалъ: «извините, Ваше Величество, я больше ничего не могу сказать». Государь, не любившій, вообще, рѣчей, пожалъ ему крѣпко руку и отвѣтилъ: «благодарю Васъ, я Васъ понимаю».

О кончинѣ Императора Александра III я узналъ совершенно случайно ранѣе остальныхъ лицъ, будучи въ гостяхъ рядомъ съ главнымъ телеграфомъ, и одинъ изъ служащихъ телеграфа принесъ это извѣстіе, говоря, что сейчасъ была принята изъ Ливадіи телеграмма отъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, или Министру Внутреннихъ Дѣлъ (точно уже не помню) о кончинѣ Государя. Сейчасъ же я поѣхалъ къ Прокурору Палаты. Онъ протелефонировалъ губернатору, который еще этого извѣстія не имѣлъ, и только на другой день, т. е. 21-го октября утромъ, имѣлъ распоряженіе министра о приводѣ всѣхъ къ присягѣ.

Люди опытные и разумные были чрезвычайно подавлены этимъ извѣстіемъ, ибо на новое царствованіе особыхъ надеждъ не возлагали.

Но вотъ пришелъ день провоза тѣла почившаго Императора; половина должностныхъ лицъ встрѣчала въ Харьковѣ, а половина въ Боркахъ, и я предпочелъ послѣднее. Помню, была очень холодная, безснѣжная осень и въ этотъ день, точнѣе въ этотъ вечеръ морозъ доходилъ до десяти градусовъ. Была лунная ночь. Все поле около станціи было усѣяно крестьянами, собравшимися многотысячной толпой и всѣ, конечно, съ зажженными восковыми свѣчами. Наконецъ, что-то около восьми часовъ вечера, при печальномъ перезвонѣ колоколовъ, показался Императорскій поѣздъ,

Траурный вагонъ съ гробомъ, уже подходя къ станціи, былъ открытъ и вся, благоговѣйно стоявшая внизу толпа народа (желѣзнодорожное полотно идетъ на значительной насыпи) видѣла гробъ, покрытый золотой, парчевой, императорской мантіей, а на гробѣ лежала корона. Картина была не только очень величественная, но и очень трогательная, и до сихъ поръ она совершенно ясно запечатлѣлась у меня въ головѣ. Началась панихида и, не знаю, какъ это вышло, стояли безъ чиновъ, я очутился какъ разъ позади будущей Императрицы, тогда еще Принцессы Алисы Гессенской. Скажу откровенно, своимъ непривѣтливымъ видомъ она никому не понравилась.

Похороны Императора Александра III, этого олицетворенія могучихъ русскихъ богатырей, можно считать апогеемъ Императорской власти, апогеемъ Дома Романовыхъ. Всѣ царствующія династіи прислали на похороны своихъ представителей, напримѣръ, отъ Англіи былъ нынѣшній Король, въ то время Герцогъ Іоркскій, отъ Италіи тоже нынѣшній Король Викторъ Эмануилъ III, тогда наслѣдный Принцъ, отъ Германіи принцъ Генрихъ Прусскій и т. д.

Никогда Россія не достигала такого значенія въ Европѣ, какъ въ послѣдніе годы царствованія Александра III и это-то значеніе, это могущество весьма ярко сказалось на похоронахъ прямодушнаго, прямолинейнаго, чисто-русскаго по мыслямъ и вкусамъ человѣка, каковымъ несомнѣнно, былъ Императоръ Александръ III.

Затѣмъ пошло шатаніе, власть утеряла свою твердость, стремленія свыше не были такъ опредѣленны, Царь колебался, и... заколебалась Россія. Отъ безсмысленныхъ мечтаній къ Ходынкѣ, отъ Ходынки къ

9-му января и Цусимѣ. Отъ Цусимы къ первой революціи и Государственной Думѣ. Отъ Думы къ выборгскому воззванію и войнѣ. Отъ войны къ отреченію и революціи.

И министры: отъ графа Толстого къ Горемыкину, отъ Ванновскаго къ Сухомлинову. И Ванновскій не былъ идеаломъ государственнаго человѣка, но онъ былъ опредѣлененъ и честенъ. Графъ Толстой, при всей его несимпатичности, былъ человѣкъ государственнаго ума и баринъ, а Горемыкинъ былъ честный чиновникъ, но съ узкимъ кругозоромъ; о Протопоповѣ не стоитъ и говорить. Витте былъ замѣненъ Плеске. Все мельчало и власть сошла на нѣтъ.

Царю самодержавіе было не поплечу, а Онъ этого, къ сожалѣнію, до послѣдней минуты не сознавалъ и держался за него, проникнутый велѣніемъ долга и глубоко вѣруя въ предначертаніе свыше.

Это несправедливая честь, когда приписываютъ революцію Родзянко, или Гучкову. Они къ ней присосались, но въ революціонные вожди ни тотъ, ни другой не годились, а, если бы не примкнули, революція все равно бы была: деньги были нѣмецкія, а, можетъ быть, и англійскія, а ничтожества были русскія.

Бурлящее нѣсколько лѣтъ недовольство тлѣло и тлѣло и, наконецъ, вспыхнуло ярко-краснымъ, но зловѣщимъ для Россіи пламенемъ въ совѣтѣ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ. Тамъ были люди, умѣвшіе вліять на толпу и подчинять себѣ недовольныя и распропагандированныя массы народа.

«Зачѣмъ вспоминать и дурное», скажутъ мнѣ многіе, «когда такъ жилось хорошо и такъ горько пришлось намъ теперь?» Нѣтъ, правды скрывать не надо,

а только отмѣчая недостатки прежняго времени, сознавая ихъ и указывая на нихъ, мы можемъ надѣяться въ будущемъ не на наше личное благополучіе, объ этомъ поздно и не время даже думать, а на счастье и могущество будущей Россіи. Я въ это вѣрю, не знаю, увижу или нѣтъ, но вѣрю глубоко, и эта вѣра меня поддерживаетъ въ самыя тяжкія, въ самыя грустныя минуты моего одиночества и моего изгнанія.

Будущее, разумѣется, не въ насъ, а въ тѣхъ страстотерпцахъ, которые всѣ ужасы революціи и всѣ тягости эволюціи испытали на себѣ; и эти терніи и закалили, и просвѣтили ихъ — и сила въ нихъ и въ ихъ духовномъ единеніи. Но, для избѣжанія или неповторенія въ будущемъ прежнихъ ошибокъ, или нашихъ вольныхъ и невольныхъ прегрѣшеній, мы должны откровенно и смѣло ихъ признавать и тѣмъ грядущихъ дѣятелей и молодое поколѣніе спасти отъ нихъ для могущества и славы обновленнаго Государства Россійскаго.

Если въ это не вѣрить, — не стоитъ и жить!

Сибіу. Трансильванія 1923 г.

ГЛАВА VI.

Губернаторство.

Назначеніе П. Н. Дурново. — Поѣздка въ Пермь. — Первыя впечатлѣнія. — Вступительная рѣчь. — Жандармы и тюрьмы. — Прокуроры. — Картина губерніи. — Заводы и главноуправляющіе горными округами. — Князь С. С. Абамелекъ-Лазаревъ. — Военная сила. — И. Л. Горемыкинъ. — Дурново и Столыпинъ. — Товарищи его. — Департаментъ Полиціи. — Князь С. Д. Урусовъ. — Кутлеръ. — Другіе министры. — Военная охрана. — Пермь. — Елизавета Ивановна Любимова. — Докторъ Пав. Ник. Серебрянниковъ. — Земство. — Докторъ В. Мих. Виноградовъ. — И. П. Бенедиктовъ. — Обширность и богатство Пермской губ. — Чусовая. — Изумруды. — Екатеринбургъ. — П. П. Боклевскій. — Встрѣчи на заводахъ. — Крестьянскій банкъ въ Перми и В. Н. Коковцевъ.

Конецъ ноября 1905 года, и какъ теперь помню, была пятница, 25 число. Въ Любани было судебное засѣданіе съѣзда земскихъ начальниковъ подъ моимъ, какъ предводителя дворянства, предсѣдательствомъ. Само засѣданіе уже окончилось, и мы въ совѣщательной комнатѣ прекраснаго зданія Любанскаго волостного правленія подписывали судебные протоколы, какъ вдругъ приносятъ мнѣ телеграмму: «Поздравляю Пермь» безъ подписи. Я догадался, что это жена умнѣйшаго Сергѣя Ефимовича Крыжановскаго по

порученію мужа извѣщаетъ меня о новомъ назначеніи. Я объявляю это своимъ товарищамъ и друзьямъ: Путилову (уѣздному члену суда), земскому начальнику Томановскому и почетному мировому судьѣ Шретеръ и объясняю, что повидимому я назначенъ губернаторомъ, и сердце сжалось отъ страха передъ неизвѣстностью и громадностью, выпавшей на мою долю отвѣтственности, въ особенности въ то тревожное время.

Ѣдучи на станцію, гдѣ мы бывало послѣ засѣданія обѣдали, я спрашиваю милѣйшаго Павла Ниловича Путилова: «Какъ ты думаешь, я справлюсь?» — «Конечно, справишься», былъ его отвѣтъ. На это я ему возразилъ, что не трудность новыхъ обязанностей, и не громадность края или незнакомство мое съ нимъ меня страшитъ, — нѣтъ, меня страшатъ жандармы и перспектива обязательной совмѣстной работы съ этимъ мнѣ всегда непріятнымъ (еще по разсказамъ отца) синимъ мундиромъ.

Современемъ мои предчувствія оправдались, и я долженъ былъ покинуть губернію изъ за начальника губернскаго жандармскаго управленія, за самостоятельность моихъ дѣйствій и нежеланіе слѣпо слѣдовать его указаніямъ и совѣтамъ. Конечно, мнѣ молодому предводителю дворянства, четыре неполныхъ года прослужившему въ этой должности, это высокое назначеніе очень льстило, и дѣятельность представлялась чрезвычайно интересной, да еще въ то неспокойное время. Но будущее меня, а главнымъ образомъ мою дорогую жену весьма страшило. Ей нравилась Любань, ей полюбился маленькій, усѣянный церквами и церковками и радушный великій Новгородъ, ей по душѣ было мое почетное и самостоятельное положеніе; ея скромности претила первая роль, но отказы-

ваться въ то время было нельзя, тѣмъ болѣе о согласіи меня даже не спросили.

Не помню уже точно по какому поводу, но за два дня передъ этимъ, то есть 23-го ноября, я представлялся въ домѣ на Морской улицѣ министру внутреннихъ дѣлъ Петру Николаевичу Дурново, и хотя репутація у него изъ за рѣзкой о немъ резолюціи Императора Александра III, къ памяти котораго я постоянно благоговѣлъ, была неважная, но я былъ сразу обвороженъ этимъ умнымъ, энергичнымъ, чуткимъ и тонкимъ государственнымъ человѣкомъ. Къ тому же я былъ пораженъ знаніемъ имъ всего вѣдомства и яснымъ и правильнымъ пониманіемъ текущаго момента и всей сложной административной машины. Я подробно докладывалъ ему о новгородскихъ октябрьскихъ безпорядкахъ и видимо мой разсказъ и мое освѣщеніе фактовъ ему понравились, такъ какъ въ концѣ аудіенціи онъ сказалъ: «Позвольте разсчитывать на васъ при назначеніяхъ на административныя должности. Намъ такіе энергичные люди, какъ Вы, нужны.» И, хотя я отвѣтилъ, что я въ полномъ его распоряженіи, но, разумѣется, былъ далекъ отъ мысли, что на другой же день состоится обо мнѣ Высочайшій докладъ. Ранѣе этого отъ того же Сергѣя Ефимовича Крыжановскаго слышалъ, что на вопросъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ Графа Витте, кого онъ (т. е. Крыжановскій) можетъ рекомендовать въ губернаторы, Сергѣй Ефимовичъ указалъ на меня и на ялтинскаго городского голову В. Ф. Давыдова. А почтенный, милѣйшій и умный старикъ, по рожденію уралецъ, Василій Дмитріевичъ Бѣловъ, хорошо знавшій Витте и знавшій и любившій меня по земской дѣятельности и по службѣ въ должности земскаго начальника рекомендовалъ

меня лично и письменно Сергѣю Юліевичу, какъ человѣка, подходящаго въ данное время для Пермской губерніи, гдѣ вопросъ о надѣленіи землей заводскихъ мастеровыхъ стоялъ тогда весьма остро. Но несмотря на все это, я былъ далекъ отъ мысли, что эти пожеланія осуществятся, и никуда не хотѣлось уходить, тѣмъ болѣе, что въ должности уѣзднаго предводителя чувствовалъ себя вполнѣ въ своей тарелкѣ и въ своей сферѣ. За годъ передъ этимъ я былъ выбранъ на второе трехлѣтіе почти единогласно (что-то 35 голосовъ бѣлыхъ и 3 черныхъ), служебныя отношенія съ милыми товарищами и по съѣзду и по земскимъ собраніямъ были идеальныя, жизнь же въ Любани въ полуторачасовомъ разстояніи отъ Петербурга была и пріятна, и удобна.

Но, вѣря въ судьбу, въ волю Всевышняго и Его Великій Промыселъ, я подчинился моей участи и сталъ быстро готовиться къ отъѣзду, что тогда изъ-за всеобщей желѣзнодорожной забастовки было вовсе не такъ просто. Товарищи кто завидовалъ, кто радовался моимъ успѣхамъ, а кто изъ родныхъ и безпокоился за мою жизнь.

Наконецъ, 15 декабря съ вечернимъ поѣздомъ выѣхали мы съ женой на Вологду, оттуда съ рабочимъ поѣздомъ (дорога до Вятки не была еще открыта и не вполнѣ готова) двинулись дальше. Съ нами въ отдѣльномъ вагонѣ ѣхалъ Сергѣй Александровичъ Римскій-Корсаковъ, отставной артиллерійскій генералъ, милѣйшій, воспитанный и весьма корректный человѣкъ, управлявшій тогда дѣлами богача Графа Сергѣя Александровича Строганова, самаго крупнаго изъ пермскихъ землевладѣльцевъ. У Графа въ шести уѣздахъ было полтора милліона десятинъ земли, и, если не

ошибаюсь, четыре или пять желѣзодѣлательныхъ заводовъ. Кромѣ того ѣхалъ служащій на Пермской жел. дорогѣ инженеръ Соколовъ съ супругой. Это была пара очень милыхъ, маленькихъ, кругленькихъ людей и нѣжныхъ супруговъ и пріятныхъ спутниковъ, а отъ Вологды упросили еще взять двухъ барышенъ курсистокъ, пермячекъ по рожденію. Въ этой милой компаніи мы ѣхали до Перми, съ остановками на сутки въ Вологдѣ и Вяткѣ, чуть ли не шесть сутокъ.

Въ Вяткѣ имѣлъ очень непріятное порученіе отъ Министра Дурново объявить Губернатору выговоръ за его полную растерянность во время забастовки. Дѣйствительно, въ губернаторскомъ домѣ засталъ картину такой запуганности, что я старался не только смягчить непріятное порученіе, но и ободрить бѣднаго старика, фамиліи его не помню, изъ предводителей дворянства Воронежской или Харьковской губерніи.

Наконецъ, 21 декабря утромъ, что-то около 12 часовъ мы переѣхали знаменитый мостъ черезъ сѣверную красавицу Каму и увидали на горѣ Соборъ и пермскія, въ общемъ довольно скромныя постройки. И жену мою и меня охватило волненіе при мысли, что-то насъ въ этой, до сихъ поръ далекой, Перми ожидаетъ. На Пермскомъ вокзалѣ кромѣ начальника желѣзной дороги Дмитрія Александровича Матренинскаго насъ встрѣчалъ только и. д. Пермскаго Полицiймейстера, ибо ранѣе, и письменно и черезъ нѣкоторыхъ лицъ, я просилъ меня избавить отъ парадныхъ встрѣчъ, неумѣстныхъ въ то возбужденное время.

Въ губернаторскомъ домѣ, очень невзрачномъ снаружи, встрѣтили чиновники особыхъ порученій, сразу напомнившіе мнѣ гоголевскихъ Бобчинскаго и Добчинскаго, оба толстенькіе и довольно суетливые,

какъ и полагается этимъ чиновникамъ; смотритель дома, знаменитый въ своемъ родѣ изобрѣтатель электролитной воды Кобякъ и Правитель канцеляріи, очень мрачнаго вида въ синихъ очкахъ съ взъерошенной головой, оказавшійся впослѣдствіи очень дѣльнымъ и весьма работящимъ чиновникомъ.

Домъ помѣстительный, уютный, но бѣдно обставленный, съ хорошимъ садомъ, намъ съ женой чрезвычайно понравился. Позавтракавъ, я сразу, взявъ хорошаго извозчика (лошадей пріобрѣлъ черезъ мѣсяца два) поѣхалъ въ Соборъ и сдѣлалъ визиты начальникамъ отдѣльныхъ частей и моимъ ближайшимъ сослуживцамъ и подчиненнымъ. Я нарочно отступилъ отъ установленнаго обычая общаго пріема, т. к. находилъ неудобнымъ въ то время подчеркивать свою власть и свое подчиненіе старымъ традиціямъ. Мой предшественникъ заслужилъ почти общую антипатію и кромѣ того закончилъ свою пермскую карьеру, водимый 18 октября по улицамъ Перми безъ фуражки изъ одной тюрьмы въ другую (ихъ было двѣ) для освобожденія политическихъ преступниковъ. Надо было тотчасъ же отъ него и отъ его привычекъ и взглядовъ отмежеваться. Я твердо помнилъ русскую пословицу «по платью встрѣчають, по уму провожаютъ» и старался всѣми силами пріобрѣсти довѣріе и расположеніе тѣхъ лицъ, съ которыми судьба привела меня служить.

Конечно, первый визитъ былъ къ Архіерею, сравнительно недавно переведенному въ Пермь изъ Якутска, хорошему, скромному, но не умному и весьма невзрачному человѣку. Затѣмъ, къ милѣйшему Вице-Губернатору Михаилу Васильевичу Стрижевскому, значительно старше меня годами, русскому барину, плохо разбиравшемуся въ дѣлахъ. Къ сожалѣнію че-

резъ двѣ недѣли онъ былъ назначенъ Казанскимъ Губернаторомъ, и мы съ нимъ очень скоро разстались добрыми друзьями и съ искренней грустью. Это былъ дамскій кавалеръ, общительный, любимый въ обществѣ, пріятный партнеръ, ярый охотникъ и очень милый сослуживецъ, не стремившійся играть роль и не любившій много работать. За то, и самое главное, онъ былъ чуждъ интригъ и не велъ и не способенъ былъ вести борьбу съ Губернаторомъ, что ставило себѣ задачей большинство Вице-Губернаторовъ, воображавшихъ себя дѣльнѣе и заслуженнѣе самого Губернатора.

На второй день пріѣзда вечеромъ я устроилъ у себя совѣщаніе всѣхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей, т. е. пригласилъ весь губернскій синклитъ съ Вице-Губернаторомъ, Управляющимъ Казенной палатой, начальникомъ управленія государственныхъ имуществъ, предсѣдателемъ Окружнаго суда, прокуроромъ, начальникомъ пермской жел. дороги, непремѣнными членами губернскихъ присутствій, предсѣдателемъ губернской земской управы и городскимъ головой. Начальникъ губернскаго жандармскаго управленія на мое счастье, былъ въ отъѣздѣ, а начальникъ охраннаго отдѣленія явился, слава Богу, въ штатскомъ и не портилъ общей картины. Цѣлью совѣщанія было — ознакомиться съ общимъ положеніемъ губерніи, а главнымъ образомъ въ частной бесѣдѣ ознакомиться съ моими сослуживцами. Послѣ трехчасовой бесѣды провинціальный ледъ былъ сломанъ, а затѣмъ въ столовой, за ужиномъ и за стаканомъ вина, въ особенности при помощи обходительной, спокойной, ровной и любезной хозяйки, каковой была всегда моя жена, вѣрная подруга и житейская помощница,

ледъ совершенно растаялъ и въ мирныхъ и оживленныхъ разговорахъ очень симпатично закончился вечеръ нашего перваго знакомства съ пермяками.

Первые полгода отношенія были идеальныя, а потомъ со многими изъ-за разныхъ треній и несходства взглядовъ нѣсколько испортились. Чиновъ министерства внутреннихъ дѣлъ и корпуса жандармовъ, земскихъ и городскихъ дѣятелей и лицъ, желавшихъ представиться я принималъ на второй день Рождества въ залѣ Губернаторскаго дома въ общемъ пріемѣ, дабы не порывать совсѣмъ съ прежними традиціями и новизной формъ не пугать провинціальное болото. Но съ остальными вѣдомствами я знакомился, объѣзжая всѣ учрежденія и до оффиціальнаго пріема закончилъ визиты всѣмъ высшимъ чиновникамъ, посѣщая, конечно, и женъ многихъ изъ нихъ.

Пріемъ былъ также нуженъ, чтобы въ нѣсколькихъ словахъ привѣтствія сказать имъ губернаторское «credo». Вотъ почти подлинный текстъ моей рѣчи: «Господа, Государю Императору угодно было довѣрить мнѣ управленіе Пермской губерніей. Повинуясь велѣнію царскому, долгу совѣсти и присяги, я вступая въ настоящее тревожное время въ управленіе Пермскимъ краемъ на половину горнозаводскимъ, на половину сельско - хозяйственнымъ, позволяю себѣ разсчитывать на васъ, господа. Я надѣюсь найти въ чинахъ администраціи, въ земскихъ, городскихъ и общественныхъ дѣятеляхъ и представителяхъ печати свѣдущихъ сотрудниковъ, добрыхъ и полезныхъ совѣтниковъ, а въ дѣлѣ изученія края и его нуждъ буду добросовѣстнымъ ученикомъ мѣстныхъ опытныхъ людей, независимо отъ ихъ служебнаго и общественнаго положенія, но въ то же время буду твердымъ и стро-

гимъ блюстителемъ порядка и закона. Я горячо вѣрую въ будущее Россіи и въ то, что она выйдетъ побѣдительницей изъ ниспосланныхъ ей Господомъ испытаній и приглашаю всѣхъ благомыслящихъ людей потрудиться вмѣстѣ со мною на пользу здѣшняго края, во славу нашего Государя и на благо всѣмъ намъ дорогой Родины».

Самое трудное и непріятное на первыхъ порахъ это былъ утренній пріемъ просителей и должностныхъ лицъ, пока я не вошелъ въ курсъ дѣла и не ознакомился съ людьми и ихъ нравственнымъ обликомъ, а въ особенности былъ утомителенъ пріемъ родныхъ несчастныхъ заключенныхъ, которыхъ ко мнѣ являлось множество. Хотѣлось обласкать, хотѣлось многимъ изъ нихъ чѣмъ нибудь помочь и облегчить въ предѣлахъ возможнаго судьбу заключенныхъ, но всегда приходилось наталкиваться на сакраментальныя слова «сидитъ въ порядкѣ охраны», и хотя съ начальникомъ губернскаго жандармскаго управленія (въ началѣ былъ очень любезный человѣкъ, черезъ два года замѣненный отвратительнымъ типомъ) и начальникомъ охраннаго отдѣленія были прекрасныя отношенія въ виду исключительности ихъ положенія и независимости отъ Начальника Губерніи, приходилось очень считаться съ ихъ мнѣніями и заключеніями. Это было особенно непріятно потому, что правды отъ нихъ добиться было очень трудно, они стремились къ прославленію своей дѣятельности, создавали дѣла иногда безъ достаточныхъ поводовъ или безъ юридическихъ основаній тѣхъ или иныхъ арестовъ. Поэтому и посѣщеніе тюремъ, обязательное для Губернатора, мнѣ было очень тяжело. Чувствовалась, зачастую, справедливость объясненій заключенныхъ въ порядкѣ охраны, и созна-

валъ свое во многихъ случаяхъ грустное безсиліе. Бывали минуты отчаянія послѣ тюремныхъ посѣщеній, въ особенности чрезмѣрно переполненной Екатеринбургской, хотѣлось сложить оружіе и уйти. Но благоразуміе брало верхъ, это было бы бѣгство съ поста безъ всякой пользы для дѣла. А когда только возможно было, я всегда боролся съ начальникомъ охраннаго отдѣленія ротмистромъ Самойленко, лѣнивымъ, но не злымъ человѣкомъ, и на первыхъ же порахъ далъ ему отпоръ, когда онъ мнѣ заявилъ претензію, что я разрѣшилъ спектакль, по составу участниковъ будто бы опасный для спокойствія Перми. Я ему заявилъ, что знаю свои права и никогда не буду съ нимъ совѣтоваться по дѣламъ меня касающимся, а это его дѣло слѣдить за спокойствіемъ города всѣми дозволенными ему способами и средствами.

Вообще въ самомъ началѣ моего появленія на пермскомъ горизонтѣ чувствовалось стремленіе со стороны должностныхъ лицъ меня осѣдлать и подчинить своему вліянію, и я сперва осторожно этихъ господъ осаживалъ, если же попадались толстокожіе, то приходилось это дѣлать въ болѣе рѣзкой и рѣшительной формѣ. Поэтому я и не любилъ словесныхъ докладовъ, а всегда просилъ мнѣ оставлять подлинную переписку, чтобы лично ознакомиться съ дѣломъ, не вполнѣ довѣряя освѣщенію фактовъ докладчиками.

На мое несчастіе въ борьбѣ съ охраннымъ отдѣленіемъ и жандармскими властями Прокуроромъ Пермскаго окружнаго суда былъ довольно старый уже Константинъ Никифоровичъ Подрѣзанъ, большой балагуръ, и весельчакъ, но лѣнтяй, мало знавшій и мало вникавшій въ дѣла, а зачастую и не имѣвшій опредѣленнаго взгляда на то или иное интересовавшее меня

дѣло и потому на него нельзя было ни положиться, ни получить опредѣленнаго отвѣта, а оставался онъ при мнѣ въ Перми еще года два.

Съ Прокуроромъ Екатеринбургскаго окружнаго суда Казицынымъ, человѣкомъ опредѣленнаго направленія и явно враждебнымъ административной власти, было еще труднѣе. Несмотря на неоднократныя просьбы и жалобы, несмотря на положительность факта его участія въ революціонныхъ демонстраціяхъ въ октябрѣ 1905 г., онъ оставался до 1907 г. въ должности и былъ переведенъ съ повышеніемъ въ Варшаву товарищемъ прокурора Судебной Палаты. Такая рознь въ вѣдомствахъ, защита своего во что бы то ни стало отъ нападокъ лицъ другихъ вѣдомствъ, мелкое вѣдомственное самолюбіе, разъѣдало государственную машину и постепенно подрывало существовавшій строй.

Но позволю себѣ вкратцѣ нарисовать общую картину губерніи и ея политическаго въ то время положенія. Я появился на пермскомъ горизонтѣ черезъ недѣлю или двѣ послѣ вооруженнаго возстанія въ Мотовилихѣ или оффиціально на Пермскихъ пушечныхъ заводахъ, отстоявшихъ отъ губернскаго города въ 3 верстахъ. Тамъ было до 8 тысячъ рабочихъ, изъ которыхъ половина пришлаго элемента и революціонно настроеннаго. Помимо этого, во всей губерніи продолжалась съ мѣсяцъ почтово - телеграфная забастовка, а также желѣзнодорожная забастовка.

Кромѣ того на всѣхъ заводахъ то и дѣло вспыхивали возстанія противъ заводской администраціи, напр. въ Чермозѣ (заводъ князя Абамелекъ - Лазарева) Главноуправляющаго Ник. Андр. Пивинскаго, умнаго, твердаго, честнаго, но слишкомъ прямого и консервативно настроеннаго человѣка, хотѣли утопить въ

проруби. Я уже не помню какъ, но спасся онъ просто чудомъ. Въ Богословскомъ горномъ округѣ, Верхъ-Исетскомъ, Алапаевскомъ, Сергино - Уфалейскомъ было еще хуже. Революціонное настроеніе рабочихъ поддерживалось отсутствіемъ денежныхъ средствъ у владѣльцевъ и заводской администраціи, приходилось постоянно лавировать, чтобы чѣмъ нибудь и какъ нибудь успокоить рабочихъ. Управленіе заводское почти на всѣхъ заводахъ хромало, отличаясь подчасъ безтактностью или просто неумѣніемъ ладить съ рабочими. Иногда же, наоборотъ, потакали дурнымъ инстинктамъ, удовлетворяя ихъ незаконныя требованія, какъ было въ началѣ 1906 года въ Тагильскомъ округѣ, гдѣ пріѣхавшій изъ Петербурга Предсѣдатель Правленія увеличилъ вознагражденіе рабочихъ, желая быть ими избраннымъ въ первую Государственную Думу. Туда этотъ чиновный хлыщъ, слава Богу, не попалъ, но владѣльцы должны были признать сдѣланныя этимъ господиномъ прибавки къ рабочему жалованію, чуть не въ полмилліона рублей въ годъ. Изъ владѣльцевъ заводовъ единственный, который занимался и интересовался дѣломъ это — князь Абамелекъ Лазаревъ, очень скупой и не щедрый на прибавки и на удовлетвореніе разныхъ рабочихъ нуждъ, но несомнѣнно умный и знавшій положеніе дѣла на Уралѣ человѣкъ. По взглядамъ онъ былъ слишкомъ консервативенъ и прямолинеенъ, поэтому никогда не выставлялась его кандидатура отъ Пермскаго земства въ Государственный Совѣтъ, что для дѣла было весьма желательно.

Оборудованіе и положеніе дѣла на Строгановскихъ заводахъ было смѣхотворно по архаическому устройству, но тамъ почти не было денежныхъ затруд-

ненiй. На другихъ заводахъ въ большинствѣ случаевъ владѣльцы или не интересовались, или представляли изъ себя довольно комическiе типы по полному своему невѣжеству и незнанiю положенiя вещей на заводахъ и почти никогда не посѣщая своихъ заводовъ. Кыштымскiй округъ долго хирѣлъ и только сталъ расцвѣтать при участiи энергичнаго англичанина Уркарта.

Изъ управляющихъ округами весьма симпатичное впечатлѣнiе производилъ по уму и по знанiю дѣла Адамъ Ильичъ Онуфровичъ, сперва главноуправляющiй Кыштымскимъ округомъ, а потомъ Лысьвенскимъ. У него, несмотря на продолжительную службу на Уралѣ не было умѣнья говорить съ рабочими, и за это неумѣнье онъ пожертвовалъ жизнью въ самомъ началѣ войны 1914 года. Взбунтовавшiеся рабочiе Лысьвенскаго завода Графа П. П. Шувалова — его, нѣсколько заводскихъ служащихъ и полицейскихъ чиновъ звѣрски убили. Кажется, Онуфровичъ былъ растерзанъ на куски. А между тѣмъ, ни одинъ владѣлецъ не сдѣлалъ столько для рабочихъ и мѣстнаго населенiя, какъ просвѣщенный, гуманный и благородный графъ П. П. Шуваловъ. Правда, рабочiе оцѣнили его дѣятельность, поставивъ ему, еще при мнѣ, великолѣпный бронзовый памятникъ на заводской площади. Но къ сожалѣнiю и удивленiю, его пожертвованiя отчасти и послужили поводомъ для безпорядковъ. Имъ были, между прочимъ, пожертвованы суммы, и довольно порядочныя, на устройство народнаго дома и другихъ просвѣтительныхъ начинанiй и тотъ капиталъ, который къ началу войны еще не былъ израсходованъ, рабочiе, отправлявшiеся въ качествѣ запасныхъ на войну, стали требовать для вы-

дачи ихъ семействамъ, а Онуфровичъ слишкомъ откровенно имъ въ этомъ отказалъ. Другимъ выдающимся администраторомъ былъ при мнѣ Н. Н. Шелгуновъ, главноуправляющій громаднымъ Богословскимъ горнымъ округомъ. Тотъ погибъ трагической смертью въ началѣ 1909 года, убитый своей единственной дочерью, очень дурно воспитанной и крайне избалованной 15-лѣтней дѣвицей, подпавшей подъ вліяніе революціонеровъ. Къ сожалѣнію, въ виду вмѣшательства богатыхъ родственниковъ, дѣло было судебными властями прекращено, а убійца отдана на исправленіе своей бабушкѣ.

Меня всегда возмущало лицемѣріе большинства заводовладѣльцевъ, когда, ссылаясь на свой патріотическій образъ мыслей, они обращались за содѣйствіемъ къ губернатору для подавленія рабочихъ безпорядковъ, вызванныхъ неполученіемъ по нѣсколько мѣсяцевъ слѣдуемаго имъ жалованья, и я всегда старался строго различать революціонное направленіе рабочихъ и вывозъ ими управляющихъ на салазкахъ и проч. отъ вполнѣ законнаго и понятнаго желанія получить слѣдуемыя имъ деньги. Поэтому меня сразу многіе низкопробные элементы изъ заводовладѣльческаго міра старались обвинить въ кадетствѣ еще и потому, что я упорно отмежевывался отъ «союза русскаго народа» и прочихъ противоестественныхъ и гнусныхъ организацій, принесшихъ несомнѣнный вредъ и Россіи и Престолу. Но часто приходилось въ рабочемъ движеніи лавировать, потому что на три съ половиной милліона населенія обширнѣйшей губерніи (Пермская была третьей по величинѣ въ Европейской Россіи) въ моментъ моего пріѣзда въ Пермь было два запасныхъ баталіона: одинъ въ Перми, другой въ Ека-

теринбургѣ, и двѣ казачьи сотни одна Уральская и прекрасная и неоднократно оказывавшая содѣйствіе губернской администраціи, вскорѣ впрочемъ переведенная, а другая Оренбургская, распущенная, зачастую безчинствовавшая на заводахъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ прислали два полка, Псковскій и Смоленскій пѣхотные съ командирами которыхъ, очень тактичными и милыми полковниками Дэичканецъ (б. Егер. п.) и Хартулари установились отличнѣйшія отношенія. По этому поводу вспоминается мнѣ мое представленіе Горемыкину въ началѣ іюня 1906 года, тогда предсѣдателю совѣта министровъ. На мой вопросъ, какія будутъ у него указанія руководящаго свойства, онъ мнѣ отвѣтилъ, не спрашивая вовсе о губерніи, ни о вспомогательныхъ средствахъ: «дѣйствуйте рѣшительно, рѣшительно, и рѣшительно». Меня взорвало это безпочвенное указаніе и несвѣдомленность премьера и я возразилъ, что для рѣшительныхъ дѣйствій кромѣ громкаго голоса, которымъ я обладаю, нужно имѣть военную силу, а у меня, при протяженіи губерніи только отъ границы Вятской до Тобольской губерніи по желѣзной дорогѣ 833 версты, имѣется два пѣхотныхъ полка, а одного рабочаго населенія болѣе 500 тысячъ. Тогда онъ безпомощно развелъ руками и ничего не сказалъ. Для него всѣ посѣщенія губернаторовъ былъ скучный номеръ, нарушавшій его покой, а потомъ еще болѣе безпокоила его Государственная Дума во время его второго премьерства. При этомъ мнѣ вспомнились всѣ продуманныя указанія Дурново и вся опредѣленность данной имъ мнѣ программы дѣйствія. Всѣ циркулярныя телеграммы Дурново дышали энергіей и ясностью мысли. «Примите энергичныя мѣры борьбы съ революціей, не оста-

навливайтесь ни передъ чѣмъ, помните что отвѣтственность беру на себя».

Появился Столыпинъ, сразу почувствовалось, что товарищи министра внутреннихъ дѣлъ, какъ болѣе знающіе вѣдомство люди, тянули каждый въ свою сторону, и потому по разнымъ департаментамъ получались различныя указанія и въ тѣхъ же циркулярныхъ телеграммахъ начало, было какъ у Дурново: Принимайте энергичныя мѣры и т. д., а въ концѣ «но помните, что отвѣтственность лежитъ на васъ», и поэтому въ дѣйствіяхъ губернаторовъ при Столыпинѣ вовсе не было той твердости дѣйствій, какъ до него. Вообще за немногими исключеніями посѣщенія министровъ наводили уныніе, ибо большинство живымъ дѣломъ не интересовалось: оберегали свое спокойствіе, и физіономіи вытягивались, какъ только доходило до дѣла. Изъ товарищей министровъ 1905 года мнѣ особенно остался въ памяти пріемъ у товарища министра внутреннихъ дѣлъ, князя Сергѣя Дмитріевича Урусова; это былъ живой, вдумчивый человѣкъ, любившій родину, интересовавшійся дѣломъ, съ благороднымъ образомъ мыслей. Его слова и напутствія сильно отличались отъ обыкновенныхъ чиновничьихъ разговоровъ, видно было, что онъ вникалъ въ дѣло и понималъ весь вредъ канцелярской отписки. Точно также живой водой окатилъ меня Кутлеръ и долго потомъ, послѣ его ухода, въ особенности вначалѣ революціи я вспоминалъ этого «опаснаго по чиновничьимъ понятіямъ, революціонера, и какъ онъ былъ правъ въ своихъ стремленіяхъ и въ своихъ земельныхъ планахъ. Министры же торговли Философовъ и Шиповъ — это была одна грусть, настолько ничтожны были эти петербургскіе бюрократы, каждый по своему можетъ быть и способ-

ный къ бумажному дѣлу, но не для роли руководителей вѣдомствъ. Коковцевъ имѣлъ достаточно ума, чтобы отказываться иногда отъ неправоты своихъ мнѣній и затѣмъ онъ былъ честный и благожелательный для дѣла человѣкъ. О другихъ министрахъ того времени не стоитъ и говорить или по краткости ихъ пребыванія во главѣ вѣдомствъ или безцвѣтности.

Изъ Оберъ - Прокуроровъ Синода самымъ разумнымъ и симпатичнымъ въ мое время былъ Сергѣй Михайловичъ Лукьяновъ, но къ сожалѣнію слишкомъ осторожный.

Чтобы закончить мою экскурсію въ область министерскую, вспоминаю мою встрѣчу въ вагонѣ лѣтомъ 1909 года на Варшавской жел. дорогѣ съ близкимъ родственникомъ покойнаго П. А. Столыпина. На его вопросъ, какое впечатлѣніе я увожу изъ пріѣздовъ въ Петербургъ по дѣламъ службы, я съ полной откровенностью отвѣтилъ, что самое грустное, и привелъ ему цѣлый рядъ примѣровъ. Правда, послѣ этой встрѣчи, какъ онъ мнѣ и пророчилъ, я нашелъ у самого Столыпина очень любезный пріемъ и полное желаніе идти мнѣ навстрѣчу, но осенью, подъ вліяніемъ пресловутаго Курлова (къ удивленію не уничтоженнаго въ первые дни революціи) отношеніе получилось совсѣмъ другое.

Вообще, Столыпинъ-премьеръ и Столыпинъ-министръ-это двѣ величины совершенно различныя. Насколько онъ былъ хорошъ въ первой роли, настолько онъ былъ слабъ и неискрененъ во второй. Прямо не вѣрилось, что человѣкъ, который говорилъ въ Думѣ: «вамъ нужны великія потрясенія, намъ нужна великая Россія» - могъ такъ мелочно поступать и дѣйствовать, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ. Изъ товарищей

его, конечно, выдающимся, быстро схватывающимъ и знающимъ былъ умнѣйшій Крыжановскій, но онъ мало касался губернской администраціи. Лыкошинъ, на которомъ лежало крестьянское дѣло, былъ полнымъ ничтожествомъ, Макаровъ былъ сухой чиновникъ, къ тому же мало знакомый съ вѣдомствомъ, а съ Курловымъ, можно было только удивляться, какъ, благородный въ Думѣ, Столыпинъ могъ уживаться. Это былъ человѣкъ, у котораго ничего святого не было, ему мѣсто было скорѣе въ Сибири, чѣмъ въ министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ.

Да, безпринципность, а зачастую безчестность высшей бюрократіи погубила царскій режимъ. Возьмите Ялу, возьмите Безобразова,*) Абазу,**) возьмите вы морское или Артиллерійское вѣдомства и потомъ такихъ архаровцевъ, какъ наглый Курловъ и сладкорѣчивый Климовичъ, и картина Россіи получается весьма грустная. Никто не сталъ бы отрицать способности и ума Курлова, но по манерѣ себя держать и по типу онъ напоминалъ графа Каллаша изъ «Петербургскихъ трущобъ» Всеволода Крестовскаго. Все, что я зналъ про его прошлое, во мнѣ возбуждало гадливое чувство, и потому то я всегда удивлялся, какъ благородный въ Думѣ Столыпинъ могъ его терпѣть въ роли товарища чуть ли не цѣлыхъ три года. Посѣщенія Департамента полиціи оставляли тоже тягостное впечатлѣніе. Нигдѣ, ни въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, ни въ другихъ министерствахъ вы не встрѣчали такой наружной, слащавой любезности и вкрадчивости, какъ тамъ, но за этой любезностью чувствовалось и недовѣ-

---

*) Подразумѣваю Ст. Секретаря.

**) Адмирала.

ріе и такая ихъ обособленность отъ прочаго чиновнаго міра, что, выходя, всегда облегченно вздыхалъ,

По поводу департамента полиціи вспоминается мнѣ очень остроумное изрѣченіе одного изъ самыхъ правыхъ членовъ Государственнаго Совѣта въ бытность его еще Оберъ-Прокуроромъ въ Сенатѣ, когда ему при мнѣ въ Сельско-Хозяйственномъ клубѣ еще въ началѣ 90-ыхъ годовъ кто-то объявилъ, что при Департаментѣ полиціи учреждена должность Юристъ-консульта, онъ воскликнулъ, «это все равно, что архіерей при б....» А другой мой пріятель увѣрялъ, что всѣ доклады тамъ начинаютъ словами: «Подслушавъ такого то числа у дверей и т.д.» Вообще министерство картиннаго Столыпина напоминало мнѣ гастроли заѣзжихъ итальянскихъ трагиковъ Росси, Сальвини, которые своими талантами покрывали бездарности окружавшихъ ихъ актеровъ.

Съ Щегловитовымъ я, слава Богу, не имѣлъ дѣла, но знаю, что по безпринципности онъ недалеко ушелъ отъ Курлова. Но я удалился отъ главной темы моего разсказа и вернусь къ Пермской губерніи.

Когда я пріѣхалъ, въ самой Перми было подавленное настроеніе, и всѣ высшіе чины были запуганы, у многихъ изъ нихъ была военная охрана и взводъ довольно грязныхъ и распущенныхъ солдатъ мѣстнаго баталіона былъ и въ передней и кухнѣ губернаторскаго дома. Здравый смыслъ подсказывалъ, что предохранить они губернатора ни отъ чего не предохранили бы, а только бы роняли въ глазахъ населенія престижъ власти, подчеркивая ея запуганность. И къ ужасу милѣйшаго вице-губернатора Стрижевскаго, я ихъ удалилъ, тѣмъ болѣе, что находилъ ихъ пребы-

ваніе въ кухнѣ весьма вреднымъ въ санитарномъ отношеніи.

И послѣ я всегда отказывался отъ жандармской охраны, находя присутствіе агентовъ охраннаго отдѣленія неумѣстнымъ какъ въ домѣ, такъ и въ губернаторскомъ вагонѣ. Всѣ эти «шпики» всѣмъ были извѣстны, и присутствіе этихъ весьма подозрительныхъ типовъ только бы унижало губернатора. Моимъ спутникомъ въ моихъ многочисленныхъ поѣздкахъ по губерніи былъ добрѣйшій и милѣйшій Николай Аркадьевичъ Плаксинъ, чиновникъ особыхъ порученій, цѣнный потому, что былъ чиновникомъ уже при четвертомъ губернаторѣ и зналъ въ Пермской губерніи всѣхъ и все, но въ дѣловомъ отношеніи это былъ нуль. И разумѣется, курьеръ. Даже револьвера никогда при себѣ не имѣлъ, и хотя цѣлый годъ за мной охотились, но видно судьбѣ не угодно было, чтобы я тамъ погибъ, и даже отъ тяжелой болѣзни, надувъ чуть ли не пять лечившихъ меня докторовъ, я поправился. Не могу кстати не разсказать случай, меня поразившій какъ разъ въ 1906 году: при выходѣ съ маленькаго финляндскаго парохода въ Петербургѣ, упалъ въ Неву и потонулъ одинъ изъ матросовъ, бывшій на Варягѣ въ бою при Чемульпо, гдѣ судьба его сохранила не только отъ смерти, но даже отъ раненія, вотъ ужъ именно: «не знаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь». Но вернусь къ Пермскимъ воспоминаніямъ.

Пермь, расположенная на лѣвомъ высокомъ берегу Камы, правильно распланированная, представляла изъ себя чистенькій и симпатичный городокъ. Трехъэтажныхъ домовъ было очень мало, былъ каменный весьма приличный театръ, былъ водопроводъ и электрическое освѣщеніе.

Изъ красивыхъ зданій выдѣлялся на набережной домъ богача Мѣшкова, замѣшаннаго немного въ революціонное движеніе и отсутствовавшаго изъ Перми. Изъ мѣстныхъ благотворителей выдѣлялась Елизавета Ивановна Любимова, вдова богатаго пароходовладѣльца, очень умная и дѣльная, уже пожилая женщина.

Изъ мѣстныхъ революціонныхъ дѣятелей весьма опаснымъ считался Павелъ Ник. Серебрянниковъ, незанимавшійся практикой докторъ медицины, несомнѣнно лѣвыхъ въ то время взглядовъ и весьма скромныхъ по данному времени. Онъ былъ создатель Пермскаго научнаго музея и его посѣщенія меня радовали, какъ человѣка умнаго и живого.

Насколько отъ меня зависѣло, я старался смягчить и сглаживать подчасъ вызывающій тонъ и образъ дѣйствій жандармскихъ властей по отношенію ко всѣмъ общественнымъ дѣятелямъ и всячески проявлялъ симпатію и къ земскимъ учрежденіямъ, мнѣ весьма дорогимъ по предшествующей службѣ, а Александровская земская больница въ Перми меня поразила своими размѣрами и благоустройствомъ, главный же врачъ, Василій Михайловичъ Виноградовъ, очень опытный докторъ по внутреннимъ болѣзнямъ и тонкій и хорошій діагностъ, пользовался моимъ исключительнымъ довѣріемъ и симпатіею. Смерть въ началѣ 1909г. этого прекраснаго врача была для меня крупной утратой. Все, что можно было сдѣлать для облегченія земской дѣятельности, я дѣлалъ съ чистымъ сердцемъ и совѣстью, и все время моей службы въ Перми земцы чувствовали во мнѣ постояннаго и вѣрнаго помощника и друга, поэтому и проводы мои

изъ Перми земствомъ были особенно искренни и теплы.

Председателемъ губернской земской управы былъ Иванъ Петровичъ Бенедиктовъ, очень умный дѣльный, но лѣнивый человѣкъ, типичный мѣстный дѣятель и по наружности и по любви къ выпивкѣ, и только смерть его, почти одновременно съ Виноградовымъ, лишила меня этого доброжелателя и вѣрнаго сотрудника. Помню мое смущенiе при появленiи впервые на парадномъ богослуженiи въ Соборѣ, любопытные взгляды пермяковъ, видя у губернатора полное отсутствiе орденовъ и мою непривычку къ изображенiю первой персоны. Помню мое волненiе отъ первой поѣздки въ Тагилъ и Екатеринбургъ, всѣ эти встрѣчи, обязательные обходы и учрежденiй и заводовъ, вся эта утомительная, но необходимая процедура. Я всегда былъ горячимъ сторонникомъ личнаго знакомства съ дѣломъ и лицами на мѣстахъ, и все болѣе и болѣе убѣждался въ пользѣ частыхъ объѣздовъ, желая посѣтить возможно болѣе уголковъ доставшейся мнѣ необъятной губернiи. И картины изъ окна вагона отъ Перми до Екатеринбурга по старой горнозаводской дорогѣ были интересны и живописны.

Что такое Пермская губернiя, это наглядно доказываетъ, что по пространству она равнялась Рязанской, Тамбовской, Воронежской, Курской, Орловской и Тульской вмѣстѣ взятымъ и имѣла 28 миллiоновъ 500 тысячъ десятинъ земли, по количеству же населенiя конечно, была меньше, словомъ, это была не губернiя, а цѣлый громадный край. Одинъ Чердынскiй уѣздъ изъ конца въ конецъ имѣлъ свыше 600 верстъ, и на это пространство были три становыхъ пристава. Когда я въ 1907 году попалъ на Печору, я лично хотѣлъ

изслѣдовать водные пути, соединяющіе Печору съ Камой, и пришлось долго ѣхать на лодкѣ по маленькимъ рѣченкамъ, за рулевого былъ Тулпанскій волостной старшина, изъ солдатъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка. Вотъ я его и спрашиваю, объѣзжаетъ ли онъ, какъ полагается, по закону ежегодно всѣ селенія своей волости. На это онъ мнѣ отвѣтилъ: «изволите смѣяться, развѣ это возможно? у меня крайнія селенія отстоятъ на 240 верстъ одно отъ другого, если въ три года разъ объѣду, то и то хорошо». Одной казенной земли, точнѣе лѣсовъ въ Чердынскомъ уѣздѣ было 4 милліона десятинъ. Населеніе тамъ занималось лѣснымъ промысломъ и охотой.

Богатѣйшими уѣздами губерніи были Екатеринбургскій и Верхотурскій. Помню я нѣкоторыя цифры изъ Всеподданнѣйшаго отчета 1908 года, что въ Пермской добывалось до 360п. платины, когда весь земной шаръ давалъ ея въ годъ всего 400 пудовъ и 40 приходилось на Персію и Абиссинію. Всѣхъ золотыхъ пріисковъ въ губерніи было до 1000, но дѣйствовала изъ нихъ половина. Насколько я помню, богатѣйшіе были на сѣверѣ Верхуторскаго уѣзда въ окрестностяхъ села Никиты Ивделя, въ 120 верстномъ разстояніи отъ желѣзной дороги, среди дѣйствительно необъятныхъ лѣсовъ, тянувшихся чуть ли не сплошь до Березова, Тобольской губерніи, куда разстояніе было около 800 верстъ.

Насколько почва сѣверныхъ уѣздовъ Чердынскаго и Соликамскаго была бѣдна, настолько богата была она для землепашества въ Шадринскомъ и Камышловскомъ уѣздахъ, гдѣ земледѣліе процвѣтало и вызрѣвала яровая пшеница. Неоднократно поднимался еще до меня вопросъ о раздѣленіи губерніи на

двѣ: Пермскую и Екатеринбургскую, но ввиду значительной разницы въ матеріальномъ положеніи уѣздовъ, было трудно въ земскомъ отношеніи произвести справедливый раздѣлъ и вопросъ былъ оставленъ.

Но въ церковномъ управленіи это была единственная губернія въ Россіи, гдѣ было два самостоятельныхъ архіерея, Пермскій и Соликамскій и Екатеринбургскій и Ирбитскій и, разумѣется, двѣ консисторіи и двѣ семинаріи. Но и епархіи были неравны; благодаря тогда богатому Екатеринбургскому Тихвинскому женскому монастырю и Верхотурскому мужскому (гдѣ покоятся мощи Св. Симеона Верхотурскаго) Екатеринбургская епархія была значительно богаче Пермской.

Въ Верхотурскомъ уѣздѣ, гдѣ были сосредоточены заводы Богословскаго горнаго округа, Алапаевскаго и Тагильскаго, послѣдніе принадлежали Демидовымъ Санъ Донато, и казенные Кушвинскій съ горой Благодатью и еще три казенныхъ завода, названія которыхъ запамятовалъ. Въ этомъ же уѣздѣ находились почти всѣ платиновые пріиски и часть золотыхъ. Тамъ же и Башкарская волость, изобиловавшая драгоцѣнными камнями, добычей которыхъ населеніе главнымъ образомъ и занималось. Тутъ встрѣчались и хризолиты и хризопказы, малиновые шерлы, аквамарины, тяжеловѣсы, топазы, аметисты, сапфиры и александриты.

Изумрудныя копи, принадлежавшія французской компаніи, т.е. точнѣе, бывшія въ арендѣ у французской компаніи, а принадлежавшія казнѣ, находились въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ, между Екатеринбургомъ и Камышловымъ, въ 20 верстахъ отъ желѣзной дороги.

На югѣ въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ расположился Кыштымскій горный округъ, принадлежавшій Дружининымъ и Бар. Меллеръ-Закомельскимъ, а потомъ всѣ почти акціи сосредоточились въ англійскихъ рукахъ, и кажется, главнымъ образомъ у Уркарта, очень умнаго, дѣльнаго и энергичнаго человѣка. По красотѣ мѣстоположенія это былъ несомнѣнно самый красивый округъ Пермской губерніи и, думаю, на Уралѣ. Кромѣ него въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ находился Невьянскій заводъ наслѣдниковъ Яковлевыхъ, Верхъ-Исетскій округъ подъ самымъ Екатеринбургомъ (гр. Стенбокъ - Фермора), Сысертскій округъ, принадлежавшій милѣйшему уральскому старожилу егермейстеру Димитрію Павловичу Соломирскому. Впослѣдствіи это разбойничье гнѣздо, уже послѣ меня, перешло, кажется, къ Шведской компаніи. Далѣе въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ былъ Сергино-Уфалейскій округъ, Ревдинскій (Ратькова-Рожнова) и Билимбаевскій заводъ графа Строганова, откуда ранней весной съ открытіемъ навигаціи сплавляли на баржахъ внизъ по Чусовой, караваны съ желѣзомъ въ заводы графа Строганова Оханскаго уѣзда.

Послѣдній годъ моего пребыванія въ Перми, мнѣ удалось видѣть эту церемонію отправки баржъ изъ Билимбаевскаго завода, и даже болѣе сутокъ я проплылъ по Чусовой вмѣстѣ съ караваномъ. То было въ половинѣ апрѣля. Самый уходъ почему то совершается ночью: все заводское населеніе, разряженное какъ въ Пасхальную ночь собирается у закрытыхъ шлюзовъ, гдѣ стоятъ баржи, наполненныя желѣзомъ. Такъ какъ Чусовая мелководна, то вода напускается для сплава каравана изъ Ревдинскаго озера, сосѣдняго съ Билимбаевскимъ заводомъ и соединеннаго съ

Чусовой, что дѣлается тотчасъ же по открытіи навигаціи, и очень важно не пропустить моментъ накопленія воды въ озерѣ. Передъ выходомъ каравана по берегамъ зажигаются смоляныя бочки, бенгальскіе огни, а «ватаманъ», т.е. выбранный нанятыми гонщиками начальникъ каравана въ одной изъ избъ около самаго шлюза, читаетъ молитву передъ колѣнопреклоненной толпой, а затѣмъ садится на переднюю баржу и тотчасъ же открываются шлюзы, и, при благоговѣйно настроенной толпѣ, медленно выходятъ баржи одна за другой въ Чусовую. Помню морозная звѣздная ночь дополняла торжественность оригинальной и чудной картины. Плаваніе по Чусовой всегда очень опасно для каравана, и не было случая, чтобы онъ цѣликомъ приходилъ по назначенію, поэтому то такъ торжественны бываютъ проводы, такъ молчаливо и благоговѣйно настроена провожающая его толпа рабочихъ и жителей Билимбаевскаго завода, для которыхъ этотъ спускъ разъ въ годъ каравана бывало цѣлымъ событіемъ. На одной изъ баржъ ѣхалъ управляющій заводомъ изъ мастеровыхъ, ражій мужчина - лѣтъ 50-ти. На этой же баржѣ была столовая и гостиная (послѣдняя для меня) хорошо обставленныя. Берега Чусовой чрезвычайно живописны: скалистые, покрытые еловымъ лѣсомъ, мѣстами скалы самыхъ причудливыхъ формъ. Такъ какъ съ нами ѣхалъ фотографъ, то затѣмъ цѣлый альбомъ этихъ интересныхъ видовъ я поднесъ Государю Императору.

Рядомъ съ изумрудными копями находятся богатѣйшія азбестовыя копи, также казенныя, бывшія тогда въ арендѣ у Поклевскаго-Козеллъ и Барона Жирара де Сукантонъ. Теперь онѣ сданы большевиками въ аренду американцамъ.

Изумруды добывались въ довольно большомъ количествѣ и сравнительно неглубоко, на протяженіи полутора или двухъ саженъ отъ поверхности. Была устроена большая, на манеръ песочныхъ ямъ выемка и тамъ среди каменной породы находили и изумруды. На копяхъ имѣлось нѣсколько паръ жернововъ для размола этого камня, довольно мягкаго, чтобы отдѣлить отъ него изумруды, отличавшіеся чрезвычайной твердостью. Помню, какъ директоръ копей, очень милый французъ мнѣ объяснилъ разницу между колумбійскими изумрудами и уральскими. И колумбійскія копи были въ арендѣ у той же компаніи (названіе ея было англійское, но вся администрація французская). Всѣ добываемые на Уралѣ изумруды отправлялись въ запечатанныхъ жестяныхъ коробкахъ въ Парижъ, гдѣ шлифовались и сортировались и затѣмъ продавались, какъ настоящіе.

По цвѣту уральскіе бывали лучше колумбійскихъ, но у большинства замѣчались молочныя жилки, когда же у уральскихъ онѣ отсутствовали, то уральскіе цѣнились очень дорого. Тѣ, которые продавались за уральскіе изумруды, были отбросы или краденые камни мѣстной шлифовки, т.к. хорошіе шлифовщики въ Европѣ только въ двухъ мѣстахъ: Амстердамѣ и Парижѣ, точно такъ же какъ въ Россіи не умѣли отдѣлывать мѣха, въ особенности шкуры бѣлыхъ медвѣдей. Шкуры Лейпцигской и Гамбурской выдѣлки были бѣлыя съ голубоватымъ, а русской выдѣлки - всегда съ сильнымъ желтоватымъ оттѣнкомъ и цѣнились дешевле.

Въ Соликамскомъ уѣздѣ были богатѣйшіе соляные промыслы и каменноугольныя копи, изъ которыхъ самыя крупныя принадлежали кн. Абемелекъ-Лазаре-

ву, и при мнѣ добывалось у него до 45 милліоновъ пудовъ угля въ годъ. Затѣмъ были каменноугольныя копи Демидова и еще, кажется двухъ, владѣльцевъ.

Кромѣ Верхотурскаго уѣзда платина имѣлась въ Пермскомъ уѣздѣ.

Помимо денежныхъ затрудненій, многіе заводы уже при мнѣ страдали отъ отсутствія топлива и тогда же энергичнымъ старикомъ Бѣловымъ былъ поднятъ вопросъ о проведеніи Тавдинской желѣзной дороги т.е. соединенія Ирбита и Верхотурскаго уѣзда съ рѣкой Тавдой Тобольской губерніи, гдѣ были богатѣйшіе еще почти дѣвственные лѣса, но дорога эта была построена, кажется, во время войны.

Я забылъ упомянуть, что въ Екатеринбургскомъ и Верхотурскомъ уѣздахъ добывалась еще мѣдь, а въ Ирбитскомъ находились Егоршинскія каменноугольныя копи, при мнѣ еще не дѣйствовавшія.

Думаю, этихъ краткихъ свѣдѣній достаточно, чтобы судить о разнородномъ богатствѣ губерніи, этой мало культурной и обиженной правительствомъ и людьми драгоцѣннѣйшей жемчужины Россійскаго государства.

Но вернусь къ первымъ моимъ впечатлѣніямъ о поѣздкѣ въ Екатеринбургъ.

Послѣдній, пріобрѣвшій теперь печальную извѣстность, какъ мѣсто неслыханнаго въ исторіи злодѣянія, убійства всей несчастной Царской Семьи, и въ мое время не былъ смирнымъ и тихимъ городомъ. Центръ золотой промышленности и центръ Уральскаго горнаго управленія, сосредоточіе богатаго уральскаго купечества, былъ довольно красивымъ городомъ, расположеннымъ на маленькой, но запруженной рѣчкѣ Исети, которая образовывала среди города до-

вольно большой прудъ; но по политическимъ взглядамъ уже тогда это былъ довольно лѣвый городъ, хотя Преосвященный Владимиръ вмѣстѣ съ братомъ революціоннаго прокурора Казицына, полусумасшедшимъ золотопромышленникомъ Казицынымъ и образовали тамъ союзъ русскаго народа, но эта организація никакимъ успѣхомъ не пользовалась, а самая умѣренная партія при мнѣ была кадетская. Хотя послѣ 1905 года многіе участники этой партіи «страха ради іудейска» благоразумно изъ нея ушли, ради сохраненія своихъ должностей. Главу горнаго управленія изображалъ Павелъ Петровичъ Боклевскій, очень красивый и важный чиновникъ, прекрасный семьянинъ и гостепріимный хозяинъ, но человѣкъ устарѣвшихъ принциповъ. Домъ главнаго начальника былъ съ громаднымъ садомъ на берегу пруда и какъ зданіе имѣлъ довольно нарядный видъ и несомнѣнно снаружи красивѣе пермскаго губернаторскаго дома.

Вспоминаю по этому поводу доброе старое время, когда Пермскимъ губернаторомъ былъ долгое время очень популярный и любимый Илья Ивановичъ Огаревъ, прослужившій въ Перми чуть ли не 20 лѣтъ, съ 40, кажется, до 1860 года и враждовавшій съ не менѣе въ то время знаменитымъ Глинкой, главнымъ начальникомъ Уральскихъ горныхъ заводовъ и любившимъ про себя говорить «что онъ начальникъ всего хребта», а такъ какъ пермскій гербъ изображалъ бѣлаго медвѣдя, на спинѣ котораго находилось евангеліе въ память подвиговъ просвѣтителя Зырянскаго края Св. Стефана Великопермскаго, то Огаревъ на это отвѣчалъ, «что онъ начальникъ цѣлой шкуры». Покуда я былъ у власти, отношенія мои съ Боклевскимъ были отличныя, но, какъ только я сунулъ носъ въ довольно затхлое

его Горное Управленіе, отношенія нѣсколько охладѣли, но наружно оставались хорошими до конца моего пребыванія въ Перми. Когда же я ушелъ, или вѣрнѣе, меня ушли, то милѣйшій прежде Павелъ Петровичъ пересталъ интересоваться мною, какъ не нужнымъ «бывшимъ человѣкомъ». По богатству и красотѣ церквей, по красивымъ особнякамъ и широкимъ, хотя на половину и немощеннымъ улицамъ, Екатеринбургъ былъ несомнѣнно красивѣе маленькой и скромной Перми. Затѣмъ это былъ дѣйствительно умственный центръ Урала, гдѣ издавались тогда чуть ли не четыре газеты: «Уральская Жизнь», довольно лѣвая, болѣе умѣренная «Уралъ» и совсѣмъ лѣвая «Уральскій Край» и потомъ короткое время еще «Утро». Въ Екатеринбургѣ же находилась казенная гранильная фабрика, гдѣ дѣлалась яшмовая сѣнь для храма Воскресенія въ Петербургѣ и эта сѣнь не только къ освященію храма, но и къ началу великой войны не была готова, а въ храмѣ была точная копія искусно слѣланная изъ картона. Несмотря на лѣвизну убѣжденій и политическихъ партій, Екатеринбургъ при мнѣ отличался чрезвычайнымъ гостепріимствомъ и хлѣбосольствомъ и всюду я встрѣчалъ радушный пріемъ. По обязанностямъ службы, мнѣ приходилось раза четыре въ годъ, по крайней мѣрѣ, бывать въ Екатеринбургѣ; сперва я останавливался въ Американской гостинницѣ, а потомъ въ пустомъ, но прекрасномъ домѣ братьевъ Поклевскихъ Козеллъ, чему особенно было довольно Городское управленіе, такъ какъ оно должно было отводить помѣщеніе Начальнику Губерніи, а я избавлялъ его отъ расходовъ и безпокойствъ.

Моими любимыми остановками въ пути былъ вагонъ, но въ Екатеринбургѣ, въ виду отдаленности го-

рода отъ вокзала, это было бы слишкомъ большимъ безпокойствомъ для лицъ, имѣвшихъ надобность меня видѣть, но на заводахъ, въ виду обостренности отношеній между заводоуправленіями и рабочими, я всегда оставался въ вагонѣ.

Помню торжественную и сердечную встрѣчу, устроенную мнѣ рабочими въ Кыштымскомъ заводѣ, когда я пріѣхалъ, выхлопотавъ у казны значительную ссуду на уплату рабочимъ жалованья. Всѣ крыши домовъ, мимо которыхъ я проѣзжалъ, были усѣяны народомъ. Почти такой же встрѣчи я удостоился въ Нижне - Исетскомъ заводѣ, переданномъ по моему настоянію въ эксплоатацію товариществу рабочихъ.

Это былъ первый примѣръ на Уралѣ и тамъ же была мнѣ поднесена первая хлѣбъ - соль, на простомъ блюдѣ, ибо при вступленіи въ должность, я, подъ страхомъ увольненія исправниковъ или начальниковъ полиціи, запретилъ подношенія мнѣ хлѣба - соли на серебрянныхъ блюдахъ, что имѣло мѣсто до меня и, кажется, послѣ меня. Я считалъ, что эти подношенія могутъ дѣлаться Государю Императору или, въ исключительныхъ случаяхъ, какъ особое вниманіе. А какую же радость могли испытывать Екатеринбуржцы отъ встрѣчи совершенно неизвѣстнаго имъ Болотова. И городской голова Екатеринбурга, милѣйшій старикъ Анфиногеновъ, встрѣчая меня, подчеркнулъ, что они такъ любятъ и такъ дорожатъ своимъ полицмейстеромъ, которымъ былъ Николай Федоровичъ Хлѣбодаровъ, дѣйствительно, на рѣдкость достойный и способный полицейскій чиновникъ, что они принуждены были отступить отъ обычая встрѣчать Начальника Губерніи хлѣбомъ - солью. Зато когда удостаивали меня представители городовъ или земствъ при-

глашеніемъ откушать хлѣба - соли, я никогда не отказывался, видя въ этихъ частныхъ бесѣдахъ одинъ изъ наилучшихъ способовъ знакомства и сближенія съ людьми. И въ этомъ отношеніи лѣвый Екатеринбургъ былъ чрезвычайно радушенъ и гостепріименъ, но долгое время многіе почтенные старожилы меня чуждались и только на четвертый годъ службы, я, кромѣ оффиціальныхъ лицъ, былъ радушно встрѣчаемъ въ частныхъ домахъ.

Такая губернія, какъ Пермская, исключительная по своимъ богатствамъ, по своему пространству и по своеобразности жителей и разнообразію самыхъ жизненныхъ условій, непремѣнно требуетъ долгаго сидѣнія на мѣстѣ Начальника, ибо въ два года даже трудно ознакомиться и съ должностными лицами, и съ представителями всѣхъ заводовъ, и съ нуждами края. Насколько губернія эта была мало извѣстна въ Петербургѣ, явствуетъ изъ того, что, когда въ 1906 году я весной былъ у министра финансовъ Коковцева и ходатайствовалъ объ открытіи въ Перми Отдѣленія Крестьянскаго банка, онъ изумился моей просьбѣ, недоумѣвая, какая можетъ быть работа тамъ этому банку. Но очень мудро добавилъ, если вы мнѣ представите убѣдительныя данныя, я удовлетворю ваше ходатайство, хотя ему и не сочувствую. И зимой 1907 года таковое Отдѣленіе было открыто съ двумя непремѣнными членами, а когда я уходилъ, т. е. въ концѣ 1909 года, ихъ было тамъ уже двѣнадцать. Такіе крупные землевладѣльцы, какъ Балашовъ (имѣвшій свыше 500 тысячъ десятинъ земли) рѣшили половину своей земли продать при посредствѣ банка, а затѣмъ и многіе другіе землевладѣльцы послѣдовали этому примѣру.

Кишиневъ 1923 г.

ГЛАВА VII

Губернаторство и дворецъ.

Губернскій Олимпъ. — Екатеринбургъ. — Врачи. — Земскіе начальники. — Воинскіе начальники. — Духовенство. — Чрезвычайная охрана. — Лбовъ и разбойничьи шайки. — Полиція. — Нравы на заводахъ. — Народное образованіе. — Университетъ въ Перми. — Открытіе Губернскихъ земскихъ собраній. — Смертныя казни. — Палачъ. — Министерскія ревизіи. — Баронъ Медемъ и ингуши. — Представленія Государю Императору. — Высочайшіе выходы.

Переходя отъ воспоминаній общаго характера политической, экономической и географической физіономіи губерніи, перейду къ чисто служебнымъ. Если я вначалѣ уже сказалъ, что первый годъ и въ особенности первые полгода моей дѣятельности въ Перми отношенія съ другими вѣдомствами были идеальныя, то это потому, что пока знакомился съ губерніей и людьми, никакихъ разногласій или треній не происходило, а затѣмъ и губернскій синклитъ измѣнился, къ сожалѣнію, въ своемъ составѣ, и, кромѣ того при ближайшемъ ознакомленіи съ дѣломъ естественно приходилось затрагивать многихъ лицъ другихъ вѣдомствъ, для установленія въ управленіи губерніи необходимаго единенія, а такъ какъ это не всегда всѣмъ нравилось, то послѣдствіемъ этого вмѣшательства и появились тренія, а иногда и охлажденіе. Пред-

сѣдатель Суда въ Перми былъ весьма не глупый, даже подчасъ остроумный и злой на языкъ человѣкъ, лѣтъ пятнадцать уже находившійся въ должности и всегда въ оппозиціи къ администраціи, а между тѣмъ судъ по всѣмъ дѣламъ объ аграрныхъ безпорядкахъ выносилъ оправдательные приговоры, съ чѣмъ, конечно, мириться было невозможно. Предсѣдатель Екатеринбургскаго Суда былъ вполнѣ терпимый и тактичный человѣкъ. О прокурорахъ я уже упоминалъ. Съ главой финансоваго вѣдомства, т. е. Управляющимъ Казенной Палатой, установились сразу наилучшія отношенія взаимнаго довѣрія: это былъ честный, прямой и закономѣрный человѣкъ, къ тому же отлично изучившій пермскій край, ибо всю свою службу провелъ на Уралѣ. И на него всегда можно было положиться, какъ на вѣрнаго союзника и добраго друга законной власти. Но осенью 1906 года милѣйшій Адольфъ Александровичъ Фолькманъ скончался отъ воспаленія легкихъ, а преемникомъ его оказался, хотя и весьма неглупый человѣкъ, но не брезгавшій самыми низкими путями для удовлетворенія своего мелкаго честолюбія и для достиженія степеней извѣстныхъ, словомъ — это былъ во всѣхъ отношеніяхъ полная противоположность достойнѣйшаго Фолькмана, и потому всѣ служебныя съ нимъ отношенія были очень тягостны.

Точно также, въ моментъ моего пріѣзда въ Пермь, Управленіе Государственныхъ имуществъ возглавлялъ очень уважаемый и всѣми любимый Петръ Николаевичъ Сулхановъ, съ которымъ, въ виду его глубокой порядочности, тактичности и деликатности, совмѣстная служба была просто удовольствіемъ, и на его слова можно было положиться и можно было

также быть увѣреннымъ въ его содѣйствіи администраціи во всѣхъ законныхъ требованіяхъ. Но въ началѣ 1907 года онъ былъ переведенъ въ Казань, и его мѣсто занялъ очень пріятный въ обществѣ Александръ Александровичъ Дубенскій изъ Уѣздныхъ Предводителей Дворянства Владимирской губерніи. Но, во-первыхъ онъ не зналъ ни мѣстныхъ условій, ни вовсе не зналъ лѣсного дѣла, которымъ былъ призванъ управлять, а во - вторыхъ страдалъ маніей величія, и потому отношенія съ нимъ стали строго оффиціальныя.

Съ Начальникомъ Пермской желѣзной дороги, Дмитріемъ Александровичемъ Матренинскимъ, сразу установились хорошія отношенія, и у меня, и у жены, подружившейся съ его женой. Затѣмъ это былъ чрезвычайно гостепріимный домъ, насъ обласкавшій на первыхъ порахъ, а инженерное общество, какъ состоявшее изъ лицъ съ высшимъ образованіемъ, было очень цѣнно въ далекой Перми. Но, къ сожалѣнію, на желѣзной дорогѣ было много элементовъ, участвовавшихъ, какъ въ забастовкахъ, такъ и вообще враждебныхъ Правительству, и поэтому естественно, что на многихъ лицъ Начальникъ дороги смотрѣлъ, какъ на знающихъ желѣзно - дорожное дѣло людей, а я какъ на лицъ не безопасныхъ для спокойствія губерніи. Но все-таки, съ Матренинскимъ, какъ очень дѣльнымъ, умнымъ и порядочнымъ человѣкомъ, можно было ладить, а преемникъ его (правда, недолго пробывшій) былъ мало симпатичнымъ и безцвѣтнымъ человѣкомъ, не имѣвшимъ даже никакого значенія на управляемой имъ желѣзной дорогѣ. Наконецъ появился удивительно молчаливый, но глубоко порядочный и умный Сергѣй Владимировичъ Мошковъ, и отношенія возстановились нормальныя.

Чтобы закончить картину губернскаго Олимпа, скажу, что одинъ изъ архаровцевъ страдалъ запоемъ, и, когда это время наступало, онъ выѣзжалъ на линію будто бы по дѣламъ службы, и тамъ, въ укромномъ мѣстѣ, дня два или три, а то и недѣлю, предавался этому почтенному занятію. Для надзора за папенькой съ нимъ выѣзжала одна изъ дочерей... Глава акцизнаго вѣдомства почти всегда охотился, что ему было очень удобно, такъ какъ округъ большой, а охота въ Пермской губерніи замѣчательная.

Представитель еще одного вѣдомства былъ очень скромный и безобидный человѣкъ, жена же, хотя очень хорошая женщина, была страстная картежница, а такъ какъ въ мѣстное Благородное Собраніе дамы допускались для игры въ карты, то она и проводила постоянно тамъ вечера, однажды доигравшись до того, что за картами произвела младенца...

Екатеринбургъ при мнѣ былъ довольно скучнымъ и соннымъ городомъ, но говорили, что прежде жизнь тамъ кипѣла и проживались громадныя состоянія. Мнѣ называли лицъ, которыя, не выѣзжая изъ Екатеринбурга, ухитрялись пропускать тамъ милліоны за карточной игрой и гомерическими кутежами. Но то было время, когда и золота на пріискахъ добывалось много, а со временемъ большинство пріисковъ истощилось и крупные самородки попадались очень рѣдко. Только разъ, мнѣ помнится, въ день моего пріѣзда на близъ лежащій отъ Екатеринбурга Верхъ - Нейвинскій заводъ (золото тамъ добывалось изъ рѣки драгой, т. е. землечерпательной машиной) попался фунтовый самородокъ, но, вообще, это было большой рѣдкостью.

Говоря объ Екатеринбургѣ, не могу не упомянуть объ очень почтенномъ и уважаемомъ дѣятелѣ, докто-

рѣ Миславскомъ, справлявшемъ при мнѣ пятидесятилѣтній юбилей своей врачебной практики, и его почитатели, товарищи и заводы, въ которыхъ онъ служилъ, и, кажется, земство, и городъ Екатеринбургъ, построили къ его юбилею прекрасную, его имени, глазную лѣчебницу, и тѣмъ почтили просвѣщенную, высокополезную, плодотворную дѣятельность милаго и достойнаго старика и прекраснаго врача.

Насколько, въ общемъ, въ отношеніи дорогъ, Пермская губернія стояла низко, настолько она могла похвастаться электричествомъ, телефонами и могла гордиться своими врачами и больницами, которыя на большинствѣ заводовъ были въ отличномъ состояніи. Изъ врачей славился талантливый хирургъ Кузнецкій (врачъ Тагильскаго завода), затѣмъ пользовался извѣстностью въ самой Перми хирургъ Поповъ, искусство котораго я даже на себѣ испыталъ. На Богословскомъ заводѣ прекраснымъ врачемъ былъ докторъ Бѣлавинъ, на Верхъ - Исетскомъ — Лепешинскій и, наконецъ, въ Талицѣ — докторъ Автократовъ, одинъ изъ рѣдкихъ по преданности дѣлу врачей, увы, погибшій отъ рукъ большевиковъ.

Въ Перми же еще была другая гордость, милѣйшій и скромнѣйшій Александръ Дмитріевичъ Городцовъ, бывшій оперный пѣвецъ, руководитель народныхъ хоровъ и издатель массы русскихъ народныхъ пѣсенъ. И въ Екатеринбургѣ, и въ Перми устраивались за счетъ Губернскаго Комитета народной трезвости, поочередно, курсы хорового пѣнія для народныхъ учителей, и душой этого дѣла и создателемъ его былъ высокоуважаемый Александръ Дмитріевичъ. И я всегда, чѣмъ только могъ, способствовалъ этому скромно-

му человѣку въ его симпатичной и полезной дѣятельности.

Но вернусь къ служебному персоналу и къ тому, который, разумѣется, меня наиболѣе касался и интересовалъ, т. е. административному вѣдомству. Я стремился возможно скорѣе, и лично, и при содѣйствіи Непремѣнныхъ Членовъ Губернскаго Присутствія и очень интересныхъ и цѣнныхъ матеріаловъ по ревизіи Г. Г. Савича (бывшаго до 1904 года управляющимъ земскимъ отдѣломъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ), ревизовавшаго крестьянскія учрежденія Пермской губерніи, если не ошибаюсь въ 1901 или 1902 году, ознакомиться съ Предсѣдателями Уѣздныхъ Съѣздовъ, замѣнявшихъ Уѣздныхъ Предводителей Дворянства, т. к. дворянскихъ учрежденій въ Пермской губерніи не было, и являвшихся въ уѣздныхъ городахъ ближайшими и надежнѣйшими помощниками Губернатора, а также ознакомиться съ Земскими Начальниками, которыхъ было во всей губерніи болѣе ста человѣкъ; въ одномъ Екатеринбургскомъ уѣздѣ ихъ было четырнадцать.

И несмотря на всѣ мои симпатіи къ этому институту по моей прежней службѣ, долженъ былъ сознаться, что съ половиной можно было только мириться, изъ-за недостатка кандидатовъ на эти должности. Или алкоголики, или неудачники изъ другихъ вѣдомствъ, или отставные военные съ самыми смутными понятіями о законахъ и ихъ примѣненіи. Затѣмъ были установлены Министерствомъ должности кандидатовъ и экзамены на должность Земскаго Начальника. Это было прекрасно, но явилось слишкомъ запоздалой мѣрой, ибо желающихъ не находилось. И въ моментъ моего ухода изъ губерніи многія должности Земскихъ На-

чальниковъ оставались вакантными, такъ какъ нѣкоторыхъ пришлось удалить, какъ совершенно нетерпимыхъ не только на государственной, но и на какой-бы то ни было другой службѣ. Но высказывая эти горькія мысли по отношенію къ цѣлому институту, я съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ считаю своимъ пріятнымъ долгомъ отмѣтить лицъ, которыя сдѣлали бы честь всякому вѣдомству и даже въ центральныхъ учрежденіяхъ могли бы занять весьма видное положеніе. На первомъ мѣстѣ считаю нужнымъ поставить одного изъ сравнительно молодыхъ Земскихъ Начальниковъ Верхотурскаго Уѣзда, Казанскаго, имени и отчества его, къ сожалѣнію, не помню. Это былъ человѣкъ не только съ университетскимъ дипломомъ, но и дѣйствительно образованный, вдумчивый и знающій человѣкъ, и я былъ искренно радъ, когда представилась возможность назначить его Предсѣдателемъ Уѣзднаго Съѣзда. Также весьма культурнымъ человѣкомъ, добросовѣстнымъ и знающимъ Земскимъ Начальникомъ былъ Михаилъ Степановичъ Домашневъ, вполнѣ европейскій человѣкъ, хотя и съ довольно скромнымъ образовательнымъ цензомъ. И я, и жена, имѣли удовольствіе считать его въ числѣ самыхъ близкихъ друзей, даже послѣ моего ухода изъ Перми до самой его кончины. Вскорѣ, впрочемъ послѣ меня и онъ самъ, вполнѣ добровольно, покинулъ службу.

Выдающимся крестьянскимъ дѣятелемъ, отлично изучившимъ поземельное устройство на Уралѣ, былъ Михаилъ Васильевичъ Кукаретинъ, умный, работящій и знающій человѣкъ и въ то же время весьма честолюбивый. Онъ былъ при мнѣ назначенъ сперва Предсѣдателемъ Съѣзда, а потомъ Непремѣннымъ Членомъ Губернскаго Присутствія, и я съ удовольствіемъ вспо-

минаю нашу совмѣстную работу, его всегда обоснованные доклады, а также наши многочисленныя поѣздки по губерніи, хотя послѣ моего ухода Кукаретинъ былъ одинъ изъ немногихъ забывшихъ меня сослуживцевъ, но справедливость требуетъ отмѣтить его выдающіяся служебныя способности и солидныя знанія мѣстныхъ условій. Что съ нимъ сталось послѣ революціи, совершенно не знаю. Чтобы не подумали, что всѣ Земскіе Начальники были плохи, позволю себѣ назвать Василія Ивановича Діева, врача по образованію, Мензелинцева, Илью Александровича Лихачева, Подгурскаго, Кокшарова. Послѣдній представлялъ изъ себя любопытную смѣсь ума, знанія дѣла съ подчасъ невѣроятной лѣнью и халатностью. Земельное устройство мастеровыхъ было его дѣтище, и въ это онъ вкладывалъ свою душу, зато въ судебныхъ и другихъ текущихъ дѣлахъ былъ ужаснѣйшій хаосъ. Достойными дѣятелями были также Земскіе Начальники Будринъ, Егорьевъ, Деменьтьевъ, Клепининъ и Полежаевъ. Послѣдніе оба мѣстные Екатеринбургскіе землевладѣльцы.

Очень почтеннымъ и знающимъ мѣстныя условія чиновникомъ былъ Непремѣнный Членъ Губернскаго Присутствія Поклевскій-Козеллъ, родственникъ богачей и крупныхъ землевладѣльцевъ Пермской губерніи. Онъ отличался выдающимися нравственными качествами, и вначалѣ моей дѣятельности былъ очень цѣннымъ помощникомъ, у котораго слово съ дѣломъ не расходилось. Но изъ-за безтактной и чрезвычайно безпокойной супруги и своего слабаго здоровія, онъ промѣнялъ суровую Пермь на знойную Астрахань. Въ числѣ крупныхъ по положенію мѣстныхъ крестьянскихъ чиновниковъ, я засталъ одного дѣль-

наго и довольно знающаго человѣка, но большого интригана, и я облегченно вздохнулъ, когда онъ добровольно перешелъ въ Центральную Россію. Передъ самымъ отъѣздомъ, этотъ господинъ меня чрезвычайно изумилъ, заявивъ на прощальномъ визитѣ претензію, что товарищи ему не поднесли на память даже маленькаго подарка, въ видѣ какого - нибудь портсигара съ автографами. Черезъ нѣсколько лѣтъ, благодаря женитьбѣ на особѣ съ большими связями, онъ былъ назначенъ губернаторомъ, но я мысленно пожалѣлъ губернію, управляемую столь безцеремоннымъ господиномъ.

Чтобы не быть голословнымъ въ своихъ нападкахъ на институтъ Земскихъ Начальниковъ, позволю себѣ отмѣтить слѣдующіе курьезы: черезъ нѣсколько дней послѣ моего прибытія въ Пермь мнѣ представляютъ протестъ Камышловскихъ жителей Начальнику мѣстной почтовой конторы за то, что онъ не примкнулъ къ почтовой забастовкѣ, т. е., иначе говоря, протестъ за исполненіе имъ служебнаго и гражданскаго долга. На этомъ протестѣ фигурировала подпись мѣстнаго Земскаго Начальника. Вызываю этого раба Божія и требую отъ него объясненія, а онъ, въ свое оправданіе говоритъ: помилуйте, я мѣсяцъ не получалъ Новаго Времени, и не зналъ чего держаться. — На это я ему возразилъ, что если онъ безъ Новаго Времени не можетъ разобраться въ положеніи вещей и не знаетъ своихъ гражданскихъ обязанностей, и не понимаетъ своего долга, то не можетъ оставаться на службѣ. И далъ ему мѣсячный отпускъ для пріисканія мѣста. Но онъ такъ вѣрилъ въ свою правоту, что поѣхалъ на меня жаловаться въ Петербургъ, но, къ его удивленію, безрезультатно.

Другой Земскій Начальникъ любилъ заниматься торговыми операціями, насильно навязывая по высокой цѣнѣ разные товары жителямъ своего участка. Между прочимъ онъ выписывалъ къ празднику Пасхи вагонъ окороковъ изъ Тамбова, и всѣмъ мало - мальски состоятельнымъ жителямъ посылалъ по два окорока, при чемъ одинъ полугнилой. И кромѣ того много другихъ продѣлокъ въ этомъ родѣ. Конечно, и этотъ развязный типъ принужденъ былъ оставить службу.

Вспоминаю одного Земскаго Начальника, явившагося ко мнѣ изъ отпуска и намѣревавшагося вернуться въ богоспасаемый Чердынскій уѣздъ. Я же для перваго знакомства далъ ему листъ бумаги для написанія прошенія объ отставкѣ. Онъ сперва разыгралъ оскорбленный видъ и не желалъ подчиниться моему энергичному требованію, но потомъ понялъ правоту моихъ дѣйствій. Дѣло въ томъ, что передъ отпускомъ онъ въ пьяномъ видѣ участвовалъ въ деревенскихъ хороводахъ, и такъ какъ безцеремонно и усиленно ухаживалъ за крестьянскими дѣвицами, былъ парнями избитъ и посаженъ въ холодную. О другомъ (и къ сожалѣнію моемъ однофамильцѣ) доходили до меня слухи о вымогательствѣ, но все какъ - то ревизіи у него сходили благополучно. Тогда я попросилъ Вице-Губернатора, тоже бывшаго прежде Земскимъ Начальникомъ, но Самарской губерніи, съѣздить не только для производства ревизіи, но и для подробнаго дознанія. Добытыми данными было вполнѣ установлено, что сей почтенный мужъ особенно вымогалъ у башкиръ и вотяковъ, пугая ихъ, что онъ мой дядюшка и въ бараній рогъ согнетъ. Ну, я этого названнаго дядюшку послѣ этой ревизіи вызвалъ къ себѣ и принялъ такъ, что онъ жаловался товарищамъ, что онъ болѣе

сорока лѣтъ на службѣ, и никто его еще такъ не принималъ. Онъ былъ отставной военный и находился на службѣ съ года моего рожденія. Еще помню одного гуся, изъ молодыхъ, да ранняго, человѣка очень способнаго и съ высшимъ образованіемъ. Такъ этотъ господинъ похитилъ два паспортныхъ бланка изъ Волостного Правленія для себя и для своей сожительницы, и три тысячи денегъ, и удралъ, говорятъ, въ Туркестанъ, но розыски его были безрезультатны.

На одномъ изъ заводовъ былъ очень дѣльный и заботливый объ интересахъ мастеровыхъ Земскій Начальникъ. Но затѣмъ я получилъ свѣдѣнія, что помимо казеннаго, онъ получалъ и отъ завода жалованіе, а на поѣздки въ Пермь получалъ командировочныя, и отъ казны, и отъ завода, и пользовался прекрасной даровой квартирой. При личномъ свиданіи съ Главноуправляющимъ заводами, очень порядочнымъ человѣкомъ, этотъ фактъ подтвердился и подтвердилось и то, что требованія его все увеличивались. Я предложилъ ему оставить службу, и т. к. фактъ вымогательства былъ безспоренъ, далъ дѣлу законный ходъ, т. е. предалъ суду, но курьезно то, что Земскій отдѣлъ, въ лицѣ управляющаго этимъ отдѣломъ, Якова Яковлевича Литвинова, былъ недоволенъ, зачѣмъ я придалъ дѣлу такую огласку, что не слѣдовало предавать суду. И одинъ изъ владѣльцевъ завода, тоже выразилъ неудовольствіе Главноуправляющему, что тотъ мнѣ сказалъ правду. Не имѣя подъ рукой никакихъ данныхъ, я, конечно, не могу запомнить всѣхъ преступныхъ дѣяній должностныхъ лицъ, но думаю — и перечисленныхъ мною достаточно для наглядной картины положенія крестьянскихъ учрежденій въ Пермской губерніи. Изъ пьяныхъ скандаловъ вспоминаю два: одинъ былъ въ Вер-

хотурьѣ, еще до меня. — Земскій Начальникъ, явившись въ клубъ, совершенно пьяный, вообразилъ, что онъ пришелъ купаться, и, раздѣвшись до гола, плавалъ по полу. Другой былъ уже при мнѣ въ Красноуфимскѣ, гдѣ нѣсколько должностныхъ лицъ и одинъ изъ мѣстныхъ дьяконовъ напились вдребезги, а потомъ стали пьянаго дьякона отпѣвать, доставъ откуда-то паникадила и даже облаченія. Вообще пьянство, можетъ быть благодаря суровому климату, тамъ процвѣтало, и не было масленицы или рождественскихъ праздниковъ, чтобы въ Перми кто - нибудь изъ мѣстнаго купечества не опивался до смерти. Возвращаясь къ Земскимъ Начальникамъ, долженъ сознаться, что Пермская губернія не могла прельщать постороннихъ лицъ къ занятію этихъ должностей, весьма плохо оплачиваемыхъ, а жизнь на многихъ заводахъ и въ Екатеринбургѣ стоила довольно дорого, а затѣмъ были такіе медвѣжьи углы, чуть ли не на двѣсти верстъ удаленные отъ желѣзной дороги, что нало было имѣть большую силу воли, чтобы сохранить человѣческій обликъ и не предаваться пьянству, и я на такихъ лицъ, какъ вышеупомянутый Лихачевъ (офицеръ Семеновскаго полка), начавшій службу въ отдаленнѣйшемъ углу Чердынскаго уѣзда, смотрѣлъ, какъ на подвижниковъ. Мѣстное же землевладѣніе почти отсутствовало, т. е. не было, вѣрнѣе, помѣщиковъ. Кромѣ того, дальнѣйшаго служебнаго движенія изъ Земскихъ Начальниковъ почти не было, ибо Предсѣдателей Съѣздовъ и Непремѣнныхъ Членовъ Губернскаго Присутствія было 17, а Земскихъ Начальниковъ чуть ли не 112. Составъ Предсѣдателей Съѣздовъ въ общемъ былъ очень хорошій, но выдающимся дѣятелемъ былъ Предсѣдатель Красноуфимскаго Съѣзда Сергѣй Абрамо-

вичъ Свиридовъ, погибшій въ 1908 году отъ руки революціонера. Это былъ очень умный, знающій, честный и весьма почтенный мѣстный дѣятель и уроженецъ, обязанный своей карьерой исключительно своей дѣловитости и трудолюбію. Онъ вышелъ чуть ли не изъ народныхъ учителей и прекрасно зналъ и любилъ земское дѣло и многіе годы былъ по назначенію Предсѣдателемъ Губернскихъ Земскихъ Собраній, которыя онъ велъ очень умно и съ большимъ тактомъ. Я вовсе не хочу сказать, что только Земскіе Начальники были плохи, курьезными типами были и воинскіе начальники, кромѣ Пермскаго, не генія, но очень порядочнаго и воспитаннаго человѣка. Въ одномъ уѣздѣ воинскій начальникъ не владѣлъ правой рукой и вообще еле двигался. Другой требовалъ отъ меня присылки 30 тысячъ рублей на удовлетвореніе незаконныхъ претензій возвращавшихся съ японской войны запасныхъ; третій добивался допущенія представителей запасныхъ солдатъ на Уѣздное Земское Собраніе и былъ очень удивленъ моимъ отвѣтомъ, узнавъ, что составъ Земскихъ Собраній опредѣленъ закономъ; четвертый представлялъ полную руину, и только съ посторонней помощью вышелъ въ гостинную, чтобы познакомиться со мною, а между тѣмъ эта руина за двѣ недѣли передъ тѣмъ женился на молоденькой барышнѣ.

Нѣтъ, вообще въ Пермской губерніи чувствовалась отдаленность отъ центра, такъ какъ до постройки изъ Петербурга желѣзной дороги на Вологду и Вятку надобно было ѣхать въ Пермь по желѣзной дорогѣ на Москву, Самару, Челябинскъ и Екатеринбургъ т. е. семь сутокъ, и только лѣтомъ можно было немного сокращать этотъ путь, наслаждаясь чуднымъ пароходнымъ сообщеніемъ отъ Нижняго до Перми и при-

томъ съ полнымъ комфортомъ, упиваясь живительнымъ камскимъ воздухомъ и любуясь красивыми пейзажами, но и это путешествіе длилось четверо сутокъ, не считая ѣзды до Нижняго по желѣзной дорогѣ. Въ виду, повторяю, такой отдаленности до 1906 года Перми и Пермской губерніи отъ центра, чиновный элементъ долго смотрѣлъ на службу въ Пермской губерніи какъ на ссылку. Но я объ этой ссылкѣ, несмотря на всю трудность моего тогдашняго положенія, несмотря на интриги многихъ лицъ, сохранилъ самое лучшее и теплое воспоминаніе, которое особенно согрѣто рѣдкими по своей сердечности, вѣчно для меня дорогими проводами нашими изъ Перми. Я говорю «нашими», ибо вообще въ губернаторской дѣятельности жена губернатора играетъ очень крупную роль, а тѣмъ болѣе сыграла блестяще свою роль моя удивительно скромная, тактичная, воспитанная и разумная, сердечная жена, нынѣ, увы, покойница. И мнѣ было особенно отрадно видѣть насколько вообще пермяки оказались чуткими людьми, что всю тонкость ея деликатной натуры, ея благородство они сумѣли вполнѣ правильно оцѣнить, что и было ими отмѣчено и въ застольныхъ рѣчахъ и въ адресахъ, которые она за свою благотворительность и общественную дѣятельность получила.

Но я увлекся своими личными, мнѣ весьма дорогими воспоминаніями и позволю себѣ закончить описаніе губерніи въ моментъ моего пріѣзда и перейду къ духовенству, которое особенно въ Пермской епархіи было плоховато и неблагонадежно. Напримѣръ, одинъ изъ сельскихъ священниковъ въ проповѣди говорилъ крестьянамъ: «перекуйте ваши орала на мечи, а серпы на копья». Другой не только поносилъ

манифестацію монархическаго характера, но и ругалъ Государя, говоря, что намъ этотъ д.... не по карману, мы выберемъ другого подешевле. Третій, даже съ академическимъ образованіемъ, призывалъ рабочихъ къ вооруженному возстанію. Всѣ подобные типы должны были покинуть предѣлы губерніи, а противъ второго было возбуждено уголовное преслѣдованіе. Академику я далъ 48 часовъ на выѣздъ къ себѣ на родину, кажется въ Вологодскую губернію это было черезъ нѣсколько дней послѣ моего появленія на Пермскомъ горизонтѣ. Вдругъ, на слѣдующій день, онъ ко мнѣ появляется, и вижу, что-то хочетъ сказать, и не рѣшается. «Ну, говорите, батюшка». - «Это вы мнѣ подвохъ дѣлаете, требуя выѣзда, боясь арестовать на заводѣ, зная мою популярность среди рабочихъ, а какъ въ поѣздъ сяду, вы меня и арестуете?» Я разсмѣялся, сказавъ, что вовсе его не боюсь, но требую немедленнаго выѣзда, завѣривъ его честнымъ словомъ, что доѣдетъ благополучно. И въ тотъ же вечеръ онъ покинулъ Пермь, а въ Мотивилихѣ, гдѣ онъ подвизался наступило нѣкоторое успокоеніе Но, разумѣется, не все духовенство было таково, были прямо праведники, и я съ благоговѣйнымъ чувствомъ вспоминаю милаго, скромнаго Настоятеля Пермскаго Кафедральнаго собора Протоіерея Александра Воскресенскаго, личность обаятельную по своимъ высокимъ душевнымъ, истинно христіанскимъ качествамъ.

Но вернусь опять къ политическому положенію губерніи. Черезъ недѣлю послѣ моего пребыванія въ Перми, получилъ телеграмму отъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ съ категорическимъ требованіемъ о введеніи военнаго положенія или положенія о чрезвычайной охранѣ. Вопросъ былъ только что вводить: я, лично,

склонялся къ тому, что пока ничего вводить не надо и что все постепенно войдетъ въ свою колею, но пришлось созвать совѣщаніе, и даже въ виду экстренности - въ первомъ часу ночи — изъ вице-губернатора, трехъ жандармовъ, (губернскаго, желѣзно-дорожнаго и охраннаго) прокурора и правителя канцеляріи, и большинство требовало положенія объ охранѣ, а кто-то даже военнаго положенія, и я, какъ человѣкъ новый, скрѣпя сердце, долженъ былъ склониться къ большинству, хотя на другой день послѣ пріѣзда моего въ Пермь, въ 12-мъ часу ночи, бродилъ по городу съ Н.Н. Коптевымъ, котораго зналъ еще по службѣ въ Новгородской губерніи, и могъ лично убѣдиться въ полной патріархальности милой Перми. И въ самое тревожное время, послѣ роспуска первой Государственной Думы, когда революціонная дѣятельность усилилась, т.е. съ осени 1906 года до конца сентября 1907-го, ежедневно и въ экипажѣ, и пѣшкомъ ходилъ по городу, даже ночью, и Богъ меня помиловалъ. Если же слушать жандармовъ, то надо бы было безвыѣздно сидѣть, да и дома принимать мѣры осторожности. а мой кабинетъ былъ на углу двухъ главныхъ улицъ, и, конечно, расположеніе дома было извѣстно и благонадежнымъ и неблагонадежнымъ элементамъ города. Что всѣ эти охраны значатъ, доказала во-первыхъ трагическая смерть Столыпина, погибшаго отъ руки охранника, а раньше убійство Плеве, создателя полицейскаго режима. Наконецъ судьба самого Государя Императора. А какъ охраняли и въ поѣздѣ, и дома.... Живя въ Любани, у самой желѣзной дороги, гдѣ царскіе проѣзды бывали часто, я знаю какъ отъ этихъ охранъ страдало мирное селеніе, а пользы никакой, скорѣе вредъ, ибо усиливали

революціонное настроеніе массъ, и народъ возстанавливался этимъ постепенно противъ Царя. И куда дѣлись эти преданные охранники, кто изъ нихъ былъ около Царя въ минуты опасности и трагическіе дни заточенія, кто изъ этихъ Малютъ послѣдовалъ за своимъ Царемъ въ Тобольскъ? Они быстро приспособились къ новому режиму и процентъ разстрѣленныхъ большевиками жандармовъ, даже въ сравненіи съ профессорами, очень малъ.

Какъ-то послѣ моего ухода изъ губернаторовъ я былъ у одного очень уважаемаго мною сановника, понынѣ здравствующаго. И онъ мнѣ сказалъ: «Если я когда-нибудь буду министромъ внутреннихъ дѣлъ, я начну съ реформы корпуса жандармовъ», «т.е. съ реформы государства въ государствѣ», добавилъ я и сказалъ: «Вамъ скажетъ большое спасибо вся Россія». Но, къ сожалѣнію, министромъ онъ не былъ.

Но, возвращаясь къ чрезвычайной охранѣ, долженъ отмѣтить, что несмотря на охрану съ осени 1906 года и въ теченіе болѣе двухъ лѣтъ, спокойствіе въ губерніи было сильно нарушено появленіемъ разбойничьей шайки Лбова, бывшаго солдата чуть ли не гвардейскаго полка, изъ мастеровыхъ Мотовилихинскаго завода. Подъ революціонно-соціалистическимъ флагомъ это былъ просто очень дерзкій, смѣлый, и, несомнѣнно, умный разбойникъ, терроризировавшій не только мѣстное населеніе, но и полицію. Онъ появлялся то въ самой Мотивилихѣ, а большей частью жилъ въ Мотивилихинской казенной дачѣ, начинавшейся въ полутораверстѣ отъ Перми, и оттуда дѣлалъ свои прямо изумительные по дерзости набѣги. Эта дача, имѣвшая свыше 50 тысячъ десятинъ земли, изобиловала очень крутыми оврагами и поросла такимъ

густымъ еловымъ лѣсомъ, съ вѣтвями чуть не до самой земли, что поймать разбойничью шайку, состоявшую человѣкъ изъ 15 или 20, было не только трудно, но и прямо невозможно. Полицейская стража, образованная въ началѣ 1906 года по мысли министра П. Н. Дурново, принесла несомнѣнно огромную пользу, но ея, на всю губернію, было 1000 человѣкъ, чего для охраны казначействъ, почтовыхъ отдѣленій, динамитныхъ складовъ, было совершенно недостаточно, да и вооруженіе хромало. Даже военныя облавы, устраиваемыя при содѣйствіи двухъ пѣхотныхъ полковъ, были безрезультатны, тѣмъ болѣе что крестьянское населеніе было всецѣло на сторонѣ Лбова: крестьянъ онъ не грабилъ, а, наоборотъ, при ограбленіи винныхъ лавокъ, деньги бралъ себѣ, а вино отдавалъ крестьянамъ, иногда даже раздаривая имъ часть краденыхъ денегъ. Страдали заводскіе кассиры, возившіе деньги, почтовые чиновники и полиція. Помню, что однажды, подъ моимъ предсѣдательствомъ, былъ какъ бы военный совѣтъ при участіи начальника мѣстной бригады, полкового командира и офицера генеральнаго штаба, руководителя облавы, и по картѣ флажками отмѣчали мѣсто предполагаемаго окруженія шайки. Наконецъ въ 1907 году лѣтомъ, дерзость Лбова дошла до того что онъ въ 20 верстахъ ниже Перми остановилъ большой пассажирскій пароходъ Любимова «Анна Степановна», ограбилъ почтовый денежный ящикъ, убивъ чиновника, стражниковъ и еще двухъ пассажировъ, Капитанъ парохода былъ раненъ въ ногу. Страхъ объялъ мирное населеніе, про Лбова слагались цѣлыя легенды, а полиція во главѣ со мной, была чрезвычайно подавлена происшедшимъ, И вдругъ черезъ

недѣлю слухъ, подтверждаемый свѣдѣніями и изъ охраннаго отдѣленія, что будетъ вновь ограбленъ пароходъ « Нева », той же компаніи Любимова. Тогда обсудивъ дѣло, полицмейстеръ вмѣстѣ съ исправникомъ, съ моего разрѣшенія, давъ пароходу отойти отъ пристани, остановили его въ виду города и произвели обыскъ и повѣрку пассажировъ, прибѣгнувъ тоже къ разбойничьему средству: «руки вверхъ».

Испуганную публику успокоили, но бандитовъ не оказалось, Отъ времени и до времени полиціи удавалось при обыскахъ, засадахъ, ловить или убивать отдѣльныхъ членовъ шайки, но Лбовъ оставался неуловимъ. Но такъ какъ шайка все таки таяла отъ постояннаго преслѣдованія, а полицейскіе чины становились ловчѣе и энергичнѣе, въ особенности при содѣйствіи новаго и весьма способнаго начальника Охраннаго Отдѣленія, ротмистра Сизыхъ, Лбовъ исчезъ, перекочевавъ въ сосѣднюю Вятскую губернію, и тамъ, въ мирномъ и богоспасаемомъ городкѣ Нолинскѣ, совершенно случайно былъ пойманъ. Мѣстный полицейскій надзиратель сидѣлъ у окна со своей супругой и мирно попивалъ чаекъ, какъ вдругъ увидалъ мимо проходящаго незнакомаго высокаго мужчину, вкладывавшаго обойму въ браунингъ, Это ему, конечно, показалось подозрительнымъ, и онъ быстро учинилъ тревогу, вызвавъ конную стражу, и неизвѣстный былъ окруженъ. Онъ отстрѣливался, но, должно быть отъ неожиданности нападенія растерялся, и отстрѣливался неудачно и впопыхахъ вложилъ въ револьверъ новую обойму задомъ напередъ. Эти свѣдѣнія мнѣ сообщилъ военный судія, генералъ Иваненко, предсѣдательствовавшій на этомъ сенсаціонномъ процессѣ. На судѣ Лбовъ упорно отрицалъ,

что онъ Лбовъ, называя себя бродягой Сенькой Лещъ, но по фотографіямъ онъ былъ опознанъ, и одинъ изъ свидѣтелей, его полковыхъ товарищей, удостовѣрилъ, что онъ Лбовъ, и въ приговорѣ было сказано, что такой-то Александръ Лбовъ, именующій себя Стенькой Лещъ, приговаривается и т.д. Но всетаки у суда оставалось сомнѣніе въ подлинности Лбова; какъ вдругъ черезъ два дня послѣ суда черезъ товарища прокурора, Лбовъ посылаетъ Императрицѣ Александрѣ Федоровнѣ (дѣло было передъ 23-мъ апрѣля, днемъ Тезоименитства Императрицы) телеграмму съ просьбой о помилованіи и подписывается: извѣстный разбойникъ Александръ Лбовъ. — Конечно онъ былъ повѣшенъ, хотя болѣе двухъ лѣтъ наводилъ страхъ почти на двѣ губерніи, но главнымъ образомъ поле его дѣятельности сосредоточивалось въ пермскомъ уѣздѣ, гдѣ онъ изучилъ всѣ тропки и выходы въ окружающихъ Пермь лѣсахъ. Съ другими разбойниками полиція, въ особенности екатеринбургскаго уѣзда, справлялась довольно удачно. Еще одно время, на границѣ соликамскаго и пермскаго уѣздовъ появилась шайка Давыдова, изъ учениковъ Лбова, и нѣсколько мѣсяцевъ онъ былъ неуловимъ. При какихъ обстоятельствахъ онъ погибъ, я уже теперь не помню. Но мнѣ остался въ памяти слѣдующій курьезъ: по совѣту пермскаго полицмейстера я вызвалъ осинскаго исправника Яковлева, прежде служившаго въ городской полиціи въ Перми, въ помощь Соликамскому, и, какъ ловкому сыщику, поручилъ поймать Давыдова. Онъ просилъ разрѣшенія взять своихъ стражниковъ, имъ натасканныхъ въ дѣлѣ сыска. Но вотъ главари шайки пойманы, а частью убиты. Осинскій исправникъ является ко мнѣ послѣ исполненія возложеннаго пору-

ченія и проситъ на память объ этой экспедиціи — принять фотографическую группу его съ его молодцами. И что же я вижу? На фотографіи снятъ онъ со стражниками въ самыхъ безпардонныхъ нарядахъ, такъ что я сперва принялъ ихъ за разбойниковъ, и фотографія снята въ Соликамскѣ. «Побойтесь вы Бога, что же вы дѣлаете? вы выдаете и себя и всѣхъ своихъ сыщиковъ преступникамъ, развѣ можно такія группы снимать, уничтожьте всѣ и негативъ». Вотъ Вамъ наглядный примѣръ развитости чиновъ полиціи; конечно, не всѣ были таковы, но были полицейскіе чиновники несравненно хуже этого исправника. Напримѣръ: исправникъ одного изъ уѣздовъ за недѣлю до моего пріѣзда въ Пермь не только разрѣшилъ лекцію явно революціоннаго характера, но и присутствовалъ на ней, и благодарилъ лектора, что ихъ провинціаловъ просвѣтилъ. Конечно, онъ былъ уволенъ, да и со многими пришлось разстаться. Многіе становые пристава поражали своей неразвитостью, были такіе, что еле - еле могли подписать свою фамилію, но постепенно удалось улучшить полицейскій составъ, особенно въ городахъ. Изъ исправниковъ выдѣлялся своей дѣловитостью, умомъ, тактомъ и способностями екатеринбургскій исправникъ Ключниковъ; это былъ русскій самородокъ изъ крестьянъ уфимской губерніи, начавшій службу почтальономъ, но въ то же время онъ былъ образованный человѣкъ. Правда, подчиненные его не любили за излишнюю строгость но это былъ полицейскій, который въ любой губерніи оказался бы на высотѣ. По манерѣ себя держать, съ большимъ достоинствомъ, никто бы не подумалъ, что онъ изъ почталіоновъ и окончилъ только народное училище. Я недавно узналъ, что онъ разстрѣлянъ больше-

виками. Если я заговорилъ о разбойникахъ, то долженъ сказать, что вообще на большинствѣ заводовъ не только на Сысерскомъ заводѣ, находившемся въ сорока верстахъ отъ Екатеринбурга, и о которомъ я упоминалъ въ предыдущей главѣ, населеніе было угрюмое и разбойничье. Особенно славился Алапаевскій заводъ, и когда я впервые попалъ туда въ сентябрѣ 1906 года, то Главноуправляющій этимъ горнымъ округомъ горный инженеръ Грумъ - Гржимайло, умный, добродушный и оригинальный человѣкъ, впослѣдствіи профессоръ петроградскаго политехникума, встрѣтилъ меня со словами: «Какой чортъ васъ принесъ сюда? Что вамъ жизнь Ваше-ство, надоѣла?» И все-таки я обошелъ весь заводъ, какъ и всюду это продѣлывалъ, чтобы всѣ рабочіе меня видѣли, послѣ чего меня поздравляли съ благополучнымъ исходомъ. Когда я узналъ, что несчастная Великая Княгиня Елизавета Федоровна и еще нѣсколько великихъ князей были отправлены въ этотъ Алапаевскъ, я иллюзій насчетъ ихъ судьбы себѣ не дѣлалъ. Точно также у меня сжалось сердце, узнавъ о переводѣ Царской семьи въ Екатеринбургъ и сказалъ своимъ роднымъ: это не къ добру. Но не только нравы, но и порядки на заводахъ были жестоки; такъ отъ милѣйшаго Павла Ивановича Егорова, Главноуправляющаго Тагильскимъ округомъ въ 1905-мъ и 1906-мъ годахъ слышалъ, что при его предшественникѣ, т. е. чуть ли не въ 1902 г. въ Тагилѣ существовало еще право первой брачной ночи для управляющаго заводомъ. Мнѣ это извѣстно про Тагилъ, но вѣроятно на другихъ заводахъ были подобные порядки и, конечно, это не могло способствовать смягченію нравовъ. Изъ заводовъ самымъ смирнымъ былъ Невьянскій заводъ, наполовину населен-

ный старовѣрами. Очень смирнымъ и патріархальнымъ было зырянское населеніе Соликамскаго и Чердынскаго уѣздовъ, да и вотяки и башкиры были мирнымъ народомъ. Башкиры отличались только конокрадствомъ. Но вообще и крестьянское населеніе, и заводское было состоятельное, подати платились исправно, въ сроки, безъ принужденія, и населеніе стремилось къ образованію. Такъ напримѣръ, всего женскихъ гимназій въ губерніи было пятнадцать, и половина изъ нихъ была наполнена крестьянскими дочерьми, въ особенности Ирбицкая. Мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ цифры не помню, но навѣрное ихъ было болѣе 20-ти. Кромѣ того въ Екатеринбургѣ было горное училище, а въ Кунаурѣ техническое, оба съ средне - образовательными правами. За годъ до моего ухода, я поднялъ вопросъ передъ губернскимъ земствомъ и пермской городской Управой, объ открытіи въ Перми университета и ассигнованіи для этого необходимыхъ средствъ и участка земли, на что городъ и земство откликнулись горячо, и мое завѣтное желаніе осуществилось лишь незадолго до революціи и до сихъ поръ въ Перми существуетъ университетъ.

Что касается народнаго образованія, то я этимъ вопросомъ всегда очень интересовался, и не только принималъ близко къ сердцу стремленія крестьянъ къ грамотности, но и всячески побуждалъ ихъ въ своей земской дѣятельности къ открытію новыхъ школъ, но увы долженъ сознаться, что результаты въ общемъ отъ народныхъ школъ были ничтожные и, будучи предводителемъ, зачастую на наборѣ приходилось наблюдать, что кончившіе курсъ съ похвальными листами не всегда были въ состояніи подписать фамилію,

забывая съ 13-лѣтняго возраста до 21 года все полученное ими въ школахъ. Но въ Пермской губерніи школьное дѣло было значительно лучше поставлено, чѣмъ новгородское, и это вполнѣ понятно въ виду того, что пермское земство было одно изъ богатѣйшихъ въ Россіи. При открытіи мною Губернскихъ Земскихъ Собраній я ограничивался сперва словами закона: «на основаніи статьи такой-то объявляю, и т. д.» ибо находилъ неумѣстнымъ съ чужого голоса давать указанія мѣстнымъ людямъ, умудреннымъ житейскимъ опытомъ, но когда вполнѣ освоился съ губерніей и лично ознакомился съ ея нуждами, то передъ открытіемъ послѣдняго Губернскаго Собранія позволилъ себѣ въ краткихъ словахъ коснуться всѣхъ сторонъ земской дѣятельности и народнаго образованія, и агрономіи, и связаннаго съ этимъ землеустройства, и оцѣнокъ, и дорогъ, и медицины, и хотя рѣчь длилась почти часъ, но выслушена была всѣми съ большимъ вниманіемъ. Теперь всѣ эти матеріалы, вѣроятно, безслѣдно пропали въ Петербургѣ. Кстати о земствѣ: Былъ кажется въ 1907 году изданъ Столыпинымъ циркуляръ о недопущеніи членовъ кадетской партіи на земскую городскую и общественную службу. И вскорѣ послѣ полученія этого циркуляра въ Екатеринбургѣ былъ избранъ членомъ земской управы мѣстный землевладѣлецъ, членъ этой партіи. Вызываю я его къ себѣ и объясняю, что по такимъ - то причинамъ утвердить его я не могу, развѣ онъ дастъ подписку, что онъ къ такой партіи не принадлежитъ и отказывается отъ участія въ ней. На таковую подписку онъ изъявилъ свое согласіе. Тогда я позволилъ себѣ ему сказать, что онъ вѣроятно не подумалъ, какъ же его выборщики будутъ къ нему относиться послѣ такой под-

писки, и можно ли вообще довѣрять человѣку, который ради полученія 1.200 рублей въ годъ отказывается отъ своихъ политическихъ убѣжденій. Онъ мнется, конфузится, говоритъ, что я правъ и что лучше ему такой подписки не давать. Я вспоминаю этотъ характерный случай, какъ вообще легко лица, принадлежавшія къ лѣвымъ партіямъ спѣшили отказаться отъ своего въ нихъ участія; я привожу только одинъ случай, а подобныхъ случаевъ во время моей службы въ Перми было нѣсколько.

Изъ пѣсни къ сожалѣнію, слова не выкинешь, и отъ народнаго образованія губернскаго земства перейду къ самой черной сторонѣ губернаторской дѣятельности, т. е. къ смертной казни, къ которой у губернатора было косвенное касательство, имѣя надзоръ, чтобы она производилась согласно закона и съ соблюденіемъ всѣхъ требуемыхъ закономъ формъ. Былъ даже случай представленія военнымъ судомъ мнѣ на утвержденіе смертнаго приговора по точному толкованію положенія о чрезвычайной охранѣ, но я эту высокую честь поспѣшилъ отъ себя отклонить, предоставивъ согласно установившейся практикѣ смертный приговоръ на конфирмацію Командующаго войсками Казанскаго Округа. Насколько тяжела была эта обязанность присутствовать при исполненіи смертнаго приговора, явствуетъ изъ того, что молодой (сорока двухъ лѣтъ) совершенно здоровый и жизнерадостный екатеринбургскій полицмейстеръ, глубоко порядочный и энергичный, Николай Федоровичъ Хлѣбодаровъ, скоропостижно скончался, послѣ троекратнаго присутствія при повѣшеніи. Послѣ первой казни съ нимъ сдѣлался первый припадокъ грудной жабы; отъ второго припадка онъ скончался, вызвавъ своей

кончиной общее сожалѣніе екатеринбуржцевъ. Очень трудно было найти охотника исполнять грустную обязанность палача. И вотъ, при оффиціальной бумагѣ, департаментъ полиціи присылаетъ мнѣ по собственному почину какого - то Фому для исполненія обязанности палача. И полицмейстеръ мнѣ докладываетъ, что онъ желаетъ меня видѣть на дому. Не имѣя права кому бы то ни было отказывать въ просьбѣ лично объясниться, я велѣлъ провести его въ свой кабинетъ. Входитъ толстенькій, еще молодой мужчина, небольшого роста, съ круглымъ краснощекимъ лицомъ и спрашиваетъ меня, по чемъ я заплачу съ головы. Я возмутился его наглости и обругавъ объявилъ, что немедленно отправлю обратно въ арестантскомъ вагонѣ, Онъ въ ноги, ибо отправленіе такого типа въ арестантскомъ вагонѣ тогда было равносильно смерти. Я ему объяснилъ, что никакихъ спеціальныхъ суммъ на подобныя вещи не имѣю, его не приглашалъ, а пусть обращается въ учрежденіе его приславшее. Съ этимъ онъ ушелъ, и слава Богу я болѣе его не видалъ. Все это теперь вспоминается спокойно, но тогда эти переживанія очень остро отзывались на моемъ здоровьѣ, въ особенности тѣ, вполнѣ понятныя волненія, которыя я испытывалъ при ожиданіи вторичнаго ограбленія Лбовымъ парохода и прочихъ, довольно частыхъ революціонно-разбойничьихъ покушеній, грабежей и убійствъ. И никогда въ путешествіяхъ я не обходился безъ нитроглицерина, настолько былъ расшатанъ мой организмъ и мое сердце. И наоборотъ, какъ только я оставилъ эту почетную, но чрезвычайно безпокойную должность, и сердце поправилось и мнѣ до сихъ поръ не приходится прибѣгать ко всѣмъ этимъ сильнымъ, какъ нитроглицеринъ, средствамъ. Дѣятельность была чрезвы-

чайно интересна, а подчасъ и плодотворна. А если бы Петербургъ не каверзничалъ, а дѣйствительно губернаторамъ помогалъ бы, то была бы гораздо и болѣе плодотворна. Когда же удавалось окончить день съ полнымъ нравственнымъ удовлетворенiемъ, если можно было сдѣлать доброе дѣло (какъ напримѣръ дважды удалось избавить отъ смертной казни крестьянъ, приговоренныхъ военнымъ судомъ) или достойно наградить почтенныхъ и заслуженныхъ дѣятелей, то я себя считалъ вполнѣ счастливымъ и вознагражденнымъ за всѣ труды и непрiятности. Я въ этой главѣ уже говорилъ, что въ началѣ отношенiя съ вѣдомствами были идеальными. И вотъ главной причиной, почему они перестали быть таковыми, былъ несомнѣнно Петербургъ и перемѣна министерства, т. е. смѣна Витте и Дурново на Столыпина. Въ концѣ января 1906 года, по рекомендацiи моего товарища по училищу, Пестржецкаго, знатока крестьянскаго дѣла и помощника управляющаго земскимъ отдѣломъ, прiѣхалъ по моему приглашенiю въ Пермь для усиленiя работоспособности губернскаго Присутствiя нѣкто Орловскiй, бывшiй управляющiй Вятской казенной палатой, способный и дѣльный человѣкъ, въ качествѣ нештатнаго чиновника. По прiѣздѣ въ Пермь, у многихъ моихъ подчиненныхъ онъ освѣдомляется въ какомъ родствѣ я нахожусь съ Дурново, и когда ему сказали, что ни въ какомъ, онъ былъ чрезвычайно удивленъ. «Помилуйте, министръ души не чаетъ въ вашемъ губернаторѣ, и все что губернаторъ будетъ просить, министерствомъ будетъ исполнено». Насколько Дурново во мнѣ души не чаялъ, я не знаю, но что я пользовался полнымъ довѣрiемъ Дурново — это правда. И этимъ довѣрiемъ я не злоупотреблялъ на-

всегда сохранивъ о Петрѣ Николаевичѣ сердечное воспоминаніе, какъ о выдающемся по уму человѣкѣ, для котораго главное было — суть дѣла, а не форма. И надо сознаться, что въ свое время дѣятельность Дурново не была достаточно оцѣнена. Наоборотъ, съ появленіемъ Столыпина отношенія сразу измѣнились; это сейчасъ же почувствовалось въ губерніи и мелкія самолюбія зашевелились. Губернаторъ пересталъ обладать той полнотой власти, которой для успѣха дѣла долженъ былъ бы обладать. Представленія не уважались, присылали своихъ протеже, и весьма неудачно, а дѣло страдало. Въ 1907 году появился по порученію Столыпина Членъ Совѣта Министра Заіончковскій личность не только удивительно несимпатичная, но низкая, съ дурной репутаціей, трижды мѣнявшая религію, а теперь кажется приспособившаяся на службѣ у большевиковъ. Такъ какъ онъ пріѣхалъ, по его словамъ для выясненія причинъ всѣхъ разбойничьихъ нападеній, по желанію будто бы Столыпина помочь губернатору въ чемъ можно, то я счелъ возможнымъ пригласить его остановиться у меня въ домѣ. Тогда онъ держалъ себя довольно корректно, но въ представленномъ однако докладѣ Столыпину, настолько извратилъ факты, приписавъ мнѣ недонесеніе Министру о многихъ вещахъ, что я при личномъ объясненіи блестяще опровергъ и сумѣлъ доказать Столыпину свою правоту. Отношенія нѣсколько наладились, а черезъ годъ ревизія крестьянскихъ учрежденій тѣмъ же Пестржецкимъ этому весьма способствовала. Но затѣмъ вопреки моего категорическаго желанія назначили нѣкоего Андріолли Непремѣннымъ Членомъ Губернскаго Присутствія, котораго сперва за отсутствіемъ въ продолжительной служебной командиров-

кѣ одного изъ предсѣдателей съѣзда, прислали для исполненія его обязанностей. Андріолли былъ долгое время земскимъ начальникомъ въ Пермской губерніи, и ничѣмъ, кромѣ большой путаницы въ дѣлахъ не прославился, но по протекціи моего предшественника, почему-то къ нему благоволившаго, его взяли въ земскій отдѣлъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ; тамъ онъ, конечно, какъ человѣкъ мало способный оказался не ко двору, и его сплавили въ Пермское Губернское Присутствіе, одно изъ труднѣйшихъ въ Россіи по массѣ дѣлъ и по запутанности многихъ земельныхъ дѣлъ. Естественно я его принялъ comme un chien dans un jeu de quilles, тѣмъ болѣе, что передъ этимъ, видавъ его въ Петербургѣ, предупреждалъ и совѣтывалъ не ѣхать, такъ какъ со стороны товарищей онъ встрѣтитъ нелюбезный пріемъ, ибо всѣ предсѣдатели съѣзда и многія земскіе начальники несомнѣнно достойнѣе его для занятія должности непремѣннаго члена Губернскаго Присутствія. Онъ скляузничалъ частнымъ письмомъ и кляуза также имѣла въ Петербургѣ успѣхъ и меня производя въ слѣдующій чинъ, дававшій мнѣ право на утвержденіе въ должности, все-таки не утвердили. Увидавъ въ этомъ недовѣріе министра, я написалъ полуофиціальное письмо директору департамента общихъ дѣлъ, Алексѣю Дмитріевичу Арбузову (понынѣ здравствующему), выражая желаніе уйти. Арбузовъ это письмо доложилъ министру (т. е. Столыпину), который просилъ меня остаться, и также просилъ мнѣ передать, что никакого недовѣрія нѣтъ.

Но менѣе чѣмъ черезъ годъ, т. е. осенью 1909 года, вмѣсто того, чтобы вспомнить мое письмо и просто написать мнѣ о желательности моего ухода, прислали

ко мнѣ, изъ-за разногласія съ жандармскими властями вторично того же Заіончковскаго, который держалъ себя такъ, что я не дожидаясь результатовъ его доклада, поѣхалъ въ Петербургъ и заявилъ Столыпину свое желаніе оставить службу, отказавшись отъ причисленія къ министерству, и отряся прахъ отъ ногъ своихъ, не возражая даже противъ словъ Столыпина о развалѣ власти, что вызвало во мнѣ лишь улыбку, какъ доказательство его неискренности или незнакомства съ своей дѣятельностью, и съ тѣхъ поръ не переступилъ порога министерскихъ зданій.

Затѣмъ, когда и чиновнымъ міромъ и городомъ Пермью мнѣ были устроены единодушные, торжественные и сердечные проводы, въ которыхъ люди самыхъ противоположныхъ взглядовъ сошлись въ оцѣнкѣ моей дѣятельности, я счелъ себя вправѣ написать Столыпину очень энергичное письмо, которое отправилъ уже покинувъ губернію, кажется изъ Москвы.

Но по дорогѣ, остановившись въ Вяткѣ, я нашелъ нужнымъ прочесть это письмо моему сосѣду, нынѣ покойному Петру Константиновичу Камышанскому, очень умному, энергичному и порядочному человѣку и не только дѣльному, но выдающемуся губернатору, къ сожалѣнію недостаточно оцѣненному Столыпинымъ. Онъ одобрилъ редакцію письма, но сказалъ, что я сжигаю свои корабли въ Министерствѣ. «Да какъ же иначе», отвѣтилъ я, «неужели вы думаете, что при такомъ отношеніи ко мнѣ министра, я опять соглашусь пойти въ губернаторы»?

Копію этого письма я сохранялъ въ своемъ сейфѣ въ одномъ изъ петербургскихъ банковъ. А двѣ копіи послалъ: одну Петру Николаевичу Дурново, при которомъ я былъ назначенъ, а другую — старику Ва-

силію Дмитріевичу Бѣлову, интересовавшемуся Пермской губерніей вообще, а моей дѣятельностью въ особенности, и способствовавшему, какъ я уже говорилъ выше, моему назначенію.

Но, такъ какъ почеркъ у меня неразборчивый, я сомнѣвался, имѣлъ ли Петръ Аркадьевичъ терпѣніе прочесть мое письмо; и при встрѣчѣ съ однимъ изъ членовъ министерства, котораго всѣ эти переписки близко касались, я спросилъ, читалъ ли Столыпинъ мое письмо. Тотъ отвѣтилъ, что не только читалъ, но и подчеркнулъ многія мѣста краснымъ и синимъ карандашемъ. Такихъ рѣзкихъ писемъ Столыпинъ ни отъ кого отъ ушедшихъ губернаторовъ не получалъ. Ихъ можно писать только тогда, когда чувствуешь себя безспорно правымъ, и, слава Богу, въ службѣ не нуждаешься, и потому избавленъ отъ необходимости глотанія тѣхъ горькихъ пилюль, которыя любовно приготовлялись въ петербургскихъ кабинетахъ.

Въ письмѣ я между прочимъ упомянулъ, что при милостивыхъ пріемахъ Государемъ, моя дѣятельность всегда удостаивалась очень лестной, высочайшей оцѣнки, которую я, конечно, относилъ, какъ къ отзывамъ о ней предшественника Петра Аркадьевича, такъ и самого Столыпина.

Да, забылъ упомянуть, что послѣ прощаній, но до оффиціальнаго приказа о моемъ увольненіи, нѣкоторыми мѣстными заводовладѣльцами, во главѣ съ кн. Сергѣемъ Евгеньевичемъ Львовымъ, земцами, именитымъ купечествомъ и пермскимъ городскимъ головой, была послана телеграмма Государю Императору, съ обоснованнымъ ходатайствомъ объ оставленіи меня въ должности.

Когда я пріѣхалъ въ Петербургъ, послѣ вторичной

ревизіи Заіончковскаго, на мое несчастіе Государя не было: Онъ съ семьей находился въ Ливадіи, а то бы я конечно откровенно доложилъ Царю, какъ о поведеніи этого сыщика, такъ и вообще не постѣснялся бы сказать, что присылкой таковыхъ лицъ не только дискредитируется на мѣстахъ высшая власть, но и у сосѣднихъ губернаторовъ опускаются руки при такомъ отношеніи Петербурга къ ихъ дѣятельности.

Кстати о ревизіяхъ. Дважды пріѣзжалъ ко мнѣ для ревизіи полицейской стражи бывшій московскій оберъ - полицмейстеръ, довольно добродушный генералъ (жандармскій) баронъ Медемъ. Пользы дѣлу онъ никакой не приносилъ, такъ какъ его ревизіи не способствовали лучшему вооруженію стражи, что приходилось оборудовать на счетъ заводовъ; но и вреда отъ него не было. Но вотъ случилось мнѣ быть на заводахъ Богословскаго округа, когда баронъ Медемъ дѣлалъ тамъ осмотръ ингушамъ, которые въ 1907 и 1908 годахъ оказывали администраціи громадныя услуги при поимкѣ разбойниковъ. И вотъ, милѣйшій баронъ сталъ при мнѣ говорить рѣчь ингушамъ, напоминая имъ, что они получаютъ большое вознагражденіе, чтобы они это помнили, цѣнили и старались добросовѣстно исполнять свои обязанности. Такъ какъ по-русски они ничего не понимали, то переводчикъ имъ это перевелъ, и вижу, во второмъ ряду старый ингушъ залопоталъ на своемъ нарѣчіи, а переводчикъ докладывалъ, что онъ желаетъ генералу отвѣтить. Ему разрѣшили, и затѣмъ переводчикъ говоритъ, что старикъ проситъ доложить генералу, что прослышавъ, что Бѣлый Царь въ опасности, они, какъ вѣрные слуги Царя, выразили желаніе ему послужить, и пріѣхали сюда не изъ-за жалованія, а по долгу при-

сяги. Бѣдный генералъ имѣлъ сконфуженный видъ, и послѣ этого случая говорилъ рѣчи съ осторожностью.

Но, заканчивая воспоминанія о своей губернаторской дѣятельности, перейду къ самымъ мнѣ дорогимъ воспоминаніямъ о Высочайшихъ пріемахъ и о тѣхъ счастливыхъ минутахъ, которыя я проводилъ въ Царскомъ кабинетѣ.

Царскій привѣтъ и ласковое слово искупали все и заставляли вполнѣ забывать пошлыя стороны петербургскихъ канцелярій, тѣмъ болѣе, что Государь былъ «un charmeur» и, когда хотѣлъ, очаровывалъ людей; особенно его глаза притягивали къ нему всѣхъ. Будучи губернаторомъ, конечно, каждый разъ, какъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, я не только считалъ своимъ долгомъ, но обязанъ былъ представляться Государю. Первый разъ въ жизни я представился Царю еще будучи Предводителемъ Дворянства въ 1904 году, на станціи Чудово, когда Государь возвращался изъ Новгорода, послѣ прощанія съ полками 22-ой пѣхотной дивизіи, отправлявшимися на Японскую войну. Мѣстные крестьяне и волостные старшины подносили Царю хлѣбъ - соль и Флигель - адъютантъ, милѣйшій добродушный, общительный и весьма обязательный человѣкъ, князь Николай Дмитріевичъ Оболенскій сказалъ, что и мнѣ необходимо представиться Государю. Хотя Царь и былъ весьма привѣтливъ со мной, но разговоръ былъ незначительный.

Черезъ годъ, въ іюлѣ 1905 года, я представлялся въ Александріи Императору въ отдѣльной аудіенціи, по случаю полученія придворнаго званія. Несмотря на Ильинъ день и народное повѣрье, была чудная, ясная погода. Выйдя въ Новомъ-Петергофѣ, были встрѣчены на вокзалѣ придворными лакеями и экипажами

и были отвезены сперва въ Большой Петергофскій дворецъ, гдѣ ожидали часа пріема, и только къ назначенному часу насъ повезли по красивому петергофскому парку, мимо великолѣпныхъ фонтановъ въ крошечный дворецъ Александрія, построенный при Императорѣ Александрѣ III, на самомъ берегу Финскаго залива. Со мной въ коляскѣ ѣхалъ Константинъ Константиновичъ фонъ-Веймарнъ, съ которымъ я съ тѣхъ поръ былъ въ добрыхъ отношеніяхъ, очень цѣня его благородство, правдивость и прямоту. Раза два, уже подъѣзжая къ Александріи, насъ останавливала охрана, т. е. солдаты гвардейскаго своднаго полка, которые спрашивали наши фамиліи, провѣряя по листу наши личности. Это охранное кольцо очень непріятно дѣйствовало, производя впечатлѣніе заключенія.

Я былъ впервые въ Александріи, и этотъ маленькій но очень симпатичный дворецъ меня поразилъ скромностью своихъ размѣровъ. Внизу были дежурныя комнаты и крошечная передняя, въ среднемъ этажѣ небольшая, свѣтлая, уютная и красиво обставленная гостинная съ массой гортензій, кажется особенно любимыхъ Государемъ; рядомъ съ гостинной тоже небольшой и весьма простой царскій кабинетъ, окнами на море, а направо отъ гостинной и Царскаго кабинета — довольно большая, высокая, вся отдѣланная темнымъ дубомъ, столовая, гдѣ накрывали столъ къ завтраку на двѣнадцать приборовъ.

Въ гостинной сидѣло нѣсколько лицъ, ожидавшихъ пріема, а у дверей кабинета стоялъ Царскій камердинеръ, довольно пожилой человѣкъ. Когда дошла моя очередь, дежурный флигель - адъютантъ, князь Долгоруковъ, единственный оставшійся при

Государѣ и послѣ отреченія *) и за свою преданность Монарху, убитый большевиками, впуская меня въ кабинетъ сказалъ: «если Государь остановится, вы не ждите вопросовъ, а продолжайте разговоръ».

Государь былъ въ морской бѣлой тужуркѣ, а налѣво отъ входа былъ развѣшенъ тоже бѣлый, лѣтній морской сюртукъ съ аксельбантами. Государь былъ очень любезенъ, въ отличномъ расположеніи духа, вспоминалъ поѣздку въ Новгородъ, очень интересовался новгородской стариной и выражалъ желаніе тамъ вновь побывать. Словомъ бесѣда была чрезвычайно проста; совершенно забывалъ, что находишься наединѣ съ Монархомъ величайшей въ мірѣ Имперіи. Неоднократно во время аудіенціи Государь лѣвой рукой разглаживалъ усы, вытягивая при этомъ шею и поворачивая головой.

Императрица Александра Федоровна принимала въ узенькомъ кабинетѣ, соединеннымъ перекинутымъ черезъ подъѣздъ стекляннымъ коридоромъ. Передъ пріемомъ, гофмейстеръ Государыни, очень любезный графъ Василій Александровичъ Гендриковъ, меня спросилъ: «Вамъ все равно говорить съ Ея Величествомъ по-русски или по-французски?» И каждый разъ, какъ я Ей представлялся, разговоръ велся по-французски.

Императрица была въ сѣромъ платьѣ съ чудными знаменитыми жемчугами, имѣла очень красивый и величественный видъ. Содержаніе разговора я уже не помню, но помнится, что Государыня интересовалась

---

*) И. Л. Татищевъ не составлялъ до революціи личную свиту Государя, а добровольно послѣдовалъ за своимъ Императоромъ въ Тобольскъ.

урожаемъ: «la recolte est-elle bonne cette annee», спросила она.

Насколько я былъ очарованъ первымъ Царскимъ пріемомъ, настолько же декабрьскій пріемъ въ томъ же 1905 году у Государя въ Царскомъ Селѣ меня разочаровалъ. Я представлялся по случаю назначенія губернаторомъ въ Пермь и попалъ на общій пріемъ еще съ двумя губернаторами: Бюнтингъ, переведеннымъ въ Ревель, и Качаловымъ, назначеннымъ въ Архангельскъ, а также двумя товарищами министра М. М. Федоровымъ — Торговли и Герасимовичемъ — Народнаго Просвѣщенія, и еще нѣсколькими лицами; всего насъ было человѣкъ пятнадцать. Государь былъ разсѣянъ, имѣлъ озабоченный видъ и представленіе оставило во мнѣ впечатлѣніе неудовлетворенности.

Зато Императрица Александра Федоровна, которая приняла меня въ отдѣльной аудіенціи, очень меня тронула своей любезностью и вниманіемъ, сказавъ по-французски: «C'est un grand sacrifice que Vous faites d'accepter un poste si dangereux par le temps qui court. Que Dieu Vous garde! Que Dieu Vous benisse!» Я былъ удивленъ такой сердечностью и растроганъ этими словами. Кромѣ того Императрица интересовалась губерніей, задавала много вопросовъ. Но черезъ полгода, когда я опять Ей представлялся въ Александріи, пріемъ былъ безцвѣтный, а, наоборотъ, Государь, тогда же въ іюнѣ 1906 г. меня очаровалъ и чуть ли не до слезъ растрогалъ своей любезностью и похвалами, сказавъ, что онъ слѣдилъ и много слышалъ о моей успѣшной и энергичной дѣятельности, искренно радуется за губернію и отъ души поздравляетъ и желаетъ дальнѣйшаго успѣха. Я вышелъ изъ кабинета совсѣмъ

сконфуженный такой неожиданной для меня, молодого губернатора, лаской и сердечностью Царя.

Слѣдующіе пріемы были таковыми же, въ особенности послѣдній пріемъ меня какъ губернатора въ маѣ 1909 года былъ очень трогателенъ, по знакомству Царя съ моей скромной дѣятельностью. Пріемъ совпалъ какъ разъ съ ознакомленіемъ Государя съ моимъ всеподданнѣйшимъ отчетомъ, который губернаторы представляютъ ежегодно Царю, и отчетъ Его заинтересовалъ; кромѣ того я поднесъ Государю два альбома: одинъ видовъ Соликамска, какъ самаго стараго изъ Пермскихъ городовъ, гдѣ замѣчательный соборъ временъ Грознаго Царя и сохранился домъ воеводы съ подземнымъ ходомъ, а также виды села Нырова Чердынскаго уѣзда, мѣсто заточенія боярина Романова, Михаила Никитича, родного дяди Царя Михаила Федоровича; и другой альбомъ живописныхъ видовъ дикой, но красивой рѣки Чусовой, по которой когда-то поднимался Ермакъ Тимофѣевичъ въ своемъ походѣ на завоеваніе Сибири. Государь сознался, что и не зналъ о заточеніи въ Нировѣ своего предка, и очень заинтересовался, когда я доложилъ, что мѣстное населеніе почитаетъ его святымъ.

Вообще пріемы въ Царскомъ селѣ были торжественные и самый дворецъ болѣе напоминалъ царское обиталище, чѣмъ прелестная, но скромная Александрія. Уже въ передней представлявшихся встрѣчали скороходы, своими нарядами, шитыми золотомъ, полукафтанами и головными уборами, состраусовыми перьями, свидѣтельствовавшіе еще о былой, давнишней роскоши русскаго Императорскаго Двора.

На станціи васъ тоже встрѣчали придворные экипажи, которые отвозили въ Александровскій дворецъ,

а послѣ пріема, въ такъ называемый лицейскій флигель большого царскосельскаго дворца, гдѣ представлявшихся угощали завтракомъ и опять отвозили на станцію.

По поводу придворныхъ экипажей и кучеровъ вспоминаю, что лѣтомъ, въ началѣ революціи, иду я въ Петербургѣ съ однимъ пріятелемъ, мимо народнаго дома, и вижу придворную коляску и бородатаго кучера съ медалями, возившаго кажется прежде Императрицу Марію Федоровну. Спрашиваю я кучера, кого онъ теперь возитъ, а онъ, съ высоты своихъ козелъ, мнѣ съ досадой и грустью въ голосѣ отвѣтилъ: «ахъ, сволочь какую-то, прости Господи, вотъ до чего мы дожили баринъ».

Послѣ моего ухода изъ губернаторовъ я представлялся Государю въ январѣ мѣсяцѣ 1911 года въ Зимнемъ Дворцѣ, и попалъ на общій пріемъ, на которомъ одновременно представлялось до шестидесяти лицъ. У меня остался въ памяти разговоръ Государя съ моимъ сосѣдомъ по пріему, Лермонтовымъ, тогда совѣтникомъ посольства въ Мадридѣ. Лермонтовъ доложилъ Царю о желаніи Короля Испаніи познакомиться съ Государемъ и посѣтить Русскаго Императора. На что Николай II отвѣтилъ: «да я не знаю, какъ это устроить». Меня эти слова чрезвычайно удивили.

Точно также остался въ памяти разговоръ Царя съ профессоромъ живописи Константиномъ Егоровичемъ Маковскимъ, представлявшимся по случаю пятидесятилѣтняго юбилея своей плодотворной, художественной дѣятельности и доложившемъ Государю о своемъ намѣреніи написать картину, которую онъ уже началъ къ трехсотлѣтнему юбилею дома Романовыхъ: «Сонъ или видѣніе Сусанина передъ смертью»,

Въ этой картинѣ талантливый художникъ хотѣлъ изобразить важнѣйшіе моменты изъ царствованія Романовыхъ, — на что Государь отвѣтилъ: «попробуйте, попробуйте». Эти слова такъ разочаровали маститаго художника, что когда я, черезъ мѣсяцъ, былъ у него въ мастерской и спросилъ про эту картину, онъ мнѣ отвѣтилъ, что ее забросилъ и ничего не будетъ дѣлать.

По поводу этого пріема позволю себѣ указать на небольшой фактъ, характеризующій придворный міръ. Бывшій флигель - адъютантъ, тогда уже свиты генералъ-маіоръ князь Николай Дмитріевичъ Оболенскій, уже нѣсколько лѣтъ меня хорошо знавшій и черезъ, посредство котораго я ходатайствовалъ о пріемѣ, допытывалъ князя П. П. Голицына, почему я представляюсь Государю и не хочу ли я жаловаться Его Величеству на Столыпина. По словамъ князя Голицына, мнѣ это передавшаго, Оболенскій былъ очень заинтригованъ и взволнованъ причиной моего представленія. Конечно, это мелочь, ибо могъ ли отставной губернаторъ принести какой-либо вредъ всесильному Столыпину, примѣнявшему, именно въ то время мѣры устрашенія даже по отношенію къ Государственному Совѣту (увольненіе въ продолжительный отпускъ безъ ихъ просьбы П. Н. Дурново и В. Ф. Трепова). А причина моего представленія была чрезвычайно проста. Я строилъ храмъ во имя Св. Николая Чудотворца на Московскомъ шоссе, около станціи Ушаки, и, благодаря ходатайству покойнаго министра путей сообщенія, милѣйшаго князя Михаила Ивановича Хилкова, Государь пожертвовалъ для этой цѣли нѣсколько тысячъ бревенъ и сорокъ десятинъ земли, и я, какъ предсѣдатель строительнаго комитета, счелъ своимъ

долгомъ поднести Августѣйшему жертвователю отчетъ по постройкѣ этого храма.

Послѣднiй разъ, когда я представлялся Царю это въ день юбилея Дома Романовыхъ, т. е. въ февралѣ 1913 года, но, конечно, въ тотъ разъ все ограничилось рукопожатiемъ. Хотя у Государя былъ очень спокойный и довольный видъ, но вся церемонiя, весьма неудачно устроенная и обставленная, а въ особенности болѣзненный и измученный видъ Императрицы и несчастнаго Наслѣдника, — все это производило на меня столь удручающее впечатлѣнiе, что, прiѣхавъ домой, я сказалъ женѣ, что присутствовалъ точно на похоронахъ Дома Романовыхъ.

Не знаю, кто тогда всей этой церемонiей и прiемами распоряжался, но несомнѣнно, люди весьма легкомысленные и недостаточно проникнутые всей важностью церемонiи и юбилея. Во-первыхъ, не только Царица, но и большинство представлявшихся, было утомлено продолжительной и торжественной службой въ Казанскомъ соборѣ, гдѣ служили три Митрополита во главѣ съ Патрiархомъ Антiохiйскимъ Григорiемъ. Во дворецъ надо было явиться къ двумъ часамъ, а въ залахъ гдѣ пришлось ожидать, почему-то половина мебели была убрана, т. ч. не на чемъ было сидѣть и нечѣмъ было даже утолить жажду. Приходилось посылать придворныхъ лакеевъ за сельтерской водой, нарзаномъ и проч. Представляющихся было чрезвычайно много и придворные чины были приняты только около шести часовъ вечера; поэтому и измученный видъ Императрицы Александры Федоровны былъ вполнѣ понятенъ и извинителенъ. Но всетаки эта церемонiя, повторяю, произвела не только на меня, но и на многихъ очень тяжелое впечатлѣнiе. Такое же впечатлѣнiе не-

удовлетворенности оставилъ пріемъ и на слѣдующій день предводителей дворянства; Императрица уже совсѣмъ отсутствовала по болѣзни.

И какъ же было не подумать, что люди, пріѣзжавшіе за тысячу верстъ, чтобы поздравить Монарха съ юбилеемъ Династіи, могли бы быть Самодержавнымъ Царемъ величайшей Имперіи болѣе торжественно и радушно приняты ,чѣмъ отпускать ихъ, что называется «не солоно хлебавши».

Но, черезъ годъ съ небольшимъ, Высочайшій выходъ въ томъ же дворцѣ, и молебенъ по случаю объявленія войны произвели на меня очень отрадное впечатлѣніе, а особенно картина многотысячной и колѣнопреклоненной толпы народа на Дворцовой площади, поющей народный гимнъ, была несомнѣнно величественна и трогательна. И кто бы могъ предполагать, что конецъ Монархіи такъ близокъ? Единственно, что нѣсколько испортило впечатлѣніе, это сидѣвшая уже внизу въ креслѣ, въ передней у Салтыковскаго подъѣзда, безпомощная руина, олицетворявшая премьера Горемыкина. Впечатлѣніе было и жалкое, и смѣшное: съ такимъ премьеромъ далеко не уѣдешь, подумалъ я и другія присутствовавшіе, а у кого-то даже вслухъ вырвалось замѣчаніе въ этомъ родѣ. И это въ одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ въ русской исторіи, — хуже Горемыкина никого не нашлось. Впрочемъ нѣтъ, черезъ годъ нашелся еще хуже и позорнѣе премьеръ, подсунутый, вѣроятно врагами Россіи, — то былъ Штюрмеръ.

Но, если вспомнить Высочайшіе выходы, не могу умолчать про первый, мною видѣнный, а именно 12-го августа 1904 года, въ большомъ петергофскомъ дворцѣ, по случаю крещенія Наслѣдника Цесаревича.

И чудная погода, и прекрасный Петровскій дворецъ и вся эта раззолоченная и довольная извѣстіями изъ Портъ-Артура толпа сановниковъ, военныхъ и царедворцевъ, и радостный видъ Царя-Самодержца, послѣ долгихъ лѣтъ ожиданія получившаго давно желаннаго сына, — все это сіяло и предвѣщало счастье... Но увы, весь этотъ счастливый сонъ продолжался недолго. Пошли неудачи на Востокѣ, палъ Портъ-Артуръ, начались безпорядки и революція внутри, а затѣмъ и тяжелая, неизлѣчимая болѣзнь Единственнаго Сына разбила радостныя надежды...

Грустью повѣяло во дворцѣ, — жутью отозвалось въ Россіи.

1923 г. Кишиневъ — Сибіу. (Трансильванія).

ГЛАВА VIII.

Картины Урала и Россіи.

Печора. — Ирбитъ. — Ивдель. — Н. Н. Всеволожскій. — Резолюція Александра III. — По Камѣ. — Полтавская губернія. — По Новгородскому уѣзду. — Тифлисъ и Эльборусъ. — Горькая дѣйствительность и счастливое прошлое. — Картинка дѣтства.

Далекій сѣверъ. Воздухъ чистый, легкій и прозрачный. Мѣсто открытое, возвышенное и холмистое. Передъ вами извивается серебристая Колва, то полянки ее окаймляютъ, то лѣсочки, а дальше виднѣются сѣверныя деревни, дома высокіе, все изъ кантоваго лѣса съ тесовыми крышами; а тамъ, совсѣмъ вдали, синѣетъ еловый лѣсъ, точно какъ у Васнецова на его картинѣ «Далекій сѣверъ». Дорога пыльная, но гладкая; лошадки, хотя невидныя, но крѣпенькія, и тройка идетъ здорово. Бѣлобрысый ямщикъ зырянинъ локти задралъ высоко. «Ты что безъ шапки?». «А такъ способнѣе, баринъ». Тарантасъ кое-гдѣ подпрыгиваетъ, и смотришь, 20 верстъ въ часъ съ минутами и отмахали. Вотъ большое село съ каменной церковью, тутъ перепряжка, лошадей быстро смѣнили, ямщикъ получилъ на водку, и покатили дальше и незамѣтно въѣхали въ Ныробъ (40 съ чѣмъ-то верстъ къ сѣверовостоку отъ Чердыни). Двѣ древнія, бѣлыя, каменныя

церкви съ старинными фресками, а вотъ и желтенькая простенькая часовенка, а подъ ней каменная яма съ маленькимъ, въ два кулака отверстіемъ, куда подавали пищу заключенному. А заключенный былъ именитый бояринъ Михаилъ Никитичъ Романовъ и роста онъ былъ 2 аршина 12 вершковъ. И стоять онъ въ этой каменной ямѣ не могъ (въ ширину и длину что-то аршина полтора, не болѣе), только сидѣть. И больше года продержали его здѣсь пока приставу, за нимъ приставленному, не надоѣло слѣдить, а главное, торчать въ зырянской трущобѣ, каковымъ тогда было село Ныробъ, за 2.000 верстъ отъ Москвы. И удавили бѣднаго боярина, сосланнаго по приказу Царя Бориса Годунова и положили тѣло его въ церкви Вознесенія, гдѣ до сихъ поръ указываютъ мѣсто его упокоенія. И на семъ мѣстѣ понынѣ его вериги лежатъ, а вѣсятъ онѣ 2 пуда и 10 фунтовъ. Тѣло же его при Царѣ Михаилѣ Федоровичѣ перевезено было въ Московскій Новоспасскій монастырь, усыпальницу бояръ Романовыхъ. Но до сихъ поръ день его блаженной кончины, кажется въ іюнѣ мѣсяцѣ, чтится мѣстнымъ населеніемъ, которое издалека приходитъ въ этотъ день помолиться у часовенки, перекреститься, глядя на вериги, и помянуть за упокой болярина Михаила. Чистый былъ человѣкъ, съ открытой душой, и тѣмъ только и провинился передъ Годуновымъ, что боялся его Царь Борисъ, боялся любимаго народомъ красавца-боярина, видя въ немъ опаснаго соперника. Чудно раскинулось на сѣверномъ просторѣ село Ныробъ, солнце сѣверное здорово припекаетъ, а тамъ, вдали васъ манитъ своей прохладой сосновый лѣсъ. Дорога все тянется около Колвы, то по лѣвому берегу, то по правому, болѣе возвышенному, а мѣстами даже

скалистому. Вотъ промелькнуло еще большое село съ деревянной церковью, Корепино, кажись, прозывается. Милый священникъ, тихій и привѣтливый подошелъ къ тарантасу познакомиться съ рѣдкими здѣсь путешественниками, просилъ чайку откушать съ сѣвернымъ изъ паленики вареньемъ. Разсказывалъ про свое житье-бытье; приходъ не бѣдный, но разбросанный. Домъ свѣтлый, чистенькій, все скромно, но такъ все прибрано, точно передъ праздникомъ. День начинаетъ склоняться къ вечеру, повѣяло прохладой, а путь предстоялъ еще далекій и, распростившись съ милымъ батюшкой, покатили дальше и въѣхали въ Печорскую казенную дачу. Ей, кажись, и конца не видать, лѣсъ богатѣйшій, но мѣстами жестоко пострадавшій отъ пожаровъ, а мѣстами много бурелома. Лошадей обижаютъ овода, а насъ комары, и пришлось сѣтки на лицо накинуть. Сколько проѣхали, ужъ верстамъ и счетъ позабыли, а лѣсу конца не видать. Темнѣетъ. Но вотъ, наконецъ, и станція, названіе запамятовалъ. Домъ новый, горница чистая. «Пожалуйте сюда, батюшка-баринъ», говоритъ степенная сѣверная хозяюшка, «самоварчикъ кипитъ, а ужъ насчетъ воды, прощенія просимъ, вода неважнецкая. Коли лимончикъ съ вами имѣется, то чаекъ пить можно». Спутники совѣтуютъ ночевать; лавка, да два-три табурета, а постель съ собой. «Насѣкомыя вѣрно заѣдятъ»; «и въ лѣсу ихъ многовато, да весной съ Печоры, съ Якщи товаровъ много везли, такъ возчики съ собой навезли». Закусили, яишенка поспѣла, сальце у насъ было, яйца нашлись у хозяйки и глазунья вышла на славу. Поблагодаривъ хозяйку съ хозяиномъ, поѣхали далѣе. Ночь тихая, свѣтлая, только около полуночи на полчасика потемнѣло.

ѣдемъ, вдругъ сильно посвѣжѣло, точно подулъ холодный вѣтерокъ. «Что это», спрашиваю, «утренникъ?». «Нѣтъ», отвѣчаетъ ямщикъ, «съ Печоры, какъ подъѣдемъ къ ней, такъ Ледовитымъ и пахнетъ». Стало совсѣмъ свѣтло, но приходится кутаться въ охотничью бурку, такъ холодомъ и вѣетъ; лѣсъ рѣдѣетъ и между деревьевъ виднѣется Печора. Парома нѣтъ, лодочки, рѣка саженей 100 ширины, справа отъ васъ, вдали, высятся скалистые берега, а тамъ, напротивъ, на низменномъ берегу, на полянѣ въ утренней дымкѣ — множество длинныхъ, темносѣрыхъ, деревянныхъ сараевъ для склада привозимыхъ товаровъ. Прежде Якшинская пристань процвѣтала, да и теперь пушнины и рыбы доставляется немало, а хлѣбъ съ Камы и Волги навозятъ зимой, и весной жизнь кипитъ, а затѣмъ замираетъ до конца августа, когда съ океана приходятъ пароходы до села Троицы (Архангельской губ.), ниже Якши на Печорѣ, тамъ перегружаютъ на баржи, которыя пригоняютъ до Якши. Но мѣстные жители кряхтятъ, измыслили люди другіе пути, другія дороги, и теперь лишь половина амбаровъ заполняется товаромъ. На Якшѣ всего одинъ или два жилыхъ дома, при чемъ домъ смотрителя пристани очень помѣстительный и чистый, въ особенности верхнія горницы. Хотя день былъ солнечный, но безъ пальто выйти нельзя было, воздухъ прохладный, должно быть съ океана. Съ Якши потащились мы на лодкѣ вверхъ по живописной рѣчкѣ Вогулкѣ, впадающей въ Печору. По обоимъ берегамъ извилистой и довольно поэтичной рѣченки почти непроходимый, вѣковой, нетронутый, большею частью, еловый лѣсъ; тамъ, и рыси и медвѣди, и лоси, и лисицы, и барсуки и прочее звѣрье. Жилья нигдѣ никакого

— все лѣсъ да лѣсъ и полнѣйшая тишина, изрѣдка нарушаемая крикомъ какой нибудь дикой птицы. Плыть приходилось медленно и, въ виду узкости рѣченки, на шестахъ. Потомъ шелъ узкій волокъ, т. е. перешеекъ верстъ въ шесть, затѣмъ плыли внизъ по рѣкѣ Волосницѣ до озера, названіе котораго запамятовалъ, а оттуда уже пароходомъ до Чердыни. Волосница болѣе скучная, болотистая рѣка и на ней очень много заломовъ отъ перекинувшихся черезъ нее довольно крупныхъ елей, которыя приходилось перерубать, такъ что плыли довольно медленно; всего это путешествіе на лодкахъ продолжалось съ воскресенья 6 час. вечера до вторника 10 час. утра. И ночи были настолько холодныя, что приходилось закрываться мѣхомъ, а подъ утро былъ морозъ, даже вода у береговъ замерзала, хотя дѣло было въ началѣ іюня. Днемъ же отъ множества комаровъ надо было спасаться, надѣвая на головы сѣтки.

Соединенію Печоры съ Камой и Волгой придавалось въ заинтересованныхъ кругахъ большое значеніе, и меня лично этотъ вопросъ давно уже волновалъ, а потому я хотѣлъ самъ обслѣдовать этотъ путь и эти рѣки, дабы представить обоснованныя данныя. Но, хотя кромѣ меня, и мой спутникъ, инженеръ путей сообщенія Николай Васильевичъ Поповъ, завѣдующій водными путями Пермскаго раіона представилъ въ свое министерство подробный докладъ, все же таки дѣло было погребено въ петербургскихъ столахъ.

И вдругъ, послѣ этихъ чудныхъ бѣлыхъ ночей, послѣ этого мало изслѣдованнаго и мало извѣданнаго людьми, и мало населеннаго сѣвера, послѣ этой темной, молчаливой и многоводной сѣверной красавицы Печоры, попадаю черезъ полгода на Рождество впервые

въ Ниццу. Любовался и пальмами и розами, восторгался южной природой, грѣлся на Promenade des Anglais на южномъ солнцѣ, наслаждаясь видомъ Средиземнаго моря. Помнится, что еще дорогой въ Миланѣ было нѣсколько градусовъ мороза, а затѣмъ, выѣхавъ подъ Генуей изъ большого тунеля, кажется ди Пьетри, картина сразу мѣняется и передъ вами благодатный и роскошный югъ, съ итальянскими виллами и грязью, съ развѣшеннымъ на балконахъ и окнахъ бѣльемъ, а по стѣнамъ вьющіяся цвѣтущія розы, гераніи, глициніи и другія южныя растенія, голубое небо и залитое яркимъ полуденнымъ солнцемъ плескалось синее море. Изъ Ниццы очутился на нѣсколько дней въ Парижѣ, а черезъ мѣсяцъ, въ началѣ февраля совершенно противоположная картина.

Необъятная снѣжная голубоватая равнина, по обѣимъ сторонамъ просторной дороги*) высятся саженные снѣжные валы. Тоже все залито яркимъ, но холоднымъ сибирскимъ солнцемъ, свѣтитъ оно ярко, но не грѣетъ, и морозъ градусовъ 30 Реомюра. Тройка мчится, ямщикъ лихо, но протяжно гикаетъ; въ широкихъ розвальняхъ, закутавшись въ оленью доху, отлично лежать, прикрывшись мѣховымъ одѣяломъ. Быстро мелькаютъ деревни съ высокими крышами на избахъ и красивой рѣзьбой по коньку, ставни на окнахъ росписныя, а въ окнахъ занавѣсочки и изрѣдка даже горшки съ геранью. Станціи смѣняются станціями, ямщики, точно соперничая въ лихости, мчатъ путниковъ далѣе, а тамъ уже виднѣется соборный куполъ, вотъ большой бѣлый городской домъ, передъ нимъ памятникъ Великой Екатеринѣ, осно-

---

*) Три тройки могутъ проѣхать въ рядъ.

вательницѣ ярмарки, а дальше красное ярмарочное зданіе, а потомъ ряды.

Это Ирбитъ со своей когда то знаменитой пушной ярмаркой. Здѣсь и сибирское, и волжское, и московское купечество съѣзжаются; днемъ большія дѣла дѣлаютъ, а вечеромъ въ одинъ изъ шантанчиковъ поужинать и раздавить бутылочку-другую холодненькаго. И какія деньги въ этихъ ресторанахъ оставляютъ — страсть! Вѣдь на мѣсяцъ пріѣзжали сюда и нижегородскіе и казанскіе, и московскіе повара, пѣвички изъ разныхъ концовъ Россіи, разсказчики и куплетисты, и всѣ съ большой деньгой отъ суровыхъ, но тароватыхъ сибиряковъ уѣзжали. Степенные дома, строгіе въ семьѣ, они здѣсь забывали свои запреты, и за февраль мѣсяцъ, покуда длилась ярмарка, при милліонныхъ оборотахъ, волю давали своей широкой натурѣ; тоска дома засосала, разойтись надо, сердцу свободу давали, и радужныя такъ и летѣли. Ну, и кормили же на славу: и балыки осетровые расчудесные, и бѣлорыбица провѣсная, и икра салфеточная, да икра зернистая, зерно къ зерну, да сельди астраханскія, да стерлядки копченыя, и таймени сибирскія; да грибы всякіе: и груздь, и рыжикъ соленый, и рыжечки маринованные, да какіе, въ бутылочкѣ приготовленные, малюсенькіе; да пельмени сибирскія, да шанешки уральскія, горячія съ мясцомъ, и съ рыбкой, съ лучкомъ, и съ капустой, и шанешки сладкія съ медомъ уфимскимъ липовымъ. Да всякія водки и настойки: и рябина, и облѣпиха сибирская, и сорокотравчатыя, да всѣхъ и не запомнишь! Шашлыки настоящій кавказецъ готовитъ съ чесночкомъ, да сушенымъ барбарисцемъ. А тамъ и заѣдки пошли разныя: ягоды засахаренныя, да пастила нѣжнѣйшая

прямо пуховая, да орѣшки кедровые въ меду (татарскія сласти). И все заливалось французскимъ шипучимъ виномъ: Клико и Аи, и Моэтъ, и Гейдзикъ-Монополь, все въ большомъ здѣсь спросѣ.

А когда чудные серебристые колокола ирбитскіе зазвонятъ къ заутренѣ, или великопостный тихій звонъ раздается, — затуманенныя головы Титъ Титычей по домамъ приказчики развозятъ.

Ну, и встрѣчали и принимали губернатора радушно и угощали на славу: все купечество собиралось въ городской домъ на парадный обѣдъ съ музыкой, тосты смѣнялись тостами, а шампанское лилось рѣкой.

И помнится, впервые, послѣ посѣщенія Ирбитской ярмарки, тотчасъ по окончаніи великолѣпнаго, вкуснаго и сытнаго обѣда, опять пошевни, тройка удалая, и помчался черезъ Талицу Поклевскихъ въ Шадринскъ за 200 верстъ на лошадяхъ. Шадринскій уѣздъ одинъ изъ самыхъ населенныхъ уѣздовъ, славится своимъ черноземомъ и называется житницей Урала. А самый Шадринскъ, окруженный мельницами, извѣстенъ какъ родина талантливаго художника Бронникова, прожившаго всю свою жизнь въ Римѣ и оставившаго и свой капиталъ, и всѣ свои картины, рисунки и эскизы съ кардиналовъ, и римскихъ патеровъ, и храмовъ и закоулковъ, и хорошенькія головки римлянокъ родному городу, дабы тотъ устроилъ художественное училище. Деньгамъ городъ былъ радъ, а съ картинами не зналъ, что дѣлать и городское управленіе не удосужилось даже ихъ развѣсить, храня ихъ въ какой то кладовой.

Въ Шадринскъ пришлось ѣхать медленнѣе, ибо исправникъ гдѣ то проспалъ начальство, не воображая,

что губернаторъ поѣдетъ ночью; и такъ какъ лошади на станціяхъ нигдѣ не были заготовлены, то пришлось самимъ разыскивать по деревнямъ лошадей, но все таки, выѣхавъ около 9 часовъ вечера изъ Ирбита, въ часъ дня попали уже въ Шадринскъ. А отъ Камышлова до Ирбита, при разстояніи въ 110 верстъ, закусывая на одной изъ станцій, на что уже навѣрное уходило съ полчаса, мчался всегда шесть съ половиной часовъ, да это была не только начальственная, но и обычная на томъ трактѣ ѣзда. Но самой быстрой была впервые зимой ѣзда изъ Перми въ Кунгуръ, 87 верстъ въ 4 часа 35 минутъ, при чемъ послѣдняя гора передъ Кунгуромъ съ такимъ крутымъ спускомъ, что даже зимой надо было ѣхать съ тормазомъ.

Но не всѣ поѣздки доставляли пріятное впечатлѣніе и даже удовольствіе; приходилось иной разъ переживать жуткія и опасныя минуты. Помнится, поздней осенью, въ половинѣ ноября 1906 года, будучи въ Екатеринбургѣ, получаю тревожныя извѣстія о крупныхъ и видимо серьезныхъ безпорядкахъ на Михайловскомъ заводѣ, Сергино-Уфалейскаго округа, Красноуфимскаго уѣзда. Управляющій былъ тамъ нѣмецъ, германскій подданный, и, хотя старый, но безтактный и грубый человѣкъ. Приказываю конной стражѣ, въ количествѣ 80 человѣкъ, выѣхать туда немедленно; это было почти за 150 верстъ отъ Екатеринбурга и, въ виду серьезности положенія, несмотря на мокрую и отчаянную погоду, немного погодя, выѣзжаю самъ съ начальникомъ губернскаго жандармскаго управленія полковникомъ Л. С. Байковымъ. Пріѣхавъ туда поздно ночью, скорѣе подъ утро, легли немного отдохнуть и, часовъ около 10 утра, отправились на заводъ. Рабочіе, въ количествѣ

около 2.000 человѣкъ въ очень возбужденномъ настроеніи, обступаютъ сани, а мы съ полковникомъ продолжаемъ сидѣть въ заводскихъ саняхъ, запряженныхъ въ одну лошадь. Крики все усиливались, такъ какъ оказалось, что рано утромъ рабочіе разбили винную лавку и, разумѣется, перепились. Ужъ не помню какъ, намъ удалось будто немного успокоить рабочихъ и, послѣ длинныхъ съ ними разговоровъ, выѣхали благополучно изъ толпы. У меня, отъ почти безсонной ночи и сильной усталости, сдѣлался астматическій припадокъ, и я говорилъ и сидѣлъ скорѣе безучастно, не сознавая всей угрожающей намъ, при создавшейся обстановкѣ, опасности; а полковникъ, какъ потомъ сознался, все время держалъ лѣвую руку въ карманѣ на браунингѣ. Но только что добрались до заводского дома, какъ прибѣгаетъ взволнованный старикъ исправникъ Будаковъ и докладываетъ, что дѣло плохо: управляющій, вмѣсто того, чтобы удалиться, разсердилъ рабочихъ неосторожнымъ словомъ, они его хотѣли избить, но онъ успѣлъ скрыться въ тутъ же находившуюся сторожку, которую разсвирѣпѣвшая толпа осадила и требовала его выхода, грозясь въ противномъ случаѣ, разбить сторожку или поджечь. Дѣло принимало очень дурной оборотъ, какъ вдругъ, въ самую критическую минуту, когда рабочіе уже стали ломать двери сторожки, появились посланные мною изъ Екатеринбурга конные стражники и нагайками разогнали толпу. Это было точно въ сказкѣ «по щучьему велѣнью». Зачинщики были арестованы, а я разнесъ управляющаго, потребовавъ, чтобы духу его не было на заводѣ, иначе я за жизнь его не ручался. И, сдавъ должность управляющему сосѣдняго завода того же горнаго округа,

вечеромъ, подъ охраной стражи, нѣмецъ выѣхалъ въ Екатеринбургъ, а мы съ полковникомъ подъ мокрымъ снѣгомъ, продолжали нашъ путь черезъ Красноуфимскъ и Кунгуръ въ Пермь.

И что же? Этотъ германскій подданный, въ благодарность за спасеніе ему жизни, пожаловался на меня своему послу; и была предъявлена дипломатическая нота, по которой я долженъ былъ давать объясненіе за оскорбленіе, при исполненіи обязанностей, иностраннаго подданнаго. Конечно, дѣло окончилось ничѣмъ, но за то этотъ господинъ ни на заводъ, ни въ Пермскую губернію болѣе не возвращался.

Кунгуръ, черезъ который мы проѣзжали, когда то славился своимъ богатствомъ. Прежде тамъ было много зажиточнаго купечества, въ особенности извѣстны были богачи Губкины, великолѣпнымъ домомъ которыхъ при мнѣ владѣли Кузнецовы, проживавшіе въ Парижѣ.

Во времена далекаго прошлаго, когда всѣ средства наживы были хороши, многіе изъ Уральскаго купечества занимались и выдѣлкой и сбытомъ фальшивыхъ ассигнацій, которыя подъ видомъ разнаго товара сплавляли въ Сибирь. Преданіе гласитъ, что въ громадныхъ Губкинскихъ подвалахъ хранились эти деньги. И вдругъ въ то блаженное время появился въ Кунгурѣ молодой, энергичный и любознательный околоточный надзиратель Ивановъ; и сунулся этотъ добросовѣстный служака въ Губкинскіе подвалы, но болѣе оттуда не возвращался.

А въ архивахъ Пермскаго губернскаго правленія и при мнѣ еще хранилось дѣло, кажется 1835 г. «о пропажѣ въ Кунгурѣ околоточнаго надзирателя Иванова». Подробности я не помню, да, вѣроятно, на-

чальство и не очень трудилось надъ розыскомъ бѣднаго околоточнаго.

Подвалы при мнѣ уже были пусты, за то о прежнемъ богатствѣ города и его обитателей свидѣтельствовали старинныя церкви и колокола съ такимъ чуднымъ, густымъ, серебристымъ, малиновымъ звономъ, какого я и въ Петербургѣ не слыхивалъ, да и въ древнемъ великомъ Новгородѣ, гдѣ и Юрьевскіе (богатѣйшаго Юрьева монастыря), и Софійскіе колокола примѣчательны, такого звона не бывало.

При моихъ многочисленныхъ поѣздкахъ по губерніи, а я только за два первыхъ года службы сдѣлалъ на лошадяхъ больше 6 тысячъ верстъ, меня всегда поражало отношеніе заводского населенія къ скотинѣ, ибо даже зимой, въ самую большую стужу, весь рогатый скотъ и по ночамъ торчалъ на заводахъ на улицѣ; вещь совершенно невозможная у великорусскаго и зырянскаго крестьянина, чрезвычайно бережно относившагося къ скотинѣ.

Но, возвращаюсь къ поѣздкамъ. Ровно черезъ годъ послѣ Печоры, тоже въ послѣднихъ числахъ мая, попадаю на другую сторону Урала, т. е. уже въ азіатскую часть Пермской губерніи и самый сѣверный уголъ Верхотурскаго уѣзда, въ золотоносное село Никита Ивдель, когда то одно изъ безчисленныхъ владѣній несмѣтнаго пермскаго богача, заводовладѣльца и золотопромышленника Всеволожскаго, родной внукъ котораго, мужъ талантливой Маріи Гавриловны Савиной, бывшій конногвардеецъ, шутникъ и острословъ, умеръ почти нищимъ и былъ похороненъ на средства своей, тогда уже бывшей жены, т. е. Савиной. Между прочимъ, и свадьба ихъ происходила въ Пермской губерніи, въ другомъ громадномъ имѣніи

Всеволожскаго, селѣ Сивѣ, Оханскаго уѣзда, при мнѣ уже принадлежавшемъ крестьянскому поземельному банку. У самаго дома, подъ окнами той комнаты, которая когда то служила спальной Маріи Гавриловнѣ, красовалась при мнѣ еще столѣтняя ель, которая гдѣ то на опушкѣ лѣса поразила своей красотой Савину, и за ночь, по приказанію Н. Н., она уже тогда громадная, была перевезена и пересажена подъ окна Маріи Гавриловны. Въ церковныхъ же книгахъ сохранилась вѣнчальная запись Савиной съ Всеволожскимъ, относившаяся, если память мнѣ не измѣняетъ, къ 1880 г., а въ церкви, у праваго клироса, находился образъ Спаса Нерукотвореннаго, пожертвованный М. Г. въ память своей рано скончавшейся сестры, симпатичной артистки Александринскаго театра Стремляновой.

Всеволожскій былъ большой пріятель, съ близкимъ человѣкомъ и чуть ли не другомъ Императора Александра III, дворцовымъ комендантомъ Черевинымъ. И послѣдній, будучи съ Императоромъ какъ то на Пасхѣ въ Ливадіи, посылаетъ Всеволожскому поздравительную телеграмму: «Христосъ Воскресе», а тотъ изъ Петербурга, тоже телеграммой, отвѣчаетъ «утѣшительно». Слово «утѣшительно» была излюбленная резолюція Александра III на докладахъ о какихъ либо отрадныхъ извѣстіяхъ. Кстати о резолюціяхъ этого Императора, позволю себѣ привести Его резолюцію на прошеніи вдовы управляющаго морскимъ министерствомъ, извѣстнаго въ свое время адмирала С. С. Лисовскаго. Вдова, собираясь вторично выйти замужъ, просила оставить ей, въ память заслугъ адмирала, получаемую крупную пенсію и по выходѣ ея замужъ. А Государь написалъ: «Ни Я, ни Россія

не забыли заслугъ почтеннаго Степана Степановича, а вотъ она забыла — отказать».

Но вернусь къ поѣздкѣ въ Ивдель. По желѣзной дорогѣ надо было ѣхать до Надеждинскаго завода (Богословскаго горнаго округа), а тамъ по заводской узко-колейной жел. дорогѣ до Богословскаго завода, а оттуда черезъ Туринскіе рудники (одно изъ самыхъ красивыхъ мѣстъ сѣвернаго Урала по открытому горизонту и виду) на лошадяхъ верстъ 120, при чемъ на всемъ этомъ пространствѣ тянулся, хотя не крупный, но прямо безконечный лѣсъ, а слѣва отъ дороги, почти все время виднѣлся покрытый снѣгомъ Денежкинъ Камень, самая высокая вершина сѣвернаго Урала. На этомъ пути было всего два или три села, сперва, кажется, Петропавловскій заводъ, да еще какое то одно или два села, и меня поражала чистота жилищъ и зажиточность населенія, ибо, куда ни пріѣдешь, всюду угощали чаемъ съ великолѣпными вафлями, которыя тамъ почему то были въ особомъ ходу, хотя и хлѣбъ въ тѣхъ мѣстахъ не вызрѣвалъ.

Наконецъ, уже совсѣмъ подъ вечеръ, внизу подъ горой, увидали мы, разстилавшееся передъ нами большое село съ каменной церковью: это и было Никита Ивдель, а за нимъ кругомъ, на всемъ горизонтѣ, виднѣлся лѣсъ и повидимому тянулся на далекое, необозримое пространство. «Это что такое?». «Это великая Сибирская равнина» — отвѣтилъ мнѣ спутникъ. Вотъ край, гдѣ кажется, что уже конецъ свѣта, и дѣйствительно далѣе ни селеній, ни дорогъ больше нѣтъ, только лѣсныя тропочки и сплошной еловый густой лѣсъ тянется отъ Никиты Ивделя вплоть до Березова, Тобольской губерніи. «Пріѣзжайте зимой», приглашали меня, «свеземъ на оленяхъ въ Березовъ,

верстъ 800 будетъ, трое сутокъ ѣзды». Олень безъ корма бѣжитъ 100-120 верстъ, а перепряжка черезъ 250 верстъ, на переднихъ саняхъ ѣдетъ ямщикъ, олени запряжены гусемъ, а на заднихъ (сани въ видѣ лодочки) находится ѣздокъ и привязанный, чтобы не упалъ въ снѣгъ. И такъ и ѣдутъ узкой лѣсной дорожкой, но, разумѣется, это путешествіе не имѣлъ ни времени, ни надобности испробовать.

Въ Ивдели меня поразило совершенно желтое, чрезвычайно густое молоко, и я спросилъ: «каковы же у васъ сливки?». «У насъ сливокъ нѣтъ» — отвѣтила очень милая хозяйка, жена управляющаго золотыми пріисками, «молоко настолько густо, что нельзя отдѣлить сливокъ отъ молока».

И въ этой то ужаснѣйшей глуши было и электричество и телефонъ, а въ семи верстахъ въ сторону отъ села на очень быстрой порожистой и красивой рѣкѣ Ивдели были поставлены драги для добычи золота и той драгой, на которую я попалъ, управлялъ американецъ, прожившій въ этой дырѣ почти три года совершенно одинъ съ рабочими, зная по русски только «дуракъ» и «чортъ».

На обратномъ пути съ Ивделя заѣзжалъ въ Верхотурье, гдѣ какъ и всегда останавливался съ большимъ удовольствіемъ въ Верхотурскомъ монастырѣ. Въ этомъ монастырѣ почивали мощи Преподобнаго Симеона Верхотурскаго, котораго чтили не только въ Пермской губерніи, но и въ сосѣдней Сибири и ежегодно, въ началѣ сентября, 11-го или 12-го числа, въ день обрѣтенія мощей, въ монастырь стекались издалека богомольцы. Въ концѣ прошлаго вѣка доходы монастыря превышали сто тысячъ рублей въ годъ, но затѣмъ уменьшились. И такъ какъ монастырю

не хватало средствъ на достройку новаго великолѣпнаго собора, то Синодомъ было разрѣшено обнесеніе мощей вокругъ собора, и эта церемонія, привлекшая множество народа, происходила впервые при мнѣ въ 1909 году.

Я очень любилъ отдохновеніе отъ трудовъ въ этомъ монастырѣ, хотя возможно это бывало лишь на самое короткое время: полнѣйшая тишина, чистота и уютъ архіерейскихъ покоевъ, гдѣ я останавливался, навѣвали всегда хорошія мысли, а простой и симпатичный, безъ лицемѣрія, настоятель очень способствовалъ душевному настроенію. Особенно удачно былъ расположенъ монастырскій скитъ въ сосновомъ лѣсу, гдѣ преобладали могучіе и развѣсистые кедры.

Уже послѣ моего ухода изъ Перми, посѣтила Верхотурскій монастырь Великая Княгиня Елизавета Федоровна со своей старшей сестрой принцессой Баттенбергской Викторіей и знаю, что и Государь съ Императрицей очень стремились въ Верхотурье и чтили преподобнаго Симеона, прославъ даже въ 1909 году новую чудную серебряную раку для святого.

Житье Преподобнаго было удивительно просто и, думаю, именно эта-то простота и привлекла Царскія сердца. Онъ не былъ ни монахомъ, ни духовнымъ лицомъ, ни отшельникомъ, а занимался портняжничествомъ и почилъ еще въ сравнительно молодыхъ годахъ, но при жизни еще славился своею праведностью.

Но самыми пріятными поѣздками по Пермской губерніи были несомнѣнно, поѣздки по Камѣ, вѣроятно теперь отошедшія въ область преданій, такъ какъ съ этой проклятой демократизаціей исчезла вся поэзія прежняго времени. По Волгѣ мнѣ и ранѣе

службы въ Перми приходилось неоднократно ѣздить, и я одинаково наслаждался какъ среднимъ ея плесомъ отъ Рыбинска до Нижняго, такъ и далѣе къ Казани, но особенно любовался Жигулями, а съ Камой познакомился только благодаря моей службѣ въ Перми, и ѣздилъ по Камѣ много разъ на пассажирскихъ и казенныхъ пароходахъ и вверхъ отъ Перми и внизъ. Конечно, на Камѣ не было того оживленія и движенія, какъ на Волгѣ, но за то тамъ было болѣе поэзіи, тишины и дѣвственности береговъ, въ особенности на сѣверѣ, а весной въ Пермскихъ лѣсахъ соловьи такъ и заливались, придавая особую прелесть рѣчному простору. Какъ на Волгѣ въ мое время лучшими пассажирскими пароходами и по комфорту и по буфетамъ были Самолетскіе, такъ и на Камѣ Любимова. Изъ нихъ особенно славились пароходы «Екатеринбургъ» и «Петербургъ». На послѣднемъ мнѣ пришлось трижды совершать поѣздки въ 1906 г. и въ 1911 годахъ, когда, по приглашенію моего друга И. Ф. Кошко, бывшаго тогда Пермскимъ губернаторомъ, мы съ женой отправились къ нему погостить.

И милые пермяки такъ радушно, хлѣбосольно и тепло насъ встрѣчали и провожали, хотя я былъ тогда просто свободный гражданинъ земли россійской, что я до сихъ поръ безъ слезъ не могу вспомнить ихъ ласки и доброты къ намъ обоимъ.

На Камѣ очень красивъ Свѣтлый Ключъ Елабужскаго уѣзда, да и сама Елабуга очень живописна съ Камы, а затѣмъ въ Оханскомъ и Осинскомъ уѣздахъ Пермской губ. такіе чудные сосновые лѣса и густой смолистый запахъ наполняетъ воздухъ, пріятно дурманя путниковъ.

Но, если вспоминать красоту береговъ, то кромѣ

Чусовой, о которой я уже говорилъ, съ ея подчасъ неприступными, отвѣсными скалами, очень красива широкая Вишера въ Чердынскомъ уѣздѣ со своимъ знаменитымъ эхо, называлось «Камень Говорливый», а также Вишера славилась чистотой своихъ пустынныхъ водъ, гдѣ на днѣ, на глубинѣ болѣе сажени, гривенникъ бывалъ виденъ. А вишерскія ярко-желтыя стерляди, послѣ которыхъ не только волжскія, но и камскія непріятно было ѣсть.

Памятуя завѣты знатока русской жизни, Ивана Федоровича Горбунова, что садясь на пароходъ необходимо познакомиться съ капитаномъ и съ поваромъ, я всегда этого правила держался. Отъ перваго узнаешь бытовую сторону рѣки, а второй, видя въ пассажирѣ любителя и цѣнителя хорошей ѣды, особенно старался угодить и, дѣйствительно, на «Петербургѣ» кормили изумительно. Бывало, утромъ къ кофе подавали цѣлую гору горячихъ ватрушекъ съ творогомъ, онѣ таяли во рту, жевать ихъ не надо было. А къ обѣду устроишься гдѣ нибудь поэтично за вѣтромъ на палубѣ въ удобныхъ плетенныхъ креслицахъ и, вдыхая чудный живительный воздухъ, если жарко, уплетаеш ьдивную зеленую, прямо изумрудную ботвинью съ осетриной, балычкомъ и раковыми шейками, потомъ или стерлядку паровую, или скоблёнку на сковородкѣ; на сладкое ягоды или гурьевскую кашу; запьешь все это холоднымъ бѣлымъ винцомъ или домашнимъ легкимъ квасомъ и помечтаешь часокъ въ каютѣ. А тамъ смотришь, пора чайку съ капитаномъ на мостикѣ попить, усидѣть незамѣтно самоварчикъ, слушая его словоохотливые разсказы.

Виды смѣняются видами, впечатлѣнія — впечатлѣніями, изрѣдка только доносится съ носа: «пять,

три съ па-ла-виной, чатыре, ше-есть, подъ табакъ».*) А вотъ и пристань, работа кипитъ, тюки выкатываются за тюками, веселые крючники съ такой легкостью и живостью работаютъ, что десятипудовые тюки выносятся какъ перышки, а если что болѣе громоздкое и тяжелое, то затягиваютъ «Дубинушку» и любо слушать, и имъ легко! Но вотъ свистокъ, пароходъ отчаливаетъ, унося васъ къ сѣверу, къ простору. А тутъ, смотришь, ужъ солнце приближается къ закату, татары выносятъ свои коврики для молитвы и, не обращая вниманія на любопытные взоры слоняющейся публики, свершаютъ съ благоговѣніемъ свою вечернюю молитву.

Ну-съ, разъ солнце къ закату, надо подумать и объ ужинѣ, тѣмъ болѣе, что хотя ничего не дѣлаешь, но отъ рѣчного воздуха аппетитъ прямо волчій. Васъ соблазняютъ раковымъ супомъ съ осетриной и хрящиками, да растегайчиками, а если пароходъ недалеко отъ Мурзихи, то надо знаменитыхъ мурзихинскихъ раковъ попробовать, они точно камскіе омары или, если проходятъ мимо рыбаковъ, да стерлядка попалась важнецкая, то ушицу стерляжью, да еще бывало, изъ одной стерлядки варили уху, а другую клали тогда, какъ подавать, такъ получалась прямо янтарная, да такая, что просто ложка стоитъ, да къ ушицѣ укропчику, да лимончику!

И какъ тарелочку-другую этой ухи скушаешь, ужъ кажется и довольно, ничего и не надо, а смотришь,

---

*) «Подъ табакъ» — это старинное волжское выраженіе, когда глубоко, т. е. когда шестъ съ обозначенной на немъ мѣрой уходитъ весь въ воду, ниже кисета съ табакомъ, висѣвшаго у пояса.

привѣтливый офиціантъ, да съ вывертами, какъ они всѣ на пароходахъ бывали, несетъ жареннаго цыпленка, а маслице шипитъ... И сытъ уже, а незамѣтно и цыпленочекъ проходитъ съ свѣжепросоленнымъ огурчикомъ. Глаза уже отъ сытости затуманились, а передъ вами, коли лѣто въ серединѣ, холодненькій арбузикъ появился; нечего дѣлать, взрѣзать надо, да ложечкой серединку, чтобы сокъ не вытекъ, чудесно! А если лѣто въ началѣ, то крупную лѣсную душистую землянику.

Жаркій день смѣняется поэтичной ночью, съ рѣки повѣяло прохладой и доносится заунывная пѣснь плотовщиковъ, а кое гдѣ свѣтятся огоньки рыбаковъ, и луна грустно освѣщаетъ картину русской шири и простора, точно предвѣщая будущія бури и невзгоды. Жизнь замираетъ, и лишь изрѣдка виднѣются на палубѣ нѣжныя парочки: рѣчныя поѣздки, поэтичныя картины природы располагаютъ къ любви, и на сѣверѣ, такъ же какъ и на благодатномъ югѣ, слышится шопотъ любви, прерываемый съ нижней палубы залихватской гармошкой. Не хочется спать, не хочется уходить въ каюту, не хочется разстаться съ этой мирной картиной, а воздухъ такой легкій, что надышаться имъ не можешь; но усталость смежаетъ очи и уходишь на нѣсколько часовъ въ каюту, чтобы не проспать какой нибудь красивой картины или живописной остановки.

И какіе гроши всѣ эти поѣздки и, необходимое отъ нечего дѣлать и рѣчного воздуха объѣденіе стоили! Теперь это кажется выдумкой, а я помню, что въ 1911 году, за четверо сутокъ мы съ женой проѣли 60 рублей до Перми, да еще съ милымъ генераломъ Александромъ Алексѣевичемъ Гернгроссъ,

однимъ изъ героевъ Японской войны и очень пріятнымъ спутникомъ, шампанское пили! А билетъ 1-го класса отъ Рыбинска до Астрахани въ началѣ XX вѣка стоилъ 21 рубль.!

Да, мало люди этимъ дорожили, все стремились къ равенству и свободѣ. И что же? Равенство не пришло, а тѣ подпоясанныя черныя рубашки, которыя на каждомъ пароходѣ виднѣлись, мрачныя физіономіи, жившія впроголодь, ибо отъ простой работы отстали, а до умственнаго труда не достали, заняли эти черныя рубашки наши мѣста, проживаютъ чужіе родовые брилліанты и богатства, грабятъ матушку Россію по всѣмъ швамъ, разрушая фабрики и заводы, помогая неизвѣстно чьему торжеству.

И остались отъ прежняго могущества, несмотря на всѣ запреты, только вѣра православная, а кое гдѣ и церковь православная; и тамъ въ укромныхъ, далекихъ уголкахъ сѣверной Россіи, тамъ, въ этихъ затерявшихся среди дремучихъ лѣсовъ, деревенькахъ и монастырькахъ, въ полуосвѣщенныхъ храмахъ за всенощной, или раннимъ утромъ за обѣдней, вѣрю, возносятся горячія молитвы Творцу, чтобы смилостивился Господь надъ Русью Православной и простеръ Свою Руку надъ обездоленной, измученной, истерзанной, изголодавшейся и окровавленной Россіей. И, вѣрю, будетъ время, простятся ея грѣхи, и радостно будетъ житься, и встанетъ она, могучая, встанетъ здоровая и богатырской дланью стряхнетъ своихъ враговъ! Но жутко и горько пока...

Чтобы закончить описаніе красотъ Пермской губерніи, упомяну про оригинальную гору, совершенно отдѣльно стоящую и называемую Семь Братьевъ, по числу семи скалистыхъ и довольно высокихъ ея вер-

шинъ. Когда я на ней былъ, вокругъ по всему видимому простору разстилался уже пожелтѣвшій и всѣхъ цвѣтовъ лѣсъ, и видъ открывался на далекое пространство, а воздухъ былъ такой чудный, чистый и легкій, что прямо уходить не хотѣлось. Вотъ Божья благодать, думалось мнѣ, и если бы это было въ Германіи, то была бы устроена прекрасная санаторія для нервныхъ и слабогрудыхъ, у насъ же ограничились только деревянной лѣсенкой на самую высокую изъ вершинъ и деревяннымъ балкончикомъ на верху. Гора находилась въ трехъ верстахъ отъ Верхъ-Нейвинскаго завода, въ лѣсу, и верстахъ въ 25 отъ Екатеринбурга.

Еще болѣе красивыми мѣстами изобиловалъ, какъ я уже упоминалъ ранѣе, Кыштымскій горный округъ, къ югу отъ Екатеринбурга. Во всемъ округѣ преобладалъ прекрасный сосновый лѣсъ, по которому и шла дорога на Соймонскіе золотые пріиска, гдѣ золото добывалось изъ горы; а около Каслинскаго завода того же Кыштымскаго округа было весьма живописное Каслинское озеро, окруженное чудеснѣйшимъ сосновымъ лѣсомъ; далѣе высились горы, покрытыя низкорослымъ, но густымъ дубомъ, среди котораго было много дикой вишни, такъ и носившей названіе «каслинской».

Около же этого озера, въ лѣсу, расположились женскіе старообрядческіе скиты, славившіеся своей строгостью и нелюдимостью, и я, не имѣя никакого дѣла къ нимъ, не хотѣлъ злоупотреблять своимъ правомъ и не нарушилъ ихъ покой и уединеніе. Вообще, въ разныхъ уголкахъ Пермской губерніи старообрядческихъ скитовъ сохранилось порядочно, но, по разсказамъ, самый изъ нихъ населенный и замѣчательный находится въ почти непроходимомъ лѣсу,

верстахъ въ 20 отъ большой дороги на границѣ Чердынскаго уѣзда съ Соликамскимъ.

Къ сѣверу отъ Каслинскаго завода, по дорогѣ на Екатеринбургъ, среди пахучихъ сосновыхъ лѣсовъ разбросано много озеръ, но самымъ большимъ и несомнѣнно самымъ красивымъ изъ нихъ было озеро Синарское (думаю, въ окружности оно имѣло верстъ 30, если не больше). Я прекрасно помню, какъ поразила меня немного дикая его красота. Собиралась гроза: изъ-за темно-лиловыхъ тучъ освѣщали мѣстность красновато-золотистые лучи заходящаго солнца, а на озерѣ поднималась буря, вдали же торчали скалистыя и голыя въ этомъ мѣстѣ Уральскія горы, съ другихъ же сторонъ тянулся вокругъ озера сосновый лѣсъ.

Какъ мы мало знали и изучали нашу родину: напримѣръ, поразительной красоты среди дивной дѣвственной природы водопадъ Кивачъ извѣстенъ публикѣ только по звучному, хотя и устарѣлому стихотворенію Державина: «Алмазна сыплется гора». А если бы Кивачъ былъ заграницей, то навѣрное, среди окружающаго его сосноваго лѣса была бы устроена гостиница. Точно также и на красивое Синарское озеро, будь оно въ Швейцаріи, всѣ бы ѣздили имъ любоваться и отдыхать, а въ Пермскую глушь «ну, стоитъ ли», сказали бы, «вотъ фантазія». Даже удивительно живописная желѣзная дорога отъ Уфы до Златоуста мало кому извѣстна, а кто и проѣзжалъ, тотъ, вѣроятно, спокойно просыпалъ ея красоты.

Всѣ эти красивыя и чрезвычайно разнообразныя картины сѣверной природы, эти интересныя и оригинальныя поѣздки и громадныя разстоянія наглядно доказываютъ и богатство и величину Пермскаго края. Это была не губернія, а цѣлое царство, правда мало

населенное, но за то лѣтомъ, на одни только пріиска приходило рабочихъ изъ другихъ губерній, особенно Казанской, до 200 тысячъ человѣкъ, а на весь Ивдельскій золотоносный раіонъ, имѣвшій почти 100 квадратныхъ верстъ, былъ одинъ полицейскій надзиратель, вотъ тутъ и справляйся, какъ знаешь! Недаромъ разбойничьи шайки облюбовали эти лѣса, гдѣ по нѣсколько мѣсяцевъ человѣческой души не бывало, а были даже и такія трущобы, куда человѣческая нога никогда не ступала. И духъ Пугачева, духъ вольницы былъ еще крѣпокъ и силенъ среди мѣстнаго населенія. А революціонеровъ прельщали динамитные склады, которыхъ во всей губерніи было около ста, ибо для горныхъ работъ динамитъ былъ необходимъ.

Но, вспоминая свои служебныя пермскія поѣздки, мнѣ невольно встаетъ въ памяти моя первая въ жизни служебная поѣздка въ бытность мою секретаремъ прокурора Харьковской Судебной Палаты съ прокуроромъ палаты въ живописную, но удивительно сонную Полтаву, а оттуда въ утопавшія въ садахъ, Лубны, т. е. въ самую настоящую благодатную, цвѣтущую, вполнѣ тогда мирную Малороссію, такъ опоэтизированную великимъ Гоголемъ. А изъ Лубенъ далѣе на лошадяхъ, черезъ грязный Пирятинъ, въ Переяславль, откуда спустились по Днѣпру на пароходѣ до Кременчуга. Ни пароходы по Днѣпру, ни ѣда никакого сравненія не только съ Волгой, но и съ Камой не выдерживали. Но эти дивныя, теплыя и благоухающія малороссійскія ночи, это звѣздное небо и освѣщенный серебристой луной старый Днѣпръ, представляли такую поэтичную картину и имѣли совершенно особую прелесть, что я, хотя и не раздѣляю гоголевской нѣжности къ Малороссіи вообще, но

до сихъ поръ это съ восторгомъ вспоминаю. И мнѣ живо представляется поразившая меня тогда красота этихъ необозримыхъ, около Пирятина, засѣянныхъ макомъ полей: макъ цвѣлъ и все поле переливалось на палящемъ солнцѣ яркими и разнообразными цвѣтами. А села и деревни утопали въ вишневыхъ садахъ, передъ бѣлыми же хатами колыхались пышные и громадные подсолнечники.

И какъ меня удивляли тогда скачущіе верхомъ впереди урядники, а затѣмъ летѣвшіе въ тарантасѣ и все предупреждавшіе становые, весь этотъ начальственный почетъ того времени, и какъ далекъ я былъ отъ мысли, что черезъ двѣнадцать лѣтъ и самъ такъ-же поѣду, нагоняя трепетъ на полицейскихъ чиновъ!

Наконецъ показалась роскошная усадьба бывшаго харьковскаго прокурора палаты, знаменитаго въ своемъ родѣ самодура Игнатія Платоновича Закревскаго, очень умнаго и оригинальнаго человѣка, наводившаго страхъ на весь судебный округъ. Онъ оставилъ своему преемнику книжку съ секретными аттестаціями и прокурорскаго надзора и судебныхъ слѣдователей. И Владиміръ Васильевичъ Давыдовъ мнѣ ее показывалъ: между прочимъ, противъ фамиліи одного слѣдователя, было кратко записано рукой Закревскаго «представлялся въ зеленыхъ перчаткахъ». И, конечно, на карьерѣ этого господина былъ поставленъ крестъ. Изъ Харькова Закревскій былъ назначенъ Оберъ-Прокуроромъ Перваго Департамента Сената и въ 1895 году написалъ въ Times'ѣ довольно откровенную статью о Россіи, и тогда и на его карьерѣ былъ поставленъ не только крестъ, но онъ долженъ былъ покинуть службу.

Когда я былъ выбранъ членомъ Новгородской

Земской Управы, я поспѣшилъ окунуться въ земское дѣло и немедленно же пустился въ объѣздъ довольно обширнаго и разнообразнаго по условіямъ сельскаго хозяйства и по промысламъ Новгородскаго уѣзда, для ознакомленія во первыхъ, съ земскими школами и врачебными пунктами, и съ состояніемъ такъ называемыхъ обывательскихъ, т. е. земскихъ почтовыхъ станцій. Дѣло было въ началѣ декабря, я выѣхалъ оо своимъ предшественникомъ изъ Любани послѣ ранняго обѣда. Первыя пятьдесятъ верстъ проѣхали благополучно, дорога шла почти все время лѣсомъ, вдругъ повалилъ снѣгъ и, выѣхавъ изъ великолѣпной Вдицкой удѣльной дачи въ поле, видимъ — пурга; дорога занесена снѣгомъ, а лошади пристали. Тогда, увидавъ вдали огонекъ, ямщикъ отпрегъ пристяжку и поѣхалъ за свѣжей лошадью и провожатымъ. А мы остались въ полѣ, мятель была ужасная и вдали слышался вой волковъ. Просидѣли мы такъ добрый часъ, и не скажу, чтобы чувствовали себя очень пріятно и, попавъ затѣмъ вскорѣ на ночлегъ къ богатому крестьянину, гдѣ намъ подостлали на полу тюфякъ, говоря, что въ постели насъ клопы заѣдятъ, мы съ наслажденіемъ протянули наши закоченѣвшіе члены и заснули молодымъ богатырскимъ сномъ. Слѣдующіе ночлеги были у радушныхъ помѣщиковъ и, разумѣется, съ полнымъ комфортомъ. Сперва у нашего общаго любимца и пріятеля, а позднѣе моего добраго друга Федора Ипполитовича Щербатскаго. Какъ то странно было видѣть этого милаго ученаго, не только усиленно занимавшагося сельскимъ хозяйствомъ, но и увлекавшагося полевыми работами. Позднѣе онъ меня смѣнилъ въ должности предводителя дворянства, совмѣщая тогда и профессуру и предводительство.

Далѣе я уже одинъ продолжалъ свой путь на село Медвѣдь (бывшее при Аракчеевѣ военнымъ поселеніемъ и гдѣ до сихъ поръ сохранились солидныя аракчеевскія постройки, въ которыхъ въ 1905 г. были размѣщены японскіе плѣнные), я опять былъ застигнутъ мятелью и просился ночевать къ мѣстному старику благочинному, но онъ очень нелюбезно отказалъ. Правда, что я былъ человѣкъ еще новый и ему неизвѣстный, ибо Любань отъ Медвѣдя была на разстояніи около 200 верстъ. Нечего было дѣлать, надо было просить гостепріимства у сельскаго учителя, а тотъ за мѣсяцъ передъ тѣмъ женился и жилъ у тестя крестьянина. Онъ съ женой помѣщался за перегородкой, а въ той же горницѣ, на широкой лавкѣ устроили мнѣ ложе. И слышу, какъ жена къ учителю лѣзетъ съ нѣжностями, а онъ въ отвѣтъ: «тише, ты, начальство здѣсь, нельзя». Ну, думаю, и проклинаютъ же меня, что принесло совсѣмъ не кстати. Будучи и членомъ Земской Управы, и позднѣе, я всегда принималъ близко къ сердцу дѣло народнаго образованія, заботясь, насколько было возможно о дѣйствительно жалкой участи народныхъ учителей, среди которыхъ и добросовѣстностью и рвеніемъ отличались, несомнѣнно, учительницы, прямо, зачастую, подвижницы по тѣмъ тягостнымъ условіямъ, въ которыхъ имъ приходилось существовать. Кромѣ того, очень охотно объѣзжалъ и съ княземъ П. П. Голицынымъ, весьма любовно относившимся къ народному образованію, и одинъ, земскія школы; будучи же земскимъ начальникомъ, усиленно побуждалъ крестьянъ къ открытію новыхъ школъ, считая распространеніе грамотности не только безусловно необходимымъ, но и величайшимъ дѣломъ въ деревнѣ; а также стремясь избавить бѣд-

ныхъ дѣтей отъ бѣготни въ школу, въ зимнюю стужу, за нѣсколько верстъ по глубокому снѣгу, да еще въ отцовскихъ сапогахъ.

Насколько разнообразенъ по условіямъ сельскаго хозяйства и промысловъ Новгородскій уѣздъ, можно судить по тому, что въ Любани и окрестностяхъ яблоки не вызрѣвали, а въ западной части уѣзда плодоводство не только процвѣтало, но и давало помѣщикамъ хорошій доходъ. Точно также ленъ около Любани почти не засѣвался, а въ Шимской волости, на берегу Шелони ленъ былъ у крестьянства главной статьей дохода, а въ сосѣдней Медвѣдской волости во всѣхъ деревняхъ были вишневые сады, дававшіе крестьянамъ порядочный доходъ. Ракомская волость, расположенная на берегу озера Ильменя занималась рыболовствомъ, а въ Грузинской волости находились спичечныя фабрики, дававшія крестьянамъ хорошій заработокъ. Тесовская волость, близь Петербурго-Витебской жел. дороги, торговала черносмородиннымъ листомъ и черной смородиной и занималась выпойкой телятъ, сосѣдняя же съ ней, самая глухая въ уѣздѣ Селогорская волость, исключительно лѣснымъ промысломъ. Въ другихъ волостяхъ уѣзда главной статьей дохода были заливные луга и сѣно вообще. По серединѣ уѣзда тянулся знаменитый въ своемъ родѣ Нетыльскій мохъ, т. е. моховое болото, пространствомъ около 12 тысячъ десятинъ земли, объ осушеніи котораго неоднократно поднимался въ земствѣ вопросъ, но въ виду громадности расхода этотъ совершенно непроходимый лѣтомъ мохъ, на которомъ ничего не произрастало, продолжалъ и продолжаетъ украшать собою Новгородскій уѣздъ.

Будучи предводителемъ и добросовѣстно присут-

ствуя на наборахъ, я всегда поражался въ вышеупомянутомъ мною селѣ Медвѣдѣ безстыдству крестьянскихъ дѣвокъ, забиравшихся къ окнамъ волостного правленія со своими табуретами, чтобы хорошенько выбрать себѣ жениховъ. И такъ какъ приходило ихъ много и онѣ облѣпливали окна, чѣмъ затемняли свѣтъ, то приходилось ихъ отгонять при содѣйствіи полиціи, и вотъ запасенные ими табуреты и годились.

Изъ поѣздокъ моего дѣтства мнѣ особенно запечатлѣлась поѣздка на Кавказъ, куда я впервые ѣхалъ одинъ по желѣзной дорогѣ, такъ какъ наша семья уѣхала раньше, и я очень волновался и не спалъ, опаясась воровъ. Отецъ мой лечился въ Пятигорскѣ отъ паралича, а меня укрѣпляли кумысомъ, и я цѣлыми днями валялся въ тѣни деревьевъ, около Елисаветинской галереи, описанной Лермонтовымъ, и лежа на брюхѣ, зачитывался Достоевскимъ, любуясь во время отдохновенія Эльборусомъ, величественно торчавшимъ на горизонтѣ, точно сахарный великанъ. И когда, болѣе чѣмъ черезъ тридцать лѣтъ, уже во время великой войны, попалъ я вновь на Кавказскія воды съ женой въ Ессентуки, то Эльборусъ производилъ на меня такое же чарующее впечатлѣніе, какъ и въ юности.

Тогда матери моей захотѣлось проѣхаться по Военно-Грузинской дорогѣ въ Тифлисъ, и она взяла меня съ собой. И дикое, поразительной красоты Дарьяльское ущелье, и бурный Терекъ, и угрюмый Казбекъ, и надоблачный Гудаутъ, гдѣ цвѣли только черные (темно-коричневые) тюльпаны и Млеты, виднѣвшіеся отъ Гудаута внизу, на 18-верстномъ разстояніи, и долина Арагвы и древній Мцхетъ, все произвело на меня такое грандіозное впечатлѣніе,

что сколько съ тѣхъ поръ красотъ природы не перевидалъ, и въ Крыму, и въ Италіи, и на югѣ Франціи и въ Швейцаріи, ничто не изгладило изъ моей памяти эти юныя впечатлѣнія, а швейцарскія красоты послѣ кавказскихъ, мнѣ показались просто скучны. И Тифлисъ, хотя уже сорокъ лѣтъ съ тѣхъ поръ миновало, я прекрасно помню, съ его чуднымъ ботаническимъ садомъ и видомъ оттуда на весь городъ съ знаменитымъ Сіонскимъ соборомъ. Помню и Майданъ, т. е. азіатскую часть города, помню лучшую тогда Лондонскую гостиницу, гдѣ мы останавливались, помню предательское кахетинское вино и крики извозчиковъ «хабарда», т. е. берегись. Помню, какъ было тамъ еще сильно обаяніе Великаго Князя Михаила Николаевича, недавно передъ тѣмъ покинувшаго этотъ своеобразный край. Конечно, были въ монастырѣ Св. Давида на склонѣ горъ, гдѣ могила Грибоѣдова съ плачущей мраморной женщиной и съ видомъ на разстилающійся у вашихъ ногъ полувосточный, полуевропейскій, но красивый Тифлисъ. Недалеко отъ могилы Грибоѣдова около церкви, смотримъ, какая то плита, читаемъ надпись: «Здѣсь покоится Наталія, священника супруга, сама еще дитя была, а двухъ дѣтей осиротила и съ ними нѣжнаго супруга».

Да, все это было и быльемъ поросло, а теперь передо мной совсѣмъ другое прекрасное кладбище:*) вдали Карпаты съ покрытой снѣгомъ вершиной Негою, справа дубовый лѣсъ, а около меня, среди чужестранныхъ могилъ и непонятныхъ надписей (венгерскихъ) бѣлый крестъ, а на немъ надпись, на которую

*) Сибіу, бывшій Германштадтъ въ Трансильваніи.

я безъ волненія и слезъ не могу смотрѣть: Стефанида Сергѣевна Болотова, рожденная Толстая, скончалась 10 августа 1922 года.

И встаетъ передо мной вечеръ этого ужаснаго августа. Въ просторной комнатѣ прекрасной санаторіи, на бѣлой кровати лежитъ, увы, бездыханное тѣло моей вѣрной жизненной спутницы, и въ послѣдній разъ любовался я дорогими для меня чертами милаго лица, но ея чудные, добрые, лучистые глаза закрылись навѣки. И любимая ею лампадочка горитъ передъ ея завѣтнымъ Нерукотворенным образкомъ, слабо освѣщая комнату. А на другой день, совершенно одинъ, провожалъ ея гробикъ на кладбище.

Вспомнилъ я ясно послѣдніе дни ея земной жизни, эти дни, полные страданій, и мои мученія отъ сознанія моей безпомощности и невозможности ихъ облегчить. Ея метанія по комнатѣ, когда вода ее душила и медленное, но тяжкое угасаніе невиннаго и полнаго самоотверженія, горячо любимаго существа. «Что, настали мои послѣдніе денечки, — говорила она тогда, — побудь со мною» и столько тоски, столько ласки, столько мольбы слышалось въ ея словахъ и столько любви и грусти виднѣлось въ ея глазахъ.

И сидя теперь у ея могилки, промелькнула у меня въ умѣ наша совмѣстная двадцати-семилѣтняя жизнь. Вспоминается мнѣ давнопрошедшее время. Тоже августъ мѣсяцъ, уже желтѣющій сѣверный лѣсъ, окружающій озеро Селигеръ. На высокомъ берегу старинная чудная барская усадьба Ельцы, родовое имѣніе Толстыхъ, со слѣдами роскоши еще 18-го вѣка. Громадный, розовый, каменный, трехэтажный домъ, временъ императрицы Елисаветы Петровны. Зала въ два свѣта; цѣлый рядъ гостиныхъ со старинной, массивной

мебелью, одна гостинная полукруглая, вродѣ тронной залы, гдѣ прабабушка Толстая принимала сосѣдей. Помню въ большую гостинную въ стилѣ empire входитъ смущаясь, круглолицая бѣлокурая барышня въ свѣтлой скромненькой блузкѣ. Еще болѣе смущаясь, я дѣлаю свое предложенiе и слышу тихiй лепетъ въ отвѣтъ на мои слова, и радостно бьется мое сердце, плѣненное этими чудными, добрыми карими глазами, этой величавой скромностью, чистотой побужденiй и благородствомъ, ясностью и опредѣленностью образа мыслей.

Затѣмъ веселые пикники на пароходѣ по Селигеру, то въ Осташковъ, то къ сосѣдямъ, наши прогулки пѣшкомъ за двѣнадцать верстъ въ знаменитую Нилову пустынь къ Нилу Столбенскому. Вспоминается старинная церковь, примыкающая въ Ельцахъ къ усадьбѣ, чудныя, красныя, бархатныя, шитыя золотомъ ризы изъ старинныхъ чепраковъ пра-прадѣда Толстого, командира Конной Гвардiи, чуть ли не при императрицѣ Аннѣ Iоанновнѣ.

Вспоминаются также именины моей матери и сестры 17 сентября въ Любани. Первый прiѣздъ моей невѣсты къ моимъ родителямъ съ ея милымъ, сердечнымъ, но очень молчаливымъ и подчасъ даже угрюмымъ отцомъ, маленькимъ и элегантнымъ генераломъ. Вспоминается и общая радость моей семьи, обвороженной удивительной кротостью и скромностью моей невѣсты. Наконецъ, ненастный осеннiй день въ Петербургѣ съ мокрымъ снѣгомъ и всѣми прелестями сѣверной гнилой осени, моя свадьба въ началѣ ноября въ домовой церкви родового и замѣчательнаго по выдержанности стиля домѣ Мятлевыхъ на Исаакiевской площади. Вспоминается вся эта утомительная

и скучная церемонія съ массой нарядныхъ и ненужныхъ и мнѣ даже незнакомыхъ лицъ, а передъ этимъ скучнѣйшее жениховство и обязательное сидѣніе жениха и невѣсты со всей семьей. Наконецъ, послѣсвадебная поѣздка въ Москву, встрѣча насъ въ Любани на вокзалѣ моимъ больнымъ отцомъ и милой Олящечкой, затѣмъ Славянскій базаръ, Кіевъ, ресторанъ Массю, Печерская лавра и пещеры. Пріѣздъ въ Одессу, радушіе и хлѣбосольство Григорія Григорьевича Маразли и отошедшіе уже въ область преданій его тонкіе гастрономическіе обѣды и великолѣпныя старыя вина, словомъ, все его гостепріимство, баловство и вниманіе.

Затѣмъ тихая Любань, наша крошечная и уютная комнатка, совмѣстная жизнь съ моимъ отцомъ, съ перваго разу горячо полюбившимъ свою невѣстку.

Вспоминается болѣзнь жены и поѣздка съ ней по Волгѣ до Самары на кумысъ въ Уфимскую губернію. Прелестное Шафраново съ цвѣтущими въ маѣ и благоухающими, ярко зелеными степями, маленькими дубовыми перелѣсками, а вдали виднѣющимися Уральскими горами. Словомъ, вспоминается все тихое счастье, мирная жизнь съ преданнымъ и обожавшимъ меня другомъ.

Припоминаю мое предводительство и связанныя съ нимъ наши поѣздки на мѣсяцъ, на два въ Новгородъ на земскія собранія; добрѣйшіе графъ и графиня Медемъ (Новгородскій губернаторъ) и дорогіе князь и княгиня Б. А. и С. Н. Васильчиковы, вспоминается ихъ и вообще новгородское хлѣбосольство и гостепріимство. Помню ея встревоженныя письма въ январѣ 1905 г. изъ Петербурга, ярко передававшія надвигающуюся трагедію революціи. Затѣмъ ея волненіе

при встрѣчѣ со мной, когда я былъ назначенъ губернаторомъ, ея боязнь неизвѣстнаго, а можетъ быть опаснаго будущаго. А потомъ моя тяжелая болѣзнь и операція, ея самоотверженный за мной уходъ и ея нервный подъемъ, а за полгода передъ тѣмъ ея трехмѣсячная тяжелая болѣзнь и наша первая съ ней продолжительная разлука во время ея леченія заграницей.

Вспоминаются ея, безъ сладкихъ словъ, но заботливыя и проникнутыя горячей любовью ко мнѣ письма и всѣ ея мѣткія словечки, ея мягкость и образность выраженій, добродушный юморъ и скромность желаній и всегда и во всемъ сквозило ея золотое и благородное сердце.

Наконецъ, ея хлопоты въ Перми по устройству благотворительныхъ базаровъ, гуляній и другихъ увеселеній, ея неистощимая фантазія и тонкій вкусъ, поразительная деликатность, при полномъ отсутствіи начальственнаго тона.

А наши поѣздки съ ней, сперва въ Одессу, на окруженную почти сказочнымъ садомъ дачу Маразли на Маломъ Фонтанѣ, а позднѣе поѣздки въ Ниццу къ ея чудной и очаровательной по нравственнымъ качествамъ сестрѣ Марикѣ, обожавшей мою жену. Столько вниманія, столько любви и попечительности виднѣлось въ ея отношеніи къ моей женѣ, что пребываніе въ Ниццѣ было всегда счастливымъ сномъ, а жизнь на этой роскошной виллѣ прямо наслажденіемъ.

Живо помню скучное Царское Село и, наконецъ, квартиру на Каменноостровскомъ, барскую, слишкомъ обширную для насъ двухъ, гдѣ мы прожили счастливо цѣлыхъ пять лѣтъ.

Наконецъ, война, мой отъѣздъ на фронтъ въ ка-

чествѣ уполномоченнаго Краснаго Креста, смиреніе жены передъ вполнѣ понятной разлукой, ея горячія, патріотическія и полныя безпокойства обо мнѣ письма.

Затѣмъ, осень 1916 года, хвосты на улицахъ, глухое недовольство все болѣе и болѣе вырывавшееся наружу. Ужасные дни безъ извозчиковъ и трамваевъ, костры на площади передъ нашими окнами и всю ночь торчавшія толпы возбужденнаго, любопытнаго и непріязненнаго народа, постоянно митинги, обыски, волненія, вооруженные автомобили и прочія прелести будто бы безкровной, но грубой и кровавой русской революціи. И всюду сѣмячки и сѣмячки, — заплеваніе всего, заплеваніе народной души, народной совѣсти, чести и вѣры!

Отъѣздъ нашъ въ тихій Нейшлотъ, нравственный отдыхъ въ милой Финляндіи, а послѣ кошмарный переѣздъ въ Одессу. Гражданская война на улицахъ, наше съ ней однажды невольное хожденіе подъ выстрѣлами, летаніе снарядовъ черезъ нашъ домъ и сидѣніе по ночамъ на парадной лѣстницѣ, ожиданіе разстрѣловъ, ея волненіе и страхъ не за себя, а за меня. Приходъ тогда благодѣтельныхъ нѣмцевъ, спасшихъ насъ отъ «товарищей»!

Поѣздка и отдохновеніе въ нами любимый и благоустроенный Маріенбадъ.

Потомъ неожиданная кончина ея брата, ужасное похищеніе ея племянника среди бѣла дня въ Одессѣ и, наконецъ, наше бѣгство.

Вспоминаются ея безсонныя ночи въ Одессѣ въ ожиданіи обысковъ и арестовъ и страданія ея о русскихъ бѣдствіяхъ. Да, ея русское сердце, ея кротость не выдержали революціоннаго кроваваго смрада, не выдержали разгрома нашей несчастной Родины,

И дурное, согрѣтое ея присутствіемъ, и хорошее теперь кажется чуднымъ сномъ и только бѣлый крестикъ на ея дорогой для меня, но одинокой и далекой отъ Родины могилкѣ — горькой дѣйствительностью.

«Voici ma dernière demeure» — говорила она, проѣзжая мимо этаго кладбища и предчувствуя свою близкую кончину.

И припомнилось мнѣ трогательное стихотвореніе въ прозѣ Тургенева: «Какъ хороши, какъ свѣжи были розы...». Какъ это чудно схвачено Иваномъ Сергѣевичемъ и удивительно вѣрно имъ передано. И меня страшитъ, одинокая безъ радостей старость, мое никому не нужное, безцѣльное прозябаніе. Да, «какъ хороши, какъ свѣжи были розы...». Остались нынѣ только терніи...

И невольно, ища забвенія отъ печальной, грустной и безпросвѣтной дѣйствительности, отъ моего бѣженскаго одиночества, мои мысли опять переносятся въ далекое прошлое, къ милому дѣтству, и взорамъ моимъ со всѣми подробностями предстала счастливая картинка нашей семейной Букинской (въ Лужскомъ уѣздѣ) жизни.

Жаркій лѣтній день начинается. Въ свѣтлой просторной, но уютной столовой собирается за утреннимъ чайнымъ столомъ помѣщичья семья: полная, молодая, оживленная жизнерадостная, мать, въ бѣломъ просторномъ лѣтнемъ платьѣ, подпоясанномъ на животѣ яркимъ, пестрымъ шелковымъ кушакомъ, курносая съ живыми карими глазами и маленькой косичкой дѣвочка лѣтъ десяти и обстриженный подъ гребенку, шаловливый и непослушный одиннадцатилѣтній мальчикъ, толстая, довольно безобразная, пожилая француженка, смуглая и ворчливая и

очень страдающая отъ жары и учитель, грубоватый въ красной рубашкѣ студентъ ветеринаръ Лавровъ, конечно, какъ и полагается русскому «интеллигенту» ни на какомъ языкѣ, кромѣ родного, не объясняющiйся.

«Мама, а мама, а гдѣ же пампушки?» — спрашиваетъ мальчикъ, не по годамъ прожорливый.

«Сейчасъ принесутъ. Ѣшь пока, что подано». «Я хочу горячихъ пампушекъ», повторяетъ мальчикъ. «Mademoiselle, mademoiselle, пристаетъ онъ къ француженкѣ, vous aimez les пампушки?» — «Qu'est ce que c'est, je n'en ai jamais mangé». Мать объясняетъ и въ это время вносится блюдо полное ржаныхъ шипящихъ и громадныхъ размѣровъ лепешекъ, пустыхъ внутри. Ихъ разрѣзаютъ, пускаютъ туда сливочное масло, и всѣ, даже француженка, молчаливо и съ аппетитомъ уплетаютъ вкусныя, горячiя пампушки.

Послѣ чаю урокъ русскаго языка и арифметики дѣти берутъ вмѣстѣ, а во время урока мальчикъ то и дѣло пристаетъ къ сестрѣ, желая ее чѣмъ либо сконфузить. «Молчите, Саша» — говоритъ учитель, «лучше бы урокъ хорошенько готовили, чѣмъ задѣвать сестру».

Урокъ кончается, дѣти пробѣгаютъ по прелестному саду, немного подерутся и бѣгутъ во флигель къ француженкѣ писать французскую диктовку; потомъ опять бѣготня по саду.

И въ часъ, въ той же столовой собирается семья: «Саша, а ты руки вымылъ?» съ нѣкоторымъ ужасомъ вопрошаетъ мать, видя, что сынъ садится за столъ съ грязными руками. «Мама, а мама, съ мыломъ или безъ мыла?». «Конечно съ мыломъ хорошенько вымой», Николай Лаврентьевичъ», обращается мать къ учи-

телю, «вы возьмите Сашу купаться, Вы когда пойдете?».
«Да какъ всегда передъ чаемъ, въ пятомъ часу».

Подаютъ окрошку. Que c'est que c'est? съ нѣкоторымъ ужасомъ вопрошаетъ француженка. «Mademoiselle Vous aurez du bouillon.» Учитель, громко чавкая, уничтожаетъ тарелку и проситъ у хлѣбосольной хозяйки вторую. Окрошка дѣйствительно превосходна: чудный домашній квасъ, густая сметана, телятина и ветчина, свѣжіе огурцы, лучекъ и, конечно, яйца и укропъ. «Mais c'est un plat de cochon» ужасается француженка, узнавъ составныя части. «Mademoiselle goutez» пристаетъ мальчикъ къ гувернанткѣ.

Затѣмъ подаются жаренные цыплята съ салатомъ и всѣ, занятые ѣдой, замолкаютъ; потомъ спаржа и замороженный кремъ изъ земляники. «Ну, Михайло, сегодня постарался, говоритъ хозяйка про повара. «Сегодня надо что нибудь повкуснѣе для папы приготовить; мы, дѣти, пойдемъ съ вами его встрѣчать за сосновую горку».

Обѣдъ кончается, у всѣхъ невольная дремота, всѣ сомлѣли отъ деревенскаго объѣденія и несомнѣнно вкуснаго, хотя и простого обѣда. Француженка говоритъ qu'elle n'en peut plus, ей жарко и она проситъ позволенія переодѣться въ купальный костюмъ, чтобы идти собирать ягоды.

И черезъ полчаса, всѣ вооружившись корзинками, идутъ черезъ дворъ въ огородъ, а старикъ-поваръ Михайло, хохотунъ и острословъ, показывая на довольно круглую и безобразную въ черномъ купальномъ костюмѣ француженку, кричитъ женской прислугѣ: тыча пальцемъ: «мамзель, то, мамзель, а ж...-то, ж...!».

Чудная, ярко-розовая крупная земляника болѣе

пропадаетъ въ дѣтскихъ ртахъ, чѣмъ попадаетъ въ корзины.

Послѣ сбора ягодъ мать идетъ на сѣнокосъ, а дѣти бѣгутъ за ней. Сѣнокосъ въ верстѣ отъ усадьбы. Староста, онъ же и кучеръ, Андрей, красивый, но плутоватый, какъ и всѣ старосты, мужикъ съ большой темнорусой бородой, степенно докладываетъ барынѣ, сколько копенъ сѣна утромъ набрали на пожнѣ. Увидавъ господъ, дѣвки, показывая свое рвеніе къ работѣ, усиленно начинаютъ визжать свои деревенскія пѣсни. Барыня привѣтливо со всѣми побесѣдуетъ, посовѣтуетъ старостѣ «хватать и хватать», ибо барометръ падаетъ, и возвращается домой, отправивъ сына купаться. «Да простыню и мыло не забудь съ собой взять», наставляетъ мать, заботясь о чистотѣ.

Быстрая рѣчка, берега обросли ивнякомъ; учитель плаваетъ, ныряетъ и фыркаетъ, переплывая на тотъ берегъ, а мальчикъ съ пузырями вертится у веревки, боясь отплывать отъ купальни. «А что же, Саша, мы скажемъ отцу про успѣхи въ латинскомъ языкѣ; вѣдь похвалить не могу». «Нѣтъ ужъ, Николай Лаврентьевичъ, я постараюсь, только ради Бога, не говорите папѣ». Мальчикъ обожалъ и боялся отца. «Ну, смотрите, вы завтра встаньте пораньше, и до утренняго чаю вызубрите все, что я вамъ говорилъ». Довольные другъ другомъ и студентъ, и Саша возвращаются съ купанья.

Солнце съ балкона ушло, и чай съ домашними булками, чуднымъ сливочнымъ масломъ, свѣжимъ вареньемъ и разумѣется, любимыми дѣтьми пѣнками отъ варенья, пьется на балконѣ. Къ чаю поданъ великолѣпный варенецъ. «Мама, а папа надолго пріѣзжаетъ?» спрашиваетъ дѣвочка. «Да, у него отпускъ

и онъ поѣдетъ къ дядюшкѣ въ Высоцкое». «А меня онъ возьметъ съ собой?» спрашиваетъ мальчикъ. «Не знаю, это будетъ зависѣть, какъ Николай Лаврентьевичъ тобой доволенъ и не помѣшаетъ ли поѣздка урокамъ» — отвѣчаетъ мать. «Ахъ, папа мнѣ давно обѣщалъ» пристаетъ мальчикъ. «Я такъ хочу видѣть дѣдушку и Высоцкое. Тамъ, говорятъ, чудные персики».

«Какой ты, право», останавливаетъ его мать, «у тебя первыя мысли объ ѣдѣ». «Я такъ люблю персики. Соня, а Соня, ты любишь персики?» — обращается мальчикъ къ сестрѣ, и не дожидаясь отвѣта, говоритъ: «если папа меня возьметъ съ собой, я тебѣ привезу изъ Высоцкаго». Сестренка съ благодарной улыбкой посматриваетъ на брата.

Жара спадаетъ и вся компанія, кромѣ толстой француженки, идетъ навстрѣчу отцу. По дорогѣ барыню то и дѣло останавливаютъ съ разными мелкими хозяйственными деревенскими дѣлами: сперва птичница, потомъ кузнецъ, затѣмъ рыжебородый Афанасій, деревенскій староста, пожилой, обстоятельный и зажиточный мужикъ, арендовавшій у барыни дальній лужокъ. Незамѣтно прошли версты полторы и расположились у дороги на сосновой горкѣ. Мальчикъ, конечно, побѣжалъ къ муравьиной кучѣ тревожить трудолюбивыхъ насѣкомыхъ. «Оставь, Саша», говоритъ мать, «вѣдь муравьи расползутся и насъ заѣдятъ», видя, что у дочери уже сдѣлалось плаксивое лицо, такъ какъ муравьи заползли ей подъ платьице.

Но вотъ слышенъ колокольчикъ. Въ ямщицкомъ тарантасѣ, въ разлетайкѣ виднѣется курчавая голова широкоплечаго отца семейства. Тарантасъ останавливается и сорокалѣтній, средняго роста мужчина, съ

очень милымъ и привѣтливымъ лицомъ вылѣзаетъ, прихрамывая на лѣвую ногу. Радостныя восклицанія дѣтей, вопросы: «папочка, ты что намъ привезъ?». Поцѣлуи и сразу сообщенія военныхъ новостей (тогда была война съ Турціей).

«Ну, дѣла въ Турціи, слава Богу, хороши» — обращается отецъ болѣе къ студенту, «а какъ наши латинскія дѣла?». «Ничего сносны, надѣюсь, къ осени Саша будетъ молодцомъ и меня не оконфузитъ», говоритъ добродушный, но неуклюжій студентъ. «Я вамъ привезъ письмо и посылку отъ вашей матушки», говоритъ отецъ студенту. «Петя со мной ѣхалъ; проѣхалъ въ Высоцкое и я хочу тамъ побывать, покуда онъ тамъ будетъ». «Смотри, къ именинамъ возвращайся», говоритъ жена мужу. «Разумѣется, я тамъ дня три пробуду, только лошадямъ дамъ отдохнуть. А какова дорога?». «Да дождей не было, можно проѣхать черезъ Лудонь и прямо на Павское, не по шоссе, ты сократишь верстъ пятнадцать». «Отлично, лишь бы коляску не сломать».

Незамѣтно въ такихъ разговорахъ подошли къ дому. Битки въ сметанѣ, любимое блюдо отца семейства, заманчиво шипятъ на сковородѣ, а рядомъ цѣлое блюдо съ молодымъ картофелемъ и тутъ же соусъ изъ бѣлыхъ грибовъ. «Какъ, уже грибы есть?» обрадованный восклицаетъ мужъ. «Да, на твое счастье баба принесла сегодня изъ Жупановки».

На отдѣльномъ столикѣ красуется величественный, красной мѣди самоваръ.

«Ты съ чего начнешь?». «Я всему сдѣлаю честь, я голоденъ ужасно; въ Лугѣ успѣлъ перехватить только тарелку лѣнивыхъ щей съ пирожкомъ». «А на сладкое есть шпанскій вѣтеръ съ сбитыми сливками и ягоды»,

Является француженка; отецъ семейства насмѣшливо смотритъ и говоритъ ей всякія глупости про общихъ знакомыхъ и спрашиваетъ про успѣхи дѣтей. «Je suis très contente de Sophie, mais Sacha est un grand polisson». Отецъ старается строго посмотрѣть на сына, но строгость ему не удается, любовь такъ и свѣтится на его лицѣ, но для проформы онъ прибавляетъ басомъ: «мы съ тобой потомъ поговоримъ». Мальчикъ ежится, со страхомъ поглядываетъ на отца, но все таки продолжаетъ уписывать битокъ.

Ужинъ кончается. Большая чашка, вѣрнѣе купель хозяина дома, выносится на балконъ и, окруженный дружной семьей, отецъ, вдыхая чудный деревенскій воздухъ, медленно попиваетъ свой любимый напитокъ.

«Ты мнѣ сыграешь что нибудь?» говоритъ мужъ женѣ. «Ахъ, я съ сѣнокосами и полями совсѣмъ разучилась. Развѣ начать съ вальса Страуса?».

Дѣтей, перекрестивъ, отправляютъ спать. Раздаются мелодичные звуки «An den schönen blauen Donau». «Ахъ, что-то наши тамъ за Дунаемъ?» говоритъ со вздохомъ мужъ. Вся надежда на Скобелева!

Послѣ двухъ или трехъ пьесъ и родители идутъ на боковую. Жизнь въ усадьбѣ замираетъ, только за садомъ слышится колотушка ночного сторожа, да коростели, пользуясь чудной ночью, еще перекликаются въ полѣ.

Да, гдѣ эти картины былого, незамысловатаго счастья, былой обезпеченности и незатѣйливой деревенской благодати и простоты?! То кануло въ вѣчность! Господь отвернулся отъ Православной Руси!

Сибіу. 1923.

ГЛАВА IX

Духовенство и заутрени.

Духовенство Смольнаго Собора. — Нищій Удаловъ. — Благолѣпіе службы. — Феогностъ. — Церковь Таврическаго дворца. — Невская Лавра. — Митрополитъ Исидоръ и высшее духовенство. — Преосвященный Владиміръ. Его хоръ, автомобили. Его проповѣди. — Архіепископъ Анастасій. — Митрополитъ Платонъ-Одесскій. — Пасхальныя заутрени (Смольнаго Собора и на «Бернудіанѣ»).

Возвращаясь къ своему дѣтству, съ благодарностью вспоминаю своихъ родителей и въ этомъ отношеніи въ особенности мою мать, съумѣвшихъ внушить мнѣ религіозное чувство и пріохотившихъ къ хожденію въ церковь. Рѣдкое воскресенье, чтобы насъ не водили въ Смольный Соборъ, гдѣ тогда служба отличалась особенной торжественностью. Настоятелемъ Собора былъ очень строгаго вида, почтенный и благообразный протоіерей Разумовскій, какъ то странно выговаривавшій нѣкоторыя буквы и слова: «э» оборотное нѣсколько протяжно вмѣсто «е» напримѣръ, Александра Н-э-э-в-скаго, а не Невскаго», «отэцъ нашихъ» и т.д. Благолѣпіе службы, конечно, довершали прекрасные діакона, старшій изъ нихъ Иванъ Васильевичъ Боровскій, при отличной дикціи и величавости движеній, обладалъ высокимъ, тонкимъ и чистымъ теноромъ, какого я болѣе въ церкви никогда не слыхалъ. Можно

было только пожалѣть, какъ обладатель такого голоса не украшалъ Императорскую сцену, а довольствовался скромной ролью діакона и чуть ли не 70 лѣтъ, уже передъ смертью былъ посвященъ во священники, кажется, въ Лугу. Другой немного низкорослый (что ему помѣшало попасть въ придворное духовенство) имѣлъ низкій, но прямо бархатный басъ. Въ послѣдній разъ его величавую службу мнѣ пришлось видѣть на похоронахъ моей бабушки въ Любани въ іюнѣ 1895 года, куда онъ пріѣзжалъ по вызову моего отца. Чтобы закончить описаніе духовенства Смольнаго Собора или какъ онъ оффиціально назывался «Воскресенскій всѣхъ учебныхъ заведеній», скажу, что вторымъ священникомъ былъ сперва отецъ Захарій переведенный вскорѣ настоятелемъ на Смоленское кладбище, а послѣ него былъ отецъ Евфимій, говорятъ, очень хорошій человѣкъ, но въ общежитіи назывался «плакса», ибо очень нудно и плаксиво служилъ. Третьимъ священникомъ былъ отецъ Николай Смирягинъ, тогда еще молодой, а впослѣдствіи митрофорный протоіерей и одинъ изъ заслуженнѣйшихъ столичныхъ священниковъ, дожившихъ до революціи, но тогда дядя мой, — его любившій, за глаза величалъ «Николашка» хотя всегда у него исповѣдовался, говоря, что онъ очень хорошо и скоро это продѣлываетъ. Картина причта была бы не полна, если бы я не упомянулъ про одного изъ псаломщиковъ Абрама Григорьевича, котораго всѣ постоянные посѣтители Собора прозывали «Божіей Дудкой», потому что когда онъ читалъ, то онъ какъ то особенно завывалъ.

На паперти Собора мнѣ памятенъ нищій слѣпой Николаевскій солдатъ, украшенный многими медалями, Удаловъ, сперва при помощи своей внучки, бѣ-

гавшій къ церкви Таврическаго дворца, а потомъ поспѣвавшій въ соборъ. Онъ мнѣ памятенъ потому, что отецъ бывшій въ томъ участкѣ Мировымъ Судьей, поручилъ Судебному приставу произвести опись имущества послѣ смерти этого нищаго, т.к. оказалось онъ занимался ростовщичествомъ. И у него нашли много золотыхъ и брилліантовыхъ вещей и даже отличную коляску и болѣе 30 т. рублей деньгами.

Вспоминая хорошую церковную службу въ Смольномъ Соборѣ, которой я съ ранняго дѣтства былъ избалованъ, потомъ, когда уже достигъ зрѣлаго возраста, мнѣ особенно больно было бывать въ сельскихъ церквахъ, гдѣ на клиросѣ раздавалось невообразимое и неблаголѣпное пѣніе мѣстныхъ любителей, обладавшихъ очень непріятными козлитонами, а изъ алтаря весьма непредставительный и даже не всегда чистоплотный батюшка весьма фальшиво дѣлалъ возгласъ или иногда какъ то разухабисто кадилъ. При моихъ встрѣчахъ съ болѣе знакомыми мнѣ представителями сельскаго духовенства, я выражалъ удивленіе, что въ семинаріяхъ ихъ понемногу не пріучаютъ къ соблюденію благолѣпія въ церковной службѣ. Нельзя же воображать, что люди такъ невзыскательны или всѣ чисты сердцемъ и божественно настроены, что ничего не замѣчаютъ изъ происходящаго вокругъ. Я зналъ много глубоко религіозныхъ людей, которые избѣгали ходить въ свою сельскую церковь, такъ больно имъ было оттого, что тамъ происходило и всякое молитвенное настроеніе пропадало отъ подчасъ рѣзкихъ окликовъ мѣстныхъ батюшекъ.

Конечно, рѣзкостью грѣшатъ, къ сожалѣнію, и многіе изъ нашихъ Владыкъ, но у нихъ благодаря обширности соборовъ, въ которыхъ они обыкновенно

совершають богослуженіе, публика этого не замѣчаетъ, а страдали отъ этого иподіакона, получавшіе наименованіе осла и проч. передъ престоломъ и чуть ли не во время совершенія величайшаго изъ таинствъ.

Особенной несдержанностью страдалъ изъ мнѣ извѣстныхъ архіереевъ — Новгородскій Феогностъ, весьма непредставительный и мало симпатичный Владыка. Между прочимъ мнѣ разсказывалъ про него одинъ очень хорошій, исполнительный и строгой жизни сельскій священникъ. Этотъ священникъ пришелъ къ Феогносту просить о переводѣ въ другой приходъ и Владыка отнесся къ его ходатайству благосклонно и вотъ, уже откланиваясь, бѣдный батюшка и говоритъ: «такъ будьте добры Владыко». Феогностъ покраснѣлъ и, разсвирѣпѣвъ, подлетаетъ къ оторопѣвшему священнику и кричитъ своимъ крикливымъ и тонкимъ голосомъ: « повтори. повтори, что ты сказалъ». Тотъ, ничего не понимая, повторяетъ. Тогда Феогностъ дергаетъ его за рукавъ, ставитъ на колѣни и приговариваетъ: «будьте милостивы, будьте милостивы». Оказывается онъ нашелъ слова «будьте добры» не достаточно почтительными.

Этотъ же Феогностъ получилъ бѣлый клобукъ будто бы за реставрацію Новгородскаго Софійскаго Собора, вѣрнѣе за раболѣпное послушаніе вершителю архіерейскихъ судебъ Саблеру, — тогда товарищу Оберъ-Прокурора. Дѣло въ томъ, что когда началась реставрація Собора, возстановленіе старинныхъ фресокъ хотѣли поручить итальянскимъ мастерамъ, единственнымъ свѣдущимъ въ этомъ дѣлѣ, и итальянцы за всѣ фрески брали огульно 70 тысячъ рублей. Но Синодъ по настоянію Саблера, нашелъ эту цѣну высокой и ремонтъ былъ отданъ владимирскому богомазу

Софронову, взявшему по 100 рублей съ изображенія. Когда же окончился ремонтъ, то за искалѣченныя этимъ богомазомъ стѣны второго по древности русскаго Собора было уплочено 105 тысячъ рублей. Какъ далека работа Софронова отъ прежнихъ старинныхъ фресокъ можно убѣдиться и въ настоящее время, т.к. въ двухъ мѣстахъ Собора подъ стекломъ видны старыя фрески, изображающія царя Константина и царицу Елену, а вторая уже не помню что, т.к. чуть не десять лѣтъ я не былъ въ этомъ чудномъ соборѣ.

Но вернусь къ своему дѣтству. Другая церковь, которая нами посѣщалась это Таврическаго Дворца, еще ближе отъ насъ, чѣмъ Соборъ. Священствовалъ отецъ Павелъ съ ярко рыжей бородой, изъ за которой говорятъ, въ великій четвергъ на омовеніи ногъ, онъ изображалъ Апостола Іуду. Отецъ Павелъ, будучи очень уважаемымъ священникомъ и рѣдкихъ душевныхъ качествъ человѣкомъ, къ сожалѣнію вовсе не обладалъ слухомъ, и поэтому въ возгласахъ, то возносился очень высоко и кончалъ не совсѣмъ красивой фіоритурой, то пускалъ низкіе тоны. Діаконъ былъ довольно преклоннаго возраста, безголосый и замѣчателенъ былъ только тѣмъ, что и лѣто и зиму служилъ въ резиновыхъ галошахъ.

Изъ разсказовъ моей матери, москвички по рожденію, вспоминается мнѣ другой діаконъ изъ Храма Успенія на Могильцахъ, тогда очень модной и много посѣщаемой церкви. Молодой и довольно видный діаконъ повидимому былъ большой ухаживатель, такъ онъ, когда кадилъ вполголоса приговаривалъ: «не отврати лица своего», если видѣлъ передъ собой красивое женское лицо, а когда передъ нимъ торчала какая-нибудь перезрѣлая дѣвица или дама съ «цыфер-

блатомъ для некурящихъ», то діаконъ мрачнымъ шопотомъ повторялъ: «изыде въ адъ кромѣшный».

Вообще съ ранняго дѣтства я наслушался много разсказовъ изъ духовнаго быта, такъ какъ чуть ли не ежедневный посѣтитель моего отца его дядюшка Князь Николай Евграфовичъ дружилъ со многими архіереями и между прочимъ съ Леонтіемъ, впослѣдствіи Митрополитомъ Московскимъ, и въ то же время былъ большимъ поклонникомъ Лѣскова, и я еще чуть ли не 13 лѣтнимъ мальчикомъ, упивался «Мелочами Архіерейской жизни», которыя Николай Евграфовичъ дополнялъ многими случаями изъ личныхъ сношеній съ высшимъ духовенствомъ. Кромѣ того двоюродная сестра моего отца, умная и энергичная Софія Михайловна, рожденная Болотова, рано овдовѣвъ, пошла въ монастырь и была первой настоятельницей Шамординскаго Монастыря Калужской губерніи, основаннаго не помню на чьи средства, при покровительствѣ знаменитаго въ то время Оптинскаго старца, схимонаха Амвросія. Затѣмъ и позднѣе судьба меня сталкивала съ лицами близкими къ духовному міру, и многое изъ жизни нашихъ владыкъ и монашескаго быта мнѣ было извѣстно и иллюзій на счетъ высшаго духовенства у меня не было.

Отецъ мой большой любитель и знатокъ духовнаго пѣнія, самъ когда то обладавшій октавой, былъ въ добрыхъ отношеніяхъ съ старикомъ Ломакинымъ, своимъ правовѣдскимъ учителемъ пѣнія и регентомъ знаменитаго въ то время Шереметевскаго хора, съ раннихъ лѣтъ водилъ меня и на духовные концерты и въ Невскую Лавру. Митрополичій хоръ тогда славился и дирижировалъ имъ духовный композиторъ уже почтенный старецъ Львовскій.

Помню какое сильное впечатлѣніе произвела на меня первая видѣнная мной архіерейская служба въ Невской Лаврѣ, да еще какихъ архіереевъ! Мнѣ помнится была хиротонія архимандрита Григорія, настоятеля нашей миссіи въ Римѣ во Епископы Туркестанскіе и Ташкентскіе. Хиротонію совершалъ тучный и величавый старецъ Митрополитъ Исидоръ, украшенный всѣми россійскими орденами, которые тогда надѣвались при богослуженіи, и онъ своимъ старческимъ, скрипучимъ голосомъ отчетливо все возглашалъ. Сослужили ему уже слѣпой, высокій и очень благообразный старикъ Иннокентій, Митрополитъ Московскій и аскетическаго вида Филофей, Митрополитъ Кіевскій, также Макарій, будущій Митрополитъ Московскій, историкъ церкви, тогда Архіепископъ Литовскій и Виленскій.

Службу Митрополита Исидора, начиная съ 1877 года до его смерти, мнѣ неоднократно приходилось видѣть, и его голосъ такъ и слышится у меня въ ушахъ, какъ онъ говорилъ медленно, но ясно «посѣти виноградъ сей его же насади десница ТВОЯ». Много анекдотовъ ходило про Митрополита Исидора, думаю, что его уважали и побаивалсись, но все же недостаточно цѣнили этого умнаго, стойкаго и прямого человѣка, не гнувшаго ни передъ кѣмъ своей шеи. Что это былъ за человѣкъ, лучше всего доказываютъ всѣ многочисленныя, основанныя имъ «Исидорскія» училища. Да это ли одно? Кажется, не было отрасли его управленія, которой онъ не касался и объ улучшеніи которой не заботился.

Тогда высшее духовенство облекалось въ разноцвѣтныя рясы, что со временемъ, кажется Митрополитомъ Петербургскимъ Антоніемъ вывелось. Но у

Исидора было особое пристрастіе къ свѣтло-голубымъ, правда, очень роскошнымъ рясамъ. А Архіепископъ Одесскій, знаменитый проповѣдникъ, Никаноръ явился разъ во дворецъ въ бѣлой шелковой рясѣ. Можно, конечно, осуждать стариковъ за стремленіе въ почтенныхъ годахъ рядиться, да еще въ довольно яркіе цвѣта, но справедливость требуетъ сказать, что черныя рясы высшаго духовенства въ послѣднее царствованіе вовсе не способствовали ни поднятію духовнаго престижа, ни улучшили и не облагородили его состава И это паденіе іерархіи слѣдуетъ всецѣло отнести къ могуществу всесильнаго Побѣдоносцева и его зловреднаго товарища и развратителя Синода, Саблера. А послѣ нихъ такъ и покатилось по наклонной плоскости. Только Митрополитъ Кіевскій Іоанникій, будучи первенствующимъ членомъ Синода, имѣлъ смѣлость бороться съ Константиномъ Петровичемъ. А когда послѣ него митрополитомъ сталъ нашъ Новгородскій «пономарь» Феогностъ, то только можно было съ уныніемъ развести руками. Такого ничтожества, какъ Феогностъ, никогда еще не видала Кіевская Митрополія.

Возвращаясь къ богослуженію съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю выносъ плащаницы въ Невской Лаврѣ и чудную мало посѣщаемую обѣдню въ Великую Субботу. Когда я жилъ въ Петербургѣ, то всегда считалъ своимъ долгомъ въ 2 часа дня отправиться въ Великую Субботу въ Невскую Лавру и тамъ при наполовину пустомъ соборѣ присутствовать при Митрополичьемъ служеніи сперва Исидора, потомъ быстро промелькнувшаго, очень виднаго Палладія, затѣмъ умнаго Митрополита Антонія и наконецъ Владимира. При Питиримѣ, конечно, моей ноги не было въ Лаврѣ. Какъ исполнялось въ Невской Лаврѣ тріо

«Воскресе Боже» и хоромъ «Да молчитъ всякая плоть» (вмѣсто Херувимской) могутъ судить только тѣ любители церковнаго пѣнія, которые присутствовали въ этотъ день въ Лаврѣ. Утомленія не чувствовалось, это было духовное наслажденіе, которое съ раннихъ лѣтъ запечатлѣлось на всю жизнь. Я никогда не былъ ханжей и ходилъ въ церковь по искреннему желанію въ извѣстные дни для молитвы, а болѣе чтобы насладиться духовнымъ пѣніемъ.

Разъ за любовь къ церковному пѣнію, я былъ наказанъ, правда уже гораздо позднѣе. Пріѣхала моя мать въ Пермь и вмѣстѣ со мною и моей женой отправилась въ Екатеринбургъ, гдѣ архіерействовалъ знаменитый въ своемъ родѣ Владимиръ, бывшій прежде нашимъ епископомъ въ Америкѣ и даже по русски на англійскій манеръ, сквозь зубы, говорившій. Далеко не идеальный человѣкъ, онъ былъ типичный епархіальный самодуръ, но служба при немъ была торжественная, былъ отличный подборъ голосовъ не только діаконовъ, но и чтецовъ, и онъ былъ большой любитель и знатокъ церковнаго пѣнія. Такъ какъ былъ будній день, я совершенно не зналъ какъ доставить матери удовольствіе послушать пѣніе архіерейскаго хора, замѣчательнаго и по выбору пѣснопѣній и по подбору голосовъ. Правда за этотъ подборъ на Владимира было много нареканій, ибо откуда платить тенорамъ и басамъ крупные оклады: доходовъ довольно значительныхъ екатеринбургскаго архіерея на это не хватило бы. И вотъ Владимиръ придумалъ слѣдующее: лучшій теноръ считался священникомъ, кажется, Екатерининскаго Собора въ Екатеринбургѣ, получалъ тамъ свои доходы, никогда не исполняя пастырскихъ обязанностей, и другіе пѣвчіе были устроены подобнымъ

образомъ. Ну вотъ прiѣзжаемъ мы къ Владыкѣ, побесѣдовали, я неоднократно заводилъ рѣчь насчетъ его хора, но намеки мои остались безъ вниманія. Тогда я прибѣгъ къ содѣйствію весьма ловкаго, тактичнаго и всѣми любимаго въ Екатеринбургѣ Полицмейстера Николая Федоровича Хлѣбодарова, нельзя ли молъ послушать хоровую спѣвку. И вдругъ отвѣтъ: «Владыка очень радъ, сегодня въ 6 часовъ вечера въ Крестовой церкви будетъ служить акафистъ Божіей Матери». Прiѣзжаемъ ровно въ 6 часовъ, вмѣстѣ съ нами Полицмейстеръ и два лица, которыхъ мы пригласили въ гостинницу отобѣдать въ 7 часовъ, и кромѣ насъ изъ публики никого. Начинается чудная служба и чудное пѣніе, стихири смѣняются стихирями, регентъ какъ то особенно старался въ этотъ день. Но вотъ семь часовъ, половина восьмого, уйти невозможно. Владыка неутомимъ, а наши гости поглядываютъ на часы, да и меня, признаться сказать, голодъ разбираетъ, но такъ и пришлось простоять до половины девятаго. Разумѣется, съ тѣхъ поръ я не выражалъ желанія слушать не въ положенные дни пѣніе архіерейскаго хора.

А что напѣвы у Екатеринбургскаго архіерея были дѣйствительно замѣчательные, вспоминаю всенощную на пасхальной недѣлѣ, когда преосвященный Владимиръ имѣлъ обыкновеніе совершать службу ежедневно въ разныхъ церквахъ. Такихъ напѣвовъ я ни до, ни послѣ него не слыхалъ. Какъ онъ увѣрялъ меня, на его рукахъ въ Красномъ морѣ скончался монахъ или священникъ отецъ Старорусскій и завѣщалъ ему тетрадь со своими сочиненіями. То была полная пасхальная заутреня, и эти то напѣвы оригинальные и торжественные удалось мнѣ послушать. А каждую

первую субботу, послѣ перваго числа у того же архіерея въ Крестовой церкви исполнялась всенощная Чайковскаго.

Какъ я упомянулъ, Владиміръ былъ большой самодуръ и не лишенъ былъ оригинальности и стремленія къ новизнѣ. И онъ помимо пѣнія очень увлекался автомобилемъ, что въ провинціи и на Уралѣ было тогда большою рѣдкостью. И вотъ встрѣчаемся мы съ нимъ случайно какъ то разъ въ гостепріимной Талицѣ,*) я за обѣдомъ начинаю разговоръ про автомобили и спрашиваю, что то его, а онъ съ очень недовольнымъ видомъ мнѣ отвѣчаетъ и мѣняетъ разговоръ. А послѣ обѣда всезнающій главноуправляющій имѣніемъ, какъ его многіе называли «Уральскій Ли-Хунъ-Чангъ» по сходству съ знаменитымъ мандариномъ, мнѣ говоритъ «Развѣ вы не знаете, у него подписка отобрана не ѣздить на автомобилѣ или завести опытнаго шофера, вѣдь онъ какую то старушонку раздавилъ.» Оказывается, по скупости, шофера владыка отпустилъ и посадилъ вмѣсто шофера иподіакона, конечно, не опытнаго въ дѣлѣ управленія машиной, послѣдствіемъ чего и былъ печальный случай со старушонкой.

Этотъ же архіерей Владиміръ покровительствовалъ черносотеннымъ организаціямъ и имѣлъ смѣлость во время революціоннаго движенія 1905 года говорить громовыя рѣчи, правда довольно неудачныя, противъ революціонеровъ. Про одну такую проповѣдь было разсказано однимъ изъ екатеринбургскихъ чиновниковъ ревизовавшему въ 1906 году Екатеринбургскую епархію Архіепископу Владимірскому Никону, впослѣдствіи убитому Экзарху Грузіи. Никонъ очень

*) Поклевскихъ-Козеллъ. Прим. автора.

умный и выдающійся Владыка до слезъ хохоталъ, когда это ему разсказывали." Увлекшись въ своей проповѣди критикой революціи и революціонеровъ Владиміръ коснулся марсельезы и объясняя слушателямъ, что такое марсельеза и насколько она вредоносна, сказалъ, что отъ этого во Франціи рождаемость уменьшилась. Никонъ такъ покатывался, что чиновникъ даже испугался и позвалъ сопровождавшаго Владыку Синодальнаго Секретаря, чтобы помочь Владыкѣ.

Кстати о неудачныхъ проповѣдяхъ, вспоминаю о проповѣди Пермскаго архіерея Никанора на похоронахъ Вице-Губернатора Коптева «Его всѣ оплакиваютъ и сожалѣютъ (говорилъ Архіерей) даже тотъ портной, что шилъ ему штаны». Эта неудачная фраза, въ связи вообще съ его административной неспособностью и безхарактерностью послужила послѣднимъ поводомъ для перевода его въ Олонецкую епархію.

Но уходъ Никанора, какъ и всѣ вообще переводы въ духовномъ мірѣ не способствовалъ процвѣтанію епархіи. Его преемникъ, Палладій былъ хитрѣе, дипломатичнѣе, но какъ личность несомѣннно гораздо хуже простоватаго, но чистаго сердцемъ Никанора.

Мнѣ часто приходилось воевать съ сельскимъ духовенствомъ и жаловаться на многихъ изъ нихъ Новгородскимъ Владыкамъ и по опыту я убѣдился, что вмѣсто плохого присылаютъ худшаго. Даже такой умный Владыка, какъ Арсеній Новгородскій, имѣлъ слабость, если его просили за кого нибудь, сдѣлать наоборотъ.

Изъ весьма достойныхъ представителей нашего высшаго духовенства съ которымъ мнѣ пришлось имѣть дѣло уже на войнѣ, какъ Уполномоченному

Краснаго Креста, упомяну Архіепископа Холмскаго Анастасія, (впослѣдствіи Кишиневскаго) отличнаго проповѣдника и строгой жизни человѣка, уступившаго все свое прекрасное помѣщеніе въ Холмѣ подъ лазаретъ Краснаго Креста. На такой простой, естественный и благородный поступокъ, кромѣ Архіепископа Анастасія не удосужился ни одинъ изъ нашихъ «Князей Церкви», а у большинства помѣщенія для этой цѣли были весьма подходящія.

Изъ выдающихся нашихъ іерарховъ, съ которымъ меня потомъ судьба свела, назову Митрополита Одесскаго, нынѣ еще благополучно здравствующаго, Платона. Это не типъ, конечно, монаха аскета, но это живой, во все вникающій и всѣмъ интересующійся умъ, талантливый общественный и государственный дѣятель и весьма даровитый ораторъ. Его рѣчи въ Одесскомъ Соборѣ во время революціи всегда привлекали толпу молящихся, а его рѣчь на панихидѣ по Государѣ Николаѣ II въ іюлѣ 1918 года въ томъ же соборѣ, должна быть причислена къ числу замѣчательныхъ по формѣ и по силѣ изложенія проповѣдей. Помню также его сердечную и трогательную рѣчь на могилѣ брата моей жены: «Здравствуй Петръ Сергѣевичъ. Не такъ я думалъ съ тобой встрѣтиться», началъ онъ и т.д. Рѣчь была проста, но глубока по искренности чувствъ. Но большинство духовныхъ проповѣдей, въ особенности въ 80 годахъ, служили только къ разгону молящихся изъ церквей.

Но въ воспоминаніяхъ о Владыкахъ какъ однихъ изъ самыхъ характерныхъ ,своеобразныхъ и любопытныхъ лицъ и чертъ русской жизни, я увлекся и позволю себѣ опять вернуться къ дѣтству и отрочеству.

Вспоминается мнѣ Страстная Суббота, въ домѣ

усиленная чистка, суета, чувствуется нѣкоторая напряженность съ приближеніемъ Великаго праздника. Я сижу бывало у отца и слушаю его дѣтскія воспоминанія, вдругъ появляется въ дверяхъ нянюшка и прижавъ руки къ груди, таинственнымъ полушопотомъ объявляетъ: «Андріанъ пріѣхалъ.» «Зовите его». Входитъ почтеннаго возраста, небольшого роста, благообразный старикъ крестьянинъ, въ синей поддевкѣ, бабушкинъ наперстникъ, любанскій староста, огородникъ, садовникъ и кучеръ, безъ котораго ничего не дѣлалось, вѣрнѣе, что всѣ свои желанія и рѣшенія бабушка объявляла ему, и онъ, вертя свою шапку въ рукахъ, почтительнымъ и безразличнымъ тономъ говорилъ «слушаю-съ» и главная его обязанность и состояла въ простаиваніи у окна бабушкина кабинета, и бабушка черезъ сѣтку (боясь комаровъ) съ нимъ часами бесѣдовала, онъ же очень умно поддакивалъ, никогда своей госпожѣ не возражая и хорошо умѣя блюсти свои интересы. Кучеръ и огородникъ онъ былъ плохой, но очень исполнительный въ серьезныхъ порученіяхъ, къ каковымъ главнымъ образомъ относился привозъ намъ передъ Рождествомъ и Пасхой любанской провизіи «Ну, что маменька?» спрашиваетъ отецъ послѣ обычныхъ привѣтствій. «Ничего-съ, приказали кланяться, Васъ ждутъ къ себѣ; просили примочку для глазъ привести, которую Вы ужъ имъ въ тотъ разъ посылали». «Съ чѣмъ Андріанъ пріѣхалъ?» «Куличи Вамъ привезъ, теленочка поеннаго». «Домашняго», перебиваетъ отецъ. «Ну какъ же, помилуйте для Васъ болѣе мѣсяца поили. Затѣмъ пасху, окорокъ запеченный, пары двѣ индѣекъ и утокъ и яица, Павлу Алексѣевичу также, а вотъ письма». Изъ за пазухи вынимаются завернутыя въ платокъ и бумагу бабушкины письма,

всегда проникнутыя горячей любовью и заботой о насъ и отцѣ. По прочтенiи милыхъ бабушкиныхъ цыдулекъ приказывалось все привезенное принести, т.к. отецъ любилъ все самъ посмотрѣть, и ему какъ больному человѣку, очень рѣдко изъ дома выѣзжавшему, это было большимъ развлеченiемъ. «А ты когда же назадъ?» «Да вотъ какъ дадите отвѣтъ, поспѣшу, Генеральша приказали скорѣе ворочаться, къ заутренѣ должонъ ихъ вести». Громадные куличи разсмотрены, украдкой схваченъ мной миндаль, пальцемъ защипнута пасха, приложенъ носъ къ окороку. Запахъ домашняго запеченнаго окорока прiятно щекочетъ обонянiе и отецъ, чтобы насъ, съ прибѣжавшей сестрой, преждевременно не соблазнять, приказываетъ скорѣе все унести и давъ пятишницу Андрiану и облобызавъ старика (служившаго у бабушки болѣе 40 лѣтъ) отпускаетъ съ нашими каракулями въ благодарность за присланные бабушкой къ празднику золотые, по заведенному ею положенiю. «Передай маменькѣ, что на третiй день непремѣнно прiѣду. Пишу обо всемъ. Розговѣнье у насъ. Завтра въ первый день у Александры Евграфовны обѣдаемъ (бабушкина сестра), на второй у Князя Николая Евграфовича, а на третiй день непремѣнно къ маменькѣ».

Маленькимъ ходилъ съ родителями къ заутренѣ въ Смольный Соборъ, то было впервые на десятомъ году. Помню на мнѣ была синенькая курточка и громадный голубой бантъ, которымъ я очень гордился. И какъ я волновался, и какой подъемъ былъ отъ еще невиданнаго зрѣлища, и какъ плакала моя сестренка, которой это удовольствiе обѣщано было только черезъ годъ.

Какое то особенное впечатлѣнiе произвелъ на меня

этотъ чудный соборъ, который я и до того событія прекрасно зналъ, какимъ сосредоточенно величественнымъ казалось мнѣ духовенство, и какъ трогательно прекрасна была служба. Когда начался крестный ходъ, я съ замираніемъ сердца ждалъ его возвращенія и, вмѣстѣ съ волной холоднаго воздуха, ворвалась цѣлая волна торжественныхъ звуковъ чудной пѣсни «Христосъ Воскресе».

И затѣмъ когда красноносый, строгій настоятель возглашалъ «Христосъ Воскресе» точно съ иностраннымъ акцентомъ, радостный гулъ молящихся раздавался въ отвѣтъ и эхомъ разносился по биткомъ набитому собору. И этотъ великолѣпный, высокій желтаго мрамора амвонъ, и эта единственная въ своемъ родѣ поразительной работы хрустальная рѣшетка, и заново отдѣланный золоченный иконостасъ, и этотъ громадный знаменитый запрестольный образъ Воскресенія Христова, какъ это блестѣло и сіяло, хотя тогда и въ поминѣ не было электричества.

Было лишь благоговѣйно религіозное электричество добродушной и набожной православной толпы, мирныхъ простолюдиновъ, не думавшихъ ни о революціяхъ, ни о какихъ ужасахъ, а любившихъ и вѣрившихъ своему Царю Освободителю, находившемуся тогда въ апогеѣ своей славы и могущества.

Эта первая заутреня оставила во мнѣ неизгладимое впечатлѣніе, и я позднѣе всегда предпочиталъ въ этотъ день приходской храмъ съ сѣроватой толпой молящихся, чѣмъ всѣ эти модныя, наполненныя разряженной и пустой толпой домовыя церкви, гдѣ молитвы и въ поминѣ не было, а только сообщеніе послѣднихъ новостей и пасхальныхъ наградъ.

Затѣмъ приходилось мнѣ бывать на заутренѣ въ Исаакіевскомъ соборѣ съ нарядным и картавившимъ Палладіемъ, Архіепископомъ Казанскимъ и Свіяжскимъ (впослѣдствіи Петербургскимъ Митрополитомъ). Былъ также на заутренѣ въ томъ же соборѣ, совершавшейся Сергіемъ Архіепископомъ Одесскимъ, точнымъ изображеніемъ русскихъ подвижниковъ прежнихъ вѣковъ, Но все это было не то, не было того духовнаго единенія между служащими и толпой, какое чувствовалось тогда въ Смольномъ соборѣ, гдѣ всякій прихожанинъ зналъ своихъ батюшекъ и несъ имъ свои печали и радости.

Бывалъ я и въ далекой Перми на Архіерейскомъ пасхальномъ служеніи, бывалъ и въ нашей любанской церкви у заутрени, но кромѣ первой заутрени, только одна послѣдняя заутреня врѣзалась въ мою память, правда въ совершенно необычайной обстановкѣ. Константинопольскій рейдъ, передъ нами Святая Софія, чудная тихая и довольно теплая апрѣльская ночь. Мы на громадномъ англійскомъ океанскомъ пароходѣ «Бермудіанъ». Импровизованный хоръ на палубѣ поетъ «Христосъ Воскресе» и другіе пасхальные напѣвы, но не радостно звучатъ ихъ голоса. И въ хорѣ и въ голосѣ священника слышатся слезы въ особенности, когда почти прерывающимся голосомъ онъ молится « о многострадательномъ отечествѣ нашемъ.» И трудно удержаться отъ слезъ при мысли о тѣхъ дорогихъ, родныхъ и близкихъ, застрявшихъ тамъ въ ужасной, голодной Россіи. И вся толпа молящихся, богатыхъ и знатныхъ, избалованныхъ жизнью людей, государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, прежде сильныхъ, а теперь растерянныхъ и пришибленныхъ судьбой, совершенно не знаетъ, что ожидаетъ ихъ и насъ всѣхъ тамъ на

далекой, неизвѣстной намъ Мальтѣ, куда въ благородномъ порывѣ везутъ насъ бывшіе союзники, а теперь всесильные покровители. И отвѣчая на возгласъ священника «Воистину Воскресе» хотѣлось вѣрить, что Тотъ Который пострадалъ за міръ, проститъ намъ наши вольныя и невольныя прегрѣшенія и насъ странниковъ, насъ теперь бездомныхъ бродягъ, а прежде или богачей или зажиточныхъ и обезпеченныхъ людей не оставитъ Своею милостью и Своей Великой Помощью. А главное сжалится надъ ней, надъ далекой, но родной, голубушкой, Матушкой Россіей. Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ.

Я называю эту заутреню послѣдней, ибо пробовалъ я въ пасхальную ночь пойти къ заутренѣ въ Бухарестѣ, въ мало знакомомъ городѣ съ незнакомыми людьми помолиться въ Великую Ночь и порадоваться Христову Воскресенію. Но чужая радость, это мое горе, вызвала такую тоску, что быстро ушелъ изъ церкви и вспомнился мнѣ стихъ нашего поэта: «Моя жъ печаль безсмѣнно тутъ и ей конца какъ мнѣ не будетъ. »Да мы распяли свою родину, своего такъ сказать Христа, ибо частица вины на каждомъ изъ насъ и пока не воскреснетъ къ новой жизни Россія, мы не достойны пѣть и радоваться Воскресенію Христову.

Брашовъ, Трансильванія.
1921

ГЛАВА X.

Война и революція.

Красный Крестъ. — М. Вл. Родзянко. — Радко-Димитріевъ. — В. П. Обнинскій. — Выборы въ Государственную Думу. — Графъ С. Ю. Витте. — Почетное Опекунство. — Императрица Марія Өедоровна. — Мальта. — Одесса и похищеніе Сережи Толстого. — Изъяны фронта и предреволюціонное время. — Причины революціи. — Керенскій и Николай II. — Русская Голгоөа.

Про нашу царскосельскую жизнь говорить не буду, хотя само по себѣ Царское и прелестно, но близость и замкнутость Дворца, масса шпиковъ, или, какъ ихъ остроумно тамъ называли «ботаниками», по ихъ манерѣ пристально разглядывать траву, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ окружающаго, все это навѣвало грусть, да и Царское по складу жизни было тоскливо, и у всѣхъ царскоселовъ бывалъ счастливый видъ, когда садились въ вагонъ, чтобы мчаться въ петербургскій водоворотъ.

Въ поѣздѣ часто встрѣчалъ, уже тогда извѣстную, Вырубову и, хотя не былъ съ ней знакомъ и не стремился къ этой чести, но долженъ сознаться, что ея голубые съ поволокой и довольно безстыжіе глаза имѣли привлекательную силу.

Жизнь въ Царскомъ научила многому полезному

и грустному; научила болѣе правильно понимать людей и внесла душевный разладъ и разочарованіе. И больно становилось за Россію: Россія была одно, а Дворецъ и придворный кругъ другое; да и вообще Петербургъ былъ одно, а вся Россія — другое; и обѣ стороны другъ друга не знали и не понимали.

Въ доказательство, насколько это было другое, приведу позднѣйшій разсказъ одного моего пріятеля, въ то время блестящаго офицера, одного изъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ, гостившаго тогда въ Крыму у своего полкового товарища въ его имѣніи по сосѣдству съ Ливадіей. Царская Семья тоже какъ разъ находилась тамъ. И Дворцовый Комендантъ Дедюлинъ и другія, очень близкія ко дворцу лица собирались по вечерамъ и порицали Столыпина, считая его чуть-ли не за отъявленнаго революціонера. Нынѣ здравствующіе свидѣтели подтвердятъ правдивость моихъ словъ.

И такъ было два міра, другъ друга не понимавшихъ и не знавшихъ.

И настаетъ 1914 годъ. По обыкновенію, мы съ женой съ конца января находились въ Ниццѣ, въ гостяхъ у ея сестры, а послѣ Пасхи, не помню уже по какимъ дѣламъ, поѣхалъ я на короткое время въ Петербургъ и Новгородъ. И что же? При проѣздѣ отъ Берлина до Эйдкунена у всѣхъ крѣпостей, а по дорогѣ ихъ тамъ было цѣлыхъ пять, на станціяхъ шла усиленная работа, расширеніе путей и прочее, словомъ настолько усиленная, что меня, непосвѣщеннаго въ тайны европейской дипломатіи человѣка, это поразило. И такъ какъ я дважды втеченіе короткаго времени, продѣлалъ этотъ путь, то вся эта кипучая дѣятельность засѣла у меня въ головѣ. И вернувшись въ Ниц-

цу, я подѣлился этими впечатлѣніями со своими, говоря, что это не спроста, быть бѣдѣ, но нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ и въ семейномъ кругу не придали значенія моимъ словамъ.

А все это я вспомнилъ, когда была объявлена война и 19-го іюля на Высочайшемъ выходѣ въ Зимнемъ Дворцѣ подѣлился съ моимъ старымъ знакомымъ по Казанскому военному округу генераломъ Сандецкимъ и княземъ С. С. Абамелекъ-Лазаревымъ своими весенними впечатлѣніями. Помню, Абамелекъ мнѣ сказалъ: «Отчего Вы не доложили кому слѣдуетъ?». «Ну, это слуга покорный, только бы отвѣтили, что суюсь куда не спрашиваютъ, а толку бы все равно не было». А почтенный генералъ Сандецкій сказалъ: «Нѣтъ, я, какъ прочелъ въ газетахъ ультиматумъ Австріи Сербіи, сейчасъ-же въ Aix-les-Bains сложилъ свои чемоданы и домой».

Кстати скажу, что, если бы такихъ твердыхъ, опредѣленныхъ и дѣльныхъ военныхъ администраторовъ, какъ Сандецкій, было бы больше, можетъ быть и не дожили бы мы до полнаго разгрома.

Но не всѣ военные такъ поняли этотъ ультиматумъ: я зналъ генералъ-адъютанта, который, лечившись въ Германіи, послалъ послѣ этого ультиматума въ Императорскую Главную Квартиру телеграмму, долженъ-ли онъ возвращаться, или нѣтъ.

Какъ только была объявлена война, я записался въ Красный Крестъ и попалъ въ уполномоченные Краснаго Креста въ третью армію, т. е. на Галиційскій фронтъ и подъ начальство очень милаго либерала Михаила Александровича Стаховича, о которомъ сохранилъ наилучшее воспоминаніе, какъ объ умномъ, миломъ и сердечномъ человѣкѣ, державшимъ все

время нашего пребыванія во Львовѣ русское имя и достоинство Краснаго Креста высоко. Во первыхъ уже то, что у насъ въ Красномъ Крестѣ третьей арміи никто изъ уполномоченныхъ ни суточныхъ, ни вознагражденій не получалъ: это было не кормленіе, а лишь стремленіе по мѣрѣ силъ и умѣнія исполнить, въ тяжелую годину бѣдствій, свой гражданскій долгъ.

Собрались мы въ Кіевѣ, гдѣ, просидѣвъ безплодно и скучно недѣли двѣ, наблюдали лишь самодурство и рѣзкость полусумасшедшаго главноуполномоченнаго Иваницкаго, я говорю полусумасшедшаго, ибо нормальный человѣкъ того, конечно, никогда бы себѣ не позволилъ, что выкидывалъ онъ и съ просителями, и съ людьми, приносившими пожертвованія, и своими ближайшими и несомнѣнно несчастными подчиненными.

Изъ Кіева двинулись мы къ мѣсту назначенія во Львовъ и отъ Бродъ до Львова ѣхали на автомобилѣ по шоссе, гдѣ повсюду виднѣлись слѣды недавнихъ сраженій, а въ одномъ болотѣ торчали туловища убитыхъ солдатъ, наполовину засосанныхъ болотомъ. Во Львовъ попали вечеромъ 24-го августа стараго стиля, т. е. на третій день послѣ его занятія нашими, тогда побѣдоносными, войсками. Размѣщены мы были на маленькомъ вокзалѣ около Замковой горы.

Съ нами были члены Государственной Думы: Стемковскій (отъ Воронежской губерніи), впрочемъ, насъ скоро покинувшій, и милѣйшій, благороднѣйшій графъ Владиміръ Владиміровичъ Мусинъ-Пушкинъ, человѣкъ съ русской и очень тонкой душой и нѣсколько юнцовъ, изъ которыхъ особенной дѣловитостью и исполнительностью отличался молодой графъ Романъ Потоцкій.

Въ первую же ночь во Львовѣ постигло насъ разочарованіе и отъ русской, а не вражеской руки. Надо сказать, что какъ только пріѣхали, я съ графомъ Пушкинымъ пошелъ бродить по мало освѣщеннымъ улицамъ намъ совершенно неизвѣстнаго Львова, и насъ поражала тишина и полнѣйшій порядокъ. А утромъ, внизу на вокзалѣ (мы сами помѣщались во второмъ этажѣ) нашъ краснокрестный складъ оказался разграбленнымъ: похищенъ былъ спиртъ, всѣ съѣстные припасы, одѣяла и проч. Виновники вскорѣ были пойманы и дня черезъ три разстрѣляны, это были солдаты проходившаго артиллерійскаго парка.

Но, слава Богу, не всѣ солдаты были таковы, и, завѣдуя нѣсколько мѣсяцевъ во Львовѣ и русскими и австрійскими госпиталями, посѣщая очень часто раненныхъ, среди которыхъ у меня завелись друзья, я преклонялся передъ кротостью нашихъ солдатъ и офицеровъ, передъ ихъ умѣніемъ переносить не только тяжкія, но подчасъ и невыносимыя страданія. И какъ-то не вѣрилось потомъ, что тѣ же солдаты себя такъ опозорили съ началомъ революціи.

Кстати, о посѣщеніи раненныхъ, не могу не вспомнить съ отраднымъ чувствомъ мою очень интересную поѣздку по Галиційскому фронту весной 1915-го года, передъ нашимъ отступленіемъ, съ Михаиломъ Владимировичемъ Родзянко, тогда предсѣдателемъ Государственной Думы.

Родзянко я зналъ давно по новгородскимъ губернскимъ земскимъ собраніямъ, какъ губернскаго гласнаго Боровичскаго уѣзда и былъ съ нимъ всегда въ добрыхъ отношеніяхъ. Теперь его можно и должно за многое осудить, но справедливость требуетъ воздать ему и должное. Держалъ онъ тогда себя вообще съ

большимъ достоинствомъ и тактомъ, а при обходѣ лазаретовъ, при бесѣдѣ съ раненными держалъ себя не только мастерски, но его посѣщенія дѣйствительно ободряли и оживляли раненныхъ: онъ умѣлъ съ солдатами говорить и шутить, и на многихъ лицахъ я видалъ радостную улыбку послѣ разговора съ громаднымъ Предсѣдателемъ Думы. И спутникъ онъ былъ очень пріятный и спокойный, а наша поѣздка въ автомобилѣ длилась чуть-ли не болѣе десяти дней.

Какъ то за Дуклинскимъ переваломъ мы завтракали у начальника пѣхотной дивизіи на балконѣ подъ пѣніе казаками ихъ лихихъ пѣсенъ, а на горахъ грохотали пушки, и въ тотъ же день вечеромъ, послѣ посѣщенія передового отряда, въ которомъ начальствовалъ его милый сынъ Николай Михайловичъ, мы попали въ мертвую полосу, когда русскія войска уже покидали Свидникъ, а австрійцы еще не вошли, но намъ это было неизвѣстно и пережили мы много тревожныхъ и непріятныхъ минутъ, ибо ѣхали совершенно на проломъ и могли очутиться въ плѣну.

Но вмѣсто плѣна на другой день попали въ Ясло на обѣдъ къ командующему третьей арміей, которымъ тогда былъ Радко-Димитріевъ, а я еще съ зимы съ нимъ былъ знакомъ. Вообще не изъ разговорчивыхъ, въ этотъ день онъ былъ особенно мраченъ, что было вполнѣ понятно, ибо шелъ тягчайшій и неудачный для насъ бой на Горлицѣ, послѣ чего третья армія и другія покатились назадъ.

Ѣдучи изъ Ясло на Ржешовъ, мы видѣли какъ на полѣ, влѣво отъ дороги, разрывались шрапнели, но до насъ не долетали. Кое-гдѣ виднѣлись бѣжавшіе въ безпорядкѣ солдаты, картина была грустная и

сердце невольно сжималось отъ еще худшихъ предчувствій.

Я не могу судить о боевыхъ способностяхъ Радко-Димитріева, но общіе отзывы о немъ были, что это человѣкъ изумительной храбрости и несомнѣнно внушавшій къ себѣ и довѣріе и глубокое уваженіе.

Его смѣнилъ Лешъ, съ которымъ я ежедневно видался въ Замостьѣ, гдѣ съ конца мая 1915-го года была штабъ-квартира третьей арміи и нашего Краснаго Креста, а затѣмъ видалъ его часто въ Холмѣ, во Влодавѣ и въ Брестѣ, до котораго я дошелъ съ той же арміей и тамъ, ввиду болѣзни жены и личныхъ дѣлъ, я долженъ былъ съ сожалѣніемъ покинуть Красный Крестъ.

Очень симпатичной и удобной стоянкой была Влодава, гдѣ нашъ Красный Крестъ расположился въ двухъ верстахъ отъ города въ палаткахъ, у самой желѣзнодорожной станціи, а по другую ея сторону, въ сосновомъ лѣсу раскинулись тоже въ палаткахъ краснокрестные лазареты.

Уже съ іюня мѣсяца вмѣсто Стаховича особоуполномоченнымъ былъ назначенъ графъ Андрей Александровичъ Бобринскій, очень милый и пріятный сослуживецъ и весьма деликатный начальникъ, но къ сожалѣнію чрезвычайно нерѣшительный.

Такою же нерѣшительностью и мягкостью отличался и его братъ графъ Георгій Александровичъ Бобринскій, Галиційскій генералъ-губернаторъ, и мягкостью его и его помощника, достойнѣйшаго Андрея Петровича Половцова, весьма злоупотребляли подчиненные, да надо сознаться, что составъ русской администраціи въ Галиціи былъ очень печальный, надолго опозорившій тамъ русское имя и только первый

русскій градоначальникъ Львова Сергѣй Владимировичъ Шереметевъ былъ вполнѣ на высотѣ своего положенія.

Это время слишкомъ еще близко, раны еще живучи, чтобы откровенно про все говорить, это дѣло будущаго, да и всѣ тѣ грѣхи смыты революціей, и потому я объ этомъ не буду распространяться, а обращусь къ чисто краснокрестной дѣятельности и вернусь ко Львову, гдѣ, какъ я и говорилъ, съ нѣкоторыми отлучками, но пробылъ болѣе полугода.

И о своей дѣятельности, и о городѣ Львовѣ и, за немногими исключеніями, о врачебномъ персоналѣ я сохранилъ самое отрадное воспоминаніе. Изъ врачей, завѣдывавшихъ русскими лазаретами, особой любовью къ дѣлу и заботливостью о раненныхъ отличался докторъ Алексѣй Ивановичъ Трутовскій, старшій врачъ Елисаветградскаго госпиталя Краснаго Креста. Въ роли хирурговъ особенно отличались профессора К. М. Сапѣжко и Дидрихъ (послѣдній изъ Кіева). Во Львовѣ для русскихъ людей было большое утѣшеніе въ бесѣдѣ съ умнымъ и полнымъ добродушнаго юмора Николаемъ Алексѣевичемъ Хомяковымъ, бывшимъ предсѣдателемъ Государственной Думы, который своимъ остроумнымъ и мѣткимъ словомъ смягчалъ бѣшенныя выходки «Тигра» (какъ его называли) Евгеньевича Иваницкаго.

По мысли М. А. Стаховича былъ образованъ во Львовѣ комитетъ австрійскаго Краснаго Креста, подъ предсѣдательствомъ профессора и талантливаго хирурга Зембицкаго, а я былъ какъ-бы непремѣннымъ членомъ этого комитета отъ русскаго Краснаго Креста, и въ помощь мнѣ, въ качествѣ переводчика былъ командированъ милый графъ Романъ Потоцкій, ибо

большинство членовъ комитета, кромѣ самого Зембицкаго, въ совершенствѣ владѣвшаго французскимъ языкомъ, не могли объясняться по французски, а я не владѣлъ польскимъ языкомъ. Зембицкій учился въ Парижѣ и продѣлалъ всю войну 1870 года въ качествѣ волонтера во французской арміи и потому къ союзникамъ и къ намъ относился очень хорошо; да и вообще я о немъ сохранилъ самыя свѣтлыя воспоминанія, какъ объ умномъ, тактичномъ человѣкѣ и прекрасномъ и заботливомъ врачѣ, не дѣлавшемъ никакой разницы между раненными. Для него національность не играла никакой роли, для него былъ только больной, которому онъ отъ всей души оказывалъ свою помощь и спасъ, я думаю, не одного русскаго офицера отъ смерти. Я говорю офицера, ибо великолѣпная санаторія, гдѣ онъ начальствовалъ, была устроена только для офицеровъ.

Но справедливость требуетъ сказать, что и въ солдатскихъ павильонахъ и профессоръ Шрамъ, и другіе врачи, фамиліи которыхъ я, къ сожалѣнію, уже запамятовалъ, относились къ русскимъ раненнымъ безукоризненно. Но русскіе солдатики предпочитали русскіе лазареты, гдѣ имъ легче было объясняться, и у простого русскаго человѣка всегда въ глубинѣ души кроется недовѣріе къ «нѣмцу» (общему понятію иностранцевъ).

И разъ, обходя австрійскій лазаретъ вмѣстѣ съ медицинскимъ инспекторомъ Краснаго Креста всего Юго-Западнаго фронта, московскимъ, очень популярнымъ профессоромъ и хирургомъ Иваномъ Павловичемъ Алексинскимъ, докторъ полякъ подводитъ къ одной койкѣ, гдѣ лежалъ раненный русскій солдатъ и говоритъ по французски, что у него начинается гангрена

и необходимо отнять ногу до колѣна, на что раненный не соглашается. Иванъ Павловичъ, со свойственной ему ласковостью, спрашиваетъ солдата, отчего онъ не соглашается. «Не довѣряю», былъ отвѣтъ, «вотъ, если Вы, ваше превосходительство (видя генеральскіе погоны), отымете, другое дѣло, хоть голову снимайте». Алексинскій, улыбаясь, объяснилъ, что безъ позволенія мѣстнаго врача онъ не можетъ дѣлать операцію, но, если этотъ докторъ согласится, то онъ съ удовольствіемъ исполнитъ желаніе больного. И на другой день операція состоялась.

Далеко не то же предупредительное отношеніе уполномоченные Краснаго Креста встрѣчали на Львовскомъ эвакуаціонномъ пунктѣ, которымъ завѣдывалъ полковникъ Рыбацкій, мало симпатичная личность, и съ нимъ у одного изъ краснокрестныхъ чиновниковъ было однажды серьезное столкновеніе и гдѣ, къ чести Краснаго Креста молодой человѣкъ (Спечинскій, Бор. Григ.) былъ вполнѣ правъ, да, слава Богу, и Стаховичъ его энергично поддержалъ. Очень часто врачи, осматривая прибывающихъ съ фронта раненныхъ, смотря по состоянію ихъ ранъ, или здоровья вообще, настаивали на оставленіи такихъ-то во Львовѣ, находя скорѣйшее хирургическое вмѣшательство для ихъ здоровья необходимымъ, а Рыбацкій все стремился ихъ отправить въ Кіевъ, и вотъ, на этой-то почвѣ и происходили постоянныя столкновенія.

Эвакуаціонные пункты были съ начала войны однимъ изъ самыхъ слабыхъ мѣстъ русской арміи и въ большинствѣ случаевъ надъ ними главенствовали лица, говоря деликатно, старой школы. Но съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ долженъ помянуть добрымъ словомъ полковника Крыжицкаго, съ которымъ я

лично познакомился, когда онъ начальствовалъ надъ крупнымъ эвакуаціоннымъ пунктомъ въ мѣстечкѣ Картузъ-Береза, Гродненской губерніи, и о которомъ отъ всѣхъ лицъ, имѣвшихъ съ нимъ дѣло, я слышалъ самые восторженные отзывы. Это былъ удивительно сердечный и глубоко-порядочный человѣкъ, дѣйствительно вкладывавшій душу въ свое дѣло, но такихъ, повторяю, было очень мало.

Вспоминая свою краснокрестную дѣятельность во Львовѣ, не могу не сказать нѣсколько словъ про обаятельную личность общаго любимца, немного позднѣе къ намъ присоединившагося, что-то въ концѣ октября 1914-го года, Виктора Петровича Обнинскаго, постояннаго сотрудника «Русскаго Слова» и бывшаго члена первой Государственной Думы, пострадавшаго за Выборгское воззваніе, въ которомъ ни душой, ни тѣломъ не былъ виновенъ, такъ какъ находился въ то время въ Крыму. Но благородство и изумительная порядочность этого чуднаго, милаго, удивительно деликатнаго, воспитаннаго и весьма чуткаго человѣка были настолько велики, что онъ считалъ своимъ долгомъ присоединить по телеграфу свою подпись къ воззванію, хотя даже содержаніе ему было неизвѣстно; но разъ партія выпустила, а онъ по убѣжденіямъ былъ кадегъ, Викторъ Петровичъ присоединился и пострадалъ. Жестокое наказаніе выбило его изъ общественной колеи, прежде онъ былъ предсѣдателемъ Калужской губернской земской управы, а послѣ этого все было для него закрыто и онъ, видимо, душевно ужасно страдалъ, хотя на людяхъ, обыкновенно, тщательно скрывалъ свои тяжелыя нравственныя переживанія.

Въ мартѣ 1916-го года нашли его въ Москвѣ однá-

жды утромъ мертвымъ въ постели; онъ оставилъ короткую записку, прося не обмывать его тѣло, ибо передъ самоубійствомъ принялъ ванну. И похоронить завѣщалъ себя на Новомъ Донскомъ кладбищѣ, рядомъ съ могилой своего друга Сергѣя Андреевича Муромцева. За недѣлю до смерти онъ былъ въ Петербургѣ, и, помню, былъ воскресный день, онъ меня навѣстилъ и мы съ нимъ нѣсколько часовъ бесѣдовали по душѣ, а онъ приглашалъ меня на совмѣстный походъ пѣшкомъ по старой Осетинской дорогѣ черезъ Кавказскія горы, такъ какъ очень хорошо изучилъ Кавказъ. И послѣ его ухода жена моя, видѣвшая его впервые, но хорошо уже его знавшая по моимъ разсказамъ, была прямо очарована и благородствомъ, и мягкостью, и душевной чистотой этого милаго, умнаго человѣка и пріятнаго собесѣдника. Причины его самоубійства остались неизвѣстны, но, думаю, его угнетала россійская неурядица, изъ которой просвѣта не было видно, а тотъ просвѣтъ, на который наивные или опрометчивые люди надѣялись, т. е. революція, тогда назрѣвавшая, его, вѣроятно, еще болѣе пугала.

По поводу телеграфнаго присоединенія Обнинскаго къ выборгскому воззванію, вспоминаю, что въ Перми произошелъ курьезъ, о которомъ я узналъ позднѣе, такъ какъ во время роспуска первой Государственной Думы лѣчился за границей. Члены первой Государственной Думы отъ Пермской губерніи, горный инженеръ Василій Николаевичъ Граматчиковъ, а второго точно не помню, кажется предсѣдатель Верхотурской земской управы Мухлынинъ, тоже послали телеграмму о своемъ присоединеніи къ выборгскому воззванію, но, на ихъ счастье, начальникъ пермскаго почтоваго округа Евгеній Ивановичъ Пушъ ее задержалъ, найдя

ее противоправительственнаго содержанія, и только потому Граматчиковъ и его коллега избѣжали суда и наказанія, чему, разумѣется, въ концѣ концовъ были очень рады.

Кстати о Государственной Думѣ, позволяю себѣ упомянуть, что еще во время моей предводительской дѣятельности мнѣ выпала честь устраивать первыя предвыборныя собранія по первому (т. е. отъ 6-го августа 1905 года) положенію о Государственной Думѣ и таковыя собранія и для землевладѣльцевъ и для крестьянъ я дѣлалъ какъ въ Новгородѣ и Любани, такъ и въ Петербургѣ, ибо большинство новгородскихъ землевладѣльцевъ проживало въ Петербургѣ. Помню, какой живѣйшій интересъ возбуждали эти совѣщанія со стороны землевладѣльцевъ и какія надежды возлагались на Думу; крестьяне же относились скорѣе безучастно, проявляя лишь любопытство въ земельномъ вопросѣ, т. е. въ увеличеніи своихъ надѣловъ.

Въ Перми я считалъ недопустимымъ вмѣшательство начальника губерніи въ выборы членовъ Государственной Думы, находя, что это могло бы лишь дискредитировать высшую власть безъ всякой пользы для дѣла, но министерство при Столыпинѣ держалось противоположныхъ взглядовъ. Во время выборовъ въ первую Государственную Думу въ Перми на крестьянское собраніе какимъ то образомъ проникъ іеромонахъ Бѣлогорскаго монастыря Серафимъ, хорошій проповѣдникъ и ярый монархистъ и, принеся съ собой крестъ и евангеліе, заставилъ выборщиковъ поклясться, что выберутъ людей твердыхъ и надежныхъ. Несмотря на присутствіе въ Перми бывшаго предсѣдателя Новгородской губернской земской управы А. М.

Колюбакина, впослѣдствіи члена первой Государственной Думы, командированнаго въ Пермь для пропаганды центральнымъ комитетомъ кадетской партіи, этотъ незаконный фактъ привода выборщиковъ къ присягѣ прошелъ незамѣченнымъ, но выборы отъ Пермской губерніи тогда были скорѣе удачны.

Роспускъ первой Думы, чѣмъ въ свое время такъ гордился премьеръ Горемыкинъ, я считалъ ошибкой, будучи увѣреннымъ, что послѣ разгона, вторые выборы дадутъ худшіе результаты, и это оправдалось почти повсемѣстно.

Но я отвлекся въ сторону и, возвращаясь къ краснокрестной дѣятельности, въ заключеніе ея, долженъ сказать нѣсколько словъ о сестрахъ милосердія. Въ началѣ войны большинство сестеръ было на высотѣ своего положенія, но особымъ усердіемъ, выносливостью, горячностью къ работѣ отличались не присяжныя сестры, а добровольныя, пошедшія на войну не изъ матерьяльнаго интереса, а изъ увлеченія идеей и по патріотическимъ чувствамъ. Но продолжительность войны далеко не всѣ онѣ могли выдержать, и затѣмъ составъ сестеръ значительно измѣнился къ худшему, но, повторяю, въ началѣ войны были такія, передъ которыми можно было прямо преклоняться, онѣ не знали усталости и не отказывались ни отъ какихъ самыхъ трудныхъ порученій и опасныхъ командировокъ.

Въ ноябрѣ 1914-го года я поѣхалъ на короткое время въ Петербургъ и М. А. Стаховичъ поручилъ мнѣ отвезти письмо графу С. Ю. Витте, съ непремѣннымъ условіемъ передать его лично. Я, по телефону узналъ, когда могу придти. С. Ю. назначилъ въ 9 часовъ утра, и я засталъ его уже за письменнымъ

столомъ, а онъ, прочтя письмо, передалъ мнѣ и прочелъ заготовленный отвѣтъ на предыдущее письмо Стаховича. Меня поразила ясность и правильность мысли и смѣлость высказыванія того, что шло тогда въ разрѣзъ съ мнѣніями и желаніями большинства. Когда мы уже считали Галицію завоеванной, онъ прямо высказывался противъ ея присоединенія къ Россіи, говоря, что это будетъ новый горчишникъ на русскомъ тѣлѣ, а намъ, по его мнѣнію, довольно двухъ: Финляндіи и Польши. И онъ находилъ болѣе выгоднымъ, въ виду нашихъ успѣховъ на Турецкомъ фронтѣ, или, можетъ быть, еще ожидаемыхъ, присоединеніе узкой прибрежной стоверстной полосы вглубь въ Малой Азіи, отъ Синопа до русской границы и добавилъ, что у него вычислены всѣ доходы, каковые могутъ быть отъ этого присоединенія, превышающіе доходы отъ присоединенія Галиціи, и собраны всѣ матерьялы. Точно также онъ не скрывалъ въ письмѣ, что онъ противъ войны и что не можетъ считать ошибкой политику четырехъ царствованій (какъ онъ говорилъ). Ранѣе этого я съ нимъ говорилъ только разъ, когда былъ назначенъ губернаторомъ во время его премьерства, но тогда пріемъ произвелъ на меня впечатлѣніе, что ему не до меня. Черезъ нѣсколько дней въ третьемъ часу дня (помню, что это еще было при дневномъ свѣтѣ), приходитъ онъ ко мнѣ съ отвѣтнымъ визитомъ; я его принялъ въ гостинной и насъ съ женой поразили его первыя слова, только что онъ плюхнулся въ кресло, осмотрѣлся и говоритъ: «Вы находите это удобнымъ? Вѣдь это фонарь какой-то». Дѣло въ томъ, что наша гостинная была круглая и, благодаря большимъ окнамъ очень свѣтлая, какъ и вся квартира. Мы отвѣтили, что квартирой очень довольны. Это, конеч-

но, мелочь, но мелочь характерная, которую мы оба вспомнили, когда уже графъ Витте не былъ въ живыхъ, а именно во время революціи. Наша квартира съ выпуклыми закрытыми балкончиками была ужасно на виду, а лампа въ нашей столовой съ краснымъ абажуромъ была видна въ самомъ началѣ Каменноостровскаго проспекта, и намъ не позволяли зажигать электричество, говоря, что мы кому-то сигнализируемъ. Вотъ тогда-то мы частенько вспоминали какъ Сергѣй Юльевичъ былъ правъ и предусмотрителенъ въ своемъ опредѣленіи.

А пока, до перехода къ описанію причинъ революціи, позволю себѣ упомянуть про нѣкоторые факты моей службы и частной жизни.

Въ первыхъ числахъ октября 1916-го года я былъ назначенъ Почетнымъ Опекуномъ петербургскаго присутствія Опекунскаго Совѣта. Это назначеніе, въ то время само по себѣ весьма почетное, мнѣ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ служебнаго бездѣйствія и пребыванія въ тѣни, было очень лестно, тѣмъ болѣе, что я этимъ назначеніемъ отчасти обязанъ краснокрестной дѣятельности, а отчасти добрымъ друзьямъ, которые, помимо даже моей просьбы, обо мнѣ думали и заботились. Милая старуха Екатерина Ильинишна Татищева была удостоена приглашеніемъ весной 1916-го года къ завтраку въ Аничковскій дворецъ, т. е. къ Ея Величеству Императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ. И завтракъ совершенно случайно совпалъ съ 80 лѣтней годовщиной ея (т. е. Татищевой) рожденія. Бесѣдуя послѣ завтрака съ Ея Величествомъ съ глазу на глазъ, она просила Императрицу, во вниманіе къ этому знаменательному въ ея жизни дню, уважить ея просьбу и просила обо мнѣ. Ея Величество благосклонно

выслушала и обѣщала. Когда покойная Екатерина Ильинишна мнѣ объ этомъ потомъ разсказывала, я былъ совершенно смущенъ ея добротой и вниманіемъ ко мнѣ и, поблагодаривъ горячо милую старушку, всетаки не придалъ особаго значенія ея словамъ.

И вдругъ, въ сентябрѣ вызываетъ меня Александръ Григорьевичъ Булыгинъ, глубоко порядочный, хорошій русскій человѣкъ и настоящій баринъ и говоритъ, что Ея Величество выразила желаніе, чтобы я былъ назначенъ почетнымъ опекуномъ, и при этомъ добавилъ: «а я хочу Васъ просить принять въ управленіе больницу Всѣхъ Скорбящихъ», иначе говоря домъ сумасшедшихъ на 11-ой верстѣ по Петергофской дорогѣ. Это мнѣ менѣе улыбалось, ибо я всегда очень боялся сумасшедшихъ, но мнѣ, какъ самому молодому опекуну уклоняться было неудобно, а потомъ, за пятимѣсячное мое управленіе этимъ заведеніемъ, я убѣдился, что дѣло весьма интересное и большое, такъ какъ больница владѣла 100 десятинами земли подъ самымъ Петербургомъ, ибо отъ Нарвскихъ воротъ было всего верстъ пять.

Зданіе больницы было когда-то однимъ изъ дворцовъ великолѣпнаго Князя Тавриды, Свѣтлѣйшаго Потемкина, и съ его времени уцѣлѣла большая зала въ два свѣта, съ очень красиво расписаннымъ плафономъ, изображавшимъ амуровъ. И въ этой залѣ подъ амурами была устроена церковь Всѣхъ Скорбящихъ, а по серединѣ висѣла великолѣпная хрустальная съ бронзой, очень тонкой, изящной работы люстра изъ знаменитаго въ свое время Краснаго Кабачка, гдѣ останавливалась Екатерина Вторая во время своего похода на Петергофъ. Говорятъ, что эта люстра очень понравилась Императору Александру III, любителю

старинныхъ вещей, и онъ хотѣлъ ее купить, но преждевременная кончина помѣшала ему это исполнить.

Какъ только вспыхнула революція, въ больницѣ, въ особенности ввиду врачебнаго междуцарствія, начались волненія, образовались всякіе комитеты изъ низшихъ служащихъ, которыхъ было свыше пятисотъ человѣкъ, и я прекратилъ посѣщенія больницы, но участвовалъ еще въ послѣднемъ засѣданіи опекунскаго совѣта, кажется 15-го мая 1917 года, подъ предсѣдательствомъ члена Государственной Думы Евграфа Евграфовича Ковалевскаго.

Вообще засѣданія опекунскаго совѣта, несмотря на свою торжественность, по своей стереотипности и скоропалительности, имѣли нѣсколько комическій характеръ и имѣли видъ не засѣданій, а необходимой и скучной процедуры. Бывало А. Г. Булыгинъ, выслушавъ краткій докладъ быстро смѣнявшихся на кафедрѣ чиновниковъ, лѣнивымъ и жирнымъ голосомъ цѣдилъ сквозь зубы: «согласиться со смѣтной комиссіей», и только одинъ изъ старыхъ опекуновъ, съ профилемъ Іоанна Грознаго, довольно рѣзкимъ голосомъ дѣлалъ свои возраженія, нарушая этимъ монотонность засѣданій.

Мнѣ осталось въ памяти совѣщаніе опекуновъ передъ засѣданіемъ въ первые дни революціи, кажется, на другой же день послѣ отреченія Государя Императора. Исполняющій должность Главноуправляющаго Кистеръ (Булыгинъ уже былъ тяжело боленъ) предложилъ намъ дать подписку о нашемъ подчиненіи Временному Правительству, противъ чего, конечно, никто не возражалъ. Но когда одинъ изъ молодыхъ опекуновъ предложилъ послать телеграмму, не по почтѣ, разумѣется, а съ нарочнымъ, передать теле-

графный текстъ Ея Величеству Императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ въ Кіевъ, дабы выразить въ переживаемые Ею тяжелые дни, наше горячее сочувствіе Ея глубокому горю, что несомнѣнно, было бы особенно отрадно получить Императрицѣ именно тогда, а намъ подчеркнуть свою преданность Ея Величеству, на это предложеніе, кромѣ графа А. П. Кутайсова, никто не откликнулся и никто его не поддержалъ, говоря, что это неудобно. У всѣхъ сквозила лишь боязнь за собственную шкуру, а особенно непріятно поразилъ меня сладенькій старичекъ генералъ, прежде чуть-ли не еженедѣльно безпокоившій Государыню всякими дѣлами и докладами. Такъ Опекунскій Совѣтъ постыдно струсилъ и ни однимъ словомъ не поблагодарилъ Ея Величество за заботы и постоянное Ея вниманіе къ намъ. Когда же это опять стало безопасно, то многіе начали вновь напоминать о себѣ Ея Величеству.

Вспоминая про Вдовствующую Императрицу, позволю себѣ кстати разсказать, какъ я былъ пораженъ Ея удивительнымъ умѣніемъ принимать и выводить собесѣдника изъ вполнѣ естественнаго смущенія при разговорѣ впервые съ Ея Величествомъ. Когда я первый разъ имѣлъ счастье Ей представляться въ 1905 году въ Петергофѣ, въ такъ называемомъ фермерскомъ дворцѣ, меня пріятно поразила Ея своеобразная манера бесѣдовать и, только что я вошелъ, Императрица обратилась ко мнѣ со словами: «mais c'est affreux, ce qui se passe, je ne reconnais plus la Russie». Въ то время происходили всякіе земскіе съѣзды, подавались Государю разные адресы и еще зимой были забастовки, волненія рабочихъ и прочее. Словомъ Императрица говорила такимъ тономъ, какъ будто я былъ у Нея вчера. а Она продолжаетъ начатый со мной разговоръ.

Будучи губернаторомъ, я все попадалъ въ Петербургъ, или когда Ея Величество была за границей, или въ Гатчинѣ, куда, за дальностью разстоянія, я лишенъ былъ возможности попадать. Но, пріѣхавъ изъ Львова въ ноябрѣ 1914-го года въ Петербургъ, я счелъ долгомъ Ей представиться, какъ Покровительницѣ Краснаго Креста и подѣлиться моими впечатлѣніями, порадовавъ Императрицу сообщеніями о плодотворной дѣятельности дорогихъ Ея сердцу краснокрестныхъ учрежденій и, въ особенности, госпиталя Ея имени, бывшимъ подъ управленіемъ энергичной и умной графини О. И. Бобринской. Помню, еще въ пріемной залѣ Аничковскаго Дворца, меня поразилъ живой, во все проникающій умъ стараго царедворца князя Г. Д. Шервашидзе, съ которымъ я впослѣдствіи, въ 1917 году очень подружился, проводя лѣто въ Нейшлотѣ, въ Финляндіи, и съ большимъ удовольствіемъ вспоминаю о моихъ частыхъ и откровенныхъ съ нимъ бесѣдахъ. А въ 1914 году онъ меня забросалъ вопросами относительно военныхъ дѣйствій и военнаго управленія, а также и русскаго гражданскаго управленія во Львовѣ, интересуясь даже мелочами русской жизни и, видимо, онъ былъ въ дѣйствительномъ курсѣ дѣлъ.

Когда я былъ назначенъ Почетнымъ Опекуномъ, то, разумѣется, я долженъ былъ представиться Ея Величеству и собирался для этого въ Кіевъ, но А. Г. Булыгинъ и меня, и моихъ товарищей по назначенію отговорилъ, увѣривъ, что въ январѣ Ея Величество непремѣнно пріѣдетъ въ Петербургъ.

Но прошелъ январь, Императрица не возвращалась, вѣроятно предпочитая свое кіевское уединеніе петербургскому водовороту; наступилъ злосчастный

февраль и пошла революцiонная потѣха, отъ которой у вдумчивыхъ русскихъ людей мурашки по спинѣ пошли и голова отказывалась понимать, какъ приказъ № 1, такъ и весь этотъ демагогическiй бредъ нашихъ доморощенныхъ и безхарактерныхъ Маратовъ и Дантоновъ.

Я переѣхалъ съ женой въ Финляндiю, а потомъ въ Одессу, откуда въ концѣ марта 1919-го года, наканунѣ общей эвакуацiи благополучно удрали въ Константинополь и, уже сидя на поэтичномъ островѣ Халки, узналъ про эвакуацiю Крыма и про то, что англичане эвакуировали Ея Величество и немногихъ проживающихъ тамъ Великихъ Князей и Княгинь. И вотъ тамъ же, на рейдѣ Принцевыхъ Острововъ я имѣлъ счастье въ послѣднiй разъ видѣть Ея Величество на англiйскомъ броненосцѣ «Мальборо» и былъ очень обрадованъ, убѣдившись лично, что, несмотря на всѣ великiя несчастья, Она сохранила и бодрость духа и свѣжесть памяти.

Я не могу теперь передавать разговора, такъ какъ онъ имѣлъ политическiй оттѣнокъ, а что касается Государя, то представлявшiй насъ адмиралъ князь Вяземскiй просилъ этого вопроса не касаться, ибо Ея Величество въ гибель сына не вѣрила, а утѣшительнаго, къ сожалѣнiю, ни я, ни представлявшiеся въ тотъ же день милый и сердечный генералъ баронъ Евгенiй Александровичъ Раушъ-фонъ-Траубенбергъ, бывшiй во время войны Начальникомъ Минскаго военнаго округа, ни скромный старичекъ Кульчицкiй, послѣднiй царскiй Министръ Народнаго Просвѣщенiя, не могли сообщить. Потомъ, одновременно со мной, недѣли двѣ Ея Величество жила на островѣ Мальтѣ, и многiе изъ бѣженцевъ Ее посѣщали. Но,

зная Ея Величество очень мало, я не счелъ возможнымъ безпокоить и нарушать напрасно Ея покой.

Кстати о Мальтѣ, я никогда, конечно, не могъ думать и предполагать, что русская революція заброситъ меня туда, но я о болѣе, чѣмъ трехмѣсячномъ пребываніи на Мальтѣ сохранилъ наилучшія воспоминанія. Во первыхъ и переѣздъ туда на громадномъ англійскомъ океанскомъ пароходѣ «Бермудіанъ», хотя былъ тяжелъ, ибо мы испытали сильную бурю, но въ обществѣ почти восьмисотъ русскихъ бѣженцевъ былъ, несомнѣнно, очень интересенъ и характеренъ. Видъ знатныхъ царедворцевъ и сановниковъ, приносящихъ изъ кухни въ громадныхъ котлахъ ѣду (такъ какъ прислуги на пароходѣ не было), а потомъ поочередно мывшихъ посуду, былъ очень типиченъ и мнѣ досадно, что не было кодака, дабы все это запечатлѣть для потомства.

Пріѣхавъ на Мальту въ концѣ апрѣля, сразу попали въ пекло. Размѣщены мы были просто, но удобно въ пустовавшихъ войсковыхъ казармахъ, и у каждаго семейнаго изъ насъ было по двѣ комнаты съ балкономъ, водопроводомъ и электричествомъ. Многіе, конечно, фордыбачились, находя ужаснымъ жить въ такой простой (мягкой мебели не было) обстановкѣ и кушать ту, правда, чрезвычайно однообразную и нероскошную ѣду, но, въ общемъ, сытную, чѣмъ насъ кормили. Но настоящіе аристократы и люди тонкаго воспитанія, какъ напримѣръ, графиня Елисавета Владимировна Шувалова, рожденная Барятинская и графъ Димитрій Сергѣевичъ Шереметевъ, бывшій тамъ со всей семьей были вполнѣ удовлетворены этой жизнью и, кромѣ глубокой благодарности, ничего къ нашимъ союзникамъ не испытывали,

На чей счетъ мы содержались, не знаю, но содержали насъ безплатно, а многихъ, удравшихъ изъ Крыма безъ всего, одѣли съ ногъ до головы и за содержаніе стали взимать плату только тогда, когда нѣкоторые, не въ мѣру самолюбивые, при томъ вполнѣ оголенные соотечественники, захотѣли платить, но большинство, вмѣсто платы, стало выдавать письменныя обязательства объ уплатѣ по возвращеніи въ Россію по фунту стерлинговъ въ недѣлю съ мужчины, по 15 шиллинговъ съ женщины и по 10 шиллинговъ дѣти до 10 лѣтъ и прислуга.

Недостатокъ острова — почти полное отсутствіе зелени, такъ какъ имѣется только два роскошныхъ сада у дворца бывшаго Великаго Магистра Св. Антонія, гдѣ двѣ недѣли жила Ея Величество Императрица Марія Ѳедоровна, и далѣе отъ Валетты, у дворца Вердаля (въ честь одного изъ первыхъ великихъ магистровъ ордена, кардинала Вердаля). Въ саду Св. Антонія была почти тропическая растительность, чудныя пальмы, апельсинныя деревья, нефли, громадныя деревья съ индійской датурой и пр. Но садъ, въ общемъ, былъ скучный, безъ всякаго вида и съ прямыми дорожками. Садъ же Вердаля былъ расположенъ на горѣ, съ открытымъ и очень красивымъ видомъ на весь островъ и море, съ большой кедровой и апельсинной рощами, былъ болѣе обширенъ и приближался скорѣе къ природѣ, не имѣя вида насаженнаго. Во дворцѣ Вердаля лѣтомъ живалъ англійскій генералъ губернаторъ, но, къ сожалѣнію, дворецъ сохранилъ мало старины.

Очень интереснымъ дворцомъ былъ въ самой Валеттѣ дворецъ великихъ магистровъ, служившій зимнимъ помѣщеніемъ для того же губернатора.

Нѣкоторыя залы представляли изъ себя богатѣйшій музей, въ особенности въ отношеніи вооруженія, а въ одной изъ залъ красовался во весь ростъ великолѣпный портретъ Екатерины II, если не ошибаюсь, работы Левицкаго, присланный ею въ подарокъ великому магистру герцогу де-Роганъ. Портрета Императора Павла I, наоборотъ, нигдѣ не было, ибо рыцари ордена послѣднимъ гроссмейстеромъ считали барона Гомпеша.

Чрезвычайно интересенъ былъ также въ Валеттѣ соборъ въ честь Іоанна Крестителя, служившій усыпальницей какъ рыцарей, такъ и великихъ магистровъ, которые, кромѣ Гомпеша, всѣ тамъ и покоились подъ великолѣпными монументами, а мраморный полъ собора весь былъ испещренъ могилами рыцарей, гербы которыхъ изображены были на могилахъ и въ общемъ составляли очень красивую мозаику. Кромѣ того, какъ я уже упоминалъ въ первой главѣ, въ собрѣ были замѣчательные фламандскіе ковры еще конца семнадцатаго вѣка, висѣвшіе на стѣнахъ въ іюнѣ недѣли двѣ или три отъ праздника Божьяго Тѣла до Всѣхъ Апостоловъ. Ковры представляли громадную цѣнность и ремонтъ ихъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, стоилъ большую сумму. На этихъ коврахъ были изображены всѣ главнѣйшіе моменты изъ жизни Іисуса Христа, при чемъ всѣ фигуры были почти въ человѣческій ростъ; особенно удачны были поклоненіе волхвовъ и распятіе Іисуса Христа.

Валетта небольшой, но очень чистенькій городокъ, имѣлъ двѣ очень хорошія гостинницы Рояль и Осборнъ. Былъ оперный театръ, въ которомъ, раза три при насъ, давались торжественные безплатные спектакли для увеселенія русскихъ бѣженцевъ и спектакли

начинались съ русскаго гимна, а оканчивались англійскимъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашего жилища былъ такъ называемый австрійскій павильонъ, а около него небольшой, но чудесный цвѣтникъ, наполненный геранiями. Мы ихъ насчитали сортовъ двадцать и такихъ яркихъ, красивыхъ, роскошныхъ и богатыхъ по разнообразію оттѣнковъ гераній я нигдѣ не видалъ. Даже нѣмецкія гераніи никакого сравненія съ ними не выдерживали; и мы съ женой почти ежедневно ходили любоваться этими чудными цвѣтами.

Мальта островокъ небольшой, въ длину километровъ 16-18, не больше, а въ ширину, кажется, 7 или 8. Одинъ изъ заливовъ назывался заливомъ Св. Павла, гдѣ, по преданію,высадился Апостолъ для проповѣди, и на томъ мѣстѣ красуется часовенка.

Общій видъ Мальты напоминаетъ немного Палестину, а характеръ крестьянскихъ построекъ совершенно сходенъ съ арабскими: всѣ дома, конечно, съ плоскими крышами, а окна во дворъ, дворы же окружены высокими каменными стѣнами. Во всѣхъ селеніяхъ красуются громадные кактусы, которые служатъ для отопленія, а фрукты для питанія. Дороги на Мальтѣ — великолѣпныя шоссе, а искусно скрытые форты дѣлаютъ Мальту совершенно неприступной для непріятеля. Какъ мальтійцы, такъ и языкъ ихъ ничего общаго съ итальянцами не имѣетъ: языкъ съ гортанными звуками, напоминающій скорѣе арабскій. Я запомнилъ только два слова: «саха», т. е. здравствуйте и «ейва» — да. Красивыя лица встрѣчались очень рѣдко. Преобладающій цвѣтъ женскаго наряда — черный; на головѣ, вмѣсто шляпы, женщины носили что-то въ родѣ кренолиновъ. Это было некрасиво, но вполнѣ защищало ихъ отъ палящаго солнца. Чер-

ный цвѣтъ настолько излюбленъ на Мальтѣ, что даже вѣнчальный нарядъ дѣвицъ — черное платье, а не бѣлое.

Говоря про Мальту, не могу не вспомнить чудную личность адвоката и профессора университета господина Вассало, оказавшаго и мнѣ, и семьѣ Толстыхъ очень солидную юридическую помощь въ одномъ дѣлѣ своими полезными совѣтами и знаніями и притомъ вполнѣ безкорыстно и безплатно. Какъ о немъ, такъ и о его семьѣ я сохранилъ навсегда самыя отрадныя и теплыя воспоминанія. Это былъ умный, чрезвычайно благородный, добрый человѣкъ, прямо изумительной, кристальной душевной чистоты. Да и вообще мальтійцы относились къ русскимъ бѣженцамъ очень хорошо.

Несмотря на знойную жару, я совершалъ большія прогулки пѣшкомъ въ обществѣ очень пріятнаго спутника, умнаго уральца и крупнаго финансоваго дѣятеля А. П. Матвѣева, чуть-ли не за 6 и за 7 километровъ по палящему солнцу и, вдругъ, придя однажды въ мѣстечко около залива Св. Павла, въ сельскую гостиницу позавтракать, были чрезвычайно удивлены, увидавъ на стѣнахъ двѣ русскія олеографіи съ изображеніемъ охоты на волковъ съ поросенкомъ.

Изъ русскихъ я сохранилъ очень свѣтлое воспоминаніе о графинѣ Елисаветѣ Владимировнѣ Шуваловой, съ которой видѣлся почти ежедневно, такъ какъ она была комиссаромъ нашего дома, а я ея помощникомъ; затѣмъ о графѣ Димитріи Сергѣевичѣ Шереметевѣ, очень внимательно и заботливо исполнявшемъ обязанности предсѣдателя русскаго комитета и о вышеупомянутомъ мною баронѣ, Е. А. Раушъ-фонъ-Траубенбергъ, бесѣды съ которымъ доставляли мнѣ гро-

мадное нравственное удовлетворенiе, а также объ очень обязательномъ хлопотунѣ Германѣ Германовичѣ Лерхе, котораго я и раньше зналъ и любилъ по его краснокрестной дѣятельности.

Если бы не слабое здоровье жены, очень плохо переносившей мальтiйскiй знойный климатъ, когда лѣтомъ, даже ночью, бывало тяжело дышать, я бы, кажется, никогда не разстался съ Мальтой: во первыхъ, чудное море, глядя на которое можно было съ наслажденiемъ просиживать цѣлые дни, а во вторыхъ, послѣ россiйскихъ ужасовъ и нашей полной неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ, попасть подъ твердое, надежное, заботливое и сильное покровительство англичанъ, было уже само по себѣ громаднымъ успокоенiемъ, и всѣ наши горя и печали казались оттуда такими далекими, тѣмъ болѣе, что англичане были такъ любезны и уступили одну военную церковь русскимъ бѣженцамъ, и тамъ еженедѣльно симпатичнымъ настоятелемъ ялтинскаго собора отцомъ Николаемъ совершались богослуженiя, и я со страхомъ и грустью покидалъ полюбившуюся мнѣ Мальту, совершенно не зная, что насъ ожидаетъ въ Европѣ.

Но и въ гостепрiимной и милой Италiи мы встрѣтили самый радушный прiемъ: начиная съ нашего посла Михаила Николаевича Гирса и его супруги, всѣ къ намъ относились очень тепло, а милый Граматика, владѣлецъ гостиницы «Florence» въ Белладжiо на Комскомъ озерѣ прямо насъ растрогалъ своимъ удивительнымъ отношенiемъ какъ къ намъ, такъ и къ другимъ русскимъ бѣженцамъ.

Но я забѣжалъ впередъ и вернусь къ пребыванiю въ Одессѣ, которую никогда не любилъ и разскажу про похищенiе моего племянника Толстого. Теперь

эту невѣроятную для мирнаго времени исторію вспоминаю совершенно спокойно, но тогда вся семья пережила много очень горькихъ и ужасныхъ минутъ. Случилась она въ Одессѣ въ мартѣ 1919-го года во время управленія ею, дотолѣ невѣдомымъ, генераломъ (и, кажется, самозваннымъ) Гришинымъ-Алмазовымъ, т. е. не при большевикахъ, а при добровольческой арміи. Утромъ, въ 8 часовъ родной племянникъ моей жены Сережа Толстой, пятнадцатилѣтній мальчикъ большого роста, идя по Маразліевской улицѣ въ свою гимназію, былъ похищенъ неизвѣстными людьми въ военной формѣ, которые приставили револьверы къ его виску и сердцу, предупредивъ, что если онъ крикнетъ, будетъ убитъ, и увезли на автомобилѣ. Продержавъ его десять дней въ до сихъ поръ невыясненномъ мѣстѣ, выпустили, при чемъ, требуя сначала милліонъ рублей, согласились освободить за сто тысячъ украинскихъ. Мальчикъ былъ отданъ своимъ теткамъ Бехтѣевымъ на Строгановомъ мосту, на Греческой улицѣ, т. е. въ центрѣ города, около 7 часовъ вечера. Судя по письмамъ, которыя онъ изъ своего невольнаго затвора писалъ и посылалъ черезъ разбойниковъ своей матери, потерявшей за три мѣсяца передъ тѣмъ горячо любимаго мужа (брата моей жены), въ дѣло были замѣшаны нѣкоторые домашніе, но кто именно, можно лишь предполагать, выяснить же не удалось, ибо въ среду мы отплыли на пароходѣ «Петръ Великій» въ Константинополь, а уже въ четвергъ французское командованіе сдало Одессу большевикамъ.

Я оставляю судить читателямъ, что должна была пережить за эти десять ужасныхъ дней обезумѣвшая отъ горя несчастная мать, и надо только было уди-

вляться и преклоняться передъ силой воли этой, вообще весьма нервной и воспріимчивой, женщины. Разбойники, требуя сперва милліонъ, въ первый же день согласились на 100 тысячъ, а потомъ десять дней положительно насмѣхались, доказывая воочію, что городъ безъ полиціи и жители предоставлены волѣ Божьей. Сыскная полиція вела себя въ этомъ дѣлѣ болѣе чѣмъ странно, явившись въ первый же день кражи мальчика къ его матери самъ десять въ самыхъ фантастическихъ костюмахъ, такъ что ихъ приняли сперва тоже за разбойниковъ и, не произведя никакого разслѣдованія, начальникъ скорѣе напугалъ, чѣмъ успокоилъ бѣдную мать.

Нѣкоторое содѣйствіе, при большомъ доброжелательствѣ, было оказано французской контръ-развѣдкой, а дѣйствительную помощь оказалъ въ этомъ дѣлѣ бывшій начальникъ Херсонскаго жандармскаго управленія очень умный, повидимому способный, весьма тактичный человѣкъ, что я, при всей своей нелюбви къ этому корпусу, съ особымъ удовольствіемъ и сердечной благодарностью отмѣчаю.

Пришлось мнѣ обратиться и къ начальнику полиціи, очень небольшому, но влюбленному въ себя и свое положеніе, человѣку. Такъ этотъ господинъ, видимо большой трусъ, во время моего визита къ нему, прекрасно зная кто я такой, усиленно перекладывалъ два браунинга на письменномъ столѣ, какъ бы для моего устрашенія. Несмотря на трагичность положенія, меня такіе маневры этого лица, перемѣнившаго въ началѣ войны свою нѣмецкую фамилію на русскую, чрезвычайно смѣшили, и при этомъ онъ былъ необыкновенно важенъ.

Благодаря приходу большевиковъ, подозрѣваемые

въ этомъ дѣлѣ лица остались безнаказаны, и поэтому я лишенъ пока возможности изложить всю эту ужасную исторію со всѣми подробностями. Насколько разбойники не стѣснялись, видно изъ того, что черезъ два часа послѣ ареста мальчика одинъ изъ шайки принесъ отъ него письмо прямо въ домъ, а потомъ, двое изъ нихъ явились въ Александровскій паркъ для переговоровъ съ тетками мальчика. Затѣмъ, въ первый же день кражи, намъ было по телефону назначено вечеромъ свиданіе на углу Арнаутской и Ришельевской улицъ для передачи имъ денегъ, а намъ мальчика. Мы отправились вчетверомъ, двѣ Бехтѣевы, ихъ братъ А. С. Бехтѣевъ и я. Прождавъ на указанномъ перекресткѣ болѣе часу, возвращаемся домой, а по телефону разбойники сообщаютъ, что они передумали и остаются при требованіи милліона. Затѣмъ неоднократно въ теченіи десяти дней назначались дѣловыя свиданія сестрамъ Бехтѣевымъ, на которыя тѣ мужественно отправлялись и, зачастую, безрезультатно. Однажды было такъ, что дѣловой разговоръ З. С. Толстой, т. е. матери мальчика, съ однимъ лицомъ черезъ часъ былъ извѣстенъ разбойникамъ, выразившимъ Бехтѣевымъ удивленіе, что она не согласилась на сдѣланное ей предложеніе.

Не обошлось и безъ вмѣшательства одного изъ монаховъ, имѣвшаго будто бы репутацію прозорливца. И на бесѣду съ нимъ, конечно съ охраной, бѣдная мать должна была отправиться въ одно изъ подворій. Монахъ отслужилъ молебенъ, затѣмъ бесѣдовалъ, стараясь успокоить мать, а во время бесѣды удалялся въ другую комнату, гдѣ, вѣроятно, замѣшанныя въ дѣло лица его натаскивали въ нужномъ для нихъ направленіи. Все это, повторяю, теперь вспоминается

спокойно; но что тогда не только мать, но всѣ родственники, и я въ томъ числѣ, должны были переживать, тѣмъ болѣе, что у меня ежедневно въ довольно поздніе часы и въ самыхъ разнообразныхъ, то людныхъ, то укромныхъ мѣстахъ были свиданія съ нужными людьми. Еще въ Константинополѣ, да даже и на Мальтѣ, мальчикъ былъ нервенъ, а иногда и подозрителенъ, что вполнѣ понятно послѣ пережитыхъ имъ волненій. Онъ говорилъ, что обращались съ нимъ, въ общемъ, хорошо, но, боясь преслѣдованій, они сутки продержали его въ какомъ то погребѣ на соломѣ и мальчикъ, здоровья не крѣпкаго, а наоборотъ, весьма подверженный простудѣ, при гадкомъ кормленіи, на холодѣ и въ сырости, слава Богу, не заболѣлъ. Не могу умолчать, что самое теплое, сердечное и живое участіе принималъ въ этомъ дѣлѣ митрополитъ одесскій Платонъ, вообще очень хорошо относившійся къ семьѣ Толстыхъ.

А теперь позволю себѣ перейти къ моимъ личнымъ и провѣреннымъ, посредствомъ бесѣдъ со свѣдущими и положительными людьми, наблюденіямъ о военномъ управленіи и, такъ сказать, изъянамъ фронта. Всякій вдумчивый и наблюдательный человѣкъ, кому уже вначалѣ войны приходилось быть на фронтѣ, или соприкасаться съ нимъ и высшимъ военнымъ начальствомъ, несомнѣнно чувствовалъ и видѣлъ, что военное управленіе у насъ, за немногими исключеніями, чрезвычайно хромало. Я не касаюсь, конечно, Ставки, въ которой никогда не бывалъ и о которой, въ особенности въ началѣ войны, всѣ говорили съ большимъ уваженіемъ, но я говорю про генералитетъ и про способы его назначенія. Не говоря о томъ, что назначались не по заслугамъ, а по протекціи, но генералъ

Лешъ мнѣ лично печаловался, что командующій арміей, которому ввѣрено сто тысячъ человѣкъ, а иногда и болѣе, не имѣетъ права свободнаго выбора своего начальника штаба; ему, напримѣръ, предложили двухъ кандидатовъ, одного онъ два раза въ своей жизни видѣлъ, а о другомъ не имѣлъ понятія. Но развѣ же это нормально? Губернаторъ, въ сравненіи съ командующимъ арміей, птица ничтожная, имѣлъ полное право выбора правителя канцеляріи, а командующій арміей не знаетъ того, съ кѣмъ ему придется служить и постоянно совѣтоваться. И назначались не только начальники штабовъ армій, но и фронтовъ по линіи, т. е. по старшинству. Ну и результаты такихъ непродуманныхъ назначеній быстро сказались: хорошихъ офицеровъ и солдатъ ухлопали въ началѣ войны и зря, а потомъ съ маргариновыми войсками хотѣли побѣждать. Когда Радко-Димитріевъ разстался со своимъ начальникомъ штаба генераломъ Вл. М. Драгомировымъ, ему прислали изъ Петербурга въ начальники штаба такого канцелярскаго генерала, что не надо было даже быть военнымъ, чтобы понять насколько этотъ петербургскій фруктъ не соотвѣтствуетъ своему назначенію.

Затѣмъ другая сторона, которую зачастую можно было наблюдать: это страшная рознь среди генераловъ — желаніе отличиться самому и потопить сосѣда, вовсе не заботясь и не безпокоясь о томъ, что десятки тысячъ русскихъ жизней гибнутъ и гибнетъ русское дѣло, знамя и честь и даже въ опасности русская мощь. И третье, что знаю отъ того же Леша, а именно, что начальники дивизій (не всѣ, слава Богу), а зачастую и командиры корпусовъ, настолько удалялись

отъ фронта, что онъ приказомъ по арміи долженъ былъ обратить на это вниманіе.

Затѣмъ небрежность, или недобросовѣстность, уже не берусь судить, но во всякомъ случаѣ небрежность, за которую слѣдовало разстрѣливать виновныхъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1915-го года былъ страшный взрывъ снарядовъ въ Брестъ-Литовской крѣпости. Я попалъ въ Брестъ-Литовскъ въ послѣднихъ числахъ іюля того же года и что же? Большинство снарядовъ продолжало храниться въ деревянныхъ, на каменныхъ столбахъ сараяхъ, крытыхъ даже лучинкой; Лешъ мнѣ также говорилъ, что форты никуда не годятся, кромѣ, кажется, одного; узкоколейка же, которая должна была соединять форты и служить для подвоза снарядовъ, до августа мѣсяца 1915-го года не была готова. Каменный мостъ черезъ Бугъ, соединявшій крѣпость съ передними западными фортами только начиналъ перестраиваться. Ну, можно ли было при такихъ обстоятельствахъ оборонять крѣпость?!

А желѣзная дорога отъ Холма до Бреста, черезъ Влодаву, имѣла только одну колею, платформы же, для погрузки конницы, только строились лѣтомъ 1915-го года и на станціи, кажется Яблонной, точно названія не помню, эта платформа была окончена какъ разъ къ занятію этой станціи германскими войсками.

А напротивъ Ковенской крѣпости, на болотистомъ берегу Нѣмана, незадолго до войны было разрѣшено поселиться нѣмецкимъ колонистамъ и, передъ сдачей Ковно, оказалось, что всѣ ихъ дома были расположены правильнымъ треугольникомъ, лицомъ къ крѣпости, а внутри вмѣсто половъ, были бетонныя площадки для постановки орудій.

Ну, какъ же при всѣхъ таковыхъ обстоятельствахъ, вѣдь я перечисляю только мнѣ извѣстныя, а всѣхъ грѣховъ и изъяновъ было гораздо болѣе, не считать Сухомлинова измѣнникомъ, разъ онъ имѣлъ дерзость докладывать Государю, что Россія къ войнѣ вполнѣ готова, тѣмъ болѣе, что и снарядовъ хватило на самое короткое время. Уже въ октябрѣ 1914-го года на галиційскомъ фронтѣ чувствовался ихъ недостатокъ, да и быстрый отходъ третьей и другихъ армій, весной 1915 года произошелъ изъ-за, тогда уже полнаго отсутствія снарядовъ, а нѣмцы ими прямо засыпали наши почти безоружныя войска.

Всѣми этими изъянами военнаго управленія съ начала войны стали пользоваться смутьяны, дабы революціонизировать войска. Въ половинѣ декабря 1914-го года М. С. Стаховичъ уѣхалъ по дѣламъ въ Петербургъ и поручилъ мнѣ, въ его отсутствіе, побывать въ штабѣ третьей арміи, чтобы выяснить у полковника Духонина, завѣдывавшаго контръ-развѣдкой этой арміи (впослѣдствіи верховный главнокомандующій русскими войсками, безвинно замученный въ октябрѣ 1917-го года въ Могилевѣ), исторію съ задержанными подарками, присланными для Елисаветградскаго госпиталя Краснаго Креста. Какъ теперь помню, передъ обѣдомъ въ штабной столовой подхожу я къ Духонину, красивому полковнику и спрашиваю о причинахъ задержки вагона съ подарками, на что онъ мнѣ отвѣтилъ: «да неужели Вы думаете, что мы дѣйствительно задержали подарки, вовсе нѣтъ, но мы обязаны охранять войска отъ пропаганды, вѣдь весь вагонъ былъ наполненъ книжками самаго возмутительнаго содержанія». Это, повторяю, было на Рождествѣ 1914-го года, а затѣмъ въ 1916 году я на

короткое время опять попалъ на фронтъ въ одинъ изъ передовыхъ отрядовъ, и раза три въ лѣто мнѣ пришлось ѣздить по желѣзной дорогѣ отъ Минска до Петербурга и въ общемъ вагонѣ бывалъ свидѣтелемъ такихъ разговоровъ, что однажды я не выдержалъ и возмутился, выразивъ изумленіе, что господа офицеры и какой то почтеннаго вида священникъ съ крестомъ на Георгіевской лентѣ за Портъ-Артуръ, ведутъ при постороннихъ такіе разговоры. Но это было лишь нагляднымъ доказательстовмъ успѣха пропаганды и, разумѣется, о побѣдѣ съ такими войсками не могло быть и рѣчи.

Помню также мнѣніе одного случайнаго спутника, человѣка купеческой складки. Ѣхалъ я съ женой въ послѣднихъ числахъ августа 1915-го года изъ Кисловодска въ Петербургъ, а рядомъ съ нами, въ сосѣднемъ купэ, ѣхалъ очень благообразный старикъ съ большой сѣдой бородой, въ золотыхъ очкахъ, съ очень пріятнымъ и открытымъ выраженіемъ лица, не знаю почему, у меня такъ и врѣзалась въ памяти его наружность. Въ Любани покупаемъ газеты и читаемъ извѣстіе, что Государь принялъ на себя верховное командованіе. И вотъ, обращается ко мнѣ этотъ старикъ (а я былъ въ формѣ Краснаго Креста) и, качая головой говоритъ: «охъ, охъ, охъ, нехорошо, нехорошо». Я сперва даже не понялъ къ чему это относится и просилъ его мнѣ объяснить. «Помилуйте, да какъ-же Государь становится во главѣ войскъ; Онъ долженъ быть внѣ критики, а теперь всѣ еще болѣе его будутъ осуждать и всѣ ошибки валить на его голову. Нѣтъ, это очень нехорошо, помяните мое слово старика, это не къ добру». Это было сказано такъ искренно, съ такимъ глубокимъ убѣжденіемъ, что слова эти такъ и запали

мнѣ въ душу. И помимо царедворцевъ, почти вся Россія такъ чувствовала и думала, тѣмъ болѣе, что Великій Князь Николай Николаевичъ и среди солдатъ, и среди простого народа, былъ очень популяренъ; если у него и были ошибки, то молва всѣ эти ошибки валила на голову генераловъ, а никакъ не на Верховнаго Главнокомандующаго. Русскій простой народъ уважаетъ и цѣнитъ строгость, а у него создалась репутація строгаго, но справедливаго начальника, а главное, что будто-бы былъ строгъ съ генералами.

Самое большое несчастье Государя была излишняя мягкость, а великія эпопеи требуютъ мѣръ устрашенія, и, если-бы Государь передъ войной не помиловалъ Стеселя и Небогатова и не проявилъ бы обычную свою мягкость къ Сухомлинову, иначе могло-бы повернуться колесо судьбы.

Теперь принято ругать революцію и восхвалять прежній режимъ. Я принадлежалъ и принадлежу къ прежнему старому режиму и скажу, что великій грѣхъ приняли на себя тѣ лица, которыя затѣяли революцію во время войны, не принявъ въ расчетъ невѣжественность русскаго народа, и, кромѣ того, затѣявъ революцію, выпустили въ критическую минуту возжи изъ рукъ, и Россія, какъ дикая тройка, понеслась впередъ, уничтожая все на своемъ пути.

Но, всѣ недостатки военнаго управленія, все это гибельное для Россіи и преступное отсутствіе снарядовъ, и неумѣніе или нежеланіе многихъ военноначальниковъ внимательно относиться къ солдатскимъ нуждамъ и интересамъ, а иногда и излишняя ихъ грубость истощили терпѣніе тѣхъ страдальцевъ, которые болѣе двухъ лѣтъ болѣли и гнили въ окопахъ, защищая своей кровью родину.

Продолжительность войны и постоянные и безтолковые призывы запасныхъ, а, особенно, призывъ запасныхъ среди лѣта 1916-го года, въ разгарѣ полевыхъ работъ, доконали выносливость и терпѣливость русскаго мужика: — пошелъ ропотъ и недовольство. Это, вообще, большое заблужденіе думать, что война въ народѣ была популярна. Можетъ быть вначалѣ, и то въ столицахъ, или большихъ городахъ, деревня же, по своей невѣжественности, чрезвычайно равнодушно относилась всегда ко всѣмъ вопросамъ, кромѣ земли и вѣры, а также безучастно, а позднѣе даже и отрицательно относилась къ войнѣ.

Уже осенью 1915-го года и въ Тамбовской губерніи среди крестьянъ и въ Кисловодскѣ отъ простого народа приходилось слышать: «намъ все равно подъ кѣмъ быть, подъ Николаемъ, или Вильгельмомъ, Вильгельмъ строгій, такъ порядку больше будетъ». А мужики, попадавшіе изъ запаса и по набору въ части легко революціонизировались, такъ какъ въ казармахъ, какъ въ Новгородѣ, напримѣръ, приспособленныхъ на четыре тысячи человѣкъ, находилось до двадцати тысячъ, и не хватало ни коекъ, ни посуды, ни, подчасъ, ѣды, а главное, не было ружей, съ чѣмъ можно было обучаться.

Военный министръ Шуваевъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1916 года самъ признался видному общественному дѣятелю князю В., что, изъ ста восьмидесяти тысячъ войскъ Петербургскаго гарнизона вѣрныхъ и надежныхъ правительству было не болѣе двадцати тысячъ, а, между тѣмъ, никто не принималъ никакихъ мѣръ и не задумывался надъ грозившей столицѣ опасностью отъ скопленія такого количества, плохо обученныхъ,

ничего не дѣлающихъ и распропагандированныхъ массъ.

Что въ правительствѣ не было ни стройности, ни опредѣленности, наглядным примѣромъ можетъ служить Финляндія. Послѣ цѣлаго ряда лѣтъ, если не потворства, то значительнаго послабленія этой окраинѣ, генералъ-губернаторомъ былъ назначенъ, правда, умный и твердый, но хамоватый, мало воспитанный и грубый генералъ Бобриковъ. Послѣ его убійства попалъ шумливый, хвастливый и вздорный князь Иванъ Михайловичъ Оболенскій. Онъ былъ смѣненъ, можетъ быть и мягкимъ, но безспорно умнымъ, уравновѣшеннымъ и тактичнымъ Н. Н. Герардъ, отношенія съ этой окраиной начали налаживаться, какъ не знаю и не помню кто, подсунулъ Столыпину, или уже его преемнику генерала Зейнъ, дешеваго карьериста, самаго опаснаго типа изъ русской бюрократіи, православнаго нѣмца, или русскаго лютеранина.

Почти тоже происходило и въ Царствѣ Польскомъ: никакой послѣдовательности. Слабый и больной князь Имеретинскій былъ смѣненъ, правда, умнымъ и чисто русскимъ бариномъ и человѣкомъ, но весьма престарѣлымъ М. И. Чертковымъ. Послѣ него совершенно неожиданно и для другихъ, и для себя, попалъ безцвѣтный и ничтожный Максимовичъ, только по дружбѣ въ Конной Гвардіи съ Министромъ Двора, Фредериксомъ. Затѣмъ честный, но неумный нѣмецъ Скалонъ, а потомъ умный, но довольно безтактный Жилинскій. На Кавказѣ сумасброднаго и шалаго Гри-Гри Голицына смѣнилъ, слава Богу, уравновѣшенный и умный, но старый и больной графъ Воронцовъ-Дашковъ.

И повсюду все шло скачками, то неожиданная твердость и строгость, то заигрываніе.

Безвольностью Государя злоупотреблялъ ничтожный «entourage», который въ послѣднее время составляли: генералъ отъ кубаки, занятый аферами, безцвѣтный и безличный Нарышкинъ и преданный и вѣрный, но и только, Долгоруковъ. Благородный Фредериксъ былъ послѣднее время такъ старъ, что, конечно, никакой роли не игралъ; объ адмиралѣ Ниловѣ, хотя и безусловно честномъ, не стоитъ и говорить. Дѣйствительно положеніе Царя было трагическимъ и ужаснымъ.

Кто родилъ министровъ — не знаю, но послѣднее время это была чехарда, доведенная до безумія и въ дни революціи оказался у власти совершенно не приспособленный для этой роли премьеръ князь Голицынъ, имѣвшій мужество честно доложить Царю о своей непригодности къ этой роли, но Государь почему-то настоялъ, лично даже мало зная Голицына.

Одно очень умное и правдивое, весьма уважаемое и способное лицо изъ высшей бюрократіи, случайно присутствовавшее на послѣднемъ засѣданіи Совѣта Министровъ 27-го февраля 1917-го года вечеромъ въ Маріинскомъ Дворцѣ передавало мнѣ слѣдующую картину: Голицынъ съ отчаяніемъ, хватаясь за голову, бѣгалъ по комнатѣ, военный министръ Бѣляевъ, сидя за столомъ, плакалъ. Командующій войсками Хабаловъ, совершенно неизвѣстно откуда вынырнувшій на Петербургскій горизонтъ и Протопоповъ, министръ внутреннихъ дѣлъ были настолько растеряны и такъ трусили, что и разговаривать съ ними было невозможно. А между тѣмъ, по мнѣнію этого весьма свѣдущаго лица, въ Пулковѣ, Ораніенбаумѣ и еще гдѣ-то нахо-

дились вѣрныя правительству войска и, если-бы ихъ двинуть на Петербургъ, результаты первыхъ дней революціи могли бы быть другіе.

Но возвращаясь къ описанію царскаго режима, скажу еще, что стараго, но умнаго и честнаго бюрократа Куломзина на предсѣдательскомъ креслѣ Государственнаго Совѣта съ 1-го января 1917-го года смѣнилъ безпринципный Щегловитовъ, потянувшій за собой такихъ членовъ, что самыя благонамѣренныя лица руками развели.

На ноябрьскомъ 1916-го года общедворянскомъ съѣздѣ самые консервативные и преданные престолу элементы говорили въ очень рѣзкомъ и возбужденномъ тонѣ. Словомъ, атмосфера была ужасная, недовольство было почти всеобщее, никто правительству не вѣрилъ и ничего хорошаго не ожидалъ, видя, что все катится по наклонной плоскости. Люди ловкіе наживали неизвѣстно отчего и весьма быстро крупныя состоянія, и даже на столичную поверхность всплыли такіе типы какъ Манусъ и Митька Рубинштейнъ и тоже играли роль.

Въ высшемъ духовенствѣ было не лучше: честный митрополитъ Владиміръ держался въ Кіевѣ въ опалѣ и въ сторонѣ, да и онъ для боевыхъ ролей былъ неспособенъ. Въ Москвѣ престарѣлый Макарій, а въ Петербургѣ безнравственный и безпринципный Питиримъ. Оберъ-прокуроромъ, по выраженію митрополита Владиміра былъ «куаферъ» Раевъ, занимавшійся только смѣной своихъ париковъ и мелкимъ угодничествомъ.

Чему же удивляться, что вначалѣ революція была встрѣчена если не радостно, то облегченно: извѣрившіеся въ правительствѣ люди жаждали свѣжей

струи, но, увы, и тутъ постигло Россію черезъ нѣсколько дней горькое разочарованіе. Думскій комитетъ оказался безсильнымъ, власть сосредоточилась въ совѣтѣ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

Вотъ вамъ картина послѣднихъ лѣтъ и послѣднихъ дней русской жизни передъ революціей, но причины революціи кроются не только въ войнѣ и перечисленныхъ мною изъянахъ, но ихъ надо искать дальше и глубже.

Позволю себѣ сослаться, во-первыхъ, на нѣмецкую книгу «Nikolaus der II und das Ende Romanoff», вышедшую еще въ 1918 году. Откидывая сплетни и грязь, я всетаки долженъ сказать, что нѣкоторые выводы автора правильны. Онъ говоритъ, что уже пятьдесятъ лѣтъ русская внутренняя политика хромала, ибо русское правительство въ ней отстало отъ взглядовъ общества и средній классъ переросъ, такъ сказать умственно, царскій режимъ. Кромѣ того авторъ находитъ очень вреднымъ безплатное кормленіе цѣлыхъ милліоновъ голодающаго населенія, ибо это развращающе дѣйствовало на народъ. Съ этими выводами автора нельзя не согласиться.

Затѣмъ прибавлю отъ себя, полицейскій режимъ, удручающе дѣйствовалъ на благонамѣренную часть населенія и способствовалъ революціонной пропагандѣ.

Недаромъ житейски опытный, старый, умный и честный Сергѣй Ник. Шубинскій еще въ 1904 году мнѣ говорилъ: «что-жъ, съ помощью штыковъ этотъ режимъ продержится лѣтъ десять, не болѣе». Такъ что война и неудачный выборъ министровъ только ускорили событія, но революція произошла бы все равно, хотя въ мирное время ее, разумѣется, было бы

легче подавить. Тягости полицейскаго режима не понимались и не сознавались въ Петербургѣ, но въ провинціи онѣ очень чувствовались, такъ какъ жандармская власть давила общество нещадно.

Далѣе, несмотря на долгую жизнь бокъ о бокъ съ крестьянами, большинство помѣщиковъ не только не знало ихъ, но и чрезвычайно заблуждалось на ихъ счетъ. Классовая рознь была громадна; скрытая ненависть весьма упорна, а часто умѣло поддерживалась полуголоднымъ и злобнымъ сельскимъ духовенствомъ и еще болѣе голодными и полуграмотными сельскими учителями, иногда же и сами помѣщики эту рознь безсознательно усиливали. Рознь эту и даже пропасть, вырытую крѣпостнымъ правомъ и происходящую оттого ненависть, надо было давить не плеткой и полицейскими стѣсненіями, или пьяными и безграмотными урядниками, а хорошей школой и сельскими банками, тогда и свободы понимались бы правильно, а то у крестьянъ онѣ равнялись понятіямъ: «грабь, бери все». Вотъ, вкратцѣ, причины: казенная монополія очень развратила народъ, а доброта и мягкость Государя только способствовали ускоренію событій.

Переходя къ самой революціи, позволю себѣ сказать, что между нашей и французской революціями есть весьма существенное различіе, а именно, что французская была національна, и всѣ дѣятели и руководители ея были французы, не скрывавшіе своего прошлаго и не стыдившіеся его; у насъ же, хотя революція и назрѣвала внутри, но навѣяна извнѣ и уже во временномъ правительствѣ появились псевдонимы, прошлое которыхъ покрыто туманомъ, а далѣе кромѣ Чичерина, пошли все псевдонимы.

Да и дѣятели русской революціи, въ большинствѣ

случаевъ, не знали Россіи и ея нуждъ. Да думаю и мало этимъ интересовались. Такъ, одинъ изъ министровъ внутреннихъ дѣлъ еще временнаго правительства говорилъ губернскому комиссару: «вѣдь, собственно, я почти не знаю Россіи, когда я былъ въ Россіи, то сидѣлъ въ тюрьмѣ или находился въ ссылкѣ въ Сибири, а когда былъ на свободѣ, жилъ въ Парижѣ».

Но, конечно, самой жалкой и въ то же время вредной фигурой русской революціи, даже, несомнѣнно, вреднѣе большевиковъ, былъ Керенскій по своей двуличности, и хотя мелкому, но чрезвычайному честолюбію........

Большевики по крайней мѣрѣ научили Россію разговаривать съ Европой, а всѣ выкрики Керенскаго, всѣ его потуги изобразить великаго человѣка были только смѣшны, а когда онъ, не избранный народомъ и самозванный правитель русскаго государства, переѣхалъ въ Зимній Дворецъ, признанный народнымъ достояніемъ, всѣмъ ясна стала его ненормальность и манія величія. ....

....

Да и большевиковъ бы не было, еслибы у Керенскаго была хоть капелька любви къ Россіи и немного здраваго государственнаго смысла. Въ концѣ іюня 1917 года онъ, правда, короткое время, но былъ популяренъ и, если бы арестовалъ большевистскихъ главарей, то упрочилъ бы свою власть. Зачѣмъ было также ссылать несчастнаго и безобиднаго, но благороднаго Царя!

Какъ нѣмецкая революція развѣнчала, казавшагося большимъ человѣкомъ, Вильгельма, превратившагося въ обыкновеннаго и даже подлаго буржуя-капиталиста и стараго развратника, не сумѣвшаго,

какъ и Керенскій, съ честью и во время умереть, такъ и русская революція и бездарность ея руководителей изъ слабовольнаго Царя, превратила Николая II въ Великаго Изгнанника, Незабвеннаго Страдальца и Невиннаго Мученика и только сіяніе Его терноваго Вѣнца можетъ дать опять Романовымъ права на престолъ. Столько благородства, столько смиренія, столько любви къ Россіи и русскому народу выказалъ Государь своимъ самоотверженнымъ отреченіемъ, что надо было Его врагамъ съумѣть преклониться передъ величіемъ Царской души и настоять на почетномъ и свободномъ выѣздѣ изъ Россіи и Его и Его невинной замученной семьи. А затѣмъ надо было подавить большевизмъ, что въ іюлѣ 1917-го года особенного труда не составляло.

Стремленіе подражать Наполеону у Керенскаго было, но у него не было ни того ума, ни той храбрости, ни талантовъ, ни быстрой сметки, которыми всегда отличался геніальный узурпаторъ власти, передъ дѣяніями и подвигами котораго еще долго будутъ преклоняться всѣ безпристрастные люди и всѣ народы всего міра. Да, въ этомъ громадная и главнѣйшая разница русской революціи съ французской: послѣдняя родила Наполеона, у насъ же на поверхность всплылъ жалкій Керенскій, а потомъ заполонилъ Россію жестокій разрушитель Ленинъ.

И каковы результаты? Россія сокрушена надолго; война демократизировала все, даже Англію, русская же революція на всю Европу наложила свою тяжелую руку и перевернула почти все, лишивъ рынки необходимаго сырья и только способствуя скорѣйшему разоренію всей Европы. Есть среди насъ, буржуевъ, люди, воображающіе, что это временное и мечтающіе

о возвратѣ къ прежнему и что, когда вернемся въ Россію, настанутъ для насъ лучшія условія жизни. Къ сожалѣнію, этого никогда не будетъ; мы всѣ лишь жалкія щепки въ рукахъ громадной, движущей всѣми нами и плохо сознаваемой силы демократіи. Да и революція имѣетъ, несомнѣнно, свои права...

Мы всѣ, люди стараго поколѣнія, конечно, другого воспитанія, другихъ понятій, не можемъ помириться съ этой новизной, со стремленіемъ большинства какъ бы оголиться и нравственно и физически, и мы все еще мечтаемъ, что загрязненную революціонной бурей толпу подымемъ до своихъ понятій и привычекъ. Увы! этого не будетъ; а, наоборотъ, многимъ изъ насъ уже пришлось опроститься и всѣмъ намъ постепенно придется опроститься, подчиняясь велѣніямъ судьбы, ибо къ прежнему возврата нѣтъ...

Да, но еще Достоевскій сказалъ: «Могуча Русь, и не то еще выносила. Да и не таково назначеніе и цѣль ея, чтобы зря повернулась она съ вѣковой своей дороги, да и размѣры ея не тѣ. Кто вѣритъ въ Русь, тотъ знаетъ, что вынесетъ она все рѣшительно и останется въ сути своей такою же прежнею, святою нашей Русью, какъ и была до сихъ поръ. Грѣхъ есть смрадъ и смрадъ пройдетъ, когда возсіяетъ солнце. Грѣхъ есть дѣло преходящее, а Христосъ — вѣчное».

Да, скажу я, пройдутъ года, а можетъ быть и десятки лѣтъ, жизнь, хотя и на новыхъ началахъ, но понемногу наладится; воскреснетъ запустѣлое и захудалое твореніе Великаго Петра, а на церквахъ возсіяетъ опять, нынѣ униженный и поруганный православный крестъ; опять заработаютъ и фабрики и заводы, на улицахъ будетъ оживленіе, словомъ, новая жизнь закипитъ; а по царственной Невѣ за-

бѣгаютъ пароходики и моторные катера, и знатные и бѣдные богомольцы будутъ въ минуты скорби и печали искать утѣшенія передъ Нерукотвореннымъ Ликомъ Спасителя въ домикѣ Царя Великаго, а оттуда пробираться въ Царскую усыпальницу, дабы передъ гробницей убіеннаго Царя въ горячей молитвѣ искупать свои грѣхи. Но, бродя среди царскихъ могилъ, увы, не найдутъ гробницы несчастнаго, но чистаго душой и помыслами Императора.

А тамъ, въ преддверіи Сибири, около Шарташскаго озера потянутся по лѣсу нескончаемыя, сѣрыя вереницы простого, очухавшагося отъ свободъ и кроваваго смрада, народа, чтобы помолиться и поставить свѣчечку у часовни и креста на мѣстѣ сожженія дорогихъ останковъ того-же Царя и Его невинно замученной, несчастной Семьи и не только просить, но вымаливать у Создателя вселенной прощенья за то, что не съумѣли оберечь Помазанника Божія отъ страданій, мученій и смерти.

А въ Екатеринбургѣ грошами того же русскаго народа, я вѣрю, создастся великолѣпный храмъ на мѣстѣ Ихъ невиннаго убіенія и вѣчныя лампадки будутъ сіять передъ Русской Голгоѳой.

И со временемъ во всѣхъ русскихъ церквахъ на великомъ Славословіи, наравнѣ съ именами всея Россіи чудотворцевъ, мучениковъ и страстотерпцевъ послѣ именъ Митрополитовъ Петра, Алексія, Іоны и Филиппа и Князя Михаила будетъ поминаться Имя невинно-убіеннаго Царя-Мученика Николая II.

Hohi Rinne, Трансильванія.
1923

ГЛАВА XI.

Валаамъ.

Сердоболь. Маленькій, чистенькій, тихенькій, скучный финскій городокъ, затерявшійся на берегу залива Ладожскаго озера. Каменные, но большей частью деревянные, одноэтажные дома, почти всѣ окружены садами; улицы широкія и немощенныя съ деревянными тротуарами. Розовый, двухъэтажный каменный домъ съ просторной и красивой терассой съ видомъ на Ладожскій заливъ: это единственная и вполнѣ приличная гостинница, а тамъ за заливомъ грустный, мелкій еловый лѣсокъ, песчано-каменистая почва. Мѣстность холмистая и природа въ общемъ довольно однообразная, бѣдная и унылая съ еще болѣе унылыми, кое гдѣ разбросанными, черными финскими хижинами.

Въ двухъ верстахъ отъ города на открытомъ и возвышенномъ мѣстѣ архіерейская дача съ домовой церковью и при ней двумя или тремя монахами. Помѣстительный домъ, комнаты свѣтлыя, хорошо обставленныя, два балкона, а передъ домомъ раскинулся садъ, спускавшійся къ небольшому озерку.

Завтра утромъ долженъ придти съ Валаама пароходъ, который и отвезетъ насъ туда. Давно мечталъ я, петербургскій уроженецъ и житель побывать на Валаамѣ, но

все что-то мѣшало. Надо же было попасть на лѣто въ тихій, заброшенный на сѣверѣ Сайменскаго озера Нейшлотъ, по фински Савонлинна, чтобы наконецъ исполнилось мое завѣтное желаніе. Только въ Нейшлотѣ я оцѣнилъ впервые красоты сѣверной природы и своебразную, но чарующую прелесть Финляндіи. Всѣ эти дачи до Выборга не даютъ ни малѣйшаго представленія о дѣйствительныхъ финскихъ красотахъ и чудномъ, живительномъ воздухѣ. Даже Иматра, поражающая Васъ и нѣсколько ошеломляющая, но несомнѣнно очень красивая, не дастъ Вамъ полнаго понятія о Финляндіи.

Все это можно оцѣнить, проѣхавшись на пароходѣ по Сайменскому озеру, гдѣ всѣ островки съ деревьями и дачами отражаются въ чистой, зеркальной поверхности озера, глѣ Вы налюбуетесь и чудными закатами и еще болѣе поэтичными, прямо изумительными восходами солнца, въ особенности послѣ этихъ свѣтлыхъ, почти незамѣтныхъ сѣверныхъ ночей. А затѣмъ Вы еще болѣе оцѣните Финляндію, если поживете нѣсколько дней въ этомъ скромномъ, но хорошенькомъ Нейшлотѣ съ его оригинальнымъ, разбросаннымъ по небольшимъ скалистымъ островкамъ, паркомъ, съ его вполнѣ приличнымъ казино, съ мѣстной гордостью остатками старинной шведской крѣпости, къ сожалѣнію ничѣмъ теперь не использованной, со снующими во всѣ стороны бѣленькими, очень чистенькими пароходами. И наконецъ самое неожиданное въ Нейшлотѣ это іюньская и іюльская жара ,при идеальной чистотѣ, легкости и прозрачности воздуха. Живописныя окрестности покрыты сосновымъ лѣсомъ, очень милыя прогулки и пѣшкомъ и на лодкѣ по тихому озеру. Всюду финская чистота и образцовый

порядокъ. Часъ ѣзды на пароходѣ отъ Нейшлота-Пункахарью одно изъ красивѣйшихъ мѣстъ Финляндіи. Длинный,верстъ семь и довольно узкій полуосртовъ, скорѣе перешеекъ, покрытый очаровательнымъ сосновымъ лѣсомъ, среди котораго двѣ гостинницы Казенная и Финляндія. Кромѣ этого въ полуверстѣ отъ гостинницъ, отлично устроенная санаторія для слабогрудыхъ и чахоточныхъ и, вѣрю, результаты леченія должны быть изумительные. Полуостровъ довольно высокій, саженъ 30 надъ озеромъ, а затѣмъ и на лѣво и на право вода, острова съ лѣсомъ и опять вода и вода; мѣстами открывается видъ даже на десятки верстъ. Но я увлекся, вспоминая милую и молчаливую Финляндію съ поэтично-зеркальной Саймой. Вернусь къ поѣздкѣ на Валаамъ.

Настало тихое ,прозрачное и къ удивленію довольно жаркое, августовское утро. Къ назначенному часу идемъ по песчанной улицѣ къ Сердобольской пристани, а вдали уже слышится пронзительный свистокъ и вскорѣ плавно подходитъ монастырскій небольшой бѣлый пароходъ «Преподобный Сергій». Онъ привезъ съ Валаама Архіерея и нѣсколько богомольцевъ, т. к. Спасо--Преображенія тамъ храмовой праздникъ. Капитанъ не старый, сосредоточенный, но симпатичный монахъ и вся команда Валаамскіе послушники. Забравъ кой какія вещи пароходъ отчалилъ.

Насъ было трое: Владиміръ Александровичъ Волоцкой, коренной москвичъ, энергичный, живой, общительный человѣкъ лѣтъ 60, интересный и словоохоливый собесѣдникъ, съ 12 лѣтнимъ сыномъ, очень избалованнымъ, непослушнымъ и довольно несноснымъ мальчикомъ и элегантный,холенный по заграничному одѣтый, тщательно расчесанный, припома-

женный и чуть ли не надушенный Григорій Львовичъ Милорадовичъ съ сѣдыми, пушистыми кверху зачесанными усами и крошечной испаньолкой и съ удивительнымъ, не по годамъ свѣжимъ цвѣтомъ лица. Какъ то странно было видѣть этого по парижскому одѣтаго и по парижскому думающаго и всю жизнь тамъ прожившаго, пожилого человѣка, ѣдущимъ на богомолье ва Валаамъ. Пароходъ сперва идетъ Ладожскими шхерами, гдѣ по берегамъ разбросаны многочисленныя красивыя и повидимому благоустроенныя дачи, большей частью бѣлыя съ красивыми крышами и только послѣ полуторачасоваго хода мы вышли въ открытое озеро, гдѣ сразу посвѣжѣло и пароходъ стало слегка покачивать.

Непривѣтливое, свинцовобурое Ладожское озеро представляло внушительную картину, а тамъ вдали уже темнѣли Валаамскіе острова, покрытые могучимъ лѣсомъ. Но вотъ показалась, на самомъ берегу, небольшая каменная бѣлая церковь. Это церковь во имя Св. Угодника Николая, а дальше уже высится на горѣ бѣлая высокая колокольня, а за нею раскинулись обширныя, бѣлыя монастырскія зданія съ желѣзными зелеными крышами и посреди этихъ зданій, составляющихъ правильный четырехъугольникъ, виднѣется золоченный куполъ собора. Пароходъ вошелъ въ довольно узкій проливъ между островами и незамѣтно причалилъ къ пристани. Революціонные солдаты потребовали наши паспорта и своимъ появленіемъ напомнили, что даже тихая обитель не избѣгла ихъ зоркаго ока, но послѣ соотвѣтствующихъ отмѣтокъ, паспорта скоро были отданы и болѣе солдатъ мы не видали и, слава Богу, они намъ не надоѣдали.

Поднявшись по каменной, широкой лѣстницѣ на

довольно высокую гору, мы подошли къ большому, бѣлому двухъэтажному зданію монастырской гостинницы. Бѣлокурый, еще молодой монахъ гостинникъ о. Савинъ, насъ радушно встрѣтилъ и предложилъ на выборъ нѣсколько номеровъ. Вслѣдствіе перерыва пароходнаго сообщенія съ Петербургомъ, или тогда уже увы Петроградомъ, гостинница была почти пуста, ибо черезъ Финляндію попадало немного богомольцевъ, да изъ за недостатка хлѣба монастырь въ послѣднее время большинству желающихъ пріѣхать отказывалъ. Бѣлыя стѣны свѣтлаго углового номера, чистыя,но очень жесткія кровати, клеенчатый, какъ и полагается во всѣхъ монастыряхъ, старинный и неудобный диванъ, передъ нимъ полукруглый столъ, два, три стула и, конечно, икона въ углу. На окнахъ никакихъ занавѣсокъ. Изъ оконъ красивый видъ на еловый лѣсъ, на право фруктовый садъ и длинныя, бѣлыя монастырскія зданія, а тамъ за ними Ладожское озеро.

Привѣтливый, услужливый, но безъ суеты о. Савинъ объявилъ, что часъ обѣденный, и сейчасъ онъ намъ принесетъ монастырскую трапезу. И вскорѣ въ бѣлыхъ мискахъ, на чистой скатерти появился нашъ обѣдъ, а такъ какъ былъ Успенскій постъ и по строгому Валаамскому уставу никакой рыбы вкушать, даже посторроннимъ не полагалось, дали намъ гороховый супъ да щи, гречневую кашу, все обильно политое постнымъ, правда хорошимъ, подсолнечнымъ масломъ, да кажется кисель, чернаго монастырскаго, хорошо испеченнаго хлѣба и квасу. Всего очень щедро и хотя я не охотникъ до постнаго масла, но ѣсть очень хотѣлось,и надо сознаться, все было вкусно приготовлено, такъ что поѣлъ почти съ удовольствіемъ и спутники мои тоже похваливали.

Мы объяснили гостиннику сколько времени мы пробудемъ въ монастырѣ и, что намъ желательно съѣздить въ скиты, посмотрѣть достопримѣчательныя Валаамскія мѣста, а также заѣхать къ старцу о. Піонію, про котораго много слышали; такъ нельзя ли намъ лошадокъ. «Вотъ кончите кушать, Васъ свезутъ въ Виѳанскій скитъ и Коневецкій, а къ старцу Піонію въ Предтеченскій скитъ, довольно отдаленный отъ монастыря, придется уже завтра на лодочкѣ», объяснилъ намъ монахъ.

Пообѣдали и чайку выпили, выходимъ у подъѣзда уже стоятъ два рессорныхъ экипажа весьма покойныхъ и даже нарядныхъ и сытыя, красивыя лошадки. Дороги мягкія и образцовыя, ни рытвинки, ни ямки даже пыли нѣтъ, ибо черезъ густыя ели солнце мало проходитъ и въ лѣсу прохладно; всѣ мостики тоже въ порядкѣ, правда ѣзды мало, но все таки куда ни глянешь, вездѣ видна заботливая рука опытнаго, добраго и разумнаго хозяина, каковымъ слылъ о. Игуменъ Маврикій. Къ сожалѣнію онъ отсутствовалъ, т.к. былъ приглашенъ въ Москву на Церковный Соборъ Тишина поразительная, нами дотолѣ не испытанная, даже птицъ почти не слыхать и кругомъ очень высокія, прямыя, снизу мохнатыя, роскошныя, царственныя ели, а между ними кой гдѣ травка, а то пушистый, ярко зеленый мохъ. Только внутри острововъ въ мѣстахъ защищенныхъ отъ ладожскихъ вѣтровъ замѣчаются развѣсистые дубы и липы, но это около скитовъ и, разумѣется, посаженные.

Послѣ семи верстъ гладкой дороги, мы увидѣли красную, новую церковь и рядомъ бревенчатое, тоже новенькое зданіе: это скитъ Виѳанія. Словоохотливый и довольно любопытный старичекъ монахъ насъ повсю-

ду обвелъ, все показалъ и объяснилъ. Церковь недавно построена; живопись очень хорошая, а внизу подъ церковью устроено подобіе Виѳлеема и ясель, гдѣ родился Христосъ. Отъ скита провели насъ по тропинкѣ съ версту на довольно крутую гору съ густымъ лѣсомъ кажется, называется «Гефсиманскій скитъ»; тамъ, на восточномъ берегу острововъ, часовенка и крестъ. Мы на высокой, совершенно отвѣсной, сѣрой гранитной скалѣ, глубоко внизу плещетъ темное, суровое и холодное Ладожское озеро съ чуть виднѣющимися на горизонтѣ синеватыми берегами; немного слѣва торчитъ еще болѣе мрачный, гранитный и пустынный островокъ, покрытый точно густой темно-зеленой шапкой мохнатыхъ елей, а за вами тянется нескончаемый сумрачный вѣковой лѣсъ. Картина угрюмая, но величественная и прямо поражающая, а кругомъ никакого голоса, ни звука, тишина мертвая придаетъ всему какъ бы таинственный, сказочный видъ, только изрѣдка раздается плескъ Ладожскихъ волнъ о скалы.

И спутники мои и я, видавшіе много очень красивыхъ и живописныхъ видовъ и въ Россіи и въ далекихъ краяхъ, стояли какъ очарованные, не будучи въ силахъ оторваться отъ этой удивительной сѣверной картины и желая побольше насладиться видомъ дикой дѣвственной природы. Мнѣ вспомнилась другая тоже восхитительная картина, гдѣ послѣ скучной и голой дороги, вдругъ открывается какъ по волшебству видъ на южное море: былъ часъ лиловато-розоватаго заката, красиво озарявшаго древній мысъ Фіолентъ. То было на Черномъ морѣ въ маленькомъ Георгіевскомъ монастыркѣ, скромно пріютившемся въ уголку у скалы надъ бездной морской. Тамъ, правда, много поэзіи, болѣе ласки, мягкости и яркости красокъ, но

эта картина несомнѣнно величественнѣе, при всей мрачности озера и прохладности воздуха.

И какимъ ничтожнымъ себя чувствуешь въ сравненіи съ окружающей природой, хочется плакать, хочется молиться и прославлять Творца Вселенной. Послѣ долгаго нѣмого созерцанія, слова тамъ были излишни, со вздохомъ огорченія пришлось покинуть этотъ уединенный уголокъ, эту дивную картину; когда то еще удастся мнѣ здѣсь побывать, да удастся ли?

Заѣхавъ на обратномъ пути въ Коневецкій скитъ, осмотрѣвъ келію отца Дамаскина, гдѣ онъ послѣдніе годы спасался и гдѣ опочилъ, вернулись уже подъ вечеръ домой; но такъ какъ дни на Валаамѣ длинные, пошли бродить въ другую сторону по широкой дорогѣ, по бокамъ которой красовались лиственницы, оживляя своей свѣтлой и нѣжной зеленью темный фонъ столѣтнихъ елей. Шли съ версту и набрели на кладбище: дорожки посыпаны песочкомъ, всѣ могилки обложены зеленымъ дерномъ и обсажены цвѣточками, хорошіе памятники, на многихъ теплились лампадки. Здѣсь погребены всѣ прежніе игумены и среди нихъ, скончавшійся въ 80 годахъ прошлаго столѣтія, знаменитый Дамаскинъ, которому Валаамъ обязанъ всѣмъ своимъ благоустройствомъ. Сорокъ лѣтъ, до глубокой старости игуменствовалъ и трудился во Славу Божію этотъ мудрый и хорошій старецъ, одинъ изъ чистыхъ и крѣпкихъ свѣтильниковъ Православной вѣры. Пожилой скромный монашекъ поливалъ цвѣточки и привѣтливо съ нами поздоровался. Какъ на кладбищѣ, такъ и въ церкви чистота образцовая. «А кто же здѣсь трудится, кто все это дѣлаетъ?» спрашиваемъ мы. «А я» былъ смиренный отвѣтъ. «Какъ одинъ»? «А что же, день великъ, надо работать во имя Господне, а что же мнѣ

болѣе дѣлать?» При прощанiи, по русской привычкѣ, сунули мы монаху благодарность, не взялъ. Отчего? Не полагается, да зачѣмъ мнѣ деньги»? Опять для насъ нѣчто новое.

Это кладбище и есть знаменитая когда то Пустынка и около него совсѣмъ въ лѣсу стоитъ избушка, въ которой въ 1824 году, Императоръ Александръ I навѣщалъ, спасавшагося тамъ схимника старца Николая и долго Императоръ съ нимъ бесѣдовалъ. Теперь эта хижина хотя и въ порядкѣ, но пустая. Уже темнѣло, когда мы вернулись въ гостинницу и тотъ-же услужливый о. Савинъ принесъ намъ ужинъ, не помню хорошо, кажется два блюда: каша да горохъ.

Во время ужина обмѣнялись дневными восторженными впечатлѣнiями. Послѣ Петербурга и тогдашнихъ россiйскихъ треволненiй, ожиданiй и предчувствiй еще чего то худшаго, попасть въ этотъ благодатный уголокъ, хоть немного насладиться этимъ уединенiемъ, монастырской жизненной простотой, сознавая себя, хотя на короткое время вдали отъ людскихъ дрязгъ и всякихъ напастей, казалось всѣмъ намъ великимъ счастiемъ и громадной отрадой.

И картины Валаамской природы, не только послѣ унылаго Сердоболя, но даже послѣ легкихъ красокъ Саймы, насъ всѣхъ поразили и покорили, хотя мы и были много про нихъ наслышаны, но видѣнное нами за день превзошло наши ожиданiя.

Стемнѣло, электричества нѣтъ, лампа маленькая и неважная и мы утомленные новизной впечатлѣнiй и упоенные чистотой воздуха, убаюканные тишиной въ часовъ девять залегли на боковую. И спалось намъ на жесткихъ постеляхъ отлично. Свѣтать стало очень рано. Послышался звонъ, былъ четвертый часъ утра

и мы собрались къ ранней обѣднѣ. Въ корридорѣ общій умывальникъ, вода проведена, все просто, но чисто и удобно.

Пришли еще къ заутренѣ, впереди стояли манатейные монахи, да кромѣ насъ было богомольцевъ человѣкъ шесть.

Никогда неслышанное мною, крюковое пѣніе производитъ оригинальное впечатлѣніе: чѣмъ то далекимъ, историческимъ прошлымъ вѣетъ отъ него. Передъ Вами встаютъ картины древней Руси и видъ самихъ монаховъ только дополняетъ и усиливаетъ это впечатлѣніе. Служба чинная, но безъ длиннотъ и безъ излишнихъ, никому не нужныхъ и мало понятныхъ бормотаній доморощенныхъ чтецовъ. Послѣ обѣдни былъ молебенъ Валаамскимъ угодникамъ Сергію и Герману, и все продолжалось два съ небольшимъ часа.

Соборъ просторный, старинный иконостасъ, но примѣчательнаго ничего нѣтъ. Исполнивъ все божественное, осмотрѣли монастырскія зданія: библіотеку, больницу очень хорошую, гдѣ трудится фельдшеръ монахъ; побывали въ нѣкоторыхъ монашескихъ кельяхъ, а затѣмъ были приглашены къ отцу Казначею (замѣнявшему настоятеля).который насъ очень любезно принялъ въ тѣхъ же покояхъ, гдѣ когда то останавливался Императоръ Александръ I.

Казначей, среднихъ лѣтъ благообразный монахъ угостилъ насъ чаемъ и чудной, крупной, ярко-розовой садовой земляникой (она тамъ поспѣваетъ только въ началѣ августа). Затѣмъ зашли мы въ монастырскую лавку. Иконопись на Валаамѣ процвѣтаетъ, запаслись иконами и очень хорошими описаніями монастыря; заглянули въ просфорню, гдѣ достали великолѣпныхъ просфирокъ; сливочное масло было у насъ съ собою,

это единственная роскошь и единственная вольность, которую мы себѣ позволяли.

На Валаамѣ даже курить не разрѣшается и милый нашъ спутникъ Милорадовичъ, любитель сигаръ, очень отъ этого страдалъ. Сперва попробовали было привезенную нами колбасу, но монахъ гостинникъ, хотя ничего не сказалъ, но какъ-то укоризненно на насъ посмотрѣлъ, и намъ, людямъ пожилымъ, стыдно стало своего малодушія и бросили мы колбасу. Такъ, три дня, проведенные на Валаамѣ, и питались монастырской пищей, попивая свой чаекъ. Въ первый день гостинникъ просилъ о. Казначея разрѣшить намъ рыбку, но было отказано, и хотя на Валаамѣ отличная молочная ферма, но и молочка не попробовали

Послѣ обѣда отправились на лодочкѣ въ Предтеченскій скитъ, расположенный на отдаленномъ островѣ къ юго-западу отъ монастыря. Ѣзды между островами болѣе часу; казалось мы ѣдемъ по чудному вѣковому парку, по берегамъ ярко зеленая, сочная трава, между деревьями мелькаютъ строенія скитовъ, налѣво Коневецкій, въ которомъ уже были, а справа бѣлый скитъ Всѣхъ Святыхъ, одинъ изъ самыхъ населенныхъ и богатыхъ по постройкамъ Валаамскихъ скитовъ (всѣхъ кажется десять), дальше налѣво по склону горъ видны прекрасныя каменныя зданія скотнаго двора, но за недостаткомъ времени, его не удалось осмотрѣть. И всюду насъ поражала эта мертвая, намъ совсѣмъ непривычная, тишина.—

Наконецъ и островъ, гдѣ Предтеченскій скитъ, самый строгій изъ Валаамскихъ скитовъ, куда женщинъ никогда не допускаютъ. Надо сказать, что почти всѣ Валаамскіе острова (кромѣ отдѣльно лежащихъ отъ этого архипелага къ сѣверу и западу) соединены

между собою мостами, и изъ монастыря можно пройти пѣшкомъ до скита Всѣхъ Святыхъ и далѣе до того пролива, который отдѣляетъ Предтеченскій островъ отъ другихъ островов, а на берегу надо звонить въ повѣшенный колоколъ, чтобы изъ Предтеченскаго скита выѣхалъ за вами на лодкѣ монахъ, но если вѣтеръ въ противоположную сторону, (а проливъ довольно широкъ), или монахъ занятъ, приходится порядочно ожидать. Островокъ небольшой, съ двухъ сторонъ выходящій на озеро, покрытъ по краямъ очень крупными высокими и вѣтвистыми елями, среди которыхъ разбросаны темныя избы старцевъ, а посрединѣ острова, на открытомъ мѣстѣ на горѣ, за высокимъ частоколомъ, красуется деревянная церковка. За церковью и за частоколомъ находится большущій сѣрый гранитъ и на немъ между вѣковыхъ елей громаднѣйшій черный крестъ. Отъ него великолѣпный видъ на просторъ и ширь Ладожскаго озера, которое производитъ совершенно впечатлѣніе моря; при этомъ дулъ вѣтерокъ и было порядочное волненіе, такъ что картина представлялась весьма внушительной и красивой.

Дважды обойдя островокъ, побывавъ и въ церкви, заглянувъ и въ избы, нигдѣ не находили рекомендованнаго намъ и особо уважаемаго среди многихъ Валаамскихъ схимниковъ и старцевъ о. Піонія. Слѣдуетъ объяснить, что скитскіе старцы вообще неохотно показываются, разъ они приняли схиму, то значитъ удалились совсѣмъ отъ міра, отрѣшились отъ всѣхъ земныхъ и даже монастырскихъ интересовъ и, конечно, избѣгаютъ любопытныхъ и докучливыхъ посѣтителей, а многіе изъ нихъ никогда съ посторонними въ разговоры и не вступаютъ.

Наконецъ, послѣ долгихъ обѣганій острова, за хорошо сложенными дровами, мелькнула скуфейка, и я догадался, что это и есть искомый мною старецъ, рѣшивъ окликнуть о. Піонія. Среди дровъ, у него при хижинѣ устроенъ какъ бы дворикъ, гдѣ онъ расположился на вольномъ воздухѣ попить чайку съ лѣсной малинкой. Благословивъ, любезно предложилъ и мнѣ стаканчикъ чая. И я повѣдалъ ему всѣ мои душевныя сомнѣнія, всѣ мои личныя тревоги и печали о россійской разрухѣ, словомъ обо всемъ, что тогда меня волновало и смущало. Разумѣется, въ то исключительное, смутное и затуманенное великими государственными напастями, время получить полное разъясненіе было бы трудно даже отъ европейскихъ ученыхъ умовъ; но я нашелъ успокоеніе, убѣдившись какъ мы далеки отъ ихъ міросозерцанія и съ какимъ истиннымъ, не напускнымъ и не дѣланнымъ христіанскимъ смиреніемъ и спокойствіемъ относятся они ко всему земному. Покорность судьбѣ, горячая вѣра въ Господа и въ Его Святую Волю имъ служитъ залогомъ ихъ душевнаго успокоенія. Казалось , его удивили мои волненія, мои вопросы, все наше земное, человѣческое такъ мелко и жалко въ сравненіи съ вѣчной жизнью, къ которой они готовятся и о которой постоянно думаютъ, творя молитвы Создателю. Мнѣ понравился старецъ своею мудростью, отсутствіемъ искусственности или желанія придать себѣ видъ прозорливца или прорицателя. Человѣкъ еще бодрый (тогда ему было 59 лѣтъ), долго жившій въ Петербургѣ при Валаамскомъ подворьѣ и начитанный въ духовномъ, а отъ остальнoго онъ далекъ, да и другое его не касается.

И скитская жизнь, уединенная и вполнѣ отшель-

ническая, располагаетъ къ самосозерцанію и самопознанію. Сношенія съ внѣшнимъ міромъ, даже съ монастыремъ сравнительно рѣдки, а весной и осенью отдаленные скиты по нѣсколько мѣсяцевъ совсѣмъ отрѣзаны отъ монастыря, зимой же ихъ заноситъ снѣгомъ чуть не до крыши.

У каждаго старца отдѣльный домикъ, да и всего въ скиту домовъ пять или шесть; обстановка въ келіяхъ самая простая, если не сказать убогая. Только у очень древнихъ старцевъ, имѣется келейникъ, а другіе сами убираютъ свое жилье, и день проходитъ въ заготовкѣ на зиму дровъ, въ молитвѣ и чтеніи. Полнѣйшая тишина , вѣчно тамъ царящая, нарушается лишь доносящимся плескомъ волнъ бурливой и грозной Ладоги.

Но мирная жизнь и труды иноковъ не безопасны. Приходится имъ иногда въ непогоду сообщаться съ дальними скитами: Сергіевскимъ, Александро-Свирскимъ, Германовскимъ, и бывали случаи, что внезапно налетавшія бури и сильныя волненія застигали иноковъ въ исполненій ихъ строгихъ послушаній и, трудясь во Имя Божіе, они тонули въ безднахъ суроваго и опаснаго озера. И бесѣдуя съ отцомъ Піоніемъ слышался прибой волнъ о гранитный берегъ, такъ что надо было разстаться съ милымъ старцемъ, дабы въ ожиданіи непогоды засвѣтло возвратиться въ монастырь. Уѣхали мы изъ скита и отъ схимника очарованные.

Вообще все, что мы видѣли, и испытали на Валаамѣ, насъ поражало своей простотой, отсутствіемъ ханжества, скромностью, начиная отъ о. Казначея и строгимъ соблюденіемъ монастырскаго и скитскихъ уставовъ. Изъ поколѣнія въ поколѣніе, мнѣ кажется,

передается у нихъ убѣжденіе и вѣра, что въ подчиненіи и сооблюденіи древняго валаамскаго устава сокрыта польза монастыря и таится ихъ личное благо и спасеніе. И не только всѣ монахи безпрекословно подчиняются уставу, но даже и не понимаютъ возможности другого существованія и иного отношенія къ игумену и къ старцамъ.

Затѣмъ на Валаамѣ нѣтъ показнаго угодничества или стремленія подслужиться, во всемъ и во всѣхъ чувствуется сознаніе своего достоинства, вовсе не замѣчается вымогательства и попрошайничества, что, къ сожалѣнію встрѣчается во многихъ даже богатыхъ и знаменитыхъ монастыряхъ. Богомольцамъ рады, но ни для кого никакихъ отступленій отъ обыденной жизни не дѣлается. Насколько монахи дѣйствительно святы, не берусь судить, да въ совершенную святость вѣрится съ трудомъ, но что въ общемъ духъ монастыря прекрасный и большинство спасается искренно, это безспорно, а въ скитахъ подборъ братіи строго обдуманный, провѣренный и чуждый мірскаго и современнаго духа.

Валаамъ очень древній монастырь, неоднократно осаждавшійся шведами и долгіе годы былъ разрушенъ. Про одну изъ осадъ сохранилось преданіе, что шведскій король, который осаждалъ монастырь, заболѣлъ и вдругъ ему явилось видѣніе, кажется валаамскіе угодники, и онъ пожелалъ присоединиться къ православной вѣрѣ, что и было исполнено монахами и во Святомъ Крещеніи онъ получилъ имя Григорія. послѣ чего онъ вскорѣ и скончался. На монастырскомъ кладбищѣ до сихъ поръ сохраняется плита съ надписью: «Здѣсь покоится прахъ Шведскаго Короля Магнуса

во Св. Крещеніи Григорія». года его кончины не запомню. Съ Петра Великаго монастырь сталъ понемногу возобновляться, но только съ Екатерины II его положеніе упрочилось и уже при Александрѣ I монастырь славился своимъ старчествомъ и строгостью жизни. Но полнаго процвѣтанія Валаамъ достигъ при приснопамятномъ игуменѣ Дамаскинѣ, т.е. уже въ 50 годахъ прошлаго столѣтія.

По поводу посѣщенія Валаама Александромъ I любопытно отмѣтить, что желая выразить монастырю свое удовольствіе и благодарность Государь наградилъ игумена саномъ «Архимандритъ». Братія была очень смущена и огорчена, ибо игуменъ, выбранный, а Архимандритъ нѣтъ. Поэтому снарядили особую депутацію къ Царю, просить объ отмѣнѣ Монаршей Милости, что черезъ князя А.Н. Голицына и было доложено, и Александръ I согласился отмѣнить эту награду. Послѣ Дамаскина въ 80 годахъ были короткое время пробы присылать настоятелей извнѣ и неудачно. Затѣмъ монастырь опять съумѣлъ настоять на сохраненіи своихъ правъ и вернулся къ излюбленному имъ уже укоренившемуся, выборному началу.

Не говоря о нашихъ Лаврахъ, мнѣ пришлось видѣть на своемъ вѣку много монастырей. Бывалъ я въ знаменитой Оптиной Пустыни, видѣлъ и бесѣдовалъ со старцемъ Амвросіемъ, къ которому со всѣхъ сторонъ Россіи стекались богомольцы тысячами и иногда по недѣлямъ ожидали свиданія съ батюшкой. Оптина, въ Калужской губерніи на берегу рѣки Жиздры, окружена почти съ трехъ сторонъ чуднымъ боромъ, тамъ и сосна и ель и береза, липа и дубъ, воздухъ тамъ живительный и мѣсто красивое. Былъ

и на Селигерѣ въ богатой Ниловой Пустыни, и въ валдайскомъ монастырѣ, и на Уралѣ на Бѣлой горѣ, въ далекомъ Бѣлогорскомъ монастырѣ, любовался я оттуда окружающимъ монастырь пермскимъ лѣснымъ зеленымъ и далекимъ просторомъ, бывалъ и въ скиту Верхо-Турскаго монастыря, да и во многихъ еще монастыряхъ, но того духа ,который мнѣ пришлось встрѣтить на Валаамѣ, я нигдѣ не видалъ и долго по возвращеніи я съ восторгомъ вспоминалъ эту поѣздку, мечтая туда вновь попасть, но пока мечтамъ моимъ не суждено осуществиться.

Есть еще одно различіе между Валаамомъ и другими монастырями: всюду есть желаніе понравиться, показать товаръ лицомъ, пріобрѣсти благодѣтелей (говоря монастырскимъ языкомъ), ибо благодѣтелями и богомольцами живы монастыри; на Валаамѣ это не бросается въ глаза. Милости просимъ, подѣлимся чѣмъ можемъ; всякаго накормятъ, всякаго пригрѣютъ, но чужого не ищутъ, не льстятся. Можетъ быть я ошибаюсь, но таково, по крайней мѣрѣ, мое впечатлѣніе и въ этомъ нравственная сила Валаама.

Монастырь дѣйствительно богатъ(по крайней мѣрѣ тогда былъ) своими угодьями, лѣсами ,подворьями и силенъ обычаями и твердостью духа. Что Васъ тамъ особенно поражаетъ или прельщаетъ, я затруднился бы сказать, скорѣе всего, совокупность всѣхъ этихъ условій, ибо несомнѣнно одно дополняетъ другое. И могучая величественная, суровая, но безусловно красивая природа и чудный лѣсной просторъ (чуть ли не 30 тысячъ десятинъ строевого лѣса), обособленность монастыря, скитская жизнь съ древними и твердыми въ вѣрѣ старцами, душевная простота и, будемъ

вѣрить, чистота большинства обитателей. Все вмѣстѣ взятое Васъ притягиваетъ, покоряетъ и очаровываетъ, а кто тамъ разъ побывалъ, будетъ, конечно, стремиться туда вновь. Кто же ищетъ уединенія, любитъ его, или способенъ его переносить, тотъ лучшаго мѣста не найдетъ. Все земное тамъ, если не забывается, то чувствуется такимъ далекимъ, что какъ бы ни велико было Ваше горе, Вы уѣдете оттуда утѣшеннымъ и умиротвореннымъ, успокоеннымъ цѣлительнымъ бальзамомъ Валаамскаго воздуха и отшельническаго духа. Достойно примѣчанія, что монастырь охотно посѣщается даже не православными финнами.

Хорошій, искренній, глубоковѣрующій и весьма разумный человѣкъ нашъ русскій священникъ въ Нейшлотѣ о. протоіерей Григорій Святловскій, меня найстойчиво убѣждалъ поѣхать на Валаамъ, а онъ хорошо зналъ монастырь, много разъ тамъ бывалъ и оставался горячимъ поклонникомъ тамошней жизни. Я ему глубоко благодаренъ за этотъ добрый совѣтъ и мудрое указаніе.

Что касается природы, то только тамъ можно постигнуть величіе и красоту сѣверной природы и примириться съ ея угрюмостью. Я знаю художниковъ, поклонниковъ Италіи, ея голубого неба, роскошной природы, поклонниковъ поэтичныхъ итальянскихъ озеръ, и они мѣсяцами живали на Валаамѣ, зарисовывая его богатѣйшіе уголки, запечатлѣвая на полотнѣ красоты сѣверныхъ ночей и полдневное освѣщеніе этихъ темно-зеленыхъ еловыхъ лѣсовъ. Много есть русскихъ, и въ особенности Петербургскихъ жителей, которые объѣхали всю Европу, побывали даже въ самыхъ безцвѣтныхъ и скучныхъ ея уголкахъ, знаютъ

чуть ли не наизусть всю Швейцарію, а такой близъ лежащей, сѣверной жемчужины, какъ Валаамъ, не удосужились посѣтить. И всегда это такъ было, что своимъ мы не умѣемъ дорожить, и своего богатства не цѣнили и не цѣнимъ и не интересуемся имъ.

Будемъ вѣрить и надѣяться, что этотъ твердый оплотъ Православія, этотъ свѣточъ Вѣры, этотъ крѣпкій хорошимъ, здоровымъ русскимъ духомъ монастырь, будетъ еще долго сіять на далекомъ Сѣверѣ, озаряя своимъ свѣтомъ мѣстное корельское населеніе и храня, среди Ладожскихъ и житейскихъ бурь, сокровенные завѣты нашей доброй русской старины.

Не могу въ закдюченіи умолчать, что изъ послѣднихъ царскихъ посѣщеній на Валаамѣ съ особымъ уваженіемъ и даже благоговѣніемъ отзывались о пріѣздѣ нынѣ покойнаго Великаго Князя Димитрія Константиновича, который, не помню точно, въ 1914 или 1915 году пріѣзжалъ изъ Сердоболя въ декабрѣ мѣсяцѣ верхомъ по льду съ нѣсколькими спутниками. Своей глубокой вѣрой, своей обходительностью и даже смиреніемъ, соблюденіемъ монастырскихъ правилъ, обычаевъ, своей набожностью, онъ всѣхъ обворожилъ и лестные о немъ отзывы иноковъ были вполнѣ единодушны.

Мнѣ досадно было, что надо было уѣзжать и было грустно, что я не имѣлъ возможности подольше погостить въ этой мирной обители, насладиться этимъ дивнымъ воздухомъ, тѣмъ болѣе, что намъ посчастливилось и въ смыслѣ погоды и въ виду отсутствія богомольцевъ, вносящихъ подчасъ много суеты и шума въ тихую жизнь обители и несомнѣнно нарушающихъ своеобразную прелесть монастырскаго оби-

хода. Но осбенно въ то смутное время окунуться въ Валаамскую благость, прикоснуться къ старческому чистосердечію было великой отрадой для наболѣвшаго русскаго сердца.

Тѣмъ же путемъ вернулись мы, въ мирный тогда, Сердоболь, но потомъ, кажется, и его затронулъ вихрь и злоба русской революціи. Съ милыми моими спутниками разстался я тамъ съ искренней грустью, а можетъ быть навѣки.

Іюнь 1921 года.
Брашовъ, Трансильванія.

ГЛАВА XII.

Святые и грѣшные.

Анат. Ал. Клоповъ. — Викт. Всев. Сиземскій. — Поѣздка въ Дворянииово и настоятельница монастыря. — Мих. Андр. и Елена Мих. Долининъ-Иванскіе. — Январь 1917 года и дворянскіе выборы въ Новгородѣ. — Новгородскіе типы. — Когда-же на Руси жилось хорошо? — Легенда о Ѳеодорѣ Кузьмичѣ. — Новгородское сказаніе о Варлааміи Хутынскомъ. — Русская женщина — Ex oriente lux.

Углубляясь постепенно въ годы милой юности и жизнерадостной молодости, все болѣе и болѣе встаютъ передо мною отрадныя воспоминанія, и чудится мнѣ опять наше любанское житье-бытье, моя земская служба и тѣ симпатичные, добрые товарищи и вѣрные хорошіе друзья, съ которыми мнѣ тогда приходилось имѣть дѣло.

Вспоминается мнѣ жаркій лѣтній день, иду я изъ своей канцеляріи домой, вдругъ въ саду подходитъ ко мнѣ небольшого роста старикъ съ взъерошенными волосами на полулысой головѣ, всклокоченная бородка, быстрыя, нервныя движенія, небольшіе бѣгающіе глаза, отрывистая рѣчь, фуражки на головѣ не было и грабли въ рукахъ. Лицо вполнѣ интеллигентное и вдумчивое. «Вы такой-то?» «Я», отвѣчаю.

«Я Клоповъ». «Очень радъ». «Вы меня не знаете?» «Первый разъ имѣю удовольствіе Васъ видѣть.» «Вотъ, въ доказательство моей личности, у меня по Высочайшему повелѣнію безплатный годовой билетъ I-го класса по всѣмъ россійскимъ желѣзнымъ дорогамъ.» Вынимаетъ: — данъ такому-то Анатолію Алексѣевичу Клопову до I-го января слѣдующаго года, не помню уже какого, кажется это было въ 1899-мъ году.

Оригинальный способъ себя рекомендовать, подумалъ я. «Что же Вамъ угодно?» «Да, Вы про меня не слыхали?» «Нѣтъ, никогда не слыхалъ». «Я тутъ въ пятнадцати верстахъ живу, у меня дачка Анатольевка». «Дачку знаю, проѣзжалъ по дорогѣ въ Доброе село. Въ чемъ же дѣло?» Объясняетъ свое дѣло довольно запутанное, я ему отвѣчаю, что его желаніе удовлетворить невозможно; начинаетъ настаивать, я стараюсь возможно убѣдительнѣе ему доказать, что просьбу его ни подъ какую статью подвести нельзя. «Отчего это у Васъ грабли?» рѣшаюсь я спросить. «Да я торопился къ Вамъ, безъ палки идти трудно, подвернулись, я и схватилъ.» « Да Вы развѣ пѣшкомъ?» «Да, пѣшкомъ. Лошадей отправилъ за дочерьми на станцію, а потомъ вспомнилъ, что надо съ Вами познакомиться и переговорить, я и побѣжалъ; какъ же это Вы про меня не слыхали?» И начинаетъ перечислять свои заслуги и свои статистическія работы, дѣйствительно извѣстныя всей западной Европѣ и оцѣненныя тамъ ранѣе, чѣмъ на родинѣ. Затѣмъ побесѣдовали еще у насъ на балконѣ, очень быстро проглотилъ два стакана чаю и побѣжалъ. «Куда Вы?» «Спѣшу, на поѣздъ надо.» «Такъ грабли оставьте до другого раза.» Убѣжалъ.

Первое впечатлѣніе я вынесъ: — хвастливый, полусумасшедшій старикашка. Тогда онъ казался

старше, но ему еще не было 60-ти лѣтъ. И съ тѣхъ поръ пошло знакомство. Прибѣжитъ или заѣдетъ въ неурочный для деревни часъ, то въ 10 часовъ вечера, то рано утромъ. «Я къ Вамъ на минутку.» Сидитъ, быстро глотаетъ чай и ѣду, всегда похваливаетъ. Всегда довольно неряшливъ и всегда масса энергіи, еще болѣе порывистости и искренности. Послѣ первой встрѣчи черезъ нѣсколько времени мнѣ объявляетъ: «Знаете, Вы мнѣ тогда очень понравились.» «Чѣмъ?» «Да Вы такъ категорически мнѣ отказали.» Я говорю: «Мнѣ было очень жаль, что Вы за 15 верстъ съ граблями ко мнѣ побезпокоились, да въ жару, но иначе я никакъ не могъ.» «Да потомъ я и самъ сообразилъ, но мнѣ понравилось , что Вы такъ категоричны.» «Да какъ же иначе, дѣло же ясное.»

И вотъ понемногу завязались сношенія, съ годами перешедшія въ искреннія, дружескія, несмотря на большую разницу лѣтъ. И всегда на всѣхъ производилъ онъ впечатлѣніе оригинала. Но, зная его благородное сердце, его постоянное стремленіе каждому обездоленному прійти на помощь своими знакомствами и связями, ему многое извинялось и прощалось. И не обращали вниманія ни на его костюмъ, ни на его манеру говорить.

Черезъ одного изъ здравствующихъ Великихъ Князей, онъ былъ представленъ Государю и Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ, какъ человѣкъ искренній, любящій и знающій Россію и никогда не стремившійся къ земнымъ благамъ лично для себя. И дѣйствительно, Россію онъ исколесилъ вдоль и поперекъ; сколько онъ сидѣлъ дома, не знаю, но думаю, самое большее въ году мѣсяца два, а то все въ разъѣздахъ и все въ хлопотахъ по разнымъ общественнымъ и чужимъ

дѣламъ и все безкорыстно. И этимъ то рѣдкимъ, въ то время, безкорыстьемъ, этой горячей безпредѣльной любовью къ Россіи, онъ и привлекалъ къ себѣ сердца Государя и Императрицы Матери и другихъ Высочайшихъ Особъ.

Неоднократно его вызывали даже въ Ливадію для бесѣдъ съ Государемъ, а послѣдній разъ онъ видѣлъ Николая II въ концѣ января 1917 года въ Царскомъ Селѣ и бесѣдовалъ съ глазу на глазъ часъ съ четвертью, и въ тотъ же день старикъ подробно мнѣ передалъ содержаніе бесѣды. Войдя, по обыкновенію, въ сюртукѣ, онъ спросилъ Государя, какъ долженъ онъ съ Его Величествомъ бесѣдовать: какъ вѣрноподанный или какъ отецъ съ сыномъ. Государь разрѣшилъ послѣднее и тогда старикъ откровенно изложилъ все наболѣвшее у него на сердцѣ и за многое упрекалъ Царя, а въ особенности за вмѣшательство Императрицы въ дѣло управленія. Государь все очень спокойно выслушалъ, а относительно Императрицы возразилъ, что это преувеличено. Старикъ Клоповъ тогда же прямо сказалъ Царю, что недовольство растетъ и что тронъ и династія въ опасности. Простились они съ Государемъ очень сердечно и вѣроятно оба не предвидѣли, что это ихъ послѣдняя въ жизни бесѣда.

Считаю нужнымъ добавить, что посѣщеніе Николаемъ II Государственной Думы въ 1916-мъ году произошло подъ вліяніемъ Клопова и письмо свое, посланное Царю передъ этимъ, онъ мнѣ показывалъ. Въ редактированіи и даже составленіи нѣкоторыхъ его писемъ Государю, я лично принималъ участіе, а одно, представленное Клоповымъ въ самомъ началѣ войны и переданное Императору Королевой Эллиновъ Ольгой Константиновной, было и отправлено и составлено по

моей мысли. И старикъ даже хотѣлъ, чтобы я его подписалъ, но я считалъ это нежелательнымъ для дѣла, думая, что за подписью Анатолія Алексѣевича оно произведетъ большее впечатлѣніе на царя.

Тогда же я имѣлъ счастье быть представленнымъ Клоповымъ Ея Величеству Греческой Королевѣ совершенно запросто въ Стрѣльненскомъ Дворцѣ. Несмотря на продолжительную жизнь въ Греціи, Королева сохранила Свою чисто русскую душу и горячую любовь къ Россіи и отличалась въ обращеніи обаятельной простотой.

Но возвращаясь къ Клопову, скажу, что такой поразительной энергіи, такой работоспособности я ни у кого въ Россіи не видалъ и не встрѣчалъ. Послѣ лѣтъ десяти или двѣнадцати нашего знакомства, пріѣзжаетъ онъ ко мнѣ въ Царское Село, вѣрнѣе влетаетъ, какъ ураганъ, и говоритъ, что чувствуетъ свою старость, силы не тѣ, годы берутъ свое, и онъ хочетъ мнѣ передать свою дѣятельность. «Да дорогой Анатолій Алексѣевичъ, въ чемъ же Ваша дѣятельность». «Апостольская». «Да, дорогой мой, этого передать нельзя, это должно быть или врожденное или постепенно создаваемое; а у меня къ этому ни характеръ, ни другія условія не подходятъ. И потомъ, если Ваша дѣятельность успѣшна, то благодаря Вашимъ многолѣтнимъ отношеніямъ и перепискѣ съ Государемъ, Императрицей Маріей Федоровной и многими Великими Князьями».

Особенно старинныя и добрыя отношенія у него были съ нынѣ покойными Великими Князьями Николаемъ Михайловичемъ и Дмитріемъ Константиновичемъ, послѣдняго онъ особенно любилъ и уважалъ «Да развѣ», продолжалъ я «это можно передать, надо, чтобы лицо

всѣхъ ихъ знало и пользовалось ихъ довѣріемъ и расположеніемъ. Вѣдь почему Вы вхожи къ министрамъ, почему эти господа Васъ слушаютъ? Да потому, что Васъ тамъ принимаютъ и тамъ Вамъ вѣрятъ.» Да, иначе какъ апостольской его дѣятельность нельзя было назвать. Пусть его осуждали, пусть смѣялись, но это былъ человѣкъ кристальной чистоты и честности. Его называли сумасшедшимъ лишь тѣ, кто его не понималъ, кто судилъ людей по внѣшнему виду по салоннымъ манерамъ и разговорамъ. Но дѣлаетъ честь и покойнымъ и живымъ Высочайшимъ Особамъ, что они принимали, слушали его и вѣрили ему. Это, можетъ быть, былъ смѣшной, но честнѣйшій, благороднѣйшій человѣкъ, обожавшій Россію и вѣчно о ней думавшій и болѣвшій за нее душой. За кого онъ только не просилъ: бурятъ обижали, кто-то его въ это дѣло посвятилъ, онъ выслушалъ, собралъ всѣ свѣдѣнія и данныя, все обмозговалъ и настрочилъ Государю письмо: «Государь». Смыслъ письма былъ требовательный, настойчивый; потомъ это письмо попало въ подлежащее министерство и тамъ мнѣ его показывали. Да не только напишетъ Государю, да обѣгаетъ подлежащихъ министровъ и всѣхъ нужныхъ чиновниковъ, всѣхъ растормошитъ и на ноги подыметъ.

Всегда при немъ была сотрудница, или секретарша, или секретарь. И на желѣзной дорогѣ, въ купэ вагона была съ нимъ пишущая машина и строчилъ во всѣ стороны письма.

Пріѣзжаетъ въ Полтавскую губернію къ Великому Князю Димитрію Константиновичу, сейчасъ двѣ машинки къ его услугамъ и съ ранняго утра докладныя записки, письма, просьбы и проч. строчатся до до поздней ночи. Спалъ очень мало, но до 70 лѣтъ

аппетитъ былъ громадный, такъ какъ эту жизненную неисчерпаемую энергію надо было чѣмъ-нибудь пополнить. Жилъ скромно, по спартански и, если кому-нибудь, что-нибудь дѣлалъ, то безкорыстно и безплатно, но дѣлалъ только тогда, когда чувствовалъ правду, и что къ нему обращается искренній человѣкъили дѣйствительно обиженный, но личнаго интереса онъ никогда и ни въ чемъ не преслѣдовалъ, и если бы ему предложили бы за его услуги, нанесли бы кровное оскорбленіе старику. По своей порывистости онъ часто разбрасывался, не успѣвалъ додѣлать; подчасъ его обманывали, но онъ, не стѣсняясь, сейчасъ же сознавался въ своей ошибкѣ и свою же вину или заблужденіе исправлялъ и сообщалъ куда слѣдуетъ, что онъ обманутъ, извиняется и т. д..

Много было у него завистниковъ, многіе изъ царедворцевъ не вѣрили его искренности, мѣшали ему, не передавали по назначенію его писемъ, словомъ, вредили сколько и чѣмъ могли. Но они вредили не ему, а Россіи, ибо черезъ Анатолія Алексѣевича правда, голая правда доходила до Царя. Но правду не любили и не любятъ, и правда многимъ мѣшала и мѣшаетъ.

Отъ А.А. Клопова перейду къ другому безсребреннику, умному, образованному человѣку, но большому идеалисту. Вѣроятно только теперь онъ пересталъ быть идеалистомъ, наглядно убѣдившись, что мечты его къ Россіи непримѣнимы: я говорю о докторѣ Сиземскомъ. Онъ имѣлъ большое сходство съ Анатоліемъ Алексѣевичемъ своей энергіей, отзывчивостью къ людскому горю и безкорыстіемъ, но дѣятельности ихъ были разныя. Пріѣхалъ Викторъ Всеволодовичъ уже почти сорокалѣтнимъ человѣкомъ къ намъ въ Любань земскимъ врачемъ. Пріѣзжаетъ какъ-то онъ

ко мнѣ подъ вечеръ знакомиться. Худощавый, очень подвижной, рыжевато-бѣлобрысый, красноватое лицо, небольшая бородка, очень симпатичное и откровенное выраженіе глазъ. Говоритъ съ сильнымъ вологодскимъ акцентомъ «имѣтъ, видѣтъ», вмѣсто имѣетъ и т. д. Разспрашиваю, оказывается первое мѣсто, только окончилъ Казанскій университетъ. «Отчего такъ поздно?» Мнется, но говоритъ: «да я былъ дьякономъ. Кончилъ Казанскую Духовную Академію и былъ назначенъ дьякономъ въ Буэносъ-Айресъ, тамъ пробылъ, кажется, два года, жена сбѣжала, переѣхалъ сюда, былъ назначенъ на Митрофаньевское кладбище (въ Петербургѣ). Въ духовной дѣятельности разочаровался, просилъ о снятіи сана, поступилъ въ университетъ, и вотъ теперь Вашъ земскій врачъ».

Проходитъ мѣсяца два, три, куда не поѣду, трясется Викторъ Всеволодовичъ въ тарантасѣ. Мнѣ какъ то нашъ милѣйшій губернаторъ, графъ Медемъ говоритъ : «je crois que votre docteur est rouge». «Quant à moi ça m'est bien égal, s'il est rouge ou noir, qu'il soit un bon docteur, c'est ça la chose principale». «Vous avez raison, mais tout de même». Тогда я убѣждаю милаго графа: крестьяне довольны, въ помощи никогда отказа нѣтъ, въ больницѣ полный порядокъ, къ помѣщикамъ ѣздитъ, различія между больными никакого, въ медицинѣ очень свѣдущъ, безсребренникъ и пропагандой не занимается, чего же еще желать? Слава Богу, больше о политической окраскѣ вопроса не поднималось.

И вотъ безъ устали, не зная ни днемъ, ни ночью покоя, леталъ милѣйшій Сиземскій по сквернымъ дорогамъ во всякую погоду. Затѣятъ общественное или благотворительное дѣло, первый Сиземскій. На

земскомъ собранiи медицинскiй день благодаря ему, благодаря той душѣ, которую онъ вкладывалъ въ дѣло, въ свои ходатайства, сталъ самымъ интереснымъ днемъ. Больница, при его содѣйствiи улучшалась. Познакомился съ Вѣрой Ивановной Кокоревой, мѣстной землевладѣлицей, вдовой извѣстнаго банковскаго дѣятеля Василiя Александровича Кокорева, автора знаменитыхъ «Экономическихъ проваловъ», ее расшевелилъ; дала денегъ на увеличенiе Любанской больницы, затѣмъ еще что-то затѣялъ. Всѣ его полюбили и лучшаго доктора, лучшаго отношенiя къ дѣлу никто и не желалъ.

Но тутъ Японская война. Моментально заявилъ Красному Кресту, что желаетъ ѣхать въ Портъ-Артуръ. По скромности отказался отъ старшаго врача, поѣхалъ старшимъ ординаторомъ (его спецiальность была хирургiя). Проводили, любанцы образъ поднесли. Проводили тепло, что называется и старый и малый; всѣ слились въ единодушной оцѣнкѣ этого отличнаго врача и еще лучшаго человѣка. Покуда можно — писалъ. Въ письмахъ масса наблюдательности, правдивости и безысходной тоски о нашей вѣчной неурядицѣ; но затѣмъ сообщенiе съ Портъ-Артуромъ прекратилось. Знаю и отъ него и отъ другихъ, что всю осаду выдержалъ. Сидѣлъ подъ начальствомъ японцевъ и моремъ былъ эвакуированъ. Въ душѣ появился разладъ, многое наболѣло, со многимъ не могъ помириться, человѣкъ былъ нравственно утомленъ и поѣхалъ въ Швейцарiю; отдыхалъ, но безъ земской службы жить не могъ. Попалъ въ Стерлитамакскiй уѣздъ Уфимской губернiи, откуда мнѣ писалъ и однажды такъ: «Доживемъ ли до минуты, когда подлый абсолютизмъ будетъ загнанъ въ узкiй переулокъ,»

пугая меня при этомъ бомбами и проч. Я тогда губернаторствовалъ въ Перми и въ отвѣтъ на его письмо звалъ его на службу въ Пермь, ибо слова меня не пугали, а для дѣла это былъ золотой человѣкъ. Не знаю почему, переходъ не состоялся. Потомъ, не помню точно, гдѣ онъ былъ, кажется, въ Валдайскомъ уѣздѣ и перешелъ въ Петербургское земство въ больницу за Шлиссельбургской заставой. Видались, спорили, горевали, и жена, и я пользовались его медицинскими, всегда основательными и полезными услугами.

Опять война — Балканская. Назначаютъ его врачемъ въ передовой отрядъ Княгини Елены Петровны Сербской, супруги Князя Іоанна Константиновича. Опять оживленная и интереснѣйшая переписка, опять очень цѣнныя и вѣрныя замѣчанія; восторгался сербами, поругивалъ болгаръ. Кончилась война,вернулся вновь въ Петербургское земство, и какъ только началась война съ Германіей, былъ назначенъ старшимъ хирургомъ въ госпиталь Краснаго Креста въ Полоцкъ. Захотѣлось на фронтъ. Пріѣхалъ во Львовъ, я его устроилъ, а самъ въ то время покинулъ Львовъ, но переписка продолжалась. Потомъ и онъ оказался въ Петербургѣ, заходилъ, бесѣдовали, у Анатолія Алексѣевича встрѣчались и горячо спорили. Сиземскій по убѣжденіямъ народный соціалистъ, но партійной работой не занимался, да и къ партіи оффиціально не принадлежалъ. Революція его застала въ томъ же Полоцкѣ, гдѣ изъ крастнокрестныхъ хирурговъ попалъ въ уѣздные комиссары. Послѣднее отъ него письмо было въ сентябрѣ 1917 года, письмо, полное разочарованій и растерянности. Комиссарство тогда кончилъ,

но этой дѣятельностью былъ, повидимому, удовлетворенъ. Гдѣ онъ теперь, живъ ли — не знаю.

До его соціалистическихъ убѣжденій мнѣ дѣла нѣтъ, въ жизнь онъ ихъ не проводилъ, но это былъ чудный человѣкъ, воистину другъ человѣчества. Всегда жизнерадостный, всегда не унывающій, по жизни и привычкамъ вѣчный студентъ. Какъ жить, какъ питаться, какъ одѣться, ему это было безразлично, но всегда былъ аккуратенъ, чистоплотенъ и всегда со всѣми ровенъ и привѣтливъ въ обращеніи. Я смѣло причисляю его, по высокимъ нравственнымъ качествамъ, къ однимъ изъ лучшихъ русскихъ людей и, если революція его погубила, это очень грустно и очень больно. Онъ бы могъ еще принести громадную пользу человѣчеству, какъ вдумчивый и внимательный врачъ, какъ талантливый и смѣлый хирургъ и какъ горячій, глубоко любящій родину, и очень искренній и хорошій человѣкъ, и выдающійся по уму дѣятель.

Что такое святые? Тѣ, которые въ глуши спасаются, пискариками кормятся, плоть убиваютъ? Можетъ быть, но нѣтъ, по моему, святые тѣ, которые въ жизненномъ котлѣ варятся, не вытаскивая изъ этого котла для себя лично ничего, а думая, заботясь и страдая о ближнемъ и обо всемъ человѣчествѣ. Вотъ это святые, и я этихъ двухъ людей не могу обойти молчаніемъ, и вспоминая теперь свою разнообразную жизнь и службу, считаю священнымъ долгомъ отмѣтить и запечатлѣть ихъ чистые образы для будущихъ поколѣній.

А моя покойница жена, за всю свою жизнь не только никогда никого не обидѣвшая, но и не сказавшая грубаго слова, а наоборотъ постоянно думавшая какъ бы своимъ ближнимъ какое-нибудь удовольствіе дос-

тавить или вниманіе оказать, — развѣ не святая, когда наши владыки даже передъ Престоломъ Всевышняго въ святомъ алтарѣ и то ругаются? Да и вся жизнь ея изъ-за долгихъ страданій была сплошнымъ подвигомъ.

А вотъ вамъ другой примѣръ. Лѣтомъ 1913-го года случилось опять гостить у милого родственника, самаго мнѣ близкаго по Болотовымъ, Ивана Михайловича Долининъ-Иванскаго въ радушномъ и барскомъ его Карамышевѣ Тульской губерніи, вѣроятно теперь уничтоженномъ революціоннымъ ураганомъ и невѣжествомъ русскаго мужика.

При видѣ изъ вагона этого бѣлаго, камннаго Карамышевскаго дома, я уже испытывалъ отрадное чувство нравственнаго успокоенія, главнымъ образомъ потому, что владѣлецъ его, нынѣ давно покойный, милый мой дядюшка Михаилъ Андреевичъ Долининъ -Иванскій былъ не только чрезвычайно родственный и гостепріимный, но это былъ удивительно цѣльный типъ отличнаго и рѣдкаго семьянина, добраго, правдиваго, честнѣйшаго, самолюбиваго и стойкаго человѣка, мрачнаго на видъ, а подчасъ даже и угрюмаго. Въ то же время большой любитель пошутить и посмѣяться, но среди близкихъ людей. Прекрасный сельскій хозяинъ, плохо мирившійся съ земствомъ и разными новшествами, человѣкъ дѣла, а не пустыхъ разговоровъ, вѣроятно, пришедшій бы въ ужасъ отъ созыва Государственной Думы и проч., убѣжденный консерваторъ, жившій въ то же время дружно и мирно съ крестьянами и частенько имъ помогавшій, человѣкъ пользовавшійся всегда большимъ уваженіемъ, съ нимъ считались, зная, что онъ никогда и ни въ чемъ не покривилъ бы душой. Несмотря на разницу взгля-

довъ, я его горячо любилъ и уважалъ, а также любилъ гостить въ гостепріимномъ Карамышевѣ, гдѣ всегда съ большимъ удовольствіемъ проводилъ время среди простыхъ, честныхъ, милыхъ, сердечныхъ и родныхъ людей. Жена его, моя тетка, рожденная Болотова, Елена Михайловна, давно уже покойница, умная, вдумчивая, начитанная и глубоко религіозная, какъ ея мужъ, женщина, всю жизнь тяготѣла къ монастырю и монашеской жизни, ибо по взглядамъ и по вкусамъ это была врожденная монахиня, но такъ въ миру и умершая; за то ея двѣ дочери съ юныхъ лѣтъ поступили въ монастырь. И вотъ, мой милый кузенъ Вовочка, какъ его въ семьѣ всегда называли, предлагаетъ съ нимъ съѣздить въ родовое имѣніе Болотовыхъ, знаменитое Дворяниново, Алексинскаго уѣзда Тульской губерніи, гдѣ прожилъ всю свою долгую трудолюбивую, полезную, честную жизнь мой пра-прадѣдъ Андрей Тимофѣевичъ Болотовъ, рѣдкій по своей правдивости человѣкъ и замѣчательный бытописатель помѣщичьей жизни екатерининскихъ временъ и извѣстный плодоводъ и сельскій хозяинъ.

У меня до революціи сохранялась акварель работы прадѣда Павла Андреевича, видъ этого Дворянинова, какъ подъ ней значилось: «видъ сельца Дворянинова и нагорнаго сада, срисованнаго внизу съ вечерней сидѣлки въ 1787 году». Къ сожалѣнію Дворяниново, бывшее въ нашемъ роду болѣе трехсотъ лѣтъ, послѣ освобожденія крестьянъ въ 1862 или 1863 году дядей моего отца Михаиломъ Павловичемъ Болотовымъ (по матери роднымъ дѣдомъ И.М. Долининъ-Иванскаго) было продано, не помню уже кому, и неоднократно переходило изъ рукъ въ руки.

Поѣхали мы, вышли на станціи Пахалово Мос-

ковско-Курской желѣзной дороги, заѣхали сперва въ ближайшій къ Дворянинову погостъ, кажется, Русятино, на могилу Андрея Тимофѣевича, памятникъ былъ цѣлъ, но покривился и требовалъ ремонта, что нами тогда же и было исполнено. Ѣдемъ дальше, вижу на горѣ небольшой деревянный домъ, который я по акварели сразу же узналъ, даже желѣзная крыша такая же зеленая, какъ была въ 18 вѣкѣ. Садъ упростился, исчезли бесѣдки и каскады, но общее впечатлѣніе оставалось старыхъ временъ, близкое по крайней мѣрѣ къ акварели.

Теперь въ Дворяниновѣ женскій монастырь, собственно монастырь въ другой, рядомъ лежащей усадьбѣ, принадлежавшей когда-то двоюродному брату моего пра-прадѣда, а въ домѣ пра-прадѣда жила настоятельница Общины, какъ этотъ монастырь тогда оффиціально назывался. Чтобы осмотрѣть этотъ домъ пришлось съ ней познакомиться: полная осанистая женщина, со слѣдами прежней красоты, монашескаго ни въ чемъ незамѣтно. Была любезна и привѣтлива, показала весь домъ и хвасталась въ залѣ на стѣнѣ трактирной живописью, изображавшей какой-то швейцарскій видъ. Указала также на вещи, уцѣлѣвщія отъ моего пра-прадѣда, комодъ и шкафъ, довольно громоздкіе, но видно, что очень старые. Въ одной изъ комнатъ архіерейскій портретъ. «Это кто?» «Это нашъ Тульскій архіерей, il est charmant, il m'a baisé la main», добавила она, томно опустивъ свои довольно грѣшные глаза. Мы съ моимъ спутникомъ невольно переглянулись. Какъ ни отрадно было побывать въ, увы, улетѣвшемъ изъ семьи родовомъ гнѣздѣ, но намъ отъ этой фальшивой святыни и отъ всего ея приторнаго разговора стало не по себѣ и, обѣжавъ садъ, полюбо-

вавшись съ балкона открытымъ и прелестнымъ пейзажемъ, мы поспѣшили уѣхать и облегченно вздохнули, когда сѣли въ ямщицкій тарантасъ. Оказывается, эта дама блистала въ московскомъ полу-свѣтѣ, какъ сожительница извѣстнаго московскаго богача и фабриканта К. и послѣ его смерти попала въ настоятельницы женскаго монастыря. Вотъ эту-то по положенію святую инокиню и отшельницу, а таковыхъ сколько бывало на Руси, я позволю себѣ противопоставить грѣшнымъ, но хорошимъ и милымъ мирянамъ, всю жизнь варившимся въ суетѣ мірской, но тамъ ,потомъ на Судѣ Всевышняго разберутъ, кто чистъ душой и помыслами и кто любилъ ближняго своего, какъ самого себя и правда возсіяетъ, какъ, наконецъ, должна же она возсіять надъ многогрѣшной, но несчастной Русью православной...

Январь 1917 года, по сгущенной политической атмосферѣ, почти общему недоѣданію, за отсутствіемъ продуктовъ даже первой необходимости и общему плохо скрываемому недовольству, былъ очень тяжелъ; чувствовалось всѣми, что жить такъ далѣе нельзя, что-то въ воздухѣ накапливалось, что-то должно случиться и только очень легкомысленные люди продолжали смѣяться, посѣщать театры и всякія собранія, устраивая вечера. Хвосты и очереди все росли; непривычные къ раннему вставанію и продолжительному стоянію на холоду, люди заболѣвали; больницы были переполнены какъ никогда, эпидеміи распространялись; ничего не дѣлающіе и уже обнаглѣвшіе солдаты заполняли и улицы, и вагоны трамваевъ, на запрещеніе Петербургскаго Командующаго Хабалова никто не обращалъ вниманія; полицейская власть почти отсутствовала, я говорю про высшую,

но городовые, какъ ни въ чемъ ни бывало, стояли и мерзли на своихъ постахъ, не предвидя своей близкой и безвинной гибели.

Въ этомъ подавленномъ состоянiи поѣхалъ я на Дворянскiе выборы, думая хоть немного подкрѣпиться и освѣжиться въ патрiархальномъ и миломъ Новгородѣ. и невольно вспоминалось доброе старое время: церемонный и типичный Павелъ Максимовичъ Луговской, вѣчный Управляющiй Контрольной Палатой, съ его постояннымъ стремленiемъ къ новинкамъ и оригинальности; бывало, придешь къ нему, садишься въ гостинной на низенькiй стулъ, а онъ подъ вами разыгрываетъ «Травiату». Вы съ удивленiемъ вскакиваете, «вотъ пересядьте сюда, пожалуйста,» говоритъ хозяинъ; пересаживаешься на другой стулъ и раздается попури изъ русскихъ пѣсенъ. А Павелъ Максимовичъ смѣется и самодовольно потираетъ руки; наконецъ, спокойно усаживаешься въ кресло, въ надеждѣ начать разговоръ, не тутъ-то было: «не угодно ли посмотрѣть новый, интересный альбомъ». Вы прикасаетесь къ альбому и раздаются могучiе и торжественные звуки «Боже Царя храни». Радости хозяина нѣтъ конца и прiятная важность расплывается по его лицу: «что — дескать? какъ онъ поразилъ гостя».

А супруга его ,въ сущности очень добродушная особа, но сильно молодившаяся при своей мало привлекательной наружности, и накладывавшая столько бѣлилъ на свое лицо, что давала поводъ остроумному, но злому на язычекъ, прокурору Владимиру Николаевичу Всеволожскому, говорить, — что Анна Ивановна — это вновь открытая фреска въ Софiйскомъ соборѣ, стоитъ только немного счистить штукатурку.

Вспоминается и знаменитая новгородская сплетни-

ца Любовь Ивановна, говорившая: «я вѣдь все вижу, все знаю, но никогда никому ничего не говорю; я вѣдь вижу, какъ такая-то (и при этомъ полностью назывались имя и фамилія той дамы) цѣлуется съ барономъ, но я этого никому не разсказываю».

Помнится также, какъ княгиня Васильчикова разсказывала про свое посѣщеніе двухъ новгородскихъ довольно зрѣлыхъ дѣвицъ и спрашивала ихъ, будутъ ли онѣ на балу 6-го декабря, и на отрицательный и отрывистый ихъ отвѣтъ, поинтересовалась, почему не будутъ. «Нечего надѣть». «Помилуйте», говорила княгиня, «а Ваши розовыя платья»? «А что же мы на слѣдующій балъ надѣнемъ?» А ихъ папенька со своей козлиной бородкой, маленькими, узенькими глазками и лиловымъ носомъ, хотя отроду ничего не пилъ, спрашивалъ каждаго гостя и по обыкновенію, въ носъ: «надолго изволили пожаловать?» и «довольны ли Вашей квартирой«? Это были обязательные два вопроса при каждой встрѣчѣ, со всѣми знакомыми.

А двѣ почтенныя и богомольныя дѣвицы, не пропускавшія ни одного богослуженія, а въ особенности архіерейскаго, и влюбленныя почти въ каждаго архіерея, увлеклись въ концѣ концовъ однимъ викарнымъ, дѣйствительно почтеннымъ человѣкомъ, увлеклись настолько, что свой насиженный уголъ и родовой домъ промѣняли на далекую Пермь, гдѣ даже были свидѣтельницами его ужасной, мученической кончины.

Вѣдь это все типы, по виду и смѣшные, но цѣнные своей душевной чистотой, незлобивостью и младенческой простотой.

Но и въ Новгородѣ чувствовалось подавленность и, какъ-бы растерянность и только колокола Святой Софіи по прежнему звучно гудѣли и сзывали дворянъ

въ древній соборъ, напоминая своимъ чуднымъ звономъ о быломъ величьи стараго Новгорода. И дворянское собраніе меня разочаровало: начавъ съ того, что въ залахъ дворянскаго собранія помѣщался лазаретъ, и собраніе происходило въ неприспособленныхъ для того комнатахъ бывшей квартиры губернскаго предводителя дворянства. А главное, что не было двухъ корифеевъ дворянства: скончавшагося три года тому назадъ, князя Павла Павловича Голицына, который столько души вкладывалъ въ дворянское дѣло, проявляя особую энергію во время дворянскихъ собраній, точно молодѣя среди этихъ трудовъ и гордаго сознаніемъ того вліянія и глубокаго расположенія, которымъ неизмѣнно пользовался среди дворянъ и земцевъ.

Не было видно и высокой, благородной и красивой фигуры милаго, но вѣчно разсѣяннаго князя Бориса Александровича Васильчикова, котораго дворяне вполнѣ оцѣнили только тогда, когда онъ ушелъ, и когда на прощальномъ обѣдѣ одинъ изъ его прежнихъ враговъ, земскій начальникъ Норманскій, громогласно сознался въ своей неправотѣ, перечисливъ всѣ благодѣянія князя по отношенію ко многимъ бѣднымъ и нуждавшимся дворянамъ.

И только громадная фигура предсѣдателя Государственной Думы Михаила Владимировича Родзянко по прежнему красовалась среди дворянъ и его могучій голосъ, подкрѣпленный увѣренностью и самодовольствомъ своего положеня, неоднократно раздавался во время собранія. Онъ былъ счастливъ и своимъ положеніемъ, и поклоненіемъ ему новгородцевъ, и счастливъ своей семьей, которая вся сопровождала его на выборы.

Въ одномъ изъ томовъ Архива Русской Революціи,

я прочелъ прекрасное и сильное письмо Великаго Князя Александра Михайловича Государю Николаю II, къ сожалѣнію, какъ и многія другія правдивыя письма, не встрѣтившее отголоска въ измученной и, вѣроятно, уже извѣрившейся Царской души. И въ этомъ письмѣ Александръ Михайловичъ ссылался на откровенное и смѣлое мнѣніе новгородскихъ дворянъ, предостерегавшихъ Царя отъ грядущихъ опасностей.

На дворянскомъ собраніи и мнѣ пришлось говорить; рѣчи своей, я, конечно, не помню, но одна фраза у меня запечатлѣлась: «Россія наканунѣ великихъ событій, совершается переломъ бытія», но, повторяю, хотя я и понималъ, и чувствовалъ, что такъ продолжаться не можетъ, все же не предполагалъ и былъ далекъ отъ мысли, что черезъ мѣсяцъ вспыхнетъ революція.

И вотъ теперь, съ грустью вспоминая все это, хочется забыться, найти отвѣты на томящіе душу мучительные вопросы и найти успокоеніе въ исторической сѣдинѣ вѣковъ. Но, если вдуматься, когда же на Руси жилось спокойно и хорошо? Развѣ только послѣ освобожденія крестьянъ, вся Россія тогда помолодѣла подъ вліяніемъ великихъ реформъ Царя-Освободителя и начинала воскресать. И то при Александрѣ II жилось хорошо послѣ 1862 до 1878 года, а, наоборотъ, послѣ освободительной войны, внутреннія смуты и частыя покушенія на Государя и связанныя съ ними значительныя стѣсненія омрачали послѣдніе годы ЕГО славнаго царствованія. Первые два года при Императорѣ Александрѣ III было тревожно, но съ весны 1881-го года наступило успокоеніе и Россія процвѣтала подъ Могучимъ Скипетромъ Царя-Миротворца и первые годы царствованія Николая II-го

миръ и тишина еще продолжались въ Россіи. Но вѣдь это все, въ сравненіи съ исторіей Россійскаго Государства, такъ сказать, капля въ морѣ, а обернитесь въ далекое, древнее прошлое: то удѣльныя распри и вѣчныя неурядицы; татарская неволя и татарскіе набѣги, продолжавшіеся до Царя Бориса Годунова и даже бывавшіе еще вначалѣ царствованія Романовыхъ; потомъ самозванцы и лихолѣтіе, затѣмъ разбойники и бунты, и войны, войны — безъ конца.

Петръ могучей рукой сдвинулъ Россію и надъ ней начинала всходить Великая Заря. Но только сомкнулись его грозные очи, пошли опять раздоры, споры и ссоры и борьба за престолъ и за власть, за положеніе и богатство, словомъ, борьба безъ конца.

Кто изъ Романовыхъ умеръ своей смертью? Очень немногіе. А Александръ I, который умеръ своей смертью, вѣдь до сихъ поръ неизвѣстно, когда онъ умеръ и гдѣ онъ умеръ.

По поводу легенды о таинственномъ его исчезновеніи изъ Таганрога и появленіи позднѣе въ Сибири подъ именемъ Феодора Кузьмича, будучи въ 1917 году на Валаамѣ, мнѣ пришлось слышать отъ милаго Григорія Львовича Милорадовича нижеслѣдующее и этотъ разсказъ, мнѣ сообщенный при свидѣтелѣ, оставлю на совѣсти, нынѣ покойнаго, Григорія Львовича.

Года за три до великой войны была образована комиссія, подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Николая Михайловича, долгіе годы занимавшагося вопросомъ о выясненіи кто-же именно былъ старецъ Феодоръ Кузьмичъ. И членомъ этой комиссіи отъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ былъ Милорадовичъ. Подробности его разсказа я, къ сожалѣнію,

уже не помню, но суть мнѣ твердо врѣзалась въ головѣ. Комиссія установила, что Императоръ Николай I былъ въ постоянной перепискѣ со старцемъ Феодоромъ Кузьмичемъ, и переписка велась секретнымъ шифромъ, ключъ къ которому, послѣ долгихъ розысковъ, былъ найденъ въ одномъ изъ секретнѣйшихъ фамильныхъ хранилищъ. Кромѣ того, опросомъ многихъ лицъ былъ установленъ фактъ, что старцу Феодору Кузьмичу было заранѣе извѣстно мѣстопребываніе Императора. Такъ однажды, молодую дѣвушку, просившую о помилованіи брата, онъ направилъ въ Кіевъ, сказавъ когда именно тамъ будетъ Государь, и объяснилъ ей что она должна стать на колѣни при проѣздѣ Царя по Крещатику и, положивъ прошеніе себѣ на голову, сказать Государю, что она послана Феодоромъ Кузьмичемъ.

Точно также было установлено, что не только въ этомъ случаѣ, но и всѣ ходатайства Феодора Кузьмича постоянно уважались Императоромъ Николаемъ I. Кромѣ того опросомъ нѣкоторыхъ жителей города Томска и знавшихъ, если не семью старца, то его современниковъ, была установлена тождественность или, по крайней мѣрѣ, большое сходство Феодора Кузьмича съ Александромъ I: тѣ же больныя ноги, то же стремленіе быть окруженнымъ молодыми лицами.

Затѣмъ былъ еще слѣдующій очень любопытный фактъ: покойный главный начальникъ тюремнаго управленія Михаилъ Николаевичъ Галкинъ-Врасскій, человѣкъ весьма уважаемый и почтенный, долго путешествовавшій по Сибири для подробнаго ознакомленія съ мѣстами заключенія и ссылки, убѣдился въ глубокомъ уваженіи, которымъ была окружена личность покойнаго старца Феодора Кузьмича и, при

своемъ докладѣ Императору Александру III, сказалъ, что какъ въ Томскѣ, такъ и въ другихъ городахъ Западной Сибири Феодора Кузьмича почитаютъ за Императора Александра I.

Александръ III внимательно выслушалъ и молча указалъ Галкину на стѣну надъ письменнымъ столомъ, гдѣ висѣли фамильные портреты и среди нихъ портретъ старца Феодора Кузмича.

Результаты трудовъ и изслѣдованія комиссіи были подробно доложены Императору Николаю II и предстояло рѣшить, объявить ли это всенародно, и тогда тѣло старца перенести изъ Томска въ Царскую усыпальницу, т.е. въ Петропавловскій соборъ, и вырыть погребеннаго тамъ неизвѣстнаго солдата, или оставить все это втунѣ, не мѣняя оффиціальныхъ данныхъ, что Александръ I скончался въ 1825 году въ Таганрогѣ. Государь предпочелъ послѣднее и, по порученію комиссіи Великій Князь Николай Михайловичъ изложилъ вкратцѣ для печати данныя, добытыя комиссіей, и по желанію Государя, сдѣлалъ заключеніе, хотя и не соотвѣтствовавшее этимъ даннымъ, но проливавшее свѣтъ на эту исторію. Такое рѣшеніе очень грустно, ибо, въ противномъ случаѣ, двойственная личность Александра I предстала бы въ совершенно другомъ свѣтѣ.

Затѣмъ въ 1920 году большевиками были вскрыты всѣ Императорскія гробницы и потревожены царскіе останки и, по напечатаннымъ ими свѣдѣніямъ, гробъ Императора Александра I оказался пустымъ.

Да, изъ Романовыхъ очень немногіе умерли своею смертью. Но такого ужаса, такого позора и разгрома еще никогда не переживала Россія...

И хочется мнѣ, новгородцу, найти разгадку,

найти отвѣтъ на мои душевныя переживанія и сомнѣнія на мою безъисходную печаль въ новгородской исторіи; но и тамъ туманно и жестоко: Новгородское вѣче, раздоры и казни, покореніе Новгорода и кровь, кровь; настолько много крови было, что и Волховъ, по преданіямъ, до сихъ поръ оттого не замерзаетъ.

Взываю я тогда къ святителямъ, за что же всѣ эти страданія, къ чему всѣ эти грѣхи? И только изъ старины новгородскихъ вѣковъ встаетъ передо мною одно сказаніе, которое, можетъ быть, хотя немного, объяснитъ намъ всѣмъ причину страданій и царскихъ, и нашихъ.

Въ 12 вѣкѣ (если не ошибаюсь,) жилъ и подвизался около Новгорода, Преподобный Варлаамій Хутынскій; это было во времена новгородскихъ раздоровъ, когда въ Новгородѣ царствовало вѣче, когда Софійская сторона вѣчно спорила съ Торговой стороной, а виновныхъ зачастую казнили на самомъ Волховскомъ мосту. Однажды Преподобный Варлаамій шелъ по мосту какъ разъ въ то время, когда новгородцы вели на казнь отъявленнаго вора и разбойника. И Преподобный сталъ ихъ упрашивать отпустить ему этого вора. И какъ новгородцы ни убѣждали Преподобнаго, что осужденный пропащій человѣкъ, Варлаамій все же настойчиво просилъ ихъ отпустить вора и отдать ему. И во вниманіе къ просьбѣ Преподобнаго, котораго новгородцы и при жизни глубоко чтили и уважали, вора отпустили. Проходитъ затѣмъ нѣкоторое время, опять Преподобный Варлаамій случился на мосту, когда вновь вели на казнь, но уже почтеннаго человѣка, павшаго лишь жертвой новгородскихъ распрей и тогдашней политической борьбы.

И осужденный, чувствуя свою невинность и не-

справедливость жестокаго и суроваго приговора, сталъ умолять Преподобнаго его спасти и избавить отъ мученической казни. Но Варлаамій молчалъ и, какъ будто не обращая вниманія на его просьбу, продолжалъ свой путь. Тогда нѣкоторые люди, сопровождавшіе осужденнаго, удивленные молчаніемъ и безучастіемъ Преподобнаго къ судьбѣ осужденнаго, сказали святому:«какъ, еще недавно ты спасъ отъ смерти отъявленнаго негодяя, а этого хорошаго человѣка не хочешь спасти, не хочешь заступиться за него?»

И Преподобный Варлаамій отвѣтилъ: «Да я заступился за вора, потому что онъ былъ не готовъ къ смерти, а надо было очистить его отъ грѣховъ и приготовить къ вѣчной жизни. А этотъ человѣкъ чистый, онъ всей своей жизнью заслужилъ вѣчную жизнь и приготовился къ ней. Его спасать не для чего, ибо счастье тамъ, на небѣ, а не на грѣшной землѣ.»

Это простое, но мудрое сказаніе повѣдала мнѣ недавно одна чудная, искренняя русская женщина, одна изъ тѣхъ одухотворенныхъ женщинъ, стремящихся къ правдѣ, болѣвшихъ и болѣющихъ душой за наши неурядицы. И въ своемъ благородномъ, чистомъ, сердечномъ порывѣ, къ исканіи блага для родины, она была своевременно не понята и даже осуждена. Зная ея благородство и скромность, я ее не назову. Богъ видитъ ея душу и знаетъ ея сердце, и я ее, свѣтскую, прежде богатую женщину, а теперь съ удивительнымъ христіанскимъ смиреніемъ, кротостью и стойкостью переносящую свои бѣдствія, причисляю къ чистымъ,душевнымъ людямъ и на ней закончу свои воспоминанія. Не въ страданіи и лишеніяхъ

святость, а въ смиренiи, терпѣнiи и умѣнiи безропотно ихъ переносить.

Будемъ же вѣрить, что и страданiя не только этой русской женщины, но и всѣхъ невинныхъ мучениковъ, погибшихъ за время революцiи, а также и страданiя, и убiенiе Царской Семьи нужны были не для нихъ, но нужны были для спасенiя и очищенiя грѣховной Россiи и для нашего общаго просвѣтленiя, увы, до сихъ поръ еще не наступившаго.

Мракъ застилаетъ не только Россiю, мракъ застилаетъ Европу, бьющуюся какъ бы въ предсмертныхъ судорогахъ и пока не могущую и не умѣющую выйти изъ того водоворота, въ которомъ она находится съ начала великой войны. Мы опять наканунѣ великихъ событiй, но все же чуетъ мое сердце, что начинается просвѣтъ на востокѣ, и изъ всѣхъ грядущихъ событiй первой и обновленной выйдетъ наша многострадальная Россiя. Ex oriente lux!

Сибiу (Германштадтъ)
Трансильванiя, 1923.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Цѣна: 12 фр.